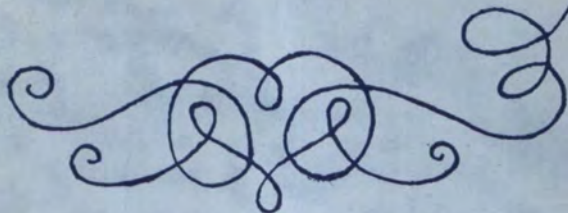

W. W. Maffett

ON THE ECHO

* YMCA-PRESS *

PARIS

Т. ТАМАНИНЪ

ОТЕЧЕСТВО

ПАРИЖЪ

**Copyright, 1933, by YMCA PRESS,
Printed in France.**

*« Qu'on s'attaque à son corps,
à son honneur, à ses biens,
à la bonne heure !
Jésus en tirera sa gloire.
Mais à son âme, non pas...
Il saura la défendre contre
le monde entier et même
contre tout l'enfer réuni. »*

*Ste-Thérèse d'Avila
(Le Château Intérieur)*

ГЛАВА I.

Послѣдніе дни, какъ стемнѣть, я зажигаю маленькую керосиновую лампу, сажусь на диванъ и играю на скрипкѣ. Это нелѣпо, потому что скрипка не доставляетъ мнѣ ни малѣйшаго удовольствія. Я едва слышу, что играю — обыкновенно какой то старый кислый вальсъ. Играю плохо, постоянно беру фальшивыя ноты, и мнѣ это тоже все равно. Лишь бы звуками всколыхнуть тишину...

Старуха сидитъ на кухнѣ впотѣмахъ. Я ей керосина не даю ни капли: у меня у самого мало, а ей гдѣ же его купить... Она дремлетъ въ темнотѣ. Я слышу, какъ она тяжело сопить. Потомъ она начнетъ пить воду изъ подъ крана, навѣрно прольетъ ковшъ, будетъ ворчать, шлепать туфлями и отдуваться, натываясь на табуретки...

Старуху мнѣ не жалко. Сколько разъ я провѣрялъ себя: жалко? Нѣтъ. Правда, я говорю ей: «Вы бы въ лѣчебницу сходили, насчетъ одышки бы вашей спросили». Я иногда ей даже дарю какую нибудь ничтожную вещьцу. Подарилъ недавно швейцарскій колокольчикъ съ Шильономъ, стѣнной градусникъ и складную удочку — говорю: «продайте». Но это лишь видимость одна. Мнѣ ее не жаль. Я знаю, она скоро умереть. Кажется, я даже думаю: когда же? Мнѣ вообще больше никого не жаль.

Сегодня я видѣлъ, какъ ломовой билъ издыхавшую лошадь. Почему то (съ Достоевскаго у насъ это повелось) подобное происшествіе якобы самое душу разди-

рающее зрѣлище. Издыхающія лошади и туберкулезные мальчишки... Это преувеличеніе. Я очень хорошо все примѣтилъ: при каждомъ ударѣ поджимались заднія ноги, переднія вытягивались, а хвостъ ползаетъ изъ стороны въ сторону. Я даже пенснэ надѣлъ и до конца бы простоялъ, да вспомнилъ, что придетъ Гнѣздинъ, онъ же «Юматовъ».

Гнѣздинъ приходитъ, садится нога на ногу и начинаетъ рассказывать о своемъ геройствѣ. Прошлый разъ онъ ночевалъ въ притонѣ на Выборгской сторонѣ, а въ коридорѣ встрѣтился съ тѣмъ человѣкомъ, который его преслѣдуетъ по пятамъ. Онъ приставилъ врагу револьверъ ко лбу — и ускользнулъ... «Четырнадцатый побѣгъ и двадцать седьмое присутствіе духа». Онъ сосчиталъ!

Гнѣздинъ глупъ, самоувѣренъ и противно хвастливъ. Онъ, навѣрное, билъ денщиковъ, не платилъ портному и щекоталъ горничныхъ. Я радъ, когда онъ уходитъ. Вообще не знаю, зачѣмъ я передаю пакеты, зачѣмъ принимаю Гнѣздина. Раньше я интересовался, спрашивалъ его, а теперь лишь жду, когда онъ вынетъ портсигаръ и угоститъ хорошей финской сигарой. Гнѣздинъ мнѣ надѣлъ и пакеты тоже. Содержанья ихъ я не знаю. Гнѣздинъ увѣряетъ, что тоже не знаетъ. «Меня это не касается. Я исполняю повелѣніе начальства» — и онъ щелкаетъ несуществующими шпорами.

Сегодня онъ сказалъ мнѣ: «Вы двадцать пятое звено изъ шестидесяти четырехъ. Помните одно: если двадцать четвертое — я, или двадцать шестое — та, на Надеждинской, попадемся, вы должны «выходить».

Цѣпь изъ шестидесяти четырехъ... какъ это глупо! Можетъ быть, и не глупо, но мнѣ ни звеньевъ, ни цѣпей сейчасъ не нужно.

Я цѣлый день лежу и курю махорку. У меня глаза уже болятъ отъ дыма. Потомъ я иду къ Софѣ. Послѣ нашего развода я съ ней не видался, но потомъ, когда

началось дѣло съ «цѣпью», сталъ бывать. Она замужемъ и очень близка сейчасъ къ властямъ. Софья болтлива и по-бабьи добра: покупаетъ мои вещи, платитъ наличными и не торгуется. Я хожу къ ней только изъ-за вещей. Въ «цѣпи» говорю, что Софья мнѣ ничего не сообщаетъ. Это вѣрно, потому что я ее теперь ни о чемъ и не спрашиваю. Но я никогда, ни разу, у нея не пилъ, не ѣлъ — это тоже вѣрно.

Если не къ Софѣ, я хожу на Воскресенскую набережную. Тамъ воздуху много, и людей не видно. Я очень радъ, когда людей нѣтъ. Люди говорятъ и двигаются всегда съ цѣлью: въ домъ, на службу, въ лавку, изъ лавки на трамвай... а эта способность сознавать цѣли и погубить человѣчество.

На набережной я сажусь на заваленку закованнаго дома, неподалеку отъ городской водоканализации. Кругомъ ни души. Трава желтая. Булыжники пыльные. Барки по поясъ затонули, пристани тоже. Нева плыветъ широченная. Въ небѣ пусто... Я сижу и тросточкой постукиваю по камнямъ. Тросточку я въ шестнадцатомъ году въ Москвѣ купилъ. Набалдашникъ — голая нимфа. Когда на трость опираешься, — вся нимфа въ рукѣ. Вотъ мы съ нимфой и сидимъ до сумерекъ... потомъ — домой.

Я сплю плохо, просыпаюсь часто, курю. Софья вчера сказала: «У тебя видъ странный какой-то... Здоровъ?» — «Здоровъ, Соничка», Такъ и сказалъ: «Соничка», — нарочно сказалъ, потому что она мнѣ совсѣмъ чужая стала. Софья покраснѣла и притворно засмѣялась: «Глупости какія...»

Да, я здоровъ, то-есть, конечно, какъ всѣ — не совсѣмъ. Я ѣмъ, голоднымъ не бываю. Когда исторію революціи писать будутъ, непременно выйдетъ такъ, что всѣ были несчастны и умирали съ голоду, всѣ, до послѣдняго. Это невѣрно. Я не умиралъ и больнымъ тогда не былъ, но я хотѣлъ быть очень-очень больнымъ. Сколько разъ

я думалъ: хорошо бы — жаръ. Въ жару образы вьются, путаница и чушь, а дѣйствительности нѣтъ. Я умереть не хочу, но чтобы — помутненное сознание... Умирать я не желаю, это несомнѣнно, но когда я думаю, что же я буду дѣлать, если вдругъ все по-старому будетъ — правдо, не знаю. Надо будетъ должность искать, опять всѣ старыя рукописи вытащить. Я работенку на дипломное сочинение написалъ: «О налогахъ по кодексу Юстиніана», страницъ семьдесятъ печатныхъ бы вышло. Только вчера я ее сжегъ, и не то что изъ нужды печку растопить (я печку старыми газетами растапливаю), а просто сѣлъ вчера передъ плитой — и конецъ! Да, службу надо было бы достать, ну, въ гости ходить бы, въ театры, на дачу бы ѣздить, женился... Я бы могъ въ учителя пристроиться или въ чиновники какого-нибудь министерства, а можетъ быть, и въ помощники присяжнаго повѣреннаго. Для всякаго общественнаго дѣла нужно честолюбіе. Когда я о «налогахъ» писалъ, я, правда, мечталъ о профессурѣ: какъ студенты ко мнѣ въ аудиторію набьются и, вытянувъ шею, слушать будутъ, слова не проронятъ. Ну, а теперь никому знаній своихъ отдавать я не желаю. Пусть каждый самъ надъ книгами голову ломаетъ.

А все-таки умерать я не хочу...

Сознаю ясно — въ послѣдней точкѣ дѣло, той послѣдней точкѣ, когда глаза подъ лобъ закатываются. Мысль объ этой секундѣ мнѣ невыносима...

Вчера на дворѣ встрѣтилъ Фонарева. Онъ съ мѣсяцъ, какъ въ домъ переѣхалъ. Разбитной, чубъ изъ-подъ военной фуражки, зубы бѣлые — весь такъ и играетъ отъ власти. Я къ нему на квартиру какъ-то разъ по телефону звонить ходилъ, тутъ-то онъ и узналъ, что Соня мнѣ свой человекъ. Съ тѣхъ поръ любезности всякія и пошли. Вчера — приглашение: на пирогъ именинный, въ воскресенье. Я отвѣтилъ: «благодарю васъ, ничего не имѣю противъ», а вечеромъ старуха мнѣ сказала, и ее

звали — посуду мыть. «Дарья ихъ приходила, говорить: подсоби, бабушка... Я ей и говорю: развѣ тебя, Дашенька, пожалѣю, а то я вѣдь всю свою жизнь только послѣ господъ убирала, и хлѣбъ-соль твоихъ хлюстовъ мнѣ и въ горло не пойдетъ...»

Старуха къ Пасхѣ, какъ кирпичъ на голову, мнѣ свалилась. Въ комитетѣ заявили: «берите ее, вась никакая протекція не спасетъ, иначе почтальонъ съ семьей изъ тридцать перваго вѣдетъ, а у него жена къ Петрову дню родить, вамъ же возня». Такъ она и вѣхала.

Живемъ мы съ ней пятый мѣсяцъ, и она все свое... Какъ она у господъ своихъ служила, какъ ее, полумертвую отъ страха, на возу, подъ сѣномъ, сердобольный кузнецъ на станцію привезъ, какъ вся княжеская семья безслѣдно исчезла... Разъ двадцать мнѣ это рассказывала.

Я тоже раньше, какъ старуха, за прошлое хватался и къ сердцу все принималъ. Случалось, ночей не спалъ, мучился, бѣгалъ къ свѣдущимъ людямъ, спрашивалъ — какъ быть? Спасать Россію все хотѣлъ.

Вотъ невидаль — государство! Ихъ въ исторіи были сотни, и всѣ въ свой часъ проваливались. Не все ли равно — человѣку ли конецъ, народу ли? Конечно, я никому этого не говорю. Внѣшне я — какъ всѣ; даже словъ иногда не подберу, до того обо всемъ рѣзко отзываюсь. Но только это ложь. Мнѣ всѣ люди одинаково, математически-тождественно, безразличны стали. Я даже на обликъ человѣческій безъ скуки смотрѣть не могу. Настоящаго, злющаго отвращенія у меня нѣтъ, а лишь скука, но какая-то особенная.

Раньше я другой былъ. Все меня въ жизни, точно огнемъ, обжигало. Я чуть не застрѣлился, когда Софья мнѣ про своего инженера сказала, и не потому, что я Софью такъ ужъ любилъ, а потому что очень я въ нее вѣрилъ. А она все это затѣяла, когда я въ самомъ пеклѣ, на Стыри, съ отрядомъ сидѣлъ. Тогда меня моро-

зомъ и хватило. Потомъ эти событія барабанныя меня закрутили-закрутили, я въ «цѣпъ» ввязался, полный шкапъ ружей хранилъ, шифромъ съ Гельсингфорсомъ переписывался и всячески себя взвинчивалъ. Начитаюсь Толстого, Тургенева, французовъ, стиховъ всякихъ — и опять по «цѣпнымъ» дѣламъ. Потомъ книги бросилъ.

Выдумывать про красоту и добро не велика хитрость, а вотъ, если бы кто изобразилъ людей, что сейчасъ въ трамваяхъ тискаются, я бы согласился, что онъ человѣка знаетъ.

Ничего писатели не знаютъ. До человѣка разъ въ 300 лѣтъ, пожалуй, докопаться можно. Подержали бы вы Карлейля среди насъ годикъ, онъ бы понялъ, что за штука человѣкъ. Я-то ужъ это знаю. Теперь я этимъ добродѣтельнымъ писателямъ, европейскимъ умникамъ, особенно нашимъ русскимъ лгунишкамъ, хотѣлъ бы въ лицо плюнуть. Я знаю, что на днѣ-то человѣка лежитъ...

Всѣ люди въ голомъ видѣ одинаковы, потому что изволятъ жить хотѣть. Все въ пыль и прахъ разнесутъ, а въ гробъ лѣзть не соглашаются. И Карлейль не согласится, повѣрьте, только никогда не признается, а пригрозите ему ногомъ — побѣжитъ зайцемъ, да и Карлейля въ ту минуту не будетъ, а будетъ просто длинноногій. сухопарый англичанинъ, который умирать не желаетъ.

Вотъ, когда люди и стали мнѣ математически-тождественны, и когда я жалѣть ихъ пересталъ. Кромѣ инстинкта жизни ничего, въ сущности, неразложимаго нѣтъ. Гнѣздинъ — Фонаревъ — старуха — Софья... — суть въ нихъ одна, и что въ «цѣпи», что съ Фонаревымъ — безразлично, если до глубины докопаться.

Вотъ и Софья тоже. Пришла ко мнѣ сегодня сама впервые. «Я къ тебѣ зашла насчетъ шубы... Завтра же мнѣ ее доставь, если продавать рѣшилъ». Говоритъ и охорашивается, перчатки, ужъ и безъ того натянутыя, еще натягиваетъ, потомъ къ зеркалу подошла — не

то развязать вуаль, не то завязать, — потомъ пить попросила.

Мнѣ сразу ясно, это потому, что я ее «Соничкой» назвалъ: она ко мнѣ, какъ гусь на просо, нынче и пришла.

Я женщинѣ теперь насквозь вижу. За этотъ годъ я ихъ не одну приманилъ — и всѣ, какъ одна, даже съ перчатками одинаково у нихъ выходить, и пить почему-то просятъ. Только съ Софьей мнѣ вдругъ неприятно стало изъ-за прошлаго, да и противна она мнѣ теперь...

Я бы такъ прямо объ этомъ и сказалъ, но я о шубѣ вспомнилъ и руку ей ни къ селу ни къ городу поцѣловалъ. Софья вспыхнула и, какъ тогда, притворно засмѣялась. «Теперь это неумѣсто, Алексѣй Павловичъ...» — «Ужъ очень я радъ, что ты пришла».

Такъ мы съ полчаса просидѣли. Я и вида не показавъ, что про нее думаю. Онѣ, вѣдь, всѣ, когда сами-то приходятъ, обидчивы очень, если безъ надежды-то ихъ отпустить. Я, кажется, и лишняго ей наговорилъ — она и такъ съ шубой постаралась бы — только я подумалъ: надежнѣе, если наговорить.

Вообще, мнѣ теперь съ женщинами легко. Но я для удовольствія выбираю маленькихъ и рыжихъ и не люблю, когда онѣ пахнутъ духами, а чтобы — теплой чистотой... Вотъ мадамъ Фонарева — рыженькая. Я ее на дворѣ давно примѣтилъ. Когда Фонаревъ меня приглашалъ, я о женѣ его подумалъ, что у меня съ ней что-нибудь «выйдетъ»...

Ахъ, эта тонкая ниточка, что изъ всѣхъ спаленъ вьется и весь міръ паутинкой оплетаетъ! Давайте говорить на чистоту. Долгъ, женская честь, «не прелюбы», клятвы, обязанности семейныя — трескотня одна. Женщины не лучше мужчинъ. Мартышки — всѣ ваши супруги вѣрныя, вдовы неутѣшныя, дѣвы непорочныя.... Да никогда правды онѣ вамъ не скажутъ. Можетъ быть, и

себѣ-то эти Лукреціи только разъ въ жизни правду сказать не побоятся. Бьюсь объ закладъ: если Карлейль, при непріятной встрѣчѣ темной ночью, стрѣлой пустится, любая Лукреція, при пріятной встрѣчѣ, въ мартышку превращается. Потому что вездѣ одинъ законъ, и дѣло лишь въ оказіи.

Софья ушла довольная. Спускаясь по лѣстницѣ, все головой кивала. Когда уже до перваго этажа спустилась, я ей въ клѣтку крикнулъ: «Про шубу-то не забудь».

Потомъ я долго сидѣлъ и думалъ, до вечера бы просидѣлъ, да старуха изъ лѣчебницы вернулась.

Она смѣшная. Какъ на народъ итти, до сихъ поръ рваную наколку нацѣпляетъ и тальму, гдѣ бисеру-то осталось полторы звѣздочки, щеткой чистюжить.

— Докторъ мнѣ сказалъ, что водяная у меня началась, — просто и дѣловито объявила она и впервые сама, безъ приглашенья, въ кресло у стола сѣла, рукой желтой, опухшей, край его поглаживаетъ.

«Значить — къ Рождеству...» рѣшилъ я.

— Такъ что жить мнѣ теперь, Алексѣй Павлычъ, уже недолго...

Тутъ я ей какую-то чушь сказалъ, ужъ я не помню, кажется, что она меня переживетъ. А она все не уходитъ, по краю рукой водить и о чемъ-то думаетъ.

— Я нынче сонъ, Алексѣй Павлычъ, видѣла прелестный... — вдругъ слабымъ голосомъ заговорила она. — Будто мы съ княгиней-покойницей на тройкѣ полями ѣдемъ. Тепло... солнышко... лѣто красное! Рожь спѣлая-то спѣлая, высокая-то высокая — колосья по вѣтру стелятся, намъ кланяются, почтительно такъ спинки гнутъ. На межахъ пчелы вьются, въ поднебесьи птицы игры играютъ... Княгинюшка сидитъ, ну какъ живая! Сѣрый пыльникъ, синій зонтикъ и шляпа съ бордовыми лентами. «Мы, говоритъ, Полина Карповна, сейчасъ князя увидимъ». А мнѣ это точно и невдомекъ, все я ищу что-то, потерю

какую, по сторонамъ гляжу, руками вокругъ себя шарю... И вдругъ... глазамъ не вѣрю! Господи! Сундучокъ-то мой со всѣмъ моимъ добромъ, что мужики силой-угрозой тогда утащили, у кучера въ ногахъ — цѣлехонекъ! Не успѣла я отъ радости опомниться, ужъ и монастырь видать, смотрю — и диву даюсь... Генераль, красавецъ-то нашъ, на холмѣ стоитъ, орденами, звѣздами сверкаетъ, бѣлыми перчаточками встрѣчу машетъ!... А княгиня мнѣ тутъ и говоритъ тихо-тихо такъ: «пріѣхали, Полина Карповна. Слышишь, въ колоколь ударили? Тебя встрѣчаютъ». Тутъ я и пробудилась... И вѣрно: колоколь, да только у насъ, у Спаса Преображенья, къ утрени...

Старуха сидитъ, въ креслѣ развалилась, будто ей теперь все нипочемъ. Лицо у нея темное, вѣщее, и говоритъ она, словно бредитъ. Мнѣ почему-то непріятно съ ней стало, и я началъ рассказывать про шубу. Она и не слушаетъ, — всхлипнула и поплелась на кухню.

Ей хоть міръ въ щепки, она о своемъ, о прошломъ. У ней, по-моему, никакого анализа нѣтъ. Кто ее пригрѣлъ, подъ крыло взялъ — и ладно, тому она до могилы и вѣрна. Вотъ отъ этой глупой вѣрности и погибнетъ. Я, вѣдь, знаю, что тамъ за пазухой, въ тряпкѣ, второй годъ она прячетъ... Проговорилась мнѣ, а ей это водянки стоитъ, она еще годика два бы протянула.

На утро (самъ не знаю, какъ это вышло) я старухѣ кое-чего изъ шкапа отсыпалъ. Говорю ей: «не хотите ли? Лишнее у меня кое-что есть». Она даже не поблагодарила, а руками всплеснула и за кулекъ ухватилась.

Я сейчасъ же изъ дому ушелъ — шубу понесъ, отдалъ ее кухаркѣ, а про Софью не спросилъ даже, дома ли. Выйдя отъ Софьи, свернулъ на Гороховую и всю ее прошагалъ до Александровскаго сада.

Я теперь по улицѣ когда иду, гляжу себѣ подъ ноги, не люблю смотрѣть на прохожихъ; если кто на дорогѣ стоитъ, обхожу стороною, чтобы не толкнуть, не прикос-

нуться. Я такъ мальчиномъ ящерицъ въ лѣсу боялся: идешь бывало, подѣ ноги смотришь, кочки, дырки подозрительныя обходишь.

Въ Александровскомъ саду я на лавочку сѣлъ и тоже ни на кого не смотрѣлъ. Пыльно въ Александровскомъ саду. Трамваи сипятъ, людскія ноги кругомъ шаркаютъ, трава истоптанная, коричневая, листья сѣдые отъ пыли и лавка шаткая. А солнце такъ и поливаетъ, такъ и поливаетъ...

Я на лавкѣ, думаю, часа два просидѣлъ. Теперь всегда такъ: сяду отдохнуть — о времени забуду, начну чай пить — часа полтора просижу. У меня старуха изъ головы не выходитъ. Если она умереть такъ просто согласилась, это отъ старости, — естественное отмираніе по Мечникову. Только почему ладонку не распоретъ? Хоть бы вчера, когда изъ лѣчебницы вернулась! Нѣтъ, не распоретъ...

Не то отъ думъ, не то отъ жары, отъ шума и стука, мнѣ стало какъ-то нехорошо: томно, безпокойно. Я къ Николаевскому мосту идти собрался, разсѣяться на Невѣ хотѣлъ, но вдругъ круто повернулъ и назадъ къ Невскому зашагалъ. Ахъ эта скука мертвая, мертвящая! Какъ часто она теперь ко мнѣ подступаетъ...

Дорогой я старался думать о постороннемъ, себя уговаривалъ, что мнѣ матеріально совсѣмъ не плохо, куда лучше, чѣмъ другимъ, да и вся эта русская чепуха скоро кончится. Только не помогло.

Я свернулъ на Фонтанку, на тумбѣ у перилъ сидѣлъ, покурить, потомъ на мосту, у цирка, постоялъ; на воду смотрѣлъ, какъ солнце ее, грязную, сальную, золотить. Но мнѣ не стоялось, и я дальше заторопился. А скука моя нарастала и нарастала, превращаясь въ неизвѣданное мученіе удушливой пустотой. Отъ страха, что что мнѣ изъ этого состоянія не выйти, не сумѣть его объяснить, я пришелъ въ ужасное возбужденіе, почти

бѣжалъ по улицѣ, сорвавъ съ головы кепку, въ изнеможеніи отирая лобъ платкомъ... Мнѣ было не грустно, не тяжело: эти горести не хитро въ двухъ словахъ и ребенку объяснить. Нѣтъ! Я себя въ странной темнотѣ, въ зіяніи вдругъ ощутилъ, словно нити, связывавшія меня съ міромъ, сразу лопнули, и я въ какой-то неизвѣстной реальности очутился. Въ этомъ новомъ мірѣ — мое «я», только одно мое «я». Я — я — я... И это «я» трепещетъ отъ ужаса, знаетъ, что ни при какихъ условіяхъ умереть оно сейчасъ не согласится, будетъ кричать, лгать, убьетъ, удавитъ, пойдетъ на все, но огня упорного біологическаго существованія загасить въ себѣ не въ силахъ...

Я добѣжалъ до Невы, задыхаясь прислонился къ паплету. Что со мною? Что со мною?.. Хотя бы ничего сейчасъ не ощущать, не помнить, не знать! Но именно тутъ-то я и ощутилъ и понялъ съ тонкой мукой яснаго сознанія, что изъ человѣческаго круга выскальзываю и въ иную, уже не человѣческую, категорію вступаю; то-есть, я хочу, соглашусь жить цѣной всего, даже отреченія отъ своего человѣческаго званія... Пусть тамъ ученые врутъ, что раздѣленіе существъ опредѣлено разъ и навсегда. Я-то знаю, что все подвижно. Съ пламенемъ жизни вы ничего подѣлать не можете, изъ него вамъ не выскочить. И не вы это рѣшаете — что-то за васъ въ вашемъ тѣлѣ. Люди преглупо всѣхъ на одну гряду сажаютъ, всѣхъ одинаковыми считаютъ. Человѣкъ.... человечество... Пора бы условиться, кого какъ называть; страхъ смерти не опредѣлитъ категорію. Кто соглашается умирать, тотъ пусть человѣкомъ и называется, а кто на все безстрашно пойдетъ, лишь бы жить, тому придумайте другое наименованіе. Это и не животное (неточность допускать нельзя, зоологическую классификацію портить не годится: признаки внѣшніе не совпадутъ), но это и не человѣкъ. Я знаю, что я не одинъ. А если и чувствую себя одино-

кимъ, то просто потому, что ни съ кѣмъ по поводу этого не разговаривалъ. На съ сотни миллионъ, и мы, собственно говоря, всю всемирную исторію и дѣлаемъ. Мы весь земной шаръ населяемъ. Мы не боимся жить, желать, и только трусы изъ насъ хватаются за званіе человѣка.

Когда я до этого вывода дошелъ, я сразу повеселѣлъ. Мнѣ очень мое открытіе понравилось, я даже проходившей бабѣ, въ пыльных калошахъ на босу ногу, улыбнулся. Можетъ быть, она «наша»? Навѣрно, «наша»!

Тутъ я внезапно о Фонаревѣ вспомнилъ, а также о его супругѣ, — рѣшилъ, пойду, пойду непременно, съ удовольствіемъ пойду.

Но что же со мною приключилось? Почему я сразу такъ испугался?

Въ тотъ же день, къ вечеру, я вспомнилъ, что мнѣ сегодня надо отнести пакетъ на Надеждинскую. Онъ у меня и такъ уже два дня провалялся. Пакетъ я понесъ съ тѣмъ расчетомъ, что — въ послѣдній разъ. Ходить туда я раньше не боялся, а послѣднее время всегда со страхомъ шелъ, и все непріятнѣе мнѣ было это хожденіе.

Какъ всегда, мнѣ та, блѣдная дѣвица со строгими глазами, на условный звонокъ дверь открывала. Я съ ней за всѣ свиданья, думаю, и десяти словъ не сказалъ. Откроетъ она обычно дверь, протянетъ небрежно руку, возьметъ пакетъ и кивнетъ головой молча, точно какому-нибудь телеграфисту. Иногда два слова скажетъ — и щелкнетъ дверью передъ самымъ носомъ. Я не разъ думалъ, что такъ встрѣчать отвѣтственное лицо нехорошо, даже безсовѣстно. Нынче она мнѣ отворила и шопотомъ повелительно сказала:

— Внизу обыскъ, войдите, переждите.

Я очень испугался, въ кухню такъ и бросился. Она пристально посмотрѣла на меня и пояснила:

— Тамъ пустяки — изъ-за керосина.

Указала мнѣ рукой на табуретку и пошла съ пакетомъ въ комнаты.

Я одинъ въ кухнѣ остался, сѣлъ, закурилъ, но страхъ не проходилъ... Никогда еще я такъ не трусилъ — только и мыслей было: скорѣй-скорѣй вонъ, и никогда больше сюда не приходить. Она сказала: «керосинъ», а почему я подробнѣе не спросилъ? Можетъ быть, теперь то и время прошмыгнуть? И почему гордая дѣвица меня одного оставила?

Я по кухнѣ прошелся, ожидалъ — она на мои шаги выйдетъ, но она и не подумала. Я такъ съ полчаса просидѣлъ. Кругомъ — тишина, лишь изъ крана вода капаетъ... Я курилъ и въ сѣрое окошко на крыши, на трубы глядѣлъ, пока до черноты не стемнѣло. Лишь тутъ дѣвица со свѣчей изъ комнатъ вышла и поставила подсвѣчникъ на плиту.

— Я пойду, я не хочу больше ждать... Можетъ быть, лучше уйти? — съ тревогой, нехорошо такъ, спросилъ я.

— Нѣтъ, подождите. «Они» сейчасъ уйдутъ. Изъ тѣхъ комнатъ видно.

И она опять прямо, непріятно прямо, посмотрѣла на меня.

Лицо у нея строгое, очень блѣдное и непонятное какое-то: не то она васъ насквозь видитъ, не то и видѣть васъ вовсе не желаетъ.

Я бы такъ и рѣшилъ: чортъ ее знаетъ, что она про себя думаетъ! — да она вдругъ тихо, но твердо сказала:

— Не бойтесь, они тамъ не въ первый разъ — обыщутъ и уйдутъ.

Мнѣ непріятно было, что она мой страхъ замѣтила. Я о «керосинѣ» и не заикнулся, но мнѣ хотѣлось ее увѣрить, что я ничего не боюсь, иначе работать въ отвѣственномъ и рискованномъ дѣлѣ не могъ бы, но сказать этого не успѣлъ.

— Я сегодня въ послѣдній разъ передачу принимаю,

— сказала она, — вы будете теперь имѣть дѣло съ другимъ лицомъ и на другой квартирѣ. Васъ своевременно оповѣстятъ.

— Изъ «цѣпи» выходите? — обрадовался я. — Я тоже въ послѣдній разъ — надоѣло! Рискуешь головой, а тамъ, въ Гельсингфорсѣ, безтолочь одна...

Она ничего не отвѣтила, сѣла на табуретку, въ темнотѣ ея рукой нащупавъ.

— Вы, навѣрно, тоже поэтому уходите? — настойчиво спросилъ я.

Я едва различалъ ее въ темнотѣ. Вся она въ черномъ, и косынка черная на голову накинута, только лицо бѣлѣетъ и руки.

— Нѣтъ, не изъ-за безтолочи въ Гельсингфорсѣ.

— Такъ почему? Почему? Или вся эта ерунда вамъ надоѣла?

Вѣроятно, я за день ужъ слишкомъ много со своими думами возился, оттого онѣ не къ мѣсту и подсунулись, а можетъ быть, я въ тѣ дни просто мѣру всему потерялъ, но только, ни съ того, ни съ сего, не дождавшись даже ея отвѣта, рѣшилъ: разъ она уходитъ, значитъ она моя единомышленница, — и этимъ открытіемъ ободренный, я заговорилъ-заговорилъ, прямо съ цѣпи сорвался.

— По-моему, прежде всего не погибнуть въ этой заворухѣ. Я къ этому заключенію пришелъ. И, знаете, всѣ такъ думаютъ, только не признаются. А мысль наша съ вами правильная: пора уходитъ. Мы боролись, пока защищались. Если бы передъ боемъ солдаты знали, что навѣрняка каждому пуля въ лобъ, непременно каждому, никто бы не двинулся; а если идутъ въ бой, значитъ, вѣра есть, вѣроятіе, расчетъ, что не я, а врагъ, либо со-сѣдъ убитъ будетъ... А если и вѣроятіе спасенія исчезаетъ, — когда навѣрняка пуля въ лобъ, понимаете? «навѣрняка», математически-точно! — тогда уже не вы, а за васъ что-то рѣшить, что вамъ тогда дѣлать, и сдѣла-

ете вы все, чтобы спастись, смѣю васъ увѣрить. Съ Гельсингфорсомъ сейчасъ «навѣрняка» пуля въ лобъ — никакихъ шансовъ! Никакихъ вѣроятій! Надо карты изъ игры брать во-время...

Я не кончила. Она вскочила и руками безпомощно всплеснула, ну, точь въ точь какъ моя старуха, когда я ей кулекъ отдавалъ.

— Что вы говорите! Что вы говорите! Развѣ въ этомъ дѣло! — совсѣмъ неожиданно для меня, горестно и пылко воскликнула она.

— Зачѣмъ же вы отъ передачъ отказываетесь, если съ жизнью разставаться — одно удовольствіе? — язвительно спросилъ я.

— Это не то, не поэтому... — быстро проговорила она. — Съ жизнью всѣмъ разставаться трудно...

— Такъ почему же уходите? — злобно повторялъ я.

Она стояла передъ мною, ухватившись руками за концы косынки.

— Я не ухожу, — тихо и съ тѣмъ же волненіемъ сказала она, — я должна скрыться изъ Петербурга сегодня же, до ночи. Мнѣ дали знать: я въ спискахъ по дѣлу Мюлена.

Я весь съежился.

«Значить, сюда въ любой моментъ постучаться могутъ, а пакетъ-то, вѣдь, я принесъ...»

У меня духъ захватило, и застучало сердце.

— Я пойду, я пойду, мнѣ пора... мнѣ невозможно, я не могу... — безпомощно лепеталъ я и заметался по всей кухнѣ, отыскивая кепку.

Она подняла свѣчу, помогая мнѣ ее найти. Кепка нашлась подъ табуреткой. Я схватилъ папиросы, спички и оглянулся на дѣвушку. Прищуривъ темные, блестящіе на свѣту глаза, вся въ желтомъ сіяніи свѣчи, она стояла посреди кухни подъ бѣлымъ кружкомъ электрическаго колпачка и молча глядѣла мнѣ прямо въ лицо. (Такъ мнѣ

она потомъ вспоминалась). И вотъ въ этотъ мигъ я подумалъ... Я никому никогда бы не признался, что такая мысль скользнула у меня въ сознаниі. Никогда! Но она скользнула, прозмѣилась, промелькнула. Если правду сказать, — да, она была... Она обѣщала, что никогда не будетъ больше минуты, какъ сейчасъ, что будетъ покой, будетъ хорошо, надежно, еще надежнѣе, чѣмъ съ Софьей, стоитъ только нынче вечеромъ разговориться кой-о-чемъ у Фонаревыхъ...

Пламя свѣчи расплылось въ маленькое солнце, въ груди колотилось сердце, я задыхался...

Я уже и ключъ повернулъ и ручку двери надавилъ, когда дѣвушка, быстро поставивъ свѣчу на плиту, бросилась ко мнѣ и удержала за рукавъ.

— Что съ вами? У васъ такое ужасное лицо... такое ужасное лицо....

Она опустила глаза. Я близко и ясно, до рѣсницъ, видѣлъ ея блѣдное лицо, сжатые губы и, несмотря на опущенныя вѣки, ея взглядъ, горестный и строгій.

— Что?.. — глухо повторилъ я.

Секунду мы молчали. Она подняла на меня глаза.

— Смотрите, не предайте насъ...

Мнѣ слѣдовало раскричаться: «вы оскорбляете! вы не имѣете права!..» (что-нибудь въ этомъ родѣ), или — вернуться для объясненій, но я былъ въ такомъ сумасшедшемъ возбужденіи, въ такомъ испугѣ, что безсмысленно взглянулъ на нее, даже не на нее, а поверхъ ея головы, въ темень кухни и, съ размаху толкнувъ ногою дверь, выбѣжалъ на лѣстницу. Цѣпляясь за перила, свѣшиваясь въ пролетъ, замирая на площадкахъ, спускался. Этажъ... этажъ... этажъ... дворъ... ворота... улица. Только въ концѣ ея, уже за угломъ, на Литейномъ, вспомнилъ.

Трусомъ я никогда не былъ. Я два года воевалъ, я Георгія имѣлъ и, первое время, когда въ «цѣпь» вошелъ,

тоже всѣхъ отвагой удивлялъ. Страхъ подкрался неизвѣстно откуда и сегодня обвинилъ меня всего, удушая въ темныхъ, скользкихъ своихъ кольцахъ...

Когда я на Литейномъ себя въ безопасности почувствовалъ, — сразу повеселѣлъ, сейчасъ же папирсъ у дѣвченки купилъ и переплатилъ ей чего-то лишняго. Непріятность на Надеждинской — не бѣда. Какъ только Гнѣздинъ пріѣдетъ, я прямо ему скажу, что меня оскорбили. Впрочемъ, тутъ же подумалъ: «Съ Гнѣздинымъ тоже лучше не встрѣчаться. Можно къ Шкареву пойти и велѣть ему передать кому надо, чтобы ко мнѣ никто сейчасъ не совался, можно предлоги хорошіе выдумать». Но какъ она посмѣла! И какъ глупо я ей все болталъ! Я ужасно болтливымъ сталъ. Иногда къ знакомымъ зайду и все говорю-говорю, раза по два, случилось, объ одномъ и томъ же говорю. Меня ужъ останавливать стали: «Вы, Алексѣй Павловичъ, это прошлый разъ рассказывали». Болтливость меня и подвела. Хорошо, что третьяго человѣка, свидѣтеля, не было. Она одна все видѣла. Но кто же дамъ повѣрить? Никто не повѣрить.. На этомъ я успокоился.

Вернувшись домой, я сейчасъ же собрался къ Фонаревымъ. О томъ, что въ кухнѣ темной у меня мелькнуло, я позабылъ. Тамъ это, должно быть, явилось у меня отъ волненія нервнаго. Можно и такъ хорошо устроиться, если съ Софьей, съ Фонаревыми, да еще съ какими-нибудь Софьиными пріятелями сойтись...

ГЛАВА II.

Въ тотъ вечеръ мы пошли на именины къ Фонареву: старуха и я. Она — мыть посуду, а я — на пирогъ именинный. Я прифрантился, вычистилъ сапоги, вымылся, взялъ чистый носовой платокъ, прихватилъ и скрипку. Скрипкой я думалъ сразу ихъ къ себѣ расположить, у нихъ часто на піанино бренчать и пѣсни поютъ: когда форточка открыта, все слышно. На скрипку я очень надѣялся. Музыка людей связываетъ и располагаетъ въ пользу музыканта.

Когда я позвонилъ, у Фонаревыхъ уже давно пировали. Какъ только порогъ переступилъ, понялъ сразу — въ невѣдомомъ мірѣ очутился.

Соленый горячій чадъ мнѣ въ лицо ударилъ. Въ кухнѣ — грязь, пріятная, теплая, благовонная. Всюду что-то просыпано, пролито, брошено, куда попало; на подоконникѣ груды немытыхъ тарелокъ, на столѣ батарея липкихъ стакановъ. Посреди кухни сѣрый котъ картофелину катаетъ. Дарья, вся красная, разнастанная, — мука въ волосахъ, мокрый на животѣ передникъ, — мнѣ дверь отворила. Въ углу надъ лоханью — моя старуха. Я ее сразу примѣтилъ. Стоитъ блѣдная, опухшая, синеватая вѣки опустила, накладка набоку, а юбка замызганная высоко подколота, точно не вѣсть въ какую невиданную грязь попала.

Я все примѣтилъ. Я теперь вообще все примѣчать

сталъ, а полосой ничего не помню и рассказать не могу, что видѣлъ. Но тогда я замѣтилъ, что старуха въ тотъ вечеръ очень больной мнѣ показалась, да я подумалъ: это по сравненію съ красной Дарьей.

Дарья меня въ комнаты повела. На весь коридоръ гаркнула:

— Кузьма Ивановичъ, гости пришли!

Ни Фонаревъ, ни жена его не отозвались. По громкимъ голосамъ, смѣху и звону посуды судя, не до того было.

Дарья махнула мокрымъ полотенцемъ въ конецъ коридора.

— Тамъ они всѣ набившись.

Я подошелъ тихонько къ порогу и заглянулъ въ комнату. Мнѣ бы слѣдовало смѣло войти и разыскать хозяевъ, но я, какъ къ косяку со скрипкой прислонился, такъ и не двинулся. Я сразу почувствовалъ, что все здѣсь душѣ моей близко, и такъ, конечно, должно было случиться, что я къ нимъ пришелъ. Не то, чтобъ мнѣ ужъ очень понравились эти шелковые разнокалиберные пуфики, буфетъ дешевый и письменный столъ у окна, рѣзбы чудесной, и драпировки на окнахъ и дверяхъ всѣ разныя, и эти картины, чортъ знаетъ какъ подъ потолкомъ навѣшанныя, и тутъ же открытки-портреты вождей на кнопкахъ, и вся эта гогочущая застольица, среди которой я одного Фонарева и зналъ, — нѣтъ! А вотъ — то, что всѣ вещи, набитыя, какъ попало, покойно, не жалобно на меня глядѣли, точно радуясь, что никуда ихъ больше не понесутъ, не потащутъ, что онѣ крѣпко стоятъ и висятъ, съ мѣста никуда больше двигаться не желаютъ. И люди тоже ничего-то-ничего не боялись, сидѣли въ развалку, удобно, кому какъ вздумалось, и смѣялись, шумѣли въ свое удовольствіе. Мнѣ вдругъ смутно вспомнилась кухня съ плитой холодной, женскій силуэтъ въ желтомъ сіяніи свѣчи, и мой страхъ, — вся, словомъ, непріятность на Надеж-

динской... и тутъ мнѣ до того эту исторію позабыть захотѣлось, что я смѣло черезъ порогъ шагнулъ и сказалъ громко, на всю комнату:

— Добрый вечеръ, Кузьма Ивановичъ! — А когда притихли голоса, и всѣ обернулись, прибавилъ: — я скрипку съ собой принесъ, вы, я знаю, музыку любите.

Я говорилъ привѣтливо, свободно, очень развязно даже.

Фонаревъ навстрѣчу мнѣ не вскочилъ, гостямъ не представилъ. Онъ, какъ сидѣлъ, развалившись на стулѣ, — чубъ на правый глазъ, тяжелыя ноги по сторонамъ раскинуты, — такъ сидѣть и остался; но тоже удивительно привѣтливо, слегка заикаясь, по-хмѣльному, протянулъ: «эээ... сосѣдъ», и стиснулъ мою руку большой и горячей ручищей.

— Шурка! Приборъ гостю!

Изъ кольца людей выскочило что-то круглое, вазильковое, атласное и подкатилось ко мнѣ — мадамъ Фонарева! Я ее сразу узналъ: рыженькая, растрепка славная, лицо круглое, голубыя пуговики-глазки и сережки, бирюзовыя бульки, въ ушахъ. Она мнѣ гостепріимно нашла мѣстечко за столомъ, потѣснила сосѣдей, смахнула крошки со скатерти бисерной бахромой кушака, приборъ поставила.

— Какой любезный молодой человѣкъ! На скрипкѣ намъ поиграетъ. Прелесть какая!

Только тутъ я замѣтилъ, что на столѣ такъ же безпорядочно, разнокалиберно и тѣсно, какъ на кухнѣ и въ комнатѣ. Грязныя и чистыя тарелки, вилки, чашки — вперемежку; на одномъ концѣ стола еще селедкой закусывали, и супъ дымился, на другомъ — уже сладкій пирогъ ѣли и орѣхи щелкали, а на скатерти крошки, пробки, табакъ просыпанный, кожа яблочная, скорлупа ореховая... И гости тоже въ разноразной, Богъ вѣдаетъ, кто и откуда за фонаревскій столъ попалъ

Тутъ я и стриженую барышню-еврейку — изъ машинистокъ, видно, — примѣтилъ, и прыцаваго, облѣзлаго латыша, котораго Густавомъ Карловичемъ называли, и рыжаго огромнаго солдата, похожаго на околоточнаго, и его беременную гладкую, красивую бабу-молодуху въ розовой атласной распашонкѣ, и худую, высокую, какъ жердь, до ушей покрашенную женщину въ грязномъ бальномъ платьѣ, и маленькаго еврея, съ оттопыренными, неладно къ головѣ придѣланными ушами, и стройнаго юношу въ защиткѣ, съ гривой бѣлокурыхъ пыльных кудрей, и еще, на концѣ стола, кучку разбитныхъ крикуновъ-желѣзнодорожниковъ... Всѣ были разные, и всѣ на одно лицо, на то лицо, которое люди, какъ паспортъ, сейчасъ носятъ: у всѣхъ одно и то же выраженіе. Я знаю, когда это выраженіе лица людямъ дается. Я-то ужъ теперь знаю....

Но въ ту минуту, когда я ихъ глазами обвелъ, я даже имъ улыбнулся, мнѣ пріятно было, что они такъ привольно за столомъ устроились, развалились, пируютъ, и ни за что голову въ петлю совать не желаютъ. «Почему же я передъ черной дѣвицей своей законной человѣческой сущности постыдился?» И опять мнѣ вспомнилась непріятность на Надеждинской... Тутъ мадамъ Фонарева поставила передо мной полную тарелку жаркого и ко мнѣ подѣла.

— Ваше окошечко противъ нашей спальни. Знаете ли, все видать! Если бы не шторка ваша, я бы видѣла, какъ вы спать ложитесь, ей-Богу! — и она засмѣялась, такъ тряхнувъ головой, что запрыгали въ ушахъ голубыя бульки. — Чего же вы къ намъ-то прежде не жаловали? Небось, одному скучно? Ой, какъ одному мушинѣ скучно! Скучать мушинѣ не полагается, совсѣмъ даже ни къ чему...

Тутъ я нашелся и сказалъ то же самое про женщинъ, прибавивъ что-то вродѣ комплимента, — и, слово за сло-

во, слово за слово, стали мы сыпать горохъ въ мѣшокъ. Я даже повеселѣлъ, да и вина мнѣ хозяинъ налилъ. Я бы съ Фонаревой съ удовольствіемъ еще поговорилъ, но ее въ кухню позвали.

Въ тотъ вечеръ я очень много съѣлъ и пилъ вволю, и разговоръ у меня удивительно клеился. Когда къ нимъ по лѣстницѣ спускался, думалъ: не сумѣть мнѣ, вѣроятно, тонъ взять; а потомъ сразу на меня нашло, точно я на зубокъ роль заучилъ, и всѣ реплики ловко и во время подавалъ.

Фонаревъ меня черезъ столъ окликнулъ:

— А гдѣ сейчасъ Х.? — и онъ назвалъ фамилію Софьиного инженера.

Я небрежно, но все же точно разсказалъ, куда онъ и зачѣмъ уѣхалъ и когда вернется, нарочно подробности присочинилъ. (Гости на меня почтительно взглянули). Мнѣ было непріятно, конечно, что Фонаревы, видимо, про мою бѣду съ Софьей знали (навѣрно, Дарьѣ старуха разсказала), но я хитрый за послѣднее время сталъ и свою семейную непріятность себѣ же на пользу повернуть сумѣлъ. Нашелся я и когда о похоронахъ, что были на-дняхъ, заговорили. Я тутъ же вставилъ, что съ балкона всю процессію видѣлъ, и воскликнулъ — это я хорошо помню — именно не сказалъ, а воскликнулъ:

— Героическая была личность! Прямо героическая личность!

Это, разумѣется, я сказалъ тоже дипломатіи ради, потому что давно мнѣ всѣ геройства въ зубахъ навязли.

Нельзя сказать, чтобы за столомъ у Фонаревыхъ очень весело было, чтобы каламбуры сыпались, чтобы радость жизни въ нихъ фонтаномъ била, — этого не было, конечно, но шуму, визгу, крику было много, и чокались и пили за здоровье вождей, республикъ разныхъ и за свое, и за женъ по-очереди, и надъ дамами подшучивали. Особенно доставалось молодухѣ (Таничкой ее звали).

Здѣсь ужъ всего было наговорено, но Таничка лишь восхищенно и глупо озиралась, по-деревенски фыркала, не престанно утирая дѣтски-слюнявый ротъ носовымъ платкомъ.

Конечно, никому и въ голову не приходило кускомъ давиться, потому что городѣ голодъ. Этого въ нихъ не было, да, признаться, и во мнѣ не было... Всѣ пиры въ мірѣ, что до битвы на Калкѣ, что послѣ, всегда на чьихъ-нибудь костяхъ пировались, и ничего въ этомъ нѣтъ особеннаго. Татары только въ реализмъ вдались, а по существу, если вдуматься, все едино, и бояться «костей» нечего.

Мы всѣ размякли, лица отъ жары зацвѣли макомъ, глаза стали подмигивать по-пьяному. Хозяева грамфонъ завели, и загремѣлъ шальной, барабанный маршъ. И тутъ всѣмъ захотѣлось «изъ себя выйти», ну, какъ бываетъ, когда упоеніемъ, похотью тѣло нальется.

Стриженная барышня рванула съ носа пенснэ и захопала въ ладоши.

— Русскую! Русскую! Давайте плясать русскую!

Она подбѣжала къ кудрявому юношѣ, игриво заглянула ему въ глаза и спутала кудри.

— Андрюша, идемъ плясать русскую!

Андрюша взглянулъ на нее черезъ плечо.

— Отстань!

— Вы его, Дора Наумовна, не трогайте, — сказалъ рыжій солдатъ, похожій на околоточнаго, — онъ намъ диспутъ держать.

Андрюшка, дѣйствительно, навалясь грудью на столъ, съ воодушевленіемъ выкрикивалъ:

— Ты пойми, Соломонъ, ты пойми, — заплетающимъ языкомъ гудѣлъ онъ, — если такъ-то все выйдетъ, такъ вѣдь это что будетъ! Что только будетъ! Мы всѣ эти шелудивые народишки, всѣхъ этихъ грузинъ, армяшекъ, персюковъ тамъ разныхъ, всю эту чортову мелюз-

гу въ свой хороводъ возьмемъ, мы англичанъ, баръ спѣсивыхъ, въ поясъ кланяться заставимъ. Мы всю Европу взорвемъ... мы всѣхъ, всѣхъ, какъ рѣдку изъ гряды, по-выдергаемъ! Мы эдакого, эдакого наворотимъ, — земля крикнетъ. Понялъ? Нѣтъ, ты понялъ? Ты понялъ? Земля крикнетъ!

Андрюшка гремѣлъ, заглушая грамфонъ, и съ пьянымъ восторгомъ налѣзалъ на Соломона Наумыча. Кудри на лбу слиплись, на маковкѣ торчали смѣшными вихрами, выпуклые сѣрые глаза безсмысленно уставились въ густой клинышекъ бородки Соломона Наумыча.

— Какъ это «крикнетъ» у васъ выразительно! Именно — «крикнетъ»! — неожиданно для самого себя на весь столъ отчеканилъ я.

— Крикнетъ! Крикнетъ! Крик-крик-крик... — по утиному закрикала Фонарева и закружилась волчкомъ посреди комнаты, развѣвая юбки.

Захотали всѣ, и пронзительнѣе всѣхъ глупая Таничка. Одна накрашенная до висковъ женщина не улыбнулась, зябко натянула на сѣрые плечи драповое пальто и сказала вполголоса, точно сама съ собой разсудила:

— Ужъ не домой ли...

Ее била лихорадка, по лицу было видно: глаза покраснѣли, носъ бѣлый, губы запеклись. Рядомъ съ красавицей Таничкой, нарядной мадамъ Фонаревой, разбитной стриженной барышней — совсѣмъ кляча: длинная, плечи въ ямахъ, шея въ жилахъ и платье мягое, грязное (съ осыпавшимися блестками на лифѣ) — ну, совсѣмъ кляча въ попонкѣ ветхой...

Никто ее удерживать не сталъ, да и провожать не вызвался, точно и не замѣтили, что домой собралась. Фонарева уже въ дверяхъ ее нагнала и негромко распорядилась:

— Завтра утромъ заходи, Даша тебѣ чего-нибудь тамъ завяжетъ, — и тутъ же къ столу вернулась.

— А подруга-то ваша... ой-ой. — сказалъ я.

— Кровью плюетъ, — просто отвѣтила она.

Тѣ же круглые голубые пуговики-глазки пусто и свѣтло смотрѣли на меня.

— Ужъ очень фуфырилась... — наставительно прибавила она, сисясь сдвинуть несдвигающіяся брови, — важничала, въ полковницы норовила изъ хористокъ выскочить, а теперь рада бы... — она запнулась, — да подика, найди ей сейчасъ полковника! И солдатъ-то не возметь!

«Рада бы... рада бы... Хе-хе!» Я нѣсколько разъ это словечко повторилъ. «Рада бы... Ну, конечно, ей бы хоть облѣзлый Густавъ Яковлевичъ, хоть Соломонъ Наумычъ, похожій на пуделя! Рада бы, хе-хе...» Если смерть математически точна, человѣкъ сдѣлаетъ все, чтобы въ гробъ не ложиться...

Я совсѣмъ было въ свои мысли ушелъ, да тутъ Дора Наумовна подбѣжала опять къ Андрюшкѣ и съ притворно-молодецкимъ, фальшиво-русскимъ задоромъ крикнула:

— Будетъ тебѣ, Андрюшка! Айда плясать, да пойдемъ, пойдемъ же! — и вцѣпилась ему въ рукавъ.

Андрюшка грубо хлопнулъ ее по рукѣ.

— Отстань!

Дора Наумовна вспыхнула, одернула голубую кофточку и притворно весело засмѣялась:

— Ахъ, такъ? Ну, ладно! Соломонъ моимъ кавалеромъ будетъ. Соломонъ! Вспомнимъ ссылку!

— Русскую! Русскую! Дора Наумовна! Соломонъ Наумычъ! Русскую! — заревѣли всѣ, утомленные споромъ, ѣдой, неподвижнымъ сидѣньемъ, — и бросились отставлять мебель.

Я тоже крикнулъ: «Дора Наумовна! Соломонъ Наумычъ! Русскую!» — и схватилъ первую попавшуюся табуретку.

Соломонъ Наумычъ отнѣкивался, моталъ головой и

махалъ жирными квардратными ладошками. Но гости не унимались, обступили его, упрасивали и, наконецъ, Фонаревъ и Густавъ Карловичъ со смѣхомъ поволокли его на середину комнаты. Соломонъ Наумычъ упирался короткими ногами въ полъ, отбивался и, не то смѣясь, не то сердясь, взвизгивалъ:

— Не буду! Не буду! Не буду!

Фонаревъ хлопнулъ въ ладоши:

— Ну, видать, ужъ придется мнѣ барышню выручить.

Тутъ «русскую» въ грамфонѣ завели, Дора Наумовна платочкомъ взмахнула, Фонаревъ бросилъ на полъ папироску — и пошло!

Я, какъ у печки сѣлъ,—такъ и застылъ... Отъ вина ли, ужина ли, отъ свѣта ли щедраго пузатыхъ лампъ, музыки и всѣхъ этихъ говорливыхъ, увертливыхъ, живучихъ людей, женщинъ, игривыхъ какъ котята, — я пріятно одурѣлъ, сладкая истома оплыла меня. Вотъ бы такъ сидѣть вѣки-вѣчные на мягкомъ стулѣ, на свѣту яркомъ, въ покоѣ полномъ, въ упоительной, сытой безопасности! Вотъ бы! Я во всѣ глаза на танцоровъ смотрѣлъ, обмякъ, успокоился...

Дора Наумовна, неладно подбоченившись, не танцевала, а просто металась изъ стороны въ сторону, развязно помахивая платочкомъ, и все притопывала, все притопывала, словно копытцами, бѣлыми парусиновыми туфлями. Около нея, взмахивая чубомъ, неуклюже плясалъ Фонаревъ, то сѣменилъ ногами, то вдругъ пускался въ присядку, тяжело подкидывая грузныя, большія ноги.

Всѣ хлопали, кричали «бисъ», хотя танцоры и не собирались кончать танца.

— Дора Наумовна! Ай да Дора Наумовна! — восклицалъ восторженно латышъ.

— Слѣва барышню обходи! Слѣва! Слѣва! Натекайте на него, Дора Наумовна, натекайте! Шибче! Шибче!..

Крикъ стоялъ на всю квартиру.

Вдругъ Андрюшка сорвался съ мѣста и, расталкивая мебель и гостей, ловко перескочивъ черезъ скатанный край ковра, вбѣжалъ въ кругъ.

— Экъ васъ носить! Какая же это русская! — задорно воскликнулъ онъ и, въ два прыжка догнавъ Дору Наумовну, выхватилъ платокъ изъ неуклюже вздѣтой толстой ручки.

Стриженная дѣвица остано^авилась, остановился и Фонаревъ.

— Ты бы меньше ломался, а не критику наводилъ, — поблѣднѣвъ, ледянымъ тономъ сказала она.

— Такъ! Такъ, Дора Наумовна! За что онъ васъ все обижаетъ!

— Дора въ ссылкѣ была первая балерина, — заступился за нее Соломонъ Наумычъ.

Андрюшка улыбнулся уголкомъ рта и съ грубымъ добродушіемъ похлопалъ Дору Наумовну по плечу.

— Ты, Дора, мастерица на споры-разговоры и на все прочее... — и онъ прищурилъ глаза, — здѣсь не по специальности, понимаешь, не по специальности.

Андрюшка взмахнулъ руками, одернулъ защитку и пустился по кругу.

Чудеснѣе танцора я не видывалъ: все мнѣ въ немъ чудеснымъ показалось. Теперь, думается, можетъ это и не такъ ужъ превосходно было.

Онъ то кружилъ птицей, то пробирался, крадучись, легко и ловко ступая по паркету, то вдругъ, мѣняя темпъ, пускался вихремъ, взлеталъ, какъ гуттаперчевый, лихо встряхивалъ пыльными кудрями и, протопывая каблуками, разудало вертѣлся на поворотахъ.

Всѣ хлопали и кричали неистово: «бисъ! бисъ!». Но Андрюшка вдругъ, какъ запаленный конь, остановился на всемъ скаку и залихватски крикнулъ:

— Вотъ вамъ русская! Эхъ, дамочки нѣту!

— А Дорочка, чѣмъ вамъ не парочка? — примири-тельно сказала Фонарева.

Андрюша отиралъ лобъ платкомъ.

— Ухомъ ладовъ не ловить, — простодушно объяснилъ онъ.

Дора Наумовна опять поблѣднѣла — обидѣлась, даже ротъ раскрыла, хотѣла что-то сказать, но Фонарева схватила охапку нотъ и повлекла Дору къ піанино.

— Я вамъ сейчасъ, что-нибудь спою. Дорочка, садись, сыграй мнѣ аккомпаниментъ.

Спѣла она: «Я жажду забвенья въ объятяхъ твоихъ», и «Тройку», и «Ай да городокъ! Не закроюсь на замокъ!», и еще, и еще такое же — все про свѣжую, какъ наливное яблочко, вкусную страсть, про ниточку лукавую, что вьется и завивается въ жизни петлями, опутывая и перепутывая всѣхъ. И пѣла она — какъ и полагается при такихъ романсахъ, — въ носъ, съ придыханіями, съ шопотомъ и вскриками, пѣла всѣмъ своимъ круглымъ, крѣпкимъ, до верху налитымъ здоровьемъ, тѣломъ. И потому хорошо очень пѣла.

Я все у печки сидѣлъ; головой къ прохладнымъ изразцамъ прислонился и глаза полузакрывъ. И опять мнѣ критиковать никого не хотѣлось. На своемъ вѣку я много отличныхъ пѣвцовъ слышалъ, а никто меня въ такое состояніе привести не могъ, какъ въ тотъ вечеръ щеко-чуще-гнусавый голосокъ мадамъ Фонаревой. Въ ту минуту мнѣ было очень хорошо: не то явь, не то сонъ, во всякомъ случаѣ — покой, на удивленіе отдохновительный, какъ бываетъ развѣ лѣтомъ, послѣ купанья: ни мыслей, ни чувствъ, словно и души никакой нѣтъ, только въ тѣлѣ кровь упоительно струится...

Пѣніе всѣхъ разнѣжило. Латышъ ужъ къ Дорѣ Наумовнѣ на ручку кресла взгромоздился, а Таничка на круглое плечо мужа, какъ на подушку, головой навалилась, Андрюша на диванъ растянулся, весь разомлѣлъ,

томно, пучеглазо на Фонареву уставился. Желѣзнодорожники за столомъ, кто гдѣ, въ мечтательности замерли. Только Соломонъ Наумычъ съ хозяиномъ въ сторонку отсѣли и шопотомъ какой-то дѣловой разговоръ подъ музыку завели.

Не знаю, какъ это случается и случаться можетъ, но я сначала ничего изъ ихъ переговоровъ не слышалъ, а потомъ, вдругъ, одно-два словечка до меня долетѣли, — и я разомъ ухомъ къ голосамъ приникъ и сталъ слышать все, что они говорятъ, до послѣдняго звука. Слова эти были такія значительныя для меня, такія страшныя, что я обмеръ, холодный потъ у меня на лбу проступилъ, и я ослабѣлъ до дурноты почти что...

— Я ему на допросѣ сегодня прямо сказалъ: «Вы Гнѣздинъ-Юматовъ, намъ все извѣстно, все раскрыто», — дѣловитымъ картавымъ шопотомъ говорилъ Соломонъ Наумычъ.

— Ну, а онъ что?

— А что? Въ концѣ концовъ проболтается. Одного если выдастъ, начнетъ всѣхъ выдавать. Только бы началъ, а тамъ ужъ пойдетъ.

— Когда его привезли?

— Сегодня утромъ, изъ Дибуновъ. Сначала отпирался: я, говоритъ, финскій рабочій, я на заводѣ въ Гельсингфорсѣ работаю...

— Что жъ вы сейчасъ дѣлать будете?

Соломонъ Наумычъ помолчалъ.

— Будемъ хватать, а тамъ разберемся. Человѣкъ двадцать въ списокѣ.

— Косить, такъ ужъ косить, — не мѣшкать, какъ въ прошлый разъ, — разглаживая чубъ, посоветовалъ Фонаревъ.

— Ужъ начали, какъ еще начали! Мнѣ пора, всю ночь возить будутъ.

Соломонъ Наумычъ вскочилъ и, взглянувъ на часы-браслетъ, сталъ прощаться...

Помню его коротконогое тѣло, большія уши, гладкій клинышекъ бородки. «Не я ли выданъ? Не я ли? Не я ли?..» — въ изступленіи спрашивалъ я себя и весь содрогался отъ мысли, что сію минуту онъ, прощаясь, дотронется до моей ледяной руки и догадается: неспроста она такъ холодна...

Соломонъ Наумычъ моей фамиліи не зналъ, меня хозяева никому не представили, я весь вечеръ такъ ловко себя держалъ, что у всѣхъ, конечно, сложилось мнѣніе: я пріятель, свой человѣкъ у Фонаревыхъ. Соломонъ Наумычъ еще не зналъ, ничего не зналъ, когда прощался, когда я почувствовалъ его горячую, шершавую, обезьянью руку въ своей рукѣ...

— Товарищъ-то... угостился себѣ... — отходя отъ меня, сказалъ онъ.

— Именины — такъ ужъ именины, — добродушно заступился за меня хозяинъ.

Они вышли.

На мигъ я просіялъ. «За пьяного принялъ...» — подумалъ я, но тутъ же сразу холодная лапа сжала сердце. Если сейчасъ, сегодня все благополучно, то — завтра? Завтра? Онъ сказалъ: Гнѣздинъ выдастъ... Непремѣнно выдастъ. Значитъ — меня? Конечно, меня... Можетъ быть, уже выдалъ, въ эту секунду выдалъ? Можетъ быть, за мной уже поѣхали?.. Я заметался, до дивана дошелъ, сѣлъ, опять всталъ — и тутъ же испугался, что пересаживаньемъ я себя выдаю. Я набрался духу и неестественно громко, стараясь казаться навеселѣ, крикнулъ Фонаревой:

— Налейте-ка вы мнѣ, хозяйюшка, еще чайку стаканчикъ! — громко очень крикнулъ.

Фонаревъ, проводивъ Соломона Наумыча, мимо меня прошелъ, взглянулъ въ мою сторону, — мнѣ пока-

залось, искоса, — и я опять обмерь... Если пока до кухни они шли, догадались? Но онъ меня весело-добродушно окликнулъ:

— Чего же вы къ печкѣ забились? Садитесь къ намъ!

Я полетѣлъ къ столу, даже стулъ опрокинулъ, такъ обрадовался, что косой взглядъ — одно мое воображеніе. Но волненіе не проходило, главное, я чувствовалъ что самообладаніе потерялъ: невпопадъ отвѣчать сталъ, сахару навалилъ куска три, а передъ тѣмъ увѣрялъ — безъ сахару пью, вопроса какого-то не разслышалъ, сталъ стаканъ латышу передавать — весь чай расплескалъ: руки дрожать... Но встать я не могъ. Это я инстинктомъ бралъ, физически не могъ встать, откланяться и уйти, да и вслѣдъ за Соломономъ Наумычемъ никоимъ образомъ уходить нельзя было. Это я все инстинктомъ взялъ.

Вѣроятно, я бы въ этой растерянности такъ и просидѣлъ, если бы въ сосѣдней комнатѣ длинно и тревожно не затрещалъ телефонъ. Фонаревъ съ дѣловитымъ видомъ побѣждалъ къ двери.

Ледяной ужасъ сковалъ меня...

«Выданъ... я выданъ...», отчетливо простучало въ мозгу. На мгновенье я закинулъ голову и закрылъ глаза — мнѣ казалось, я теряю сознание.

Оттуда, изъ этой страшной комнаты, не долетало ни звука... Можетъ быть, Фонаревъ говорилъ шопотомъ, а можетъ быть, крикливый разговоръ вокругъ меня заглушалъ его голосъ. — лишь одно словечко донеслось ясно: «хорошо» — и оно означало въ ту минуту для меня мою гибель и мою смерть...

Я весь съежился, сцѣпилъ слабыя, дрожащія руки вокругъ колѣнъ и не сводилъ глазъ съ чернаго квадрата двери въ коридоръ. Не знаю, можетъ быть, это продолжалось двѣ-три минуты, а можетъ быть, и четверть часа. Не знаю. Ничего не знаю.

И вотъ Фонаревъ вошелъ, даже не вошелъ — вбѣ-
жалъ и съ порога еще крикнулъ:

— Завтра, Густавъ, трибуналъ не засѣдаетъ, до утра гулять можно!

Латышъ уже давно къ Дорѣ Наумовнѣ близко-близко подсѣлъ, лепеталъ ей что-то въ ухо и дышалъ ей въ стриженные волосы.

Я взглянулъ на Фонарева, на латыша, на уже сонное, кукольное личико Фонаревой, на разомлѣвшую, раскраснѣвшую Таничку, на Андриюшку, на желѣзнодорожниковъ... и вдругъ, вмѣстѣ съ неистовой радостью спасенія, меня неудержимо повлекло къ этимъ людямъ. Что-то спаяло меня съ ними за этотъ вечеръ: и праздникъ ихъ веселый, и пытка ужаса моего, и упоеніе сознаніемъ, что я еще не погибъ, и можетъ быть, погибать мнѣ не придется. Со дна души выпорхнула мысль, та самая, обольстительная, легкая мысль, въ которой я не смѣлъ себѣ признаться. Она, она одна, могла связать меня съ ними нерушимо и, связавъ, — дать мнѣ прочный, настоящій покой. Я не испугался ея, какъ давеча на Надеждинской, я уже ни о чемъ и ни о комъ не думалъ въ ту минуту — во всемъ существѣ моемъ была только одна мысль, одно слово: «сказать... сказать... сказать...». Словечко это порхало мотылькомъ, кружило въ сознаніи, и я сталъ ощущать непонятную, неизвѣданную еще легкость, легкость отъ исчезнувшаго внезапно страданья, сомнѣнья, опасеній, точно я весь налился пустотой и потерялъ даже тяжесть тѣла...

— Что же вы на скрипочкѣ-то намъ не поиграли? — неожиданно сказалъ рядомъ со мной по-деревенски пѣлучій голосокъ.

Это подъ конецъ вечера осмѣлѣла Таничка, оставивъ на меня посоловѣвшіе синіе пятачки.

— И то правда, что же скрипка-то? — съ хмельной развязностью потрепалъ меня по плечу Фонаревъ.

— Я не могу сейчас играть... я очень усталъ, когда-нибудь въ другой разъ съ удовольствіемъ, товарищи... — ласково, почти нѣжно выговорилъ я, самъ не узнавая звука своего голоса.

— Ну, тогда выпьемъ! — сказалъ Фонаревъ и, схвативъ бутылку за горло, подошелъ ко мнѣ.

«Сейчасъ, сейчасъ скажу...», тихо прозвенѣло въ моей пустой, какъ пузырь, душѣ.

Фонаревъ налилъ два стакана, мы чокнулись, чокнулся со мной и латышъ, и Дора Наумовна, которые только что цѣпко и пьяно поцѣловались на брудершафтъ. Я припалъ къ стакану и осушилъ его однимъ духомъ...

— Мнѣ надо кой-о-чемъ поговорить съ вами, Кузьма Ивановичъ, — улыбаясь, сказалъ я и всталъ...

Я бы сказалъ, я бы все сказалъ, все рассказалъ въ ту минуту... Я бы сказалъ, что пакетъ — на Надеждинской, что мнѣ удалось прослѣдить, кому онъ переданъ, что только желанье развязать нужный имъ узелъ заставляло меня дѣлать то, что я дѣлалъ... Я бы сумѣлъ сказать такъ, и такія найти слова — мнѣ бы повѣрили. Я бы свои отношенія къ Софѣ и ея мужу преувеличилъ, я бы Софью главной руководительницей моими дѣйствіями обрисовалъ, я бы въ ту минуту кого угодно сумѣлъ увѣрить, что лучше Соломона Наумыча имъ все распутаю. Я бы сумѣлъ... я хотѣлъ, да, я хотѣлъ. Это сущая правда!

Но сказать мнѣ не пришлось. Даже не пришлось увидеть взгляда Фонарева. Въ ту минуту, когда я всталъ, на кухнѣ раздался пронзительный женскій крикъ, вопль, грохотъ опрокинутой табуретки, послышался топотъ тяжелыхъ босыхъ ногъ по коридору — и въ комнату ворвалась по-ночному разнастанная, ошалѣлая, блѣдная до синевы, Дарья.

— Бабка у насъ на кухнѣ померла... — взвизгнула она и заревѣла на всю квартиру.

ГЛАВА III.

Ничего, кажется, не могло случиться болѣе несвоевременнаго. Не то, что смерть могла напугать кого-либо изъ насъ — мы были люди виды выдавшіе, — но ужъ очень это случилось неожиданно, и вечеринкѣ нашей сразу пришелъ конецъ. Всѣ повскакали со своихъ мѣстъ, бросились на кухню и съ любопытствомъ обступили трупъ.

Старуха умерла, сидя на табуреткѣ у стола, умерла, видимо, внезапно, безъ агоніи. Лицомъ она уткнулась въ столъ, и ея сѣдая голова, въ свалявшейся наколѣ, покоилась между кофейникомъ и пустой чашкой; лѣвая рука висѣла плетью вдоль туловища; правая лежала согнутой на столѣ; изъ разжатыхъ пальцевъ вывалился початый пирожокъ; ноги, въ безобразныхъ веревочныхъ туфляхъ, вытянулись далеко подъ столомъ.

Фонаревъ первый подошелъ къ трупу, потрясъ за плечо, взялъ ее за руку, за голову.

— Померла, — подтвердилъ онъ.

— Какъ ей не помереть-то было, голубушкѣ! — обрядовымъ бабьимъ воємъ заголосила Дарья. — Какъ пришла, весь вечеръ, весь-то вечеръ съ такимъ сердцемъ обо всемъ разсуждала... Я говорю ей: «бабушка, замолчи, Христа ради!», а она все дыбится, все дыбится... Потомъ, какъ самоваръ-то я вамъ подогрѣла, ужинъ ей поставила, спать легла, только уснула — слышу: хрипитъ... Подумала:

Тузь..., а потомъ думаю: какъ — Тузь? Гдѣ же коту такъ хрипѣть?.. Соскочила я съ кровати, слушаю — не слышать ничего... заглянула это я за дверь — да какъ заору!..

И Даша снова заревѣла.

— Куда же ее дѣть? — дѣловито спросила мужа Фонарева и оглянулась на меня. Оглянулись на меня и остальные, точно намекали: старуха моя жилища, мнѣ и надлежить принять на себя доставленную ею непріятность.

Я стоялъ какъ пень, и это странное оцѣпѣніе, заставлявшее меня автоматически дѣлать и повторять все, что дѣлали и говорили другіе, не покидало меня все время, которое я еще провелъ у Фонаревыхъ. Правда, я видѣлъ, что творилось вокругъ меня съ отчетливостью необычайной. До мелочей помню позу покойной, полуразлѣтую Дашу съ зеленовато-русой косой-хвостикомъ за спиной, съ мѣднымъ крестомъ поверхъ грязной холщевой рубашки, плачущую за компанію съ Дашей Таничку, нахмуренное, мигомъ подурнѣвшее личико мадамъ Фонаревой; помню, какъ латышъ, всезнающій, видимо, человѣкъ, объяснялъ, куда надо о смерти заявить, и какъ они съ Дорой побѣжали къ телефону; помню даже, мнѣ вдругъ очень захотѣлось покурить, но я сдержался, уговаривая себя, что подлѣ покойника, кажется, не курять.

Я простоялъ пнемъ до тѣхъ поръ, пока латышъ, вернувшись, не сказалъ, что все улажено: свидѣтельство о смерти будетъ заготовлено, за трупомъ пріѣдутъ рано утромъ и отвезутъ прямо на кладбище.

— Тамъ ее — въ очередь, а вамъ никакихъ хлопотъ. Очень удобно теперь организовано, — дѣловито вмѣшалась Дора Наумовна.

Хозяева предложили отнести старуху въ мою квартиру и оставить ее до утра въ комнатѣ покойной. Я понималъ, что мнѣ надо дѣйствовать и, когда всѣ стали что-то дѣлать и хлопотать, я сталъ дѣлать то же, что и они.

Мы открыли дверь на лѣстницу на обѣ створки, от-

ставили табуретки, помойное ведро, все, что могло помѣшать, и подняли покойницу. Фонаревъ и Андрюшка взяли ее за плечи, я держалъ ноги, и мы понесли ее. Она была не тяжелая, или это потому такъ показалось, что я только поддерживалъ ноги. Когда изъ фонаревскихъ дверей мы ее выносили, мимо насъ стремглавъ промчался ошалѣлый Тузь и полетѣлъ вверхъ по лѣстницѣ. Мы ее ко мнѣ, въ третій этажъ, подняли. Проворная Дора побѣжала впереди со свѣчкой и съ моимъ ключемъ — дверь отпереть. Когда мы старуху кухней несли, Дора стояла со свѣчей подъ кружкомъ лампы, бѣлѣвшимъ въ темнотѣ. «Я гдѣ-то ужъ это видѣлъ...» — смутно промелькнуло въ моей памяти.

Мы покойницу черезъ узкую дверь пронесли очень ловко и положили на кровать. Дора поставила подсвѣчникъ на комодъ, въ изголовьи. Потомъ мы вышли въ кухню — прощаться. Дора небрежно тряхнула мнѣ руку. «И пиръ нашъ кончился бѣдою!» на ходу крикнула она и зашелестѣла внизъ по лѣстницѣ.

— Какъ это вдругъ ее прикончило? Даже удивительно, — сказалъ Фонаревъ, закуривая папиросу. Я закурилъ тоже.

— Подобралась старушка, не замѣшкалась, — добродушно отозвался изъ темноты Андрюшка.

— У меня вотъ такъ же точно отецъ померъ, — продолжалъ Фонаревъ, — пришелъ изъ бани, сталъ квась откупоривать — бацъ! — смотримъ, изъ него и духъ вонъ... Скоропостижно.

— Ей прошлой ночью замѣчательный сонъ приснился... она предчувствовала... она говорила... — вдругъ залепеталъ я и хотѣлъ разсказать, непременно разсказать имъ сонъ, даже на лѣстницу вышелъ и нѣсколько ступенекъ слѣдомъ за ними спустился. Но они не то не слушали, не то не поняли, или не хотѣли дольше задерживаться.

— Пропасться вамъ надо, — сказалъ Фонаревъ, фамильярно похлопывая меня по плечу.

Я послушно вернулся, затворилъ дверь, машинально заперъ ее на всѣ замки, крюкъ, ключъ и цѣпочку, прошелъ къ старухѣ и въ изнеможеніи опустился на стулъ противъ кровати...

Въ упоръ смотрѣлъ. Не то что мнѣ жаль старуху было, или жутко съ ней, или какая злоба у меня была, что она весь мой планъ разстроила, — я о ней, какъ о мертвой, и не думалъ даже, и о снѣ ея ужъ забылъ, — я удивленно на трупъ уставился, на странное препятствіе, почему-то на погибель меня обрекавшее. Если бы не она, все бы уже устроилось! Все уже было бы кончено! Я бы могъ, конечно, и сейчасъ еще сбѣгать внизъ и сказать, но я уже ни встать, ни пойти, ни рѣшиться — ничего не могъ. Я усталъ смертельно. Я всю волю утратилъ и лишь напряженно прислушивался, не идетъ ли кто по лѣстницѣ, не стучатся ли въ ворота, не слышны ли голоса... Все вздрагивалъ, все оглядывался... Въ полутьмѣ оплывшей свѣчки, среди пыльнаго скарба, передъ кроватью, гдѣ чернѣло холмикомъ тѣло покойной, сидѣлъ не прежній Алексѣй Павловичъ, еще сейчасъ на вечеринкѣ такой хитрый, ловкій, смѣтливый, а смертельно усталый, замученный и раздавленный страхомъ человѣкъ. Въ головѣ была путаница: Соломонъ Наумычъ, Таничка, пляшущій Андрюшка, бутылки, грамфонъ, Дора со свѣчей, бирюзовые сережки... А за ними — смутный образъ: Гнѣздинъ противъ Соломона Наумыча, рассказывающій обо мнѣ... Я могу спастись, только если Гнѣздинъ смолчить. А если онъ и въ самомъ дѣлѣ смолчить? Не выдастъ? Не выдастъ? Если бы онъ смолчалъ!..

Тутъ я вдругъ увидѣлъ, какъ нехорошо мы старуху положили.

Она лежала прямо-прямо: огромныя веревочныя туфли были плотно прижаты другъ къ дружкѣ, но руки

бевобразно раскинулись по рваному одѣялу, а лицо отвернуто вверхъ и вбокъ, къ стѣнѣ. «Надо скрестить руки на груди и попряме положить голову, чтобы она была похожа на всѣхъ покойницъ», — подумалъ я. Осторожно взявъ ее за локти, я уложилъ руки, потомъ — голову. Когда до висковъ дотронулся, примѣтилъ за воротомъ шнурокъ. Рѣшилъ сразу: ладонкѣ пропадать невозможно. Бросился къ комоду за ножницами, но тамъ лишь всякій хламъ валялся. Я все перешарилъ, потомъ въ комнаты со свѣчей прошелъ — нигдѣ ножницъ не нашель. Отъ разсѣянности не сообразилъ, что и ножомъ можно, а ножикъ въ кухнѣ.

Я шнурокъ кухоннымъ ножомъ перерѣзалъ, и ладонка сразу выскочила. Она была тяжелая, до черноты грязная и влажная немного — очень непріятно было ее въ рукѣ держать. Я мигомъ нитки распоролъ и ткань расковырялъ, вообще очень проворно все это сдѣлалъ на комодѣ, возлѣ оплывшей свѣчи.

Въ ладонкѣ оказалось не Богъ вѣсть что (признаюсь, я предполагалъ больше), но все-таки предметъ цѣнности немалой: медальонъ, очень старинной, тонкой работы, на крышкѣ гербъ брилліантовый съ двумя рубинами въ княжеской коронѣ, и поверхъ герба еще рубинъ къ петелькѣ медальонной придѣланъ. Думаю, на знатока, вещь солидной цѣнности, потому что гербъ красивый и тонкая работа. Я остріе ножа между половинками медальона всунулъ, и крышка легко отскочила. Тамъ оказался портретъ-миніатюра: двое дѣтокъ — мальчикъ и дѣвочка — обнявшись, на креслицѣ сидятъ, а на внутренней сторонѣ надпись: «Наша радость» — и даты.

Я завернулъ медальонъ въ носовой платокъ, метнулся въ коридоръ и засунулъ его за сундукъ. За эту вещь тысячь четырехста дадутъ, а если черезъ портного Швайцера, то и всѣ четырехста пятьдесятъ! Тогда и шубу можно не продавать, сказать завтра Софѣ, что раздумалъ.

Завтра? Можетъ быть, «завтра» у меня уже и нѣтъ больше?..

Взглянулъ на часы — было половина пятого. На дворѣ чуть сѣрѣло. Черезъ два часа разсвѣтетъ. Бѣжать? Вѣдь Гнѣздинъ говорилъ, если онъ попадется — бѣжать. А если бѣжать, то сейчасъ же, лишь захвативъ что поцѣннѣе. Я сталъ разныя цѣнныя свои вещицы припоминать, но мысли запутались-запутались, и опять всего меня оплыла апатія, растерянность и отчаяніе.

Я сидѣлъ въ коридорѣ на сундукѣ и сознавалъ: ни на что, кромѣ этого безсмысленнаго сидѣнья, меня сейчасъ не хватитъ...

Такъ весь конецъ ночи и просидѣлъ, а потомъ опять прошелъ къ старухѣ. «Она теперь безотвѣтна и лишь благодаря безотвѣтности мнѣ ладонку снять удалось. Я съ нея ладонку, какъ бичевку съ гвоздя, снялъ, а при жизни она бы крикъ на весь домъ подняла, меня бы въ кровь расцарапала, никогда бы не отдала...» въ смятеніи подумалъ я.

Мнѣ стало съ нею очень непріятно; я схватилъ свѣчу и пошелъ въ комнаты, перешарилъ письменный столъ, комодъ, шкафы — не завалилось ли чего-нибудь нелегальнаго, и въ этой суетѣ немного успокоился.

Спасенъ я не былъ, но могъ вывернуться. Зѣвать, однако, не слѣдовало. Надо было, какъ унесутъ старуху, сейчасъ же — къ Софѣѣ. Правды ей, конечно, не говорить. Надо просто сказать, что я, ничего не подозревая, попалъ въ гнусную исторію, и что меня, на основаніи случайныхъ встрѣчъ, могутъ привлечь по громкому дѣлу. Софья — какъ всѣ женщины: если только въ голову имъ зашло, что онѣ нравятся (обманываютъ онѣ себя — не обманываютъ, это имъ тогда безразлично), всегда такого человѣка спасать готовы. Женщины глупы и добры, какъ куры. Только бы скорѣй за старухой пріѣхали!

Штора на окнѣ совсѣмъ ужъ бѣлой стала. Было око-

ло шести. Что же не идутъ? Я въ волненіи по комнатѣ шагаль, обдумываль, какъ бы уйти незамѣтнѣй, и какъ говорить съ Софьей. О томъ, что можно возобновить разговоръ съ Фонаревымъ, мнѣ и въ голову не приходило. Какъ муравей, наткнувшійся на щепочку, я поползъ въ обходъ къ той же точкѣ, а о щепочкѣ и думать пересталь.

Я обѣжалъ комнаты, заперъ шкапы, спрятавъ связку ключей въ вѣрное мѣсто, Маркса — всѣ тома — на самое видное мѣсто положилъ, все предусмотрѣлъ. Меня лишь одно теперь беспокоило: за старухой не ѣдутъ.

Пріѣхали за ней въ восьмомъ часу. Я изъ окна ломового съ гробомъ на улицѣ примѣтилъ и кинулся на кухню дверь отпирать.

Гробъ внесли два солдата въ сбитыхъ на затылокъ фуражкахъ и съ тупо-дѣловымъ видомъ грохнули его посреди кухни. Вслѣдъ за нимъ вошелъ нашъ комитетчикъ Петръ Ивановичъ, кривоногій чахоточный хористъ-цыганъ, съ документами въ рукахъ.

— Гдѣ покойникъ? — съ глупой строгостью спросилъ меня одинъ изъ солдатъ.

— Она здѣсь проживала, — слабымъ теноркомъ отозвался Петръ Ивановичъ и повелъ ихъ за собой.

Я пошелъ вслѣдъ за ними.

Въ ясномъ свѣтѣ утра, среди пыльнаго вонючаго скарба, на желѣзной кровати съ выломанными прутьями, лежала Полина Карповна, со скрещенными на груди руками. Во всемъ ея обликѣ было что-то величавое, даже безобразныя туфли, и тряпье нищенки, и наколка глупая придавали ей какую-то странную значительность. Лицо было строго, но не страшно: брови приподняты, ротъ слегка разжатъ, точно она что-то увидала и чрезвычайно изумилась....

— Раздѣтъ ее слѣдуетъ — въ вещахъ хоронить воспрещается, — забеспокоился Петръ Ивановичъ.

Они подошли къ кровати.

Опять безотвѣтность, беззащитность мертвой старухи поразили меня. «Она ничего сказать не можетъ, что бы съ ней эти три мужика ни дѣлали», — подумалось. Я вернулся въ кухню и сталъ шагать взадъ и впередъ мимо гроба. Скорѣй бы ее увезли...

Но они мѣшкали. Я слышалъ, какъ они переговаривались, шаркали ногами, съ побрякиваніемъ ворочая покойницу. Потомъ понесли. Какъ они ее положили въ гробъ, я не видалъ, — сѣлъ въ коридоръ на сундукъ и прислушивался къ нхъ переговорамъ.

— Гдѣ крышка?

— На дворѣ оставили.

— Можетъ, лучше мы покойницу внизу забьемъ?

— Зачѣмъ забивать? Развѣ на вскрытіе не повезете?

— Зачѣмъ на вскрытье? Ордеръ на прямую доставку трупа для погребенья.

— Ну, тогда здѣсь и забить.

— Конечно, здѣсь свободнѣе... — почтительно поддакнулъ Петръ Ивановичъ.

И они повалили на лѣстницу.

Я остался одинъ. Кругомъ плыла та угрюмая, плотная тишина, которая заставляла меня вечерами играть на скрипкѣ.

Я подошелъ ко гробу.

Грязная, холщевая простыня покрывала трупъ. Я постоялъ... потомъ, не размышляя, что и зачѣмъ дѣлаю, кинулся въ коридоръ, къ сундуку, вытащилъ запрятанное туда ночью, метнулся обратно въ кухню и торопливо, задыхаясь отъ волненія, засунулъ комокъ въ верхній правый уголъ гроба, далеко пропихнувъ его по днищу... Когда солдаты, вернувшись, заколотили съ ужасно громкимъ стукомъ крышку, кряхтя, подняли гробъ и понесли его по лѣстницѣ, — я глядѣлъ имъ долго вслѣдъ съ жесточайшимъ злорадствомъ.

«Ладонка съ ней!.. съ ней!.. съ ней!.. съ ней!..» Я

повторялъ это прямо въ изступленіи, въ восторгѣ осуществленной мести.

Кто-то стукнулъ и рванулъ дверь. На порогѣ стояла заспанная, опухшая отъ слезъ Дарья. Въ рукахъ она держала смычекъ и скрипку.

— Наши снести вамъ велѣли... Скрипку-то вы вчерась у насъ забыли.

Она замялась, хотѣла, видимо, поговорить о волнующемъ ночномъ происшествіи.

Но я не выдержалъ:

— Я очень усталъ... не спалъ всю ночь... оставьте меня!

ГЛАВА IV.

У Софьи въ гостяхъ я никогда не бывалъ. Заходилъ къ ней только по дѣлу (и обычно по черной лѣстницѣ). Она принимала меня въ темноватой комнатѣ возлѣ людской. Тамъ и мебели почти никакой не было: мѣшки, ящики, столъ, стулъ, швейная машинка, да манекенъ съ выпяченной грудью, утыканной булавками... Здѣсь, бывало, я и развяжу пакетъ или узелъ, что принесъ, и мы сейчасъ же къ торговлѣ и приступали. Изрѣдка — да и то послѣднее только время — говорили мы о постороннемъ. Въ жилыя комнаты она меня никогда не водила: можетъ быть, стѣсняясь показать, какъ они ловко устроились на казенной квартирѣ, а можетъ быть, чтобы съ ея мужемъ не столкнуться — ужъ не знаю; но только дальше коридора я не ходилъ. Первое время мнѣ немного обиднымъ казалось, что она меня, точно приживалку, принимаетъ, а потомъ ничего, лишь бы дѣло сдѣлать быстро и неубыточно. Я вообще за послѣдній годъ безъ всякаго самолюбія превосходно обходился.

Нынче еще дорогой рѣшилъ: приду по парадной лѣстницѣ и прикажу сказать Софѣ, что къ ней пришли по весьма важному дѣлу. Казалось, такъ будетъ лучше — Софья (несмотря на ранній часъ) непременно приметъ. И вѣрно. Меня сразу въ пріемную провели, комнату огромную, высокую, по казенному вдоль стѣнъ установленную ясеневыми стульями съ красными бархатными си-

дѣньями, съ узкими зеркальными окнами безъ занавѣсей, настоящую серьезную пріемную.

Софья тотчасъ изъ спальни выскочила. Видимо, она испугалась, не отъ мужа ли вѣсти тревожныя, потому въ чемъ была выскочила; увидала меня, смутилась, покраснѣла и, кажется, обидѣлась немного. Выбѣжала она неумятая, заспанная, съ папильотками на лбу, въ мятомъ желтенькомъ капотѣ и красныхъ мягкихъ туфляхъ. Очень несоблазнительной мнѣ показалась, сама, видимо, это сознавала, а потому и обидѣлась.

Мы у окна сѣли, и я къ дѣлу приступилъ, не мѣшкая. Я ей разсказаль про арестъ Гнѣздина и наговорилъ про него кое что неблаговидное; увѣрять, что онъ былъ моимъ врагомъ еще на фронтѣ, человѣкъ безпринципный, можетъ оговорить меня на допросѣ изъ мести за старую полковую ссору, когда я оказался народолюбивымъ прапорщикомъ, а онъ — штабсъ-капитаномъ - выскочкой, притѣснителемъ меньшей братіи. Я предупреждалъ, что это можетъ случиться сегодня же; если не принять мѣръ, спасать меня будетъ трудно и — кто знаетъ! — можетъ быть, и поздно. Говорилъ долго, убѣдительно, чрезвычайно убѣдительно, и не безъ пылкости.

Софья слушала молча. Лицо у нея было серьезно, даже хмуро, и это приводило меня въ отчаяніе.

— Такая глупая, прямо идиотская исторія! Я попадаю, какъ куръ во-щи, ну просто, какъ куръ во-щи... — съ возмущеніемъ гремѣлъ я, хлопая себя по колѣнямъ.

И когда я все сказаль, и добавить было нечего, я растерялся: Софья хмурилась и молчала. Мнѣ пришло на умъ, что она хмурится не потому, что не вѣритъ мнѣ, а потому, что я пришелъ не во время и увидалъ ее въ непривлекательномъ видѣ. Чтобы поправить дѣло, я потрогалъ прядь ея распушенныхъ волосъ и сидилъ улыбнуться съ восхищеніемъ.

— У тебя все такіе же красивые волосы...

Софья вспыхнула, мотнула головой, отстраняясь от моей руки, и, бокомъ глянувъ въ зеркало, покраснѣла пу-
ще.

— Вы попали, конечно, въ скверную исторію. Надо подумать, — солидно сказала она и стала быстро раскручивать папиюотки. — Зайдите завтра, послѣзавтра, ну, около пяти, шести, — лучше около шести.

Сердце у меня замерло... Ждать до завтра, когда я едва дождался утра!

— Завтра?!. не владѣя собой, закричалъ я. — Да неужели ты не понимаешь, я же не могу ждать до завтра!...

Софья опустила руки и, прищуривъ глаза, пристально посмотрѣла на меня, не посмотрѣла, а словно перекрестила взглядомъ съ головы до пятъ, съ плеча до плеча. Думаю, видъ мой былъ противный (я сразу почувствовалъ, что противный), и крикнулъ я какъ то визгливо, по кликушичьи. Но, кажется, не слова мои (убѣжденъ, что въ серьезность моихъ опасеній Софья сначала не очень вѣрила), а именно этотъ видъ противный ее и тронулъ: что-то дрогнуло у нея въ лицѣ, поднялись темныя брови, глаза посвѣтлѣли и вдругъ, совсѣмъ уже неожиданно, она улыбнулась доброй, бабьей улыбкой.

— Вы не волнуйтесь, Алексѣй Павловичъ, не волнуйтесь, — участливо проговорила она — можетъ быть, вы правы, надо поторопиться, сегодня же предпринять что нибудь. Какъ жалко, что Іосифъ Эдуардовичъ уѣхалъ! Онъ все мигомъ бы устроилъ. Пойдемте въ столовую, вы очень нервный стали.

Она говорила мягко, почти ласково, но что то въ ласкѣ ея было недоброе.

— Такая глупая, прямо идіотская исторія... — про-
бормоталъ я уже разъ сказанную фразу.

Софья провела меня въ столовую. Она шла вперед, небрежно запахнувъ халатъ, грузно ступая на пятки.

Все ея кокетство немудрое куда то исчезло послѣ моего визгливаго «завтра». Мнѣ кажется, этимъ воплемъ я грубокое отвращеніе къ себѣ вызвалъ, потому что, дойдя до двери, она вдругъ вернулась и пошла къ камину.

— Пойдите, я покажу вамъ послѣдній снимокъ Іосифа Эдуардовича... — не глядя на меня, сказала она и взяла съ камина фотографическую карточку. — Его не узнать въ военной формѣ, она его очень молодить. Они тамъ, на югѣ, какъ львы, дерутся. Вы читали вчера его донесенія въ газетахъ?

—Нѣтъ.

Я подержалъ рамку, мелькомъ глянулъ на стекло и поставилъ ее на мѣсто. Мнѣ и обиднымъ не показалось, что она мужемъ похвасталась и навѣрно радовалась въ душѣ, что мужъ онъ, а не я. «Ну, такъ — такъ такъ...» безразлично подумалъ я. Меня тревожило сейчасъ одно: что Софья предприметъ? какъ приступитъ къ дѣлу? Вотъ здѣсь безразличія не было — наоборотъ, мнѣ съ трудомъ нервное нетерпѣніе скрыть удавалось. Софья безтолковой всегда немного была и застѣнчивой, какъ дѣвочка. «Не напутала бы...» безпокоился я.

Она налила мнѣ кофе, каравай хлѣба огромнымъ ножомъ ловко на ломти разрѣзала, масло, сахаръ пододвинула, а сама пить не стала. Шлепая туфлями, она пошла звонить въ сосѣдную комнату по телефону. Я весь превратился въ слухъ. До меня внятно долеталъ ея голосъ, когда то по дѣтски звонкій, а теперь слегка осипшій, со сна, быть можетъ.

Кому-кому Софья въ то утро не трезвонила! Думаю, она номеровъ семь-восемь вызывала. Я такія громкія имена слышалъ, такія громкія, что даже не вѣрилось, что обо мнѣ Софья съ ними разговариваетъ, и то развязно, по пріятельски, а съ кѣмъ пониже по положенію — строго требовательно, сердито даже, и всякій-то разговоръ Іосифомъ Эдуардовичемъ кончался — поздравле-

нієм Софьи со вчерашнімъ его донесеніємъ. Я повеселѣлъ, приободрился. «Ну какъ же съ такими связями все не уладить! Конечно, уладить... И донесеніе кстати пришлось». Отъ волненія я пить-ѣсть не могъ, хотя и очень голоденъ былъ, все на дверь смотрѣлъ, Софью ждалъ; кажется, долго, бесконечно долго ждалъ...

И вотъ опять зашлепали туфли, заскрипѣлъ полъ, и дверь распахнулась. Софья мнѣ еще съ порога объявила:

— Можете быть совершенно спокойны — я за васъ поручилась. Вамъ выдадутъ документъ, по которому рѣшительно никто безъ нашего вѣдома тронуть васъ не можетъ. Надо будетъ съѣздить и получить его.

Точно грузъ непосильный эти слова съ плечъ моихъ сбросили! Я преглуно возликовалъ, бросился къ Софѣ, руку поцѣловать хотѣлъ.

— Ты поручилась? Ты поручилась? Вы поручились? — не зная, какъ учтивѣе — «ты» или «вы» ей говорить, залепеталъ я.

Софья брезгливымъ движеніемъ отстранилась отъ меня, и лицо ея опять мнѣ не понравилось.

— Да, поручилась, — рѣзко сказала она, усаживаясь за столъ, — и вполнѣ сознательно. Надо васъ знать, надо васъ видѣть, Алексѣй Павловичъ... Развѣ вы можете общаться со шпионами! — и она усмѣхнулась холодной, недобрѣй усмѣшкой.

Ея презрѣніе почему то опять не тронуло меня, немного только было непріятно, что я ей противенъ, до брезгливости, очевидно, если она руки отдернула, тогда какъ третьяго дня на нихъ же для меня новыя перчатки надѣвала. Но я опять сказалъ себѣ: «Ну, такъ — такъ такъ...» и о непріятности позабылъ. Главное — неприкосновенность и документъ, а остальное было, откровенно говоря, мнѣ все равно.

— Я не знаю, какъ, ну какъ и благодарить тебя.... и

такъ мнѣ совѣстно — обезпокоилъ, да еще съ утра, такую рань... ужасно неловко, право...

Я говорилъ первыя слова, которыя мнѣ лѣзли на языкъ, а потомъ, конечно, къ своему дѣлу вернулся.

— А когда можно эту бумагу получить? Это не къ спѣху, но если бы все же знать хоть приблизительно, когда можно надѣяться?.. — путаясь въ словахъ, уже назойливо приставалъ я.

— Я сейчасъ одѣнусь и съѣзжу. Я люблю — дѣлать, такъ ужъ дѣлать, не наполовину, не кое-какъ. Дайте только кофе выпить, — съ важностью отчеканила она.

Мы молчали.

Я смотрѣлъ на нее, стараясь не потревожить ее взглядомъ; смотрѣлъ на ея самодовольное, пополнѣвшее лицо, на круглыя, бѣлыя руки, освѣщенные солнцемъ, которыя хватко, цѣпко брали ножъ, хлѣбъ, чашку... замѣтилъ незнакомую привычку ѣсть быстро, набивая ротъ и раздувая щеки — и все-таки, несмотря на самоувѣренность, на удовлетворенное досыта, до отвала самолюбіе, которымъ она, казалось, вся переполнена, она мнѣ въ эту минуту была почему то жалка. Тутъ только я увидалъ, что отъ старой Софьи, той, что была пять лѣтъ тому назадъ, пожалуй, ничего больше и не осталось — ужъ очень она перемѣнилась.. Но если бы она не мѣнялась, не было бы ни документа, ни тѣхъ большихъ и малыхъ услугъ, которыя меня за этотъ годъ такъ выручали! Такъ спасали! Все выходило къ лучшему.

Вѣроятно, у Софьи были тѣ же мысли, но только по отношенію ко мнѣ, потому что она неожиданно сказала:

— Какъ вы измѣнились за эти годы, Алексѣй Павловичъ...

Я промолчалъ и, кажется, молчаніе мое она сочла за безотвѣтность очень несчастнаго, потерпѣвшаго отъ чужой жестокости человѣка, и опять пожалѣла. Какъ то-

гда, въ пріемной, посвѣтлѣлъ ея взглядъ, и голосъ зазвучалъ почти ласково.

— У васъ ужасно усталый, больной видъ — вы бы обратили на себя вниманье.

— Я всю ночь не спалъ. У меня жилица-старуха померла. Она, бѣдная, прямо нищая была, и знаешь, чудачка какая? Все бездѣлушку одну золотую хранила — памятку отъ господъ, не продавала, никакъ не уговорить было ее продать. Я ей эту бездѣлушку въ гробъ сунулъ...

Зачѣмъ я Софѣ это сказалъ, не знаю. Можетъ быть, потому что поступокъ этотъ мнѣ казался ужъ очень благороднымъ, а главное, я былъ увѣренъ, что ея Іосифъ Эдуардовичъ на него не былъ бы способенъ, и Софья сразу пойметъ, — напрасно его карточку въ руки совала.

Но она глотала кофе, разсѣянно слушая меня.

— Теперь много народу умираетъ. Въ революцію это нормально — дѣловито проговорила она.

Я понялъ, что придалъ значеніе тому, что никакого значенія за предѣлами моей норы не имѣетъ. Вообще, что сказалъ про старуху совсѣмъ некстати. Къ счастью, Софья собралась, наконецъ, ѣхать.

— Если хотите, вы можете меня подождать. Я скоро вернусь. Что же вамъ еще разъ сюда бѣгать, — покровительственно сказала она, съ шумомъ отодвигаясь отъ стола. — Вы можете подождать, ну хоть въ кабинетъ... тамъ диванъ отличный. Если хотите, можно тамъ и прикорнуть. — Она указала на дверь за моей спиной.

Я былъ радъ одинъ остаться. Ужъ очень мнѣ было трудно съ Софьей въ то утро.

Комната оказалась огромная, вся солнцемъ залитая, окнами зеркальными на Фонтанку, и, тоже по казенному, была уставлена старинной непривѣтливой мебелью: овальный столъ посрединѣ, вокругъ четыре красныхъ александровскихъ кресла крестомъ, диванъ глубокій, но ко-

роткій, съ деревянной спинкой, на каминѣ часы громадныя, бронзовыя, пылью покрытыя, — пыль и на люстрѣ, и на пожелтѣвшихъ отъ времени хрустальныхъ подвѣскахъ и на всей мебели, — у окна столъ письменный широченный, неряшливо бумагами заваленный, два Ундервуда на простомъ еловомъ столикѣ, покрытомъ клеенкой; на стѣнахъ подъ огромными пустыми рамами: географическія карты, діаграммы, вырѣзки изъ газетъ и квитанціи кнопками всюду припилены и на гвозди насажены. Въ одномъ углу на полу — книги, стопы газетъ грудой свалены, въ другомъ, возлѣ изящнаго шкапчика съ инкрустацией, почему то — пара сапогъ, (его сапогъ, конечно) не очень новыхъ, но еще крѣпкихъ (шнурки по полу везутся), а рядомъ тутъ же, на полу, огромное чернильное пятно; чернильницу, очевидно, уронили. И на всей комнатѣ отпечатокъ неряшливости, безцеремонности безпечальной.

Здѣсь какойнибудь тайный совѣтникъ, въ вицмундирѣ безъ единой пушинки, возсѣдалъ, секретари въ лакированныхъ сапожкахъ вѣтеркомъ порхали, императоры со стѣнъ смотрѣли... Ну, а теперь.. теперь Іосифъ Эдуардовичъ все здѣсь перепачкалъ.

Я то великолѣпно этого Ангели съ Тентелевскаго завода знаю! Я то его помню! Хоть онъ еще пять Ундервудовъ наставъ и всѣ стѣны газетными ласкутиками уберил... Я то отлично знаю, что и Софью онъ отъ меня отнялъ, потому что былъ ничтожнѣе меня.

Въ сущности, Софью я не жалѣлъ, она совсѣмъ чужой стала, даже больше, чѣмъ чужой: всякій чужой интересъ новизны еще имѣеть, да новизна-то ея мнѣ не интересна, а лишь полезна; если же Софья теперь расторопной и толковой хлопотуней стала, такъ вѣдь благодаря этому я цѣлехонекъ, — не иначе. Правда, Эдуардычъ очень мнѣ ее испортилъ. Софья, моя то Софья, была нѣжная, легкая, птичка безпечная и чудачка: жизни боялась, людей дичилась, съ чужими робѣла и только дома рѣзвилась

и щебетала безъ умолку. А теперь не то... Потяжелѣла, стала ходить размашисто и грузно, говорить разсудительно, съ достоинствомъ туповатымъ; и неряхой стала: одинъ помпонъ на двѣ туфли и капоть съ пятномъ на рукавѣ, да и все кое какъ. Я это сразу замѣтилъ.

Въ сущности, если пять лѣтъ тому назадъ я пострадалъ, теперь это мнѣ на пользу. Для Софьи я потерпѣвшій, вродѣ какъ для царя инвалидъ. Она въ чемъ то себя виноватой передо мной считаетъ, а потому и всякія мнѣ услуги. Я думаю, никакой особой вины съ ея стороны не было, ужъ такъ, само собой случилось; а то я и самъ виновать, пожалуй.

Когда первый разъ я съ фронта пріѣхалъ, тогда сразу понялъ, что въ домѣ у насъ неладно изъ-за этого шустрого инженера, и сразу онъ мнѣ противенъ сталъ своей говорливостью и самоувѣреннымъ видомъ. И лицо его мнѣ было непріятно, можетъ быть, именно потому, что оно могло Софью казаться пріятнымъ.

Онъ весь пушистый былъ: и усы рыжеватые, и волосы свѣтлые, и брови, и рѣсницы; глаза-забіяки, съ задоромъ; ротъ большой, бѣлозубый, всегда влажный, жадный и до ѣды вкусной, и до папиросъ, до споровъ громкихъ, и до поцѣлуевъ, конечно. Болталъ онъ безъ умолку и все зналъ: что замышляютъ англичане, сколько пушекъ у Брусилова, что будетъ черезъ десять лѣтъ со всѣми нами, и какъ и гдѣ въ Сибири бьютъ бобровъ, и сколько пахотной земли на Кавказѣ, и почему русскій мужикъ иначе, какъ по американской конституціи, ни за что жить не согласится... При этомъ выходило всегда, что онъ все знаетъ, а я — ничего. Бывало, только ротъ раскрою — онъ ужъ на меня рукой машетъ: «Это абсолютная аберація. У васъ полное незнаніе точныхъ обстоятельствъ дѣла».

Не нравилось мнѣ тоже, что съ Софьей онъ небрежно-фамиллярно обращался, точно для него вопросъ уже

рѣшенный: влюбится она въ него безъ памяти. Обиднѣ всего, что Софья на него блестящими глазами смотрѣла и его пошлостями восхищалась. Восхищалась его небрежнымъ костюмомъ (тогда какъ, по моему, это отъ врежденной неряшливости происходило), манерой гордо закидывать голову въ спорѣ, — а мнѣ было ясно: сломанное пенснэ плохо на носу держится; нравилось ей, что онъ любилъ чудить: забирался на кухню къ нашей кухаркѣ чай пить, когда гости въ комнатахъ разговаривали, въ гостиной разваливался на диванѣ, подмявъ подъ себя рядныя Софьины подушечки, ходилъ зимой безъ шубы, а лѣтомъ безъ шляпы, привозилъ картузы съ мятными пряниками, лѣсными орѣхами, совалъ въ руки растрепанныя брошюры съ измызганными обложками, какъ то разъ раннимъ лѣтомъ среди бѣла дня выкупался на Елагиномъ островѣ, за что и былъ отведенъ въ участокъ, а Софья надъ этимъ безчинствомъ хохотала до упаду — ей это необычайно понравилось. Въ особое восхищеніе привелъ онъ ее, когда букетъ, присланный ей однимъ знакомымъ офицеромъ въ день рожденія, онъ безъ разговоровъ въ форточку выкинулъ. Кажется, послѣ форточки у нихъ все и рѣшилось...

А я, въ первый мой приѣздъ, вмѣсто того, чтобы себѣ признаться, что эту глупую трешетку ненавижу, старался себя увѣрить, что онъ преинтересный человѣкъ, и у Софьи въ мое отсутствіе есть пріятный собесѣдникъ. Я съ нимъ такъ привѣтливъ въ тотъ приѣздъ былъ, все по телефону его въ гости къ себѣ звалъ, а уѣхавъ, открытки посылалъ. Но самое гнусное было, что я и Софьѣ о немъ чудесно отзывался, точно ее самъ въ пропасть подталкивалъ.

Вотъ такъ это и пошло. Теперь то мнѣ ясно, что я своей ревливой ложью губилъ себя и жену. Неизвѣстно, какъ бы еще все повернулось, если бы я, какъ Познышевъ, снявъ сапоги, съ кинжаломъ за нимъ погнался.

Мнѣ кажется, когда Софья увидала, что я ни на какой кинжалъ не способенъ, тутъ она и рѣшилась, тутъ я изъ ея сердца, какъ изъ гнѣзда, и вывалился...

Можетъ быть, это моя вина, что нѣжную мою Софью, бабочку мою легкокрылую, въ этакую кувалду превратили. А впрочемъ, можетъ быть, у каждой русской женщины сарафанъ и лапти до времени припрятаны...

И все-таки вышло къ лучшему, потому что я сидѣлъ сейчасъ на мягкомъ диванѣ, а не на койкѣ тюремной.

Здѣсь въ памяти вся ночь всплыла. Непріятно было вспоминать о Надеждинской и о глупости съ пьяныхъ глазъ у Фонаревыхъ. Но зато благородный поступокъ со старухой, удивительно благородный! И опять я себѣ очень хорошимъ человѣкомъ показался.

Отъ всѣхъ этихъ мыслей я усталъ и прилежъ на диванъ. Въ квартирѣ тишина... Солнце — на стѣнахъ, на полу, на сапогахъ моихъ, а въ окнахъ небо свѣтлое, по утреннему бѣлое. Крѣпость-твердыня эта гулкая, какъ музей, пыльная квартира Іосифа Эдуардовича! Сюда ни одинъ Соломонъ Наумычъ и носа сунуть не смѣетъ! Я улегся поудобнѣе и, все глубже и глубже погружаясь въ мягкій ватный покой, по которому истомился, заснулъ мертвымъ сномъ подъ газетными лоскутиками Іосифа Эдуардовича...

Проснулся я не отъ стука, не отъ скрипа, не отъ шороха, а отъ взгляда. Я вдругъ раскрылъ глаза: Софья сидѣла поодоль и въ упоръ смотрѣла на меня, спящаго. Она была въ шляпѣ, только что вернулась.

Я вскочилъ, пригладилъ волосы.

Неказистъ спящій человѣкъ, по моему, всякій, а я, небритый, измятый, въ сапожонкахъ, виды выдавшихъ, навѣрно, ей опять противнымъ показался.

— Ужъ вы простите, я поспалъ немножко..

Софья опустила глаза и стала рыться въ сумочкѣ, потомъ, не глядя, протянула мнѣ бумажку. Я ее развер-

нуль, всё четыре строчки главами съѣсть, и подпись, и печати красныя — все. Бумажка была крѣпкая, вѣская, беззаконная до анекдота, но мой закончикъ о правѣ въ гробѣ не ложится, буде я этого не пожелаю, она защищала добросовѣстно.

— Какая вы добрая! Какая хорошая... — и я торопливо засунулъ документъ въ бумажникъ. Благодарить ее поласковѣй, попорывистѣй, я уже не отважился.

Софья разсѣянно пощелкивала замочкомъ сумочки и о чемъ то раздумывала. «О чемъ это она? Можетъ быть, я суховато поблагодарилъ? Но какъ же иначе? Проститься бы поскорѣй...» и я съ тоской глянулъ на дверь прихожей.

Мы молчали.

Тутъ, скрипнувъ пружинами, Софья поднялась съ кресла и, глядя не на меня, а куда то въ сторону, на Ундервуды, спросила скороговоркой:

— Это — вѣрно? Вы не замѣшаны въ этомъ дѣлѣ?

Тревога ея, лицо ея растерянное и вся она, не то испуганная, не то озадаченная, сразу мнѣ понятна стала: въ нее сомнѣніе вкралось, и пугалась она его и, быть можетъ, ужасалась, что наговорила-натворила безъ мужа, безъ царя и повелителя своего, Іосифа Эдуардовича!.. Но правды обо мнѣ все-таки она не знала, иначе, конечно, документа бы не выдала.

— Почему ты спрашиваешь? — спросилъ я, стараюсь говорить какъ можно тверже.

— Я взяла васъ на свою отвѣтственность... я ручалась. Это все равно, что самъ Іосифъ Эдуардовичъ. Ты понимаешь? Понимаешь, что это значитъ? — взволнованно говорила она, не замѣчая, что путаетъ «ты» и «вы». — Тебя никто не тронетъ, но мы за тебя, я за тебя отвѣчу колоссальнѣйшей непріятностью... колоссальнѣйшей, если ты ввяжешься въ какую нибудь организацію. Ты мнѣ

сказалъ. что то насчетъ Гнѣздина... онъ не твоего полка оказывается — ты солгалъ?

Софья стояла красная и говорила быстро, раздраженно, съ сердцемъ. Вся важность ея куда то улетучилась, и сквозь испугъ я на мгновенье былую Софью увидалъ, глупенькую, довѣрчивую, обреченную на большіе и малые обманы. Тутъ я солгалъ твердо, тверже нельзя:

— Гнѣздинъ — вѣрно, былъ у насъ недолго, потомъ перевелся на Кавказъ. Быть можетъ, онъ скрываетъ это. Я не солгалъ, я ничего тебѣ не солгалъ. Неужели бы могъ тебѣ солгать... при такихъ то отношеніяхъ!

Я не закончилъ.

— Хорошо-хорошо.. — раздраженно прервала она меня, — только напрасно къ намъ приходите: что порвано, такъ ужъ порвано... и навсегда, и некогда мнѣ, и занята я... и не могу я возиться съ вещами, съ шубой вашей... и вообще, вообще...

Она путалась, волновалась, и сердилась на меня и на себя за это волненіе.

«Прощаться... скорѣй прощаться», сообразилъ я.

Но вышло такъ, что мы не простившись, разстались въ то ясное утро. навѣки...

Прежде чѣмъ я придумать могъ. какія слова ей на прощаніе сказать, залился телефонъ въ глубинѣ квартиры. Софья неуклюже бросилась къ двери. Быть можетъ, она и вернулась бы послѣ телефона — проститься, если бы я на дорогѣ ей не попался, а я ей попался на пути именно такъ, что она меня всего на свѣту яркомъ, на фонѣ бѣлой стѣны, какъ распластаннаго комара, увидала. Былъ ли я очень невзраченъ, безгласность-безвластность моя крайняя меня губила, или просто постыдилась она меня, мужа былого своего — ума не приложу, только на порогѣ она на секунду пріостановилась и крикнула рѣзкимъ, сдавленнымъ, не своимъ голосомъ:

— Шубу-то, шубу вашу заберите! На сундукъ въ прихожей въ узлѣ лежитъ!..

Это ея послѣднія слова и были. Она шумно и плотно притворила дверь, и не видалъ я ее больше..

Софья мнѣ навсегда запомнилась именно такой, какъ тогда на порогѣ стояла: маленькая, толстая, въ чемъ то рыже-коричневомъ, въ черной шляпкѣ-треуголкѣ съ люто-краснымъ цвѣткомъ, съ лицомъ злымъ, вражѣмъ, съ посвѣтлѣвшими отъ отвращенія ко мнѣ глазами...

Я постоялъ, потоптался и шмыгнулъ въ прихожую, кепку съ подзеркальника схватилъ, узелъ съ шубой — съ сундука, безшумно отомкнулъ дверь, такъ же безшумно притворилъ ее, и, легко и вольно перепрыгивая черезъ ступеньки, полетѣлъ внизъ по лѣстницѣ.

Спасень! Спасень! Остальное все равно...

ГЛАВА V.

Съ этого то дня и началась новая полоса: не то, чтобы внѣшне что нибудь измѣнилось — нѣтъ, потому что о ту пору измѣняли жизнь такихъ людей, какъ я, только арестъ, побѣгъ, болѣзнь, что ли — а именно это все отъ меня и отступило благополучно. Нѣтъ, внѣшне было по старому, и укладъ жизни моей, сѣрый и сложный, былъ тотъ же. Такъ же я лежалъ на диванѣ и курилъ до сердцебіенія, такъ же хлопоталъ о снѣди всякой, изрѣдка на Неву, къ водѣ, къ проросшей среди булыжниковъ, рыжей, гнилой уже по осени травѣ, посидѣть ходилъ, такъ же печку растапливалъ и подолгу ужиналъ, хоть давно уже ѣсть по малу приучился, такъ же на скрипкѣ игралъ. Только старухи, разумѣется, не было.

Комнату ея въ тотъ же день, какъ ее въ гробу увезли, Петръ Ивановичъ опустошилъ. Пришелъ со свидѣлемъ какимъ то (откуда онъ его привелъ, неизвѣстно — въ домѣ я его никогда не встрѣчалъ), и, подъ видомъ описи наслѣдства, долго у ней въ комнатѣ они возились, шаркали ногами, газетами шуршали, а когда ушли — чисто! Петръ Ивановичъ со свидѣтелемъ послѣдній скарбъ старухинъ выкрали.

Мнѣ пустота эта послѣ старухи жуткой показалась, непріятно было и мимо двери ея комнаты проходить: сейчасъ же исторія съ ладонкой вспомнилась и, хотя конецъ ея мнѣ все еще очень нравился, тутъ же вспомнился и преглупый эпизодъ у Фонаревыхъ...

Да, жизнь моя была, какъ будто, и старая, а между тѣмъ вошло въ нее нѣчто такое, что, не измѣняя внѣшняго уклада, мѣняло ее безвозвратно. Такъ мѣняетъ сердцеви́ну жизни человѣческой страсть какая нибудь огненная, утрата, смерти подобная, радость нечаянная, въ жизнь птицѣй залетѣвшая, или черный подвигъ какой — уголовное что нибудь, или... то, что со мною приключилось, когда я втихомолку спасся и, среди всеобщаго страха-трепета, прятанья и отчаянїя, прѣблагополучно сталъ жить-пошевеливаться.

Житейски разсуждая, я людямъ никакого особаго зла не сдѣлалъ. Я, можно сказать смѣло, ничьей злой участи не усугубилъ. Я и о Гнѣздинѣ, въ сущности, очень деликатно выразился и на одни личные счеты наши и упиралъ. Строго говоря, какъ честнымъ человѣкомъ я былъ, такъ и остался. Спасенье мое нелѣпо — счастливая случайность — и только. Вотъ мои разсужденїя въ тѣ дни. И все-таки... что то до того меня наглухо отъ всѣхъ людей теперь отгородило — казалось, мнѣ больше не съ кѣмъ и не за чѣмъ встрѣчаться.

И я не встрѣчался. Я ужасно боялся разспросовъ о провалѣ и зналъ, куда сейчасъ ни сунься, только объ этомъ и разговоръ. Я ни къ кому не ходилъ, цѣлую недѣлю ни на одинъ звонокъ незнакомый не отпиралъ, все боялся, чтобы кто нибудь «оттуда» не зашелъ ко мнѣ оповѣстить о ходѣ нашего провала. Раза два стучалъ кто то въ позднія сумерки, тихо очень — видно, рукой въ перчаткѣ, — потомъ, еще день спустя, въ то же время, робко звонокъ дернулъ и записочку въ щель подъ дверь пропихнулъ. Этимъ дѣло и кончилось. Въ записочкѣ какая то конспиративная тарабарщина была, понялъ я одно: я долженъ сейчасъ же пойти къ Шкареву за получениемъ новыхъ инструкцій; тутъ же былъ и перечень арестованныхъ.

Я мигомъ списокъ проглядѣлъ. Въ заголовкѣ: «Гнѣз-

динъ», потомъ пять-шесть незнакомыхъ фамилій, потомъ все извѣстные мнѣ по наслышкѣ дѣятели, потомъ «Повѣнецкая»... «Марія Повѣнецкая». Марія Повѣнецкая? Да это же она... Я же помнилъ, зналъ ея фамилію съ партійной точностью, только почему то по имени ее не называлъ, кличекъ ей разныхъ надавалъ Ну да! «Черная дѣвица»... «строгая дѣвица», «дѣвица съ Надеждинской», «звено» мое — Марія Федоровна Повѣнецкая, Надеждинская 34. Я точно знаю: это — она. Правда, за эти дни я ни разу о ней не вспомнилъ, за эти дни у меня многое просто изъ головы вонъ. Со мной часто теперь случается, что цѣлые куски переживаній вдругъ изъ памяти вываливаются и возстановить ихъ всякій разъ большого усилія стоитъ, и никогда не поручишься, такъ ли все было. Мнѣ и въ голову за эти дни не пришло поинтересоваться, попалась она или не попалась.

«Если попалась, если такъ-то... если съ ея точки зрѣнія...» соображалъ я, съ усиліемъ вспоминая подробности послѣдней встрѣчи, — «вѣдь — я? Никто какъ я! Только я и могъ! Такъ она, навѣрно, и утверждаетъ... Какъ это было? Ахъ, какъ это она тогда? Да... «пожалуйте насъ....» Нѣтъ, не такъ: «не покидайте насъ....» что то въ этомъ родѣ. Нѣтъ-нѣтъ... можетъ быть, и не такъ, но очень, помнится, театрално сказала. Ей не повѣрять! Начиталась «Бѣсовъ»! Она типъ курсистки, которая читается книжкѣ и лѣзетъ на стѣну. Такимъ фантазеркамъ не вѣрять — никогда... никогда!

И я опять къ запискѣ приникъ, вчитываясь, вдумываясь, что значило приглашеніе идти къ Шкареву: довѣріе или подозрѣніе? И вдругъ я скомкалъ записку, разорвалъ ее на мелкіе клочки и шваркнулъ въ печку. Наплевать! Вѣдь, теперь мнѣ ровно никакого дѣла нѣтъ ни до подозрѣнія, ни до довѣрія. «Цѣпъ», Гельсингфорсъ, инструкции Шкарева, аресты... Я уже внѣ этого или надъ этимъ. Я — спасенный!

И, въ порывѣ скотскаго ликованья, я схватилъ со стола остывшій самоваръ и побѣждалъ подогрѣвать его на кухню, откупорилъ къ ужину припрятанную баночку сгущенаго молока, и шпику, и хлѣба нарѣзалъ вволю, и еще сахару взялъ изъ мѣшка не считая, полной пригоршней, потомъ сразу ужинать сѣлъ въ беззаботности небывалой, а потомъ завалился на кровать и заснулъ... Пожалуй, это былъ единственный вечеръ, когда я воистину наслаждался покоемъ, хотя столь дорогой цѣной добытымъ.

Въ эти дни я не только своихъ избѣгалъ и пугался, мнѣ и «тѣхъ», что силу жизни въ моихъ глазахъ олицетворяли и этимъ нравились, — видѣть не хотѣлось. Не то не нужны они сразу стали, какъ только я понялъ, что крѣпко ногами въ землю уперся; не то я самъ въ тѣ дни своей силой жизни упивался, давился даже; не то гущи уголовной, грязищи ихъ кроваво-черной преодолѣть все же не могъ настолько, чтобы безъ всякой для себя выгоды теперь съ ними общаться. Все послѣднее время я жилъ такъ, точно никого и ничего на землѣ, кромѣ меня, Алексѣя Павловича, и не существуетъ. Ничѣмъ я не интересовался, ничто меня не трогало. Даже о людяхъ, о правдѣ людской, «разъ въ сто лѣтъ открывающейся», не философствовалъ больше. Не писалъ почти ничего, не читалъ, и газетку, на перекресткахъ расклеенную, не проглядывалъ.

Этотъ грубый, собачій праздникъ мой длился не очень долго. Въ точности сейчасъ опредѣлить не могу, думаю, недѣли три-четыре а, можетъ быть, и меньше; но мнѣ казалось, что дни тянутся очень долго, дольше обыкновеннаго, какъ ни старался я скоротать ихъ дневнымъ сномъ, лишней смѣной самовара, ѣдой не въ обычное время.

Если говорить правду, то было что то физически истомное, какъ похоть утоленная, въ тѣхъ минутахъ, когда я сидѣлъ, поужинавъ, на всѣ замки-засовы квартиры крѣпко запертый, въ теплой ватной курточкѣ, подъ лампой-

коптилкой, и, самъ весь теплый и сытый, безтолково перелистываль, Богъ знаетъ какими судьбами подвернувшуюся, жоржъ-зандовскую идиотскую «Индіану»... За окнами осень поздняя, дождикъ по водосточной трубѣ вастѣной журчитъ-катится, вѣтеръ заслонкой въ печи стучитъ, а такъ — все кругомъ: молчокъ и темень. Если изъ форточки выглянешь — колодезь: нѣмъ и чернота. Даже Фонаревы стали окно плотно драпировками задерживать. Все живое точно въ обморокъ отъ страха передъ грозной ночью. Только мнѣ ночь не страшна: въ бумажникѣ — листокъ-четвертушка, тамъ чернымъ по бѣлому сказано въ томъ смыслѣ, что я «особенный», «не какъ всѣ». И не боюсь я ночи, когда такія печати и подпись-закорючка красными чернилами самого «Коротконогаго», «Кудряваго», съ круглыми, кошачьими глазами...

Да, все это минутами придавала острый, сладостный вкусъ моей жизни; было пріятно, что все же я чистъ нравственно, только проявилъ болѣзненную неустойчивость нервовъ — послѣдствіе всего пережитого — и, конечно, какъ всякій человѣкъ, могъ сдѣлать предосудительный, недостойный даже, шагъ въ нетрезвомъ видѣ. Но зато далѣе смѣло улыбалась моя совѣсть: въ день нравственной неустойчивости — поступокъ съ медальономъ и отсыпанное накануне старухѣ пшено!

И вотъ, несмотря на ложь о себѣ, которая была тогда моей правдой, несмотря на ложью пропитанную память мою, несмотря на идиллію подъ лампой-коптилкой — во мнѣ стала постепенно вздыматься душная скука и, медленно меня обволакивая, губила самый ростокъ моей жизни. Стало это проявляться тихо, незамѣтно, безъ всякой видимой причины, какъ совершается въ жизни все для человѣка воистину значительное.

Помню, портной Швайцеръ своего огненно-рыжаго Моисейку пригналъ и сказать велѣлъ: если я тотчасъ же прійду и переговорю, то дѣло съ шубой можетъ и

выйдетъ. Я разсѣяннo на мальчишку уставился и говорю: «ты отцу скажи, я занятъ и изъ дому не выхожу. Когда продасть, пусть деньги принесетъ, я ему за трамвай заплачу». Моисейка даже удивленно рыжими рѣсницами замигалъ, въ недоумѣніи тиская фуражку. — «А папаса сказалъ: бѣгай шибче до господина Полежавина, 150 тысячъ даютъ», — по дѣтски вздохнувъ, озабоченно проговорилъ онъ. Раньше вмѣстѣ съ мальчишкой я бы за деньгами помчался — получить ихъ поскорѣе и спрятать, чтобы у чужого человѣка лишній день не валялись. Я бы дорогой уже поразмыслилъ, какъ мнѣ ихъ потолковѣе истратить, продажѣ очень бы обрадовался и завтра съ утра на рынокъ поторопился. А нынче — что-то не то... Можетъ быть, потому, что зналъ: въ шкапу у меня всего много, для одного совѣмъ достаточно... — не знаю, но эту лѣнь, вялость, апатію я все болѣе и болѣе сталъ примѣчать въ себѣ, сначала въ мелочахъ, конечно.

Бывало, спать лягу — все приберу, спрячу, за собой вымою; теперь сталъ ложиться сразу, какъ ко сну заклонить, иногда и до постели не дойду, не раздѣваясь на диванѣ приткнуся. Сталъ нечистоплотенъ: брился рѣдко, сапогъ не чистилъ иногда по недѣлѣ и постель свою не всякое утро прибиралъ; да и вообще чѣмъ дальше, тѣмъ чаще кое какъ все дѣлалъ, только бы отъ дѣла отвязаться. Мнѣ лѣнь жить, лѣнь что либо дѣлать становилось... И всякій разъ, когда я въ этомъ убѣждался, на меня находилъ унылый испугъ.

Это было вскорѣ послѣ Моисейки. Догнала меня на лѣстницѣ мадамъ Фонарева и зазвала чай пить. Съ того вечера мы съ ней не видались, да признаться, я о ней ни разу и не вспомнилъ. Была она одна и очень къ лицу одѣта: чернымъ шелкомъ хруститъ, бирюзовыми сережками поматываетъ. Я отъ приглашенія не отказался, но — странно: какъ только въ столовой противъ нея сѣлъ, въ креслѣ развалился, такъ и размякъ, замямлилъ, зазѣвалъ, точно не съ дамой мнѣ приглянувшейся бесѣдую, а по

скучному дѣлу пришелъ. Минуть двадцать я съ ней просидѣлъ — и вдругъ Фоинарева со своими сережками, платьемъ хрустящимъ, съ булочками на столѣ, со смѣхомъ-горошкомъ, съ видомъ веселой телки, такой ненужной, такой безобразной показалась; такъ глупо, написавъ работу «О налогахъ по кодексу Юстиніана», съ дѣвкой сидѣть и, какъ съ дамой, разговаривать, что я машинально отодвинулъ недопитую чашку, хотѣлъ встать — и тутъ внезапно себя въ зеркалѣ увидѣлъ...

Я похожъ на Чехова. Лицо у меня тонкое, борода клиномъ, негустая, пенсне на тесемкѣ, и волосы лежатъ вольно назадъ откинутые. Я не красивъ — это безспорно, но я похожъ на Чехова. Внѣшность у меня не вульгарная, а скорѣе болѣзненная, хрупкая, и не безъ благородства осанка и поступь.

Все это мнѣ въ зеркалѣ тогда въ глаза бросилось, главное, — что я похожъ на Чехова... Этотъ пустякъ до того меня потрясъ, даже лицо нервно дернулось. Я вскочилъ и сталъ прощаться.

— Вы куда? Вы куда? Попрыгунъ вы эдакій! — звонко воскликнула Фоинарева.

— У меня дѣло, я совсѣмъ забылъ, спѣшное дѣло, — хватаясь за часы, строго сказалъ я.

Если бы она просила остаться, если бы она надулась, или настаивала, это не очень бы мнѣ понравилось, все же это была бы понятная форма женской навязчивости, но она наклонилась надъ столомъ, захватила обѣими руками охапку булокъ и стала пихать мнѣ въ карманы, приговаривая: «Вы ихъ вечеромъ — съ чайкомъ, вечеромъ — съ чайкомъ!» — заливалась визгливымъ смѣхомъ и обдавала меня аптечнымъ запахомъ крѣпкихъ, скверныхъ духовъ и нестерпимо-раздражающимъ хрустомъ шелкового платья...

— Не надо, оставьте, оставьте, прошу васъ... — раздраженно говорилъ я, силясь вынуть булки.

Она вцѣпилась въ мои карманы и смѣялась, покачивая серьгами, смотрѣла, не мигая, выпуклыми кукольными глазами, довольная, что завязывается борьба. — И хотя я чувствовалъ ея грубую игру и всю ее чувствовалъ до физическихъ мелочей, близость съ нею показалась мнѣ невыносимо противной... Я опустилъ руки, которыя переплетались съ ея горячими влажными руками, криво и лживо усмѣхнулся, глядя на нее злымъ взглядомъ.

— Ну, и отлично! Если вы настаиваете, я возьму, — сказалъ я, повернулся и пошелъ къ двери.

Вѣроятно, я былъ очень смѣшонъ въ эту минуту, потому что она тихо фыркнула мнѣ вслѣдъ и уронила ложку...

Я пришелъ домой, съ отвращеніемъ выкинулъ булки на письменный столъ и бросился на диванъ. Я не могъ бы сейчасъ объяснить, почему эта невинная исторія съ булками, грубоватая развязанность Фонаревой, на которую я не разъ самъ заглядывался на дворѣ, вызвали во мнѣ чувство такой непонятной гадливости. Въ тѣ годы моей жизни цѣломудріемъ я не отличался, и не тяжелая шутка, конечно, меня разстроила, а то, что она была не во время, что влеченія къ Фонаревой у меня теперь не было ни малѣйшаго.

Желанія мои немудрыя и немногія въ тѣ дни — и тѣ, я замѣчалъ, начинали меркнуть. Какъ туча пепла, нашла на меня тяжелая плотная скука на погибель всему живому, что еще во мнѣ осталось. Но въ томъ и тайна жизни моей, что въ то же время я сталъ чувствовать смертельную боль, лютую тоску, которую знаетъ лишь тотъ, кому довелось ее пережить. Горше ея для человѣка нѣтъ ничего на свѣтѣ...

Я на землѣ не изъ счастливицковъ, разные виды видалъ, но всегда щель куда-то оставалась, надежда паутинкой висала, а главное, по совѣсти говоря, все же умирать не хотѣлось, а если и хотѣлось застрѣлиться, то лишь потому, что, казалось, въ самоубійствѣ есть своеоб-

разное молодечество, есть красота бѣсова въ расправѣ чело-
вѣка съ самимъ собою. А здѣсь и мысли о смерти не
было, но я метался изъ стороны въ сторону, изъ од-
ного угла души въ другой, изнывая, терзая свой разумъ
нагроможденіемъ бессмысленныхъ вопросовъ, ни къ че-
му не нужныхъ образовъ.

Разъ ночью мнѣ вспомнился почему то рыжій Мои-
сейка, и я вдругъ сталъ припоминать царей іудейскихъ
(когда то я ихъ на зубокъ зналъ), послѣ Манасіи запу-
тался, вскочилъ и ни съ того ни съ сего въ энциклопедію
смотримъ полѣзъ, чуть лампу не опрокинулъ, на стулъ
возлѣ шкафа карабкаясь, потомъ опомнился, лампу зату-
шилъ и подъ одѣяло поползъ.

Случалось, начну припоминать всѣхъ моихъ сослу-
живцевъ по отряду, ихъ имена-фамиліи, лица и всякія се-
мейныя подробности — на часы взгляну, часа полтора на
это ушло. Иногда дѣло какое нибудь брошу, бумажникъ
вытрясу и деньги пересчитываю, все пересчитываю, хо-
тя ничего покупать и не предполагаю, а просто такъ, что-
бы отъ мысли одной отвязаться....

А мысль одна страшная была... приходила... посѣща-
ла. Да... и всегда она меня змѣей въ самое ядро души жа-
лила и чаще и чаще приходила... Становилось самого
себя страшно; мучила она меня. Задрожу, бывало, и бро-
шусь изъ дому. А въ ушахъ, въ мозгу, въ груди даже:
«если ужъ начинается?.. если начинается?..» И бѣгалъ-
шагалъ я по городу въ тѣ дни до изнеможенія, не обра-
щая вниманія на погоду. Въ дождь забѣгалъ въ пустын-
ный Пассажъ, подъ арки Апраксина, въ заколоченный
Гостиный Дворъ... въ трамваѣ по Садовой взадъ-впередъ
ѣздилъ; иногда случалось, посижу, пообсохну гдѣ ни-
будь въ незапертой парадной или просто въ подво-
ротнѣ — и дальше. Только я старался ходить и сидѣть
тамъ, гдѣ люди, гдѣ побольше людей, чтобы мнѣ лег-

че было завалить-засыпать мысль мою кучей сторонних впечатлѣній. Теперь я дома почти и сидѣть пересталъ, ночей боялся и короталъ ихъ всячески. Въ мокрые вѣтренные дни я пристрастился на Николаевскій вокзалъ ходить. Тамъ людей всякихъ — бабья, солдати — пропасть: въ проходахъ, коридорахъ, залахъ, во всѣхъ углахъ-закутахъ, всюду люди среди тюковъ, мѣшковъ, узловъ, скарба вонючаго... а у кассъ — галдежъ, ругань, плачь дѣтскій, стукъ и хлопанье дверей на сквознякахъ, топотъ ногъ во всѣ стороны.

Тамъ я, бывало, въ самую толчею и вмѣшаюсь, стою, слушаю, или подсяду къ кому-нибудь въ проходѣ среди корзинъ, мѣшковъ — на полъ, на лавку, гдѣ попало. Иногда я съ людьми заговаривать пытался и охотно — это я точно помню — охотно отвѣчалъ, если случалось, кто нибудь меня спросить, который часъ или что нибудь о поѣздахъ. Только рѣдко меня спрашивали, не очень то со мною разговаривали. Но все-таки на вокзалѣ мнѣ было легче, потому что шумъ и мельканье въ глазахъ.

Для солнечныхъ дней я Екатерининскій скверъ облюбовалъ. Тамъ дѣтвора попадалась, и памятникъ мнѣ всегда нравился.

Стоитъ Императрица торжественная, саженная, шлейфъ, тяжелый, бронзовый величаво распустила, державу, скипетръ руками ловко ухватила; на головѣ вѣнецъ царицы россійской, а у подножія — восхищенные слуги-сподвижники въ почтительно-изящныхъ позахъ вокругъ нея разсѣлись..

Вотъ на площадкѣ, противъ памятника, я и сиживалъ въ ясные дни. Кругомъ осень желтая, послѣдній листокъ кусты осыпаютъ, въ воздухѣ гнилымъ деревомъ, сыростью пахнетъ. Октябрь... Въ садишкѣ грязно: на дорожкахъ каменистыхъ окурки, спички, трамвайные билеты, соръ всякій; скамьи всѣ пошатались и обшарпались, но зато — дѣти, и такъ, народъ усталый на полпути отдох-

нута забѣгаетъ. Мальчишки кричатъ-дерутся, дѣвочки, кто поменьше, комочками къ землѣ приники, въ листьяхъ копошатся.

Здѣсь, въ скверикѣ, мнѣ почему то легче и станетъ, особенно — если солнце поярче и людей побольше. Вотъ садика этого самаго, дѣтей играющихъ, листьевъ опадающихъ, Императрицу въ лучахъ солнца предзакатнаго — я не забуду во вѣки вѣчные...

Въ тотъ день съ ранняго утра я очень маялся, даже физически нехорошо мнѣ было. Да... что то со мной неладное въ тотъ день творилось. Не помню даже, какъ всталъ, прибрался, какъ чай пилъ, можетъ быть, даже и не пилъ вовсе, — не помню. Когда же «она» мучить меня стала, я изъ дому убѣжалъ и долго по городу шатался. На вокзалъ заглянулъ, но тамъ облавы испугались, и весь народъ на площадь вывалилъ. Я потоптался-потоптался и пошелъ. Не знаю, сколько верстъ я въ тотъ день выходилъ, помню только, что въ концѣ концовъ приплелся сюда, въ скверъ, къ памятнику, очень обрадовался, что народу много — всѣ скамейки заняты. Я пошагалъ вдоль сада, свободной скамейки дожидался, и вотъ дождался: старуха, въ чемъ то ватномъ, рваномъ, со щекой подвязанной, съ распухшими валкими ногами, съ мѣста снялась. Я на ея мѣсто и усѣлся, и такъ удачно вышло, что цѣлое семейство около меня оказалось: мужикъ усатый, баба съ ребенкомъ, мальчишка лѣтъ шести и еще солдатъ-парень; и споръ-разговоръ у нихъ семейный. Я съ двухъ словъ понялъ — на отпѣваніи въ Обуховскую больницу всей кучей ходили и теперь спорять-толкуютъ, какъ это такъ вышло, что Ерофей вдругъ померъ, а пять лѣтъ никакая пуля его не брала, и сколько всякаго добра онъ, Ерофей, къ себѣ на Телѣжную съ квартиръ богатыхъ свезъ, и все, конечно, жена, свояченица сейчасъ узлами растаскали, и никому ничего не достанется.

Я все слушалъ, все силился въ разговоръ вмѣшаться;

только разговора никакого не вышло, а вдруг парень на меня уставился, съ мужикомъ и бабой переглянулся, всѣ мигомъ съ мѣста снялись, дѣтей загребли — и къ выходу.

Потому ли, что въ тотъ день мнѣ физически и душевно было тяжело; потому ли, что я долго и кротко ждалъ, чтобы къ людямъ хоть какънибудь примаститься, — не знаю, но, когда я понялъ, что на скамейкѣ одинъ, и надо идти домой, и опять ночь, и опять долгое бѣлесое утро — я вскочилъ, растерянно глянулъ по сторонамъ и сѣлъ опять. Идти мнѣ было некуда, домой возвращаться страшно. Найдности во мнѣ никому не было ни малѣйшей. Я это сознавалъ ясно. А между тѣмъ хотѣлось, чтобы она была; чтобы кто-нибудь меня позвалъ, окликнулъ, не по дѣловому, а какъ то неповторяемо - отратно, требовательно и властно, какъ въ дѣтствѣ — мать или Володя, какъ Соня, когда была моей невѣстой. И я вдругъ попробовалъ мечтать... Я сталъ придумывать, я изошрялся, стараясь представить, что ко мнѣ сбоку, нѣтъ... сзади, нѣтъ, лучше со стороны театра подходитъ невѣдомый, нѣкій невѣроятный, величавый, добрый человекъ и тревожно спрашиваетъ: «Алеша, что съ тобою?...» Нѣтъ-нѣтъ, лучше такъ: «Наконецъ-то я тебя нашелъ, Алеша...» Или просто ничего не спрашиваетъ, а садится рядомъ и съ участіемъ смотритъ на меня. Ахъ, если бы такъ! Если бы ктонибудь окликнулъ по хорошему, по волшебному! Я бы все рассказалъ ему, все рѣшительно. Я бы рассказалъ и про отвращеніе мое ко всему: къ революціи, къ вѣроломному русскому народу, къ сожженному моему сочиненію о Юстиніанѣ, ко всему прошлому, къ «цѣпи», къ толстой Софѣѣ, къ Эдуардычу... Я бы не скрѣлъ, что испугался тогда... у «черной дѣвицы», у Маріи Федоровны, и про документъ чуть не проболтался. Я бы сказалъ и про «мысль» страшную... Я бы все сказалъ — все! А тотъ, чудесный другъ мой, выслушалъ бы меня и все разомъ понялъ и разсудилъ бы муд-

ро и право. Но «онъ» не долженъ быть русскимъ! Нѣтъ, — не русскій! Русскіе сейчасъ злодѣи... Нѣтъ-нѣтъ! Я не могу сказать русскому! Я не хочу сказать русскому...

Въ скверѣ я пробылъ долго, такъ долго, что ужъ солнце закатилось за высокіе дома, и въ сырой тѣни я зазябъ до дрожи, но я не уходилъ, все шагаль вдоль рѣшетки къ театру и обратно... потомъ, когда стемнѣло и стали запирать, я на Невскій вышелъ — очнулся, точно отъ сна пробудился.

Сумерки сѣдыя, сырыя. Народишку рѣденько по тротуару въ двѣ стороны насыпано, на торцахъ ѣзды никакой, одинъ только возъ пустой — безъ заднихъ колесъ, оглобли вверхъ — противъ Аничкина дворца второй день стоитъ. Вдали — точка яркая, багровая: фонарь у «Лаптя», у кинематографа противъ Троицкой. А такъ все темно, тихо, пустынно...

Вотъ она самая подлинная правда, ее никакой фантазіей не прикроешь: ночь впереди; и еще правда: я домой идти боюсь, я ночи боюсь, я теперь и «друга» боюсь, я боюсь, вдругъ съ «друзей» то безуміе и начинается....

До перекрестка Садовой и Инженерной я доплелся и сталъ. Здѣсь, на трамвайной остановкѣ народъ толпился, на каждый вагонъ злой кучей наваливался, вагоновожатые покрикивали, звонки звякали, и несмазанные трамваи визжали, стуча на поворотахъ отвислыми задками.

Я здѣсь стоялъ долго, зналъ, что сейчасъ мнѣ все равно въ трамваѣ мѣстечка не отстоятъ, такъ я волей ослабѣлъ. Я къ стѣнѣ прислонился, глаза полузакрывъ, въ безпамятствѣ на мигъ затихъ, а потомъ поползъ-поплелся къ цирку, къ Фонтанкѣ, домой, конечно. У Моховой на паперти пристѣлъ. Въ церкви, вѣроятно, служба какая нибудь шла, потому что люди мимо меня изъ дверей въ двери все шмыгали, въ окнахъ, что на Моховую, свѣтъ тусклый желтѣлъ, едва видать, да и пѣли тамъ что то протяжно...

ГЛАВА VI.

Въ тотъ день я до полного изнеможенія души дошелъ. На меня надвигалось что то темное, предѣльное, зловѣщее, послѣ чего я просто изъ круга людей и человѣческихъ понятій, вѣроятно бы, выпалъ. Вся душа, все существо мое въ тѣ дни медленно гибло — такъ смрадно тлѣютъ и дымятся сжигаемая на вѣтру мусорныя кучи. Никакая мечта не спасла бы меня, вообще ничего изъ меня самого извлеченное, во мнѣ свой ростокъ вкоренившее. Но случилось такъ, что послѣ сквера я столкнулся у самого нашего дома со Шкаревымъ, и опять меня смыло въ море людское, туда, гдѣ всѣ въ добрѣ и злѣ барахтались и спасались, и гибли каждый по своему.

Признаюсь чистосердечно, если бы не страхъ, что сегодня, именно сегодня ночью, случится со мною нѣчто ужасное; если бы не болѣзненная одержимость этой мыслью, я бы отъ Шкарева въ первыя ворота спрятался, къ первой попавшей водосточной трубѣ припалъ, чтобы онъ меня въ темнотѣ не примѣтилъ. Но онъ въ полутьмѣ меня увидалъ и вцѣпился въ мой рукавъ, а я, разомъ узнавъ его, слабо вскрикнулъ (не помню, какъ это и вышло), ухватился обѣими руками за лацкана его шинели и весь потянулся къ нему, лепеча что то невнятное.

— Я васъ который день поджидаю, — перебилъ Шкаревъ, — вамъ писали, къ вамъ заходили — вы не пришли. Мы подумали: уѣхали... Съ нашими васъ нѣтъ, и къ вамъ не достучались... Кто то васъ видѣлъ на Невскомъ, увѣ-

рыль: вы совсѣмъ больной. Я сталъ приходить, поджидать васъ...

Шкаревъ говорилъ отрывисто, нервно, горячимъ шопотомъ, и видъ у него былъ непривычный: бритый, щека чернымъ подвязана, пенснэ (никогда не носилъ раньше) и противная, солдатскаго фасона, чепцомъ, фуражка.

— У насъ провалъ полный, — еще тише продолжалъ онъ, — человекъ десять осталось, — и все неопытные... Пойдемте къ вамъ, нельзя же здѣсь... Я расскажу, пойдемте. Если бы вы только знали, кто выдалъ!

Когда онъ о предательствѣ упомянулъ, я ужасно растерялся, весь затрясся даже. Хорошо, что мы уже по лѣстницѣ подымались, не выдалъ онъ этого.

— Я боленъ былъ, боленъ..., очень боленъ... — лепеталъ я.

Самое стыдное, стыдомъ этимъ мнѣ памятное, была минута, когда мы въ кабинетъ вошли, я лампу зажегъ, а Шкаревъ сдернулъ пенснэ, повязку черную и вдругъ, своими холодными большими ладонями мою руку крѣпко стиснувъ, сказалъ съ ласковостью задушевной:

— Ужъ вы простите меня, Алексѣй Павловичъ, и насъ всѣхъ простите. Мы такое страшное подозрѣніе на васъ возвели, можетъ быть, это до васъ добѣжало. Ради Бога, простите...

Онъ весь красный былъ, пока говорилъ и закашлялся смущенно.

— Какое подозрѣніе?

Я намѣренно строго и высоко поднялъ брови, но тутъ же сдалъ, сморщился, заметался по комнатѣ, разыскивая папиросы, хотя и зналъ — на полкѣ онъ у двери.

Шкаревъ устало опустился на диванъ.

Только теперь я замѣтилъ, что онъ за эти мѣсяцы измѣнился: осунулся, посѣдѣлъ, сгорбился, глаза воспаленные, борода всклокоченная, шинель безпогонная, потасканная, съ болтающимися пуговицами, виситъ на немъ

уныло-покорно, какъ на вѣшалкѣ, сапоги — тяжелыя, солдатскія «бутылки»... Такимъ я еще никогда его не видѣлъ. Я всегда его румянымъ, басистымъ полковникомъ помнилъ, помнилъ, какъ онъ въ 15-омъ году, въ Рождество, въ нашъ лазаретъ, въ Барановичахъ, подарки изъ великокняжескаго склада привезъ; какъ онъ бѣгалъ изъ палаты въ палату, охапками наваливая на кровати пакеты, свертки, мѣшечки, пріятно журча полковничьимъ баскомъ, мягко позвякивая шпорами, ласково переговариваясь съ нами, перекликаясь съ сестрами — и, наконецъ, всѣхъ насъ обдавъ на прощанье безразсудной лаской, точно теплымъ весеннимъ вѣтромъ, вскочилъ легкій и ловкій въ сверкавшій на аломъ зимнемъ закатѣ автомобиль и, весело улыбаясь всѣмъ тремъ этажамъ лазарета, держалъ подъ козырекъ, пока не выѣхалъ за ворота.

Помнилъ я его и въ бѣлесое дождливое утро въ колоннадѣ Казанскаго собора, когда онъ, темный лицомъ, измученный, но сильный въ жестокой оскорбленности своей за честь офицерскую — передавалъ мнѣ гельсингфорскій шифръ; а потомъ — все такимъ же почти изо дня въ день цѣлую зиму на Васильевскомъ Островѣ, въ квартирѣ Ермолаевыхъ...

Теперь одна ласковость, съ которой онъ мою руку стиснулъ, напомнила мнѣ того Шкарева, что пріѣзжалъ въ Барановичи, а такъ, пожалуй, ничего больше. Говорилъ онъ сипло, отрывисто, какъ говорятъ много пившіе или подолгу неспавшіе люди, и весь онъ, обтрепанный и сникшій, походилъ на побитое градомъ растеніе.

Какъ только зажегъ я свѣтъ, въ изнеможеніи опустился на диванъ, ваявшееся пальто на плечи натянулъ, закутался, въ уголъ забился, замолкъ, замеръ... Въ ту минуту мнѣ казалось: не можетъ этого быть, чтобы Шкаревъ не притянулъ меня къ отвѣту, а я зналъ, отвѣчать мнѣ нечего, въ правдѣ не признаться — въ ту минуту

правда съ ложью такъ въ моемъ сознаніи перемѣшалась, что и открывать было нечего.

Но къ отвѣту меня не притянули, и тутъ же я узналъ все.

— Разгромъ полный... — тихимъ взволнованнымъ шопотомъ, невольно по привычкѣ оглядываясь по сторонамъ, заговорилъ Шкаревъ — и всѣхъ выдалъ Добрынинъ...

— Кто?

— Добрынинъ... московская организація. Кто могъ думать! Ну кто могъ думать...

— Какой Добрынинъ? — съ недоумѣніемъ спросилъ я.

— Да тотъ самый полковникъ Добрынинъ... помните, прорывъ у Ивангорода? Герой, умница, сердце золотое... всѣ имъ восхищались, вся наша дивизія. Ума не приложу! Понимать отказываюсь... Что съ нимъ случилось? Наважденіе какое-то...

Шкаревъ въ безсильномъ отчаяніи развелъ руками.

Молчаніе.

Я жадно ловилъ каждое слово. Добрынина я не зналъ, давно отъ всякихъ дѣлъ поопаснѣе уклонялся, и съ Москвой сносились уже съ полгода помимо меня. Добрынина я не пожалѣлъ. Какъ только о немъ рѣчь зашла, я возрадовался всѣмъ больнымъ существомъ моимъ, что я не совершилъ того, что совершилъ Добрынинъ, и что ко мнѣ пришли именно потому, что я не совершилъ, и будутъ приходить, и ласково пожмутъ руку, какъ давеча, потому что я не совершилъ... И тутъ же, вмѣстѣ съ радостью за себя, всплыло ощущеніе тѣсной, почти братской близости къ Добрынину, который «совершилъ», и было мнѣ такъ понятно, такъ знакомо, какъ люди это «совершаютъ»... «Какъ я... какъ я...» стучало безъ всякой укоризны въ душѣ моей. Вдругъ вспомнилъ я и спросилъ про Гнѣздина. Лицо Шкарева сразу вытянулось, стало строгимъ, важнымъ, почти благоговѣйнымъ.

— Петя держался съ необыкновеннымъ мужествомъ,

на допросъ издѣвался надъ ними: когда ему велѣли изложить показанія письменно, онъ не написалъ ни строчки и нарисовалъ хороводъ чертей...

— Держался?

Сердце у меня захолонуло.

— Да, — глухо проговорилъ Шкаревъ и отвернулся...

Мнѣ вспомнилась солнцемъ залитая пріемная, краснымъ бархатомъ обитая... хмурая Софья... и ложь моя жестокая про Петю... Жаль мнѣ его не было, но стало не по себѣ, невыносимо не по себѣ, до стѣсненія въ груди, до сердцебиенія...

— Только онъ?

— Нѣтъ, пятеро... въ прошлый понедѣльникъ.

— Кто?..

Меня охватилъ ужасъ, тотъ знакомый ужасъ, какъ всякій разъ, когда я думалъ о казняхъ.

Шкаревъ назвалъ мнѣ пять именъ, изъ нихъ близко я никого не зналъ, двухъ видалъ мелькомъ прошлой зимой.

— А другое «звено» мое... та, на Надеждинской, какъ ее... Повѣнецкая? Она, вѣдь, тоже въ списокъ арестованныхъ.

Шкаревъ безнадежно махнулъ рукой.

— И не спрашивайте.... Горе-то у ней какое! — добро и просто сказалъ онъ. — Добрынинъ — любовь ея была, невѣстой его у насъ всѣ ее считали; сначала не вѣрила, горячилась, записки все посылала... Простите, она то и писала что вы, Алексѣй Павловичъ, переметнулись, вы выдали... предостерегала, увѣряла, что съ Добрынинымъ ошибка, что оклеветали святого человѣка, наивно, голословно увѣряла. Такая умница и такъ по дѣтски!

— А потомъ?

— Говорятъ, сами власти ей письмо передали. Онъ писалъ ей, что понялъ свои заблужденія, раскаивается и ей совѣтуетъ — тогда и свадьба сейчасъ же.

— Что же съ ней было? — съ острымъ и грубымъ любопытствомъ спросилъ я.

Шкаревъ не отвѣтилъ, не хотѣлъ или не посмѣлъ коснуться того, что должно было остаться тайной отъ всѣхъ. Онъ прошелся по комнатѣ и опять на диванъ сѣлъ.

— Жаль мнѣ ее, — скорбно покачалъ онъ головой и еще болѣе потемнѣлъ и сгорбился. — Вотъ вы, Алексѣй Павловичъ, сильный человѣкъ, — помолчавъ, продолжалъ онъ, — тогда, въ Москвѣ, съ юнкерами не растерялись, нашлись; я всегда васъ такимъ помню... всегда уважаю, а то сейчасъ, вы не повѣрите, какая растерянность! Бѣгутъ, бросаютъ, рукой на все махнуть готовы, теряютъ вѣру, путаютъ, подозрѣваютъ... Вотъ и васъ оговорили... — и Шкаревъ сталъ рассказывать быстро и сбивчиво, стыдась словъ своихъ, все какъ было.

Ясно: обвиненію повѣрили, хоть на одинъ день, да повѣрили, хоть и ужасались потомъ, позднѣе, когда пришла вѣсть, землетрясенію подобная, что Добрынинъ выдалъ московскую группу и петербургское звено свое — профессора Яслана. Отсюда и покатился, разматываясь, клубокъ заговора, опутывая и виновныхъ, и невинныхъ. Если до Шкарева, до меня, и еще кое до кого не добрались, то лишь благодаря тому, что гдѣ-то счастливо оборвалась нить, насъ всѣхъ обличающая: кто-то стойкій смолчалъ или смѣтливый запуталъ слѣдствіе.

«Значить, и унижаться передъ Соней было не нужно», мелькнуло у меня.

Пока Шкаревъ говорилъ, я ни живъ, ни мертвъ сидѣлъ, къ спинкѣ дивана прижался, въ пледъ закутался, чтобы онъ не замѣтилъ, какъ я дрожу.

— Вотъ видите, до чего мы дошли, — виновато и грустно промолвилъ Шкаревъ. — Ужъ вы насъ простите...

— Я понимаю! Я все понимаю! — вдругъ горячо и возбужденно воскликнулъ я, вскакивая съ дивана. — Какое, къ черту, прощеніе! Вы всѣ великодушны, ужас-

но великодушны! Обѣ одномъ прошу сейчасъ — останьтесь, посидите, не уходите, пожалуйста, не уходите... Давайте ужинать... я сейчасъ, сейчасъ! — и я бросился къ печкѣ, къ шкапу, къ столу, къ этажеркѣ, — завозился, захлопотался, въ порывѣ буйнаго гостепріимства.

Точно обручъ, стягивающій все мое существо, вдругъ лопнулъ и разлетѣлся въ то мгновеніе, когда Шкаревъ у меня прощенія попросилъ, и тутъ же — догадка: если такъ, если Шкарева или какого-нибудь пріятнаго человѣка повидать, тогда не надо бояться, что нынче въ ночь со мною то случится, чего я за послѣднее время такъ боюсь...

«Я какъ всѣ, какъ всѣ...», лепеталъ я про себя, «на-вѣрно, такой же пріятный, какъ Шкаревъ, какъ умница Ясланъ и такой же, какъ докторъ Линевъ, какъ Марія Федоровна, Гнѣздинъ, какъ Бобикъ Перекрестовъ, который хладнокровно отстрѣливался до тѣхъ поръ, пока въ каминѣ не сгорѣла пачка документовъ, — такой же! Вѣдь если бы не такой, если бы, какъ Добрынинъ или какъ та мелюзга человѣчья, что сейчасъ по всей Россіи бѣсится, развѣ пришелъ бы порядочный человѣкъ посидѣть ко мнѣ, развѣ просили бы у меня прощенія? Никогда!» — И я преисполнился благодарности къ Шкареву.

Я бѣгалъ въ кухню и обратно, раздувалъ самоваръ, ворошилъ дрова, мѣшалъ трясущимися руками вчерашнюю ослизлую кашу и бормоталъ какія-то неуклюжія привѣтныя слова о томъ, какъ я встрѣчѣ радъ, и какъ хорошо, что все теперь извѣстно. Ни о Россіи, ни о «цѣпи», ни о дѣлѣ нашемъ, признаюсь, я тогда не думалъ, объ арестованныхъ въ тотъ вечеръ не потревожился. Вотъ что было мнѣ важно: я въ эту ночь не одинъ, а если надо, то и завтра, и послѣзавтра одинъ не буду...

На стѣнѣ, подъ лампой, тѣнь всклокоченной шкаревой головы шевелится, его горячій шопоть съ самоварнымъ бульканьемъ сплетается, шипятъ-потрескиваютъ

дрова, на мужичьихъ, гвоздевыхъ сапожищахъ Шкарева красныя пятна бродягъ, дымъ табачный сухимъ туманомъ всю комнату застилаетъ...

Помню, когда Шкаревъ мнѣ тутъ порученіе одно навязать вздумалъ, я весь вспыхнулъ, замялся, не согласился, на болѣзнь сослался, сказалъ, что сейчасъ и думать нечего.

— У васъ, дѣйствительно, видъ какой-то горячечный, — озабоченно промолвилъ Шкаревъ, — и вообще... перемѣна.

Онъ на меня внимательно поглядѣлъ и глаза опустил. Мнѣ кажется, въ концѣ встрѣчи нашей что-то ему во мнѣ не понравилось: не то безразличіе мое ко всему, не то возбужденность непріятная, а, можетъ быть, на лицѣ моемъ въ тѣ дни такая печать лежала, что хорошимъ людямъ могло быть просто противно на меня по долгу глядѣть.

Мы просидѣли долго, дольше, чѣмъ слѣдовало, потому что, когда спохватились, пришлось мнѣ провожать гостя по лѣстницѣ со свѣчей и будить Яшку-Гусара, — комитетчика нашего, въ ночное время обложившаго ворота податью въ свою пользу. Когда мы на дворъ вышли, и Якову я въ окно постучалъ, Шкаревъ вдругъ локоть мой сжалъ и зашепталъ прямо въ лицо:

— Забылъ вамъ сказать: Тамбовская... (онъ указалъ номеръ дома и квартиру) у нѣмки Янсенъ проживаетъ братъ Повѣнецкой... умоляетъ васъ зайти въ любой часъ; — больной, внѣ политики, сестра изъ тюрьмы просила, чтобы непремѣнно повидалъ васъ. Не забудьте: Янсенъ, массажистка Янсенъ...

— Тамбовская... Янсенъ... — машинально повторилъ я.

Выскочилъ Яшка, придерживая сползающіе штаны, и, шмыгая носомъ, проплелся къ воротамъ. Только теперь, когда во тьмѣ холодной звѣздной ночи мы шли вслѣдъ

за нимъ, я вспомнилъ, что не слѣдовало мнѣ рисковать, провожая Шкарева. Самое хорошее замести слѣды сей-часть же.

— Такъ вы завтра меня ждите въ Смольномъ. Скажите секретарю, что мой докладъ комиссіи готовъ.

Я не сказалъ — я почти крикнулъ эту фразу прямо Яшѣ въ спину, многозначительно дернувъ Шкарева за рукавъ. Шкаревъ промолчалъ. Мнѣ показалось, онъ презрительно пожалъ плечами — счелъ, видимо, ниже своего офицерскаго достоинства морочить разнастаннаго мужика. Ошалѣлый, глухой спросонья Яшка, вѣроятно, ничего и не слыжалъ, прогремѣлъ воротами, и забравъ въ горсть воротъ гимнастерки, заспѣшилъ домой.

— За вами тыща, — буркнулъ онъ мнѣ вслѣдъ.

Я побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ, спотыкаясь на ослизлыхъ, грязныхъ ступенькахъ, окапывая себя стеариномъ. Дома я съ нервной поспѣшностью сталъ собирать со стола, посуду мыть вздумалъ, — но вдругъ захлестнулъ полотенце на плечо и опустился на стулъ въ раздумьи... Да, конечно, въ подворотнѣ опять былъ страхъ... но куда, до смерти, страшнѣе было вчера, третьяго дня и всѣ эти дни, и еще страшнѣе сегодня тамъ, на перекресткѣ трамваевъ, когда предстояла рѣшающая ночь. То было страшнѣе моего страха передъ Яшкой-Гусаромъ, передъ Фонаревымъ, передъ Соломономъ Наумычемъ, передъ малыми и большими окружавшими меня злодѣями. Тамъ была неотходная, неослабная, ничѣмъ неотвратимая пытка, причемъ и злодѣй, и жертва, и палачъ, все, казалось, сосредоточилось во мнѣ самомъ съ бѣсово-точнымъ расчетомъ на мою гибель...

Эту ночь, первую ночь послѣ долгаго промежутка, я спалъ, какъ убитый, приткнувшись на диванѣ, тутъ же, около остывшаго самовара, догорающей печки, съ полотенцемъ, перехлестнутымъ черезъ плечо...

ГЛАВА VII.

Если бы я въ тѣ дни бѣдствовалъ, было бы, кажется, гораздо лучше. Помню: именно люди, обремененные ребятишками, родней, усталые, замаявшиися, страдали тихо и гибли просто, какъ комары. Но со мной случилось иначе.

Еще той зимой, въ Крещенье, вошла ко мнѣ, запыхавшись, тетушка Конкордія Ивановна со связкой ключей въ рукахъ и приказала:

— Оставляю тебѣ, Алеша, все мое добро. Понадобится — продавай, бери, трать, только бы «имъ» не досталось! Все въ трубу, все — въ трубу, но не «имъ»!

Тутъ она прослезилась, перекрестила меня и къ вечеру укатила на югъ по подложному пропуску.

Такъ жизнь моя и устроилась — на счастье ли, на бѣду мою. И Софьиная заступа, и сказочные тетушкины сундучищи, и разсудительная скупость моя, которой я сразу выучился, — это и толкнуло меня на путь сравнительнаго благополучія, по которому я шествовалъ до самой встрѣчи со Шкаревымъ.

Къ утру послѣ ночи съ нимъ, я заболѣлъ, очень ослабѣлъ, въ жару метался, почти не ѣлъ сутокъ двое. Сердобольная фонаревская Даша, провѣдавъ о томъ, стала навѣщать меня, а Фонарева прислала съ ней киселя, хлѣба бѣлаго и велѣла сказать: какъ встану — къ ней безъ разговоровъ! (При этомъ Дарья преглупо ухмылялась).

— Наша-то, Александра Степановна, съ тѣмъ, съ кудрявенькимъ, пока мужа-то нѣту. На учетъ въ Курскъ, говорятъ, укатилъ — теперь ей со всѣми вольная-вольшка...

Я болѣзни обрадовался. Мнѣ нравилось, что я лежу покойно, а въ головѣ все спутано. Въ полубреду я мечталъ, какъ тогда въ скверѣ, чтобы мнѣ кому-нибудь высказаться, но высказаться было, конечно, некому. Это я давно понималъ. Я уже пробовалъ, намекалъ этой осенью кое-кому изъ знакомыхъ повдумчивѣй, но сейчасъ кругомъ только злость: анекдотики ехидные — какъ солдаты «Евгенія Онѣгина» на цыгарки скрутили; словечки! — шелуха одна («Вотъ вамъ и социалистическій рай!»), либо про вождей сплетни, либо о провизіи, какъ все раньше хорошо и дешево было. Больше ничего отъ людей не добиться.

Когда послѣ болѣзни я всталъ, ощутилъ ясно: я здоровъ, но жить усталъ смертельно.

Въ то утро я впервые вышелъ на улицу и потянулся всѣмъ существомъ не къ людямъ, а къ солнцу. Выдался денекъ золотой, прозрачный, вѣтрёный. Пруды въ Таврическомъ саду голубымъ стекломъ залегли среди осыпанныхъ желтымъ листомъ бережковъ. По огненно-желтой землѣ дорожки сѣрыми змѣйками вились. Вѣтеръ сухіе сучки ломалъ, кусты облетѣлые ерошилъ, малые бѣлыя тучки по ясному небу гналъ. Точь-въ-точь въ такое же утро Володю въ 1913-омъ году хоронили...

О Володѣ я вспомнилъ, о могилѣ его забытой на Волковомъ кладбищѣ. (Я о ней за послѣдніе годы забывать сталъ). Тутъ же рѣшилъ къ нему на могилу сегодня пробраться.

Я вышелъ за ворота и поплелся къ Лиговкѣ. На Знаменской площади долго въ толпѣ стоялъ, потомъ мы всѣ въ трамвай упихались и поѣхали. Я всю дорогу на людей смотрѣлъ, жадно, въ упоръ, такъ, какъ въ бинокль, въ

микроскопъ смотрять, — и въ первый разъ ихъ по-настоящему увидалъ: всѣ мелочи, каждую морщинку, пуговку, казалось, разглядѣлъ.

Рядомъ — баба пучеглазая, рябая, въ платкѣ вязаномъ съ большой дырой на затылкѣ: шиньонъ сальный выглядываетъ; тамъ, у двери, солдаты злющіе съ мѣшками — воры и убійцы; ребенокъ блѣдный на рукахъ у старухи, запуганной нищенки; крикунья-кондукторша въ лихо заломленной фуражкѣ — всему свѣту обидчица; высокая, все еще изящная дама-фуфыра съ брезгливо поджатыми губами: я, въ моемъ давнемъ мертвящемъ уныніи... и еще много-много такихъ же изуродованныхъ, перепорченныхъ, безобразныхъ и противныхъ людей.

Пассажиры свирѣпо тискались, рвали звонокъ, ругались, дико и зло кричали на остановкахъ. Почему-то нынче вытерпѣть этого я не могъ — забеспокоился, заметался среди людской кучи, изъ трамвая почти на ходу выскочилъ...

Очутился я на Обводномъ каналѣ.

Пустынно. Пыльно. Вѣтеръ соръ вздуваетъ. Дома вдоль канала грязно-свѣтлой полосой тянутся. Далеко-далеко — ломовикъ: на пустой набережной его за версту видать. На углу, у лавки, бабы за хлѣбомъ на вѣтру маются. На столбѣ телеграфномъ возлѣ моста пропаганда какая-то шелеститъ, съ мѣста рвется. А такъ — вся набережная и откосы пусты: ни кладки, ни людей, ни лошадей... и на каналѣ ни одной барки. А надъ этой пустыней сорной — небо ясное въ тучкахъ быстрыхъ.

Я стоялъ и на городъ смотрѣлъ, и чѣмъ дольше смотрѣлъ, зная, что въ городѣ творится, тѣмъ отчетливѣе понималъ: если мы всѣ такими, какъ сейчасъ, оставаться должны; и если ничего измѣнить нельзя, то, пожалуй, гибель — единственно-разумный и благой конецъ для насъ всѣхъ: онъ метафизически обязателенъ, иначе начала и концы во мнѣ, разумномъ существѣ, не сойдутъ

ся. Но я сейчас же съ собой заспорилъ, что никто изъ насъ на гибель все же не согласится отъ безсознательности, отъ похоти къ жизни, да и гибель насильственная ничего не измѣнить.

Мимо меня внезапно грузовикъ съ шумомъ-трескомъ пролетѣлъ, соромъ мнѣ лицо засыпавъ. Я взглянулъ на часы и заторопился, свернулъ на Тамбовскую — и тутъ вспомнилъ: про Тамбовскую мнѣ кто-то говорилъ... да, какъ же, — Шкаревъ просилъ зайти къ массажисткѣ Янсенъ (я номеръ дома точно запомнилъ). «На обратномъ пути...», рѣшилъ я.

Я давно у Володи не былъ. Его могилу не сразу нашелъ среди новыхъ крестовъ и тропокъ нерасчищенныхъ. Могила совсѣмъ заброшенной казалась, хотя крестъ бѣлый, мраморный, мы съ Софьей поставили въ тотъ же годъ, очень красивый. Вокругъ памятника листомъ насыпано густо, на крестѣ паутина налипла, птицы на него нагадили, скамья возлѣ памятника осѣла на одну ножку, изъ сосѣдняго палисадника кусты прутьями такъ перевалились, что и не видать Володю съ дорожки...

Я постоялъ надъ могилой, хотѣлъ съ чудеснымъ умиленіемъ о братѣ вспомнить, рукой даже глаза прикрылъ, но ничего у меня не вышло, только прилила кровь къ головѣ и въ ушахъ застучало. Тогда я бросился листья сгребать, охапками ихъ въ проулокъ между палисадниками перетаскалъ, на скамью всталъ, носовымъ платкомъ весь крестъ обтеръ, а валявшимся кирпичемъ скамѣ ногу вправилъ. Я возился съ остервенѣніемъ, со злобой, съ отчаяніемъ, какъ могла Володина могила въ такомъ безобразіи пребывать! Вѣдь съ нимъ точно солнце для меня закатилось, вѣдь послѣ смерти его все и началось... Не умри онъ, можетъ быть, моя жизнь пошла бы по-другому, по-хорошему. Почему «по-хорошему», — я не зналъ, но въ ту минуту мнѣ казалось, что онъ спасъ бы меня,

и съ нимъ вмѣстѣ мы сумѣли бы достойно эти недостойные годы прожить. Какъ-то сумѣли бы...

Я вспомнилъ безсмыслицу, въ которой пребывалъ. Я въ «цѣпъ» впутался, не вѣря ни въ «цѣпъ», ни въ народъ, ни въ самого себя. Володя бы этой лжи не допустилъ, онъ бы ее распуталъ.

Солнце весь крестъ освѣтило, какъ только я вѣтку отвелъ, безжалостно обломавъ всѣ прутья. Здѣсь самый дешевый уголъ кладбища: кресты все больше деревянные, памятнички немудрые и тѣснота большая, но зато надъ могилами березы вѣтки голыя красиво перепутали: черные клубки вороньихъ гнѣздъ на вѣтру покачиваются; еще выше — небо холодное по-осеннему серебрится.

Я бы тишиной этой свѣтлой утѣшился: ужъ очень хорошо вѣтеръ шумѣлъ, сухимъ листомъ игралъ, въ вѣнокъ фарфоровый, Володиныхъ, дулъ нѣжно... да за спиной, среди крестовъ, показались могильщики. Шли гурьбой, помахивая лопатами и крикливо, на все кладбище, о чемъ-то споря. Я взглянулъ на часы. Было начало второго. Къ тремъ я успѣю добраться до дому. Заходить ли на Тамбовскую? Заходить не хотѣлось, разговоръ съ Повѣнецкимъ коснется, конечно, сестры его, Маріи Федоровны, а о ней, о хожденіяхъ моихъ на Надеждинскую говорить было непріятно. Однако, не зайти я, этотъ господинъ ко мнѣ самъ пожалуетъ, чего добраго, еще писать будетъ, почтой запрашивать. Кто его знаетъ! Глупые они всѣ. И я поплелся на Тамбовскую.

Домъ нашелся легко — запущенный, бѣдный. Подворотня съ прогнившимъ настиломъ; на дворѣ лужа, съ зимы до зимы, вѣрно, не просыхающая; въ углу мусоръ кучей-пирамидой сваленъ, кругомъ — ни души. Домъ, видимо, мелкотой всякой населенъ, и всѣ ушли на работу. Я въ грязныя окна одно-другое заглянулъ — никого. Лѣстницу, одну изъ двухъ черныхъ, выбралъ, въ первую же дверь постучалъ — отвѣта никакого. Попутался по

этажамъ: то въ одну дверь стукну, то въ другую — прислушаюсь: ни звука... Я уже въ третій этажъ забрался, когда вдругъ кто-то за дверью залился-закашлялся. Подождавъ, когда кончится приступъ, я постучалъ.

Дверь робко пріоткрылась. Испуганный, чахоточный мужчина, съ повисшими желтыми усами — голова бабынмъ вязанымъ платкомъ обмотана, пестрое ситцевое одѣяло поверхъ бѣлья, — въ дверь высунулся, молчить, мигаетъ...

— Янсень, массажистка, — здѣсь? — несмѣло спросить я.

— Въ четвертомъ, гражданинъ, — хмуро и сипло выговорилъ онъ, а лишь только я сталъ подниматься, вдругъ истерически крикнулъ мнѣ вслѣдъ: — а впрочемъ, неизвѣстно! Говорятъ, въ четвертомъ, а мало ли какой народъ живетъ, никому неизвѣстно! — И дверью хлопнулъ оглушительно.

Я поднялся въ четвертый этажъ. Постучалъ въ дверь негромко и почти тотчасъ же, просто и безстрашно, ее открыли.

— Госпожа Янсень?

— Я... я — Янсень. Входите, входите, пожалуйста...

— Я — къ господину Повѣнецкому, къ брату Маріи Федоровны, по порученію Шкарева.

— Не вы ли господинъ Полежаевъ? Намъ полковникъ Шкаревъ сказалъ, что вы придете, и Марихень къ вамъ посылала, я у васъ два раза была, но васъ все дома не было.

Сѣренькое, сѣденькое востроносое существо, въ огромныхъ стальныхъ очкахъ, закутанное въ пледъ, каталось вокругъ меня, шлепая туфлями, привычно-опрятными движеніями приглаживая волосы за уши и одергивая юбку.

— Ахъ! — вдругъ испуганно воскликнула она, хватаясь за голову, и съ наивнымъ ужасомъ отшатнулась

отъ меня. — Вы, дѣйствительно, Негг Полежаевъ?

— Я Полежаевъ, будьте покойны. Если хотите, вотъ документы, — и я вытащилъ бумажникъ.

— Ахъ, Gott sei Dank! — съ экзальтаціей воскликнула она, глядя поверхъ очковъ на мой паспортъ. — Ну, гдѣ же моя старая голова! Сюда-сюда, прошу васъ.. У насъ такой здѣсь безпорядокъ, такой страмъ... — тараторила она, стыдясь темной, грязной, заваленной рухлядью кухни.

Она ввела меня въ небольшую, тѣсно набитую вещами комнату. Сразу было видно, что сюда спрятали все добро: рояль, буфетъ, сундуки, дамскій велосипедъ, бюстъ Беатриче, громадныя бронзовые канделябры, и гладильную доску, и дорогія китайскія ширмы, и швейную машинку... Пахло пылью, сыростью и нафталиномъ.

— Вотъ здѣсь, у меня, посидите! Сядьте, пожалуйста... Федоръ Федоровичъ, навѣрно, слышалъ звонокъ и выйдетъ... — хлопотала она вокругъ меня, раздвигая кресла и одергивая чехлы.

— Полковникъ говорилъ вчера Федору Федоровичу, что Марихенъ скоро выпустятъ, повезутъ въ Гатчину съ арестантами, а тамъ выпустятъ. Ахъ, если бы Марихенъ выпустили! Какъ можно такъ мучить Федора Федоровича!.. — и старушка заплакала, закрывъ лицо концомъ пледа.

— Я спѣшу, — перебилъ я, вынимая часы.

Янсень утерла кончикъ носа, поправила очки и засуетилась.

— Сейчасъ, сейчасъ... Онъ, кажется, не услыхалъ звонка, но онъ васъ ждалъ, такъ ждалъ!

Она повела меня на кухню и отворила дверь не то въ чуланъ, не то въ темную кладовку. Отсюда вилась деревянная лѣстница на чердакъ.

— Лучше вамъ подождать... — озабоченно сказала она.

Проворно, но осторожно, ступая, чтобы не скрипнуть,

Янсень поднялась по лѣстницѣ, остановилась передъ дверью, прильнула къ скважинѣ и замерла... Потомъ перегнулась черезъ перила и замахала на меня руками, чтобы я не шумѣлъ, хотя я стоялъ недвижно.

— Онъ молится, молится... надо подождать, — благоговѣйно прошептала она.

«Да что они, оба, — сумасшедшіе?, съ раздраженіемъ подумалъ я.

Мы вернулись въ комнату.

Конечно, уйти я не могъ именно потому, что этотъ господинъ молился, и потому, что мнѣ объ этомъ было сказано, поторопить же его тоже было невозможно. Я сѣлъ на диванъ и нахмурился. И тутъ Янсень, то вздыхая и принимаясь плакать, то восторженно закатывая глаза, выболтала мнѣ все, хотя я не задалъ ей ни одного вопроса. Я узналъ, что она старая воспитательница Повѣнскихъ, вовсе не массажистка. Это лишь одно свидѣтельство, что массажистка. У Федора Федоровича тоже есть свидѣтельство изъ больницы Николая Чудотворца — настоящая бумага со всѣми печатями и подписями, — что онъ больной, хотя никогда, слава Богу, онъ больнымъ не былъ, только лѣчился когда-то отъ нервнаго потрясенія. Весь домъ считаетъ его сумасшедшимъ и боится, даже самъ предсѣдатель сюда заходить не рѣшается, а на дворѣ всѣ бѣгутъ отъ Федора Федоровича во всѣ стороны. Федоръ Федоровичъ сидитъ поэтому спокойно со своими книжками. Тамъ наверху прежній жилецъ, одинъ бѣдный фотографъ, изъ чердака устроилъ мастерскую, но фотографъ умеръ отъ холеры весной, и они съ Федоромъ Федоровичемъ сюда переѣхали, потому что очень глухая, бѣдная улица, и всѣ повѣрили, что новый жилецъ — больной. Далѣе я узналъ отъ болтливой старухи, что Федоръ Федоровичъ замѣчательный человѣкъ и «совсѣмъ-совсѣмъ святой», и, конечно, Марихень тоже превосходный человѣкъ, но она «отчаянная». Въ чемъ «отчаян-

ность», я не узналъ. Стукнула дверь. Янсень умолкла и приложила палецъ къ губамъ.

— Это вы приходили, фрейлень Эмма?

Голосъ былъ мягкій, немного глуховатый, и говорилъ Федоръ Федоровичъ по-нѣмецки свободно, съ едва замѣтнымъ русскимъ акцентомъ. Я слышалъ шелестящій шопотъ Янсень, потомъ Федоръ Федоровичъ тихо сказалъ ей что-то съ упрекомъ. Янсень очутилась снова подлѣ меня.

— Онъ очень желаетъ васъ видѣть... очень, — ободряюще шепнула она, точно дѣло шло о высочайшей аудіенціи.

Я сердито посмотрѣлъ на нее, прямо на переносицу, на перекладину очковъ, обмотанную нитками, — и пошелъ за ней.

Федоръ Федоровичъ стоялъ вверху лѣстницы, и я его сразу не разглядѣлъ. Не разглядѣлъ и когда онъ пожалъ мнѣ руку: яркій свѣтъ билъ изъ раскрытой на чердакъ двери и слѣпилъ мнѣ глаза.

— Простите, я заставилъ васъ ждать, — виновато сказалъ онъ, пропуская меня впередъ.

Мы вошли.

Это былъ просторный, жилой чердакъ. Солнце свѣтило прямо въ большое пыльное окно, пробитое въ потолкѣ. Къ стѣнамъ потолокъ такъ круто спускался, что высокій человѣкъ могъ къ нимъ подойти, лишь нагнувъ голову. Комнату пересѣкала многоколѣнчатая печная труба, густо закоптившая потолокъ и стѣны. Посрединѣ — простой еловый столъ, очень большой, заваленный книгами и бумагами; передъ нимъ потертое кожаное кресло съ необычайно высокой спинкой, двѣ кухонныя табуретки по бокамъ; противъ стола, на полу, — прислоненный къ ящикамъ, до верху набитымъ книгами, какой-то женскій портретъ (его я не разсмотрѣлъ), при входѣ, налѣво — узкая койка, накрытая простенькимъ шерстянымъ одѣ-

яломъ, надъ ней большое черное Распятіе, образа, — много образовъ; поодаль, ближе къ изголовью, въ кіотѣ, на фонѣ голубого бархата, совсѣмъ новая, ни разу не зажженная вѣнчалъная свѣча, перевитая тюлемъ и цвѣтами...

Въ комнатѣ было много, до тѣсноты много, книгъ. Онѣ грудились, куда ни взглянешь: стопками, башенками; связки ихъ стройно вытянулись вдоль стѣнъ, лежали на табуреткахъ, полукольцомъ окружали столъ. Среди этого порядливаго убожества, въ углу, у желѣзной печки: тазы, полные мыльной воды, ведра, кувшины, губки, лужицы на полу, а на веревкѣ, протянутой наискось отъ стѣнки къ стѣнкѣ, сушились великолѣпныя, аккуратно развѣшанныя, мохнатыя полотенца...

«Чудно у него какъ-то здѣсь... не сумасшедшій ли онъ и правда?», подумаль я, съ опасеніемъ взглянувъ на Федора Федоровича, и тутъ же смутился и покраснѣлъ.

Этотъ высокій, бритый человѣкъ, съ блѣднымъ строгимъ лицомъ, зачесанными на уши и падавшими ему на воротникъ, прямыми черными волосами, напоминалъ Марію Федоровну. Но онъ мнѣ показался пріятнѣе, чѣмъ она. Марія Федоровна съ перваго же нашего знакомства въ квартирѣ Ермолаевыхъ не понравилась мнѣ своей неженственной самоувѣренностью, а позже отталкивала безжалостнымъ равнодушіемъ, съ которымъ всегда меня встрѣчала, человѣка въ крайнемъ душевномъ сиротствѣ. У Федора Федоровича, наоборотъ, было что-то застѣнчивое во взглядѣ, напоминавшее робость дѣтей, одичавшихъ въ своихъ дѣтскихъ, и это къ нему располагало. Но сходство съ сестрой смутило меня до растерянности. Съ Маріей Федоровной въ душѣ моей срослось ощущеніе мучительной неловкости, — тѣнь когда-то пережитого и уже увядшаго стыда, но память не забыла, что одна Марія Федоровна, во всемъ мірѣ одна, видѣла, какъ я,

офицеръ, надавъ колѣномъ дверь, опрометью вылетѣлъ на лѣстницу...

Когда мы вошли, Федоръ Федоровичъ пододвинулъ мнѣ единственное кресло и самъ хотѣлъ сѣсть, но всюду лежали кннги, и онъ не сѣлъ.

На яркомъ свѣту я разглядѣлъ его. Сходство съ Маріей Федоровной, дѣйствительно, было большое. Тѣ же рѣзкія, не русскія — цыганскія черты, казавшіяся еще рѣзче отъ черныхъ четкихъ бровей и гладкихъ черныхъ волосъ, тотъ же пристальный взглядъ, то же выраженіе лица, сосредоточенное на чемъ-то своемъ, тайномъ, до чего собесѣднику нѣтъ никакого дѣла. Но онъ былъ старше, выше и красивѣе ея, просто казался привлекательнѣе, благодаря своеобразному костюму, который ему былъ весьма къ лицу.

На немъ была черная бархатная куртка, подпоясанная свѣтлымъ кожанымъ ремешкомъ, короткія альпійскія шаровары, ярко-лиловые шерстяные чулки и веревочныя туфли, точъ-въ-точъ такія, какъ связала себѣ старуха передъ смертью. На плечи была накинута черная хламида съ капюшономъ и длинными болтающимися рукавами, напоминавшая одѣянія католическихъ монаховъ. На рукѣ блестѣлъ старинный перстень съ изумрудомъ, слишкомъ тяжелый для его тонкой, безсильно-безвольной руки. Все было, однако, крайне бѣдно: и потертая куртка, и штопаные чулки, и порыжѣлая хламида.

Потому ли, что это безобразіе надѣто было именно на немъ — не знаю, но безобразнымъ, какъ тѣ люди, что нынче утромъ тискались въ трамваѣ, онъ не былъ. Пожалуй, даже именно бѣдность костюма красила его. Въ горькой жизни нашей мы давно привыкли отыскивать красоту въ тончайшей эстетикѣ нищеты и страданія, и Федоръ Федоровичъ, съ веревочной дрянью на ногахъ, среди грязныхъ стѣнъ своего чердачнаго убѣжища, казался не безобразнымъ, а трагичнымъ. «Не то Людовикъ въ Там-

плѣ, не то Іоаннъ Антоновичъ въ Шлиссельбургѣ... Сумасшедшій или не сумасшедшій?», въ недоумѣніи вопрошалъ я себя.

— Я ждалъ васъ. Къ вамъ ходила Эмма Карловна — не застала, — неторопливо выговаривая слова, сказалъ Федоръ Федоровичъ, пристально, совсѣмъ какъ сестра, вглядываясь въ меня.

Я смущенно тискалъ въ рукахъ кепку.

— Я мимо шелъ... съ кладбища возвращался, тамъ братъ мой старшій похороненъ... Сейчасъ такое всюду запустѣніе — еле могилу отыскалъ, заросла вся... развалъ ужасный, — стараясь преодолѣть смущеніе, путался я, но тутъ же спохватился, что все не къ мѣсту: и про брата, и про кладбище. — Старушка внизу сказала, что сестру вашу скоро выпустятъ. Шкаревъ узналъ, — уже смѣлѣе продолжалъ я.

Федоръ Федоровичъ нервно передернулъ плечами.

— Эмма Карловна все перепутала, — чуть раздраженно сказалъ онъ. — Шкаревъ этого не говорилъ. Онъ только надѣется, что ее... — онъ запнулся, не находя нужного слова, — что ей самое ужасное не угрожаетъ, — быстро выговорилъ онъ, глядя въ сторону. — Она арестована не по дѣлу офицера, пойманнаго на границѣ, но она была причастна къ нему. Говорятъ, вы съ ней постоянно видѣлись? Вы были хорошо знакомы?

— Да, какъ же, даже очень хорошо знакомъ. Я часто ходилъ къ Маріи Федоровнѣ. Какъ получу пакетъ изъ Финляндіи, сейчасъ же бѣгу къ ней — передать, она — дальше. Такъ всегда было. Цѣлый годъ. И въ тотъ день я ей пакетъ принесъ. Успѣла ли только спрятать? Если спрятала, тогда, конечно, уликъ никакихъ нѣтъ... — въ замѣшательствѣ проговорилъ я, стыдясь мысли, что Федоръ Федоровичъ навѣрно, нашелъ меня неприятнымъ и удивляется знакомству сестры.

— Не знаю, сестра намъ о своихъ дѣлахъ никогда

не говорила, — безъ всякой непріязни, просто, сказалъ онъ. — Шкаревъ рассказывалъ: какой-то юноша сжегъ документы — отстрѣливался, пока они горѣли въ каминѣ... Его убили какъ-то безчеловѣчно, звѣрски... — брезгливо произнесъ Федоръ Федоровичъ. — Но чьи документы, — сестры или иные, — не выяснено. Если арестъ изъ Москвы, — это лучше. Вотъ все, что сказалъ Шкаревъ.

— Почему лучше? — съ любопытствомъ и тоже стараясь быть немногословнымъ, прервалъ я.

Федоръ Федоровичъ помолчалъ.

— Тамъ не могутъ знать... тамъ могла быть найдена лишь ея личная переписка, — неопредѣленно объяснилъ онъ.

«Про жениха уже все знаетъ», рѣшилъ я и, чтобы отвести разговоръ отъ Москвы, спросилъ про Гатчину.

— Ихъ хотятъ связать съ какимъ-то эстонскимъ процессомъ. Сестра совсѣмъ запуталась въ этой паутинѣ, — съ горечью сказалъ онъ.

— Я и то все думалъ, — уже не робѣя, перебилъ я, —хоть кто-нибудь на нее воздѣйствовалъ бы,отговорилъ! Это совсѣмъ ни къ чему — женщинѣ въ политику впутываться. Я ее убѣждалъ все бросить, уговаривалъ даже... Жажда героизма, вѣроятно. Въ русскихъ дѣвушкахъ это часто, — рассуждалъ я, не думая о томъ, насколько мои слова искажали правду.

— Иногда и не героизма, — вдругъ взволнованно прервалъ меня Федоръ Федоровичъ, — просто люди жаждутъ иногда самой заурядной судьбы.

Онъ проговорилъ эти слова прямо съ болью. Я понялъ сразу: московскій позоръ съ женихомъ кажется ему несравненно большимъ несчастьемъ, чѣмъ арестъ.

Конечно, Федоръ Федоровичъ иначе говорилъ бы со мною, если бы чувалъ, какъ мало я зналъ его сестру, и что за годъ нашихъ встрѣчъ мы съ ней и двухъ словъ по-человѣчески другъ другу не сказали. Больше про нее я не

разспрашивалъ, она, признаться, меня въ тотъ день не интересовала. Зато Федоръ Федоровичъ занялъ меня чрезвычайно.

Люди обычно до унынія похожи другъ на друга и рѣдко удивляютъ собой чужую душу. Меня давно уже никто не занималъ. Даже фонаревская компанія была все же обыкновенна, напоминала солдатчину, прислугу, воскресную публику заплеванныхъ провинціальныхъ бульваровъ. Федоръ Федоровичъ никого мнѣ не напоминалъ. Мнѣ казалось, онъ себя выдумалъ, нарядился въ условный костюмъ и обставился чердачной декораціей, потому что по ходу дѣйствія за сценой предполагалось великое народное бѣдствіе. И эта театральность, условность, призрачность Федора Федоровича и заинтересовала и повлекла меня къ нему съ перваго рукопожатья. И о сестрѣ Федоръ Федоровичъ говорилъ не такъ, какъ говорилъ бы всякій человѣкъ: съ тревогой, въ растерянности, а можетъ быть, и со слезами даже. Онъ разсуждалъ о ея судьбѣ, тонко, почти неуловимо, осуждалъ ее, но это меня ничуть не отталкивало; я тоже не сокрушался о Маріи Федоровнѣ.

— Мнѣ надо было съ вами увидаться, — точно вдругъ опомнившись, началъ Федоръ Федоровичъ и, наклонившись надъ столомъ, сталъ рыться въ бумагахъ. — Марія писала... Здѣсь ея записка... нѣсколько словъ о васъ.

Я насторожился. Писать изъ тюрьмы было нечего. Намекать? На что намекать? Поздно намекать, когда Добрынинъ отличился...

Записка оказалась не въ бумагахъ, она лежала глупо, на самомъ видномъ мѣстѣ, подъ чернильницей, — лоскутокъ-бумаженка, сѣрая, грязная, мятая. Что-то было въ ней жалобное, жалкое, такъ не вязалась она съ мужественной самоувѣренностью Маріи Федоровны.

— Вотъ это касается васъ... Шкаревъ тоже говоритъ, что эти слова относятся къ вамъ, — не глядя на меня, сказалъ Федоръ Федоровичъ и быстро, невыразительно про-

читалъ: «Разыщи, умоляю тебя, П. Все о немъ — моя клевета. Не знаю ея послѣдствій. Это меня гнететъ. Скажи ему, что я прошу его меня простить. Я была жестока». Вотъ и все, дальше — о постороннемъ... — сухо проговорилъ Федоръ Федоровичъ, складывая записку.

Онъ не смотрѣлъ на меня, ничего не сказалъ о клеветѣ и о прощеніи, точно все это было нашимъ шпионскимъ дѣломъ, которое его не касалось. Мнѣ кажется, роль посредника была ему крайне непріятна, а за сестру, клевету и просьбу было просто совѣстно.

Не могъ онъ знать, что эта записочка для меня означала!

Эти скупыя слова изъ тюрьмы касались того стыда, о которомъ я выучился уже не вспоминать. Записка означала, что стыдиться больше нечего. Если думали когда-то обо мнѣ позорно, все забылось, и Марія Федоровна сама въ себѣ усумнилась. Меня укрылъ грѣхъ Добрынина, и для всѣхъ, главное, для Маріи Федоровны — обличительницы моей, — никогда ничего и не было.

Я обрадовался, — какъ тогда со Шкаревымъ, — что люди считали меня невиновнымъ, и смѣло на Федора Федоровича посмотрѣлъ, даже въ креслѣ непринужденно развалился...

— Напрасно Марія Федоровна себя изъ-за пустяковъ разстраиваетъ, никакихъ непріятностей она мнѣ не причинила, — снисходительно сказалъ я.

Но Федоръ Федоровичъ точно моихъ словъ и не слышалъ. Онъ заговорилъ о Гатчинѣ. Марію Федоровну отправляютъ завтра съ арестованными на Варшавскій вокзалъ, надо передать ей все теплое: она легко одѣта, оставить ее такъ невозможно. Но какъ это сдѣлать?

Онъ беспомощно сжалъ руками виски и въ недоумѣніи задумался.

Представить себѣ это житейское дѣло было, конечно, просто. Надо дежурить на вокзалѣ и подкупить конвой-

ныхъ. Но ему ли было это все устроить! Перстень... хламида... капюшонъ... лиловые чулки. Куда такому — на вокзалъ съ узломъ и взятками!

— Я попрошу Эмму Карловну, можетъ быть, она сумѣетъ... — съ наивной надеждой продолжалъ онъ.

«Нѣмка? Эта полоумная плакса?», подумалъ я.

Вѣроятно, въ другую минуту я бы только усмѣхнулся и ушелъ. Но всякій человѣкъ, даже въ малой радости, великодушенъ, а я все еще думалъ о запискѣ, — и вотъ, не отдавая себѣ отчета ни въ томъ, что говорю, ни на что рѣшаюсь, вскочилъ и дотронулся до его рукава.

— Вамъ этого не сдѣлать! Старушкѣ вашей тоже! — съ чувствомъ, чуть фамильярно, воскликнулъ я. — Я сне-су, дайте мнѣ сейчасъ же вещи, я устрою, вы увидите...

Онъ удивленно поднялъ темныя брови, потомъ, со внезапной ласковостью, свойственной безпомощнымъ и неласковымъ людямъ, когда ихъ вызволяешь изъ бѣды, — крѣпко пожалъ мнѣ руку.

Тутъ все устроилось быстро, и прежде, чѣмъ я пришелъ въ себя.

Федоръ Федоровичъ съ площадки лѣстницы крикнулъ Эммѣ Карловнѣ, что я передамъ вещи «Маришѣ» (онъ такъ ее назвалъ), и чтобы она сейчасъ же ихъ приготовила.

— Herr Gott! — восторженно отозвалась снизу старуха. — Я же вамъ говорила, что «олень» во снѣ — къ доброму сюрпризу!

Потомъ Янсень ввалилась къ намъ съ узломъ, со сверткомъ, съ картонкой, и затѣялся у нихъ споръ съ Федоровъ Федоровичемъ. Онъ былъ недоволенъ, зачѣмъ, кроме узла, еще и картонка, а нѣмка, вся красная, доказывала, что къ шубѣ надо и шапку, а шапку удобнѣе въ картонкѣ. Они спорили съ той горячностью, съ которой спорять о мелочахъ люди, завѣдомо готовые уступить другъ другу, и, конечно, уступили они оба разомъ: Федоръ Федоровичъ замолчалъ, а старуха вынула шапку.

Тогда я вмѣшался, забралъ все, предупредивъ, что самъ увижу, какъ мнѣ удобнѣе. Эмма Карловна благодарно тискала мою руку шершавыми руками, порывалась что-то сказать, но лишь всхлипнула и засморкалась. Федоръ Федоровичъ, хотя и былъ въ большемъ волненіи, простился со мною очень сдержанно, точно рѣшилъ, что чувствительность со мною неумѣстна.

— Передайте сестрѣ, что намъ съ ней въ Россіи больше дѣлать нечего. Надо уѣзжать. Мы здоровы... мы ждемъ ее...

Мнѣ кажется, ему хотѣлось сказать еще что-то, тѣ теплыя слова, которыя между людьми могутъ стать послѣдними, но онъ опустилъ глаза и замолчалъ; лишь когда я сталъ спускаться по винтовой лѣстницѣ, онъ перегнулся черезъ перила и невнятно проговорилъ мнѣ вслѣдъ.

— Пожалуйста, скажите, что я ей все прощаю... все простилъ.

Федоръ Федоровичъ меня не провожалъ. Дверь въ кухнѣ отперла мнѣ Янсенъ.

— Ну, какъ любезно, что вы всѣ мои пакеты взяли! Если вещь испортится, всегда потомъ виновата старая фрейленъ Эмма, — добродушно-ворчливо жаловалась она, когда мы шли кухней.

— Даже въ такое время?

— Для фрейленъ Эммы нѣтъ никакого вашего гадкаго шурумъ-бурума... — степенно проговорила она и затворила за мною дверь.

ГЛАВА VIII.

Къ вечеру великодушный мой порывъ исчезъ безслѣдно. Бѣжать черезъ весь городъ по чужому дѣлу, соваться на глаза властямъ, казалось мнѣ теперь нелѣпымъ. Почему бы самому Федору Федоровичу не побеспокоиться, или его старухѣ? Почему мнѣ? Не лучше ли похлопотать-побѣгать, чѣмъ по чердакамъ молиться? — съ грубымъ благоразуміемъ рассуждалъ я и уже озлобленно смотрѣлъ на узель.

Ночь я спалъ плохо — ворочался и вздыхалъ, все рѣшалъ на Тамбовскую поутру сбѣгать и отъ порученія отказаться. «Отъ всякихъ хлопотъ, непосильныхъ по состоянію моего здоровья, вынужденъ воздерживаться», вотъ какъ сказать я придумалъ. Но всякій разъ, какъ до этой фразы я доходилъ, становилось ясно: послѣ такого заявленія Федору Федоровичу со мной разговаривать больше не о чемъ. И я отъ рѣшенія своего пятился. Я безсознательно, конечно, чувствовалъ (въ тѣ дни все у меня безсознательно было), что именно услуга какая-нибудь, участіе, попечительность, въ такое лихолѣтье людей сцѣпляетъ, а не споры-разговоры и обмѣны мнѣній претонкихъ. Стоитъ во-время людямъ помочь, они васъ изъ рукъ уже не выпустятъ изъ благодарности къ вамъ и отъ восторженной жалости къ себѣ. А тутъ не только услугой, тутъ самопожертвованьемъ пахнетъ: меня, вѣдь, могутъ заподозрѣть въ симпатіяхъ, въ сношеніяхъ съ врагами правительства, и вообще — небла-

горазумно властямъ на глаза соваться. Это и Федоръ Федоровичъ понялъ, оттого такъ и благодарилъ.

Однако, поутру я всталъ и пошелъ на вокзалъ бездумно, просто, какъ въ свое время ходилъ на лекціи.

Этотъ день я запомнилъ крѣпко.

Было холодно и такъ же вѣтрено, какъ наканунѣ, но уже по-зимнему хмуро. Вѣтеръ дулъ съ Невы пронизывающій. Моросило. Улицы были сѣры, скользки, унылы, по раннему часу и пустоваты. Трамвая я не дождался и побѣжалъ пѣшкомъ. Дорогой думалъ о томъ, что я очень добрый, хорошій человекъ, потому что сейчасъ во всемъ Петербургѣ не сыскать желающаго для другого потрудиться. Припомнилъ, что Шкаревъ меня «стальнымъ человекомъ» назвалъ; и въ отрядѣ я только прекрасные отзывы о себѣ слышалъ. Я, дѣйствительно, непріятностей никому большихъ не доставилъ, неблагоприятныхъ дѣлъ сторонился, и если сестрицу Федора Федоровича почему то никакъ не умудрился пожалѣть, то, вѣроятно, потому, что за годъ нашихъ встрѣчъ она меня неумолимо чѣмъ то обижала и въ конецъ поссорила себя со мною, когда догадалась о моей минутной неустойчивости. По сравненію съ Добрынинымъ, я былъ порядочный и даже хорошій человекъ, иначе объ извиненіи она бы не позаботилась. На этомъ я и успокоился, попытался пожалѣть ее, но она опять не пожалѣлась.

На вокзалѣ мнѣ Федоръ Федоровичъ въ десять часовъ быть совѣтывалъ, а я уже къ девяти пришелъ. Я къ вокзальнымъ сквознякамъ, шуму, крику, плачу у кассъ и вонючимъ угламъ разнымъ привыкъ еще когда на Николаевскій ходилъ, а потому преспокойно всталъ въ дверяхъ подъѣзда, на самомъ проходѣ. Отсюда ихъ сразу увижу — не пропущу.

Я ожидалъ, что ихъ на грузовикахъ привезутъ (слыхалъ, что всегда на грузовикахъ), и прослушивался, не загромыхаетъ ли за угломъ. Но ихъ не привезли, а при-

гнали партіей, человекъ въ тридцать-сорокъ, не болѣе, и встрѣтилъ я ихъ въ ту минуту, когда ожидалъ всего меньше.

Я зазѣбъ очень, въ дверяхъ стоя; милиціонеръ меня раза три съ порога сгонялъ, да и толкотня была, потому что какой то дальній поѣздъ отходилъ, и пассажиры, какъ въ огнѣ, метались; я и пошелъ вдоль вокзала къ Обводному канулу, туда-назадъ прошелся; когда вновь къ каналу повернулъ, они и показались. Грудой, толпчковой шли — не рядами, а тѣсно, прямо какъ бы всѣ жались другъ къ другу. Ихъ конвой окружалъ цѣпью негустой, и сзади еще конвойныхъ два ряда шло.

Я все вглядывался въ толпochу и по панели рядомъ къ вокзалу заторопился, будто самый обыкновенный пассажиръ.

Арестованные разные были: и мужчины, и женщины, и старые, и молодые, — всякіе. Видимо, они весь городъ прошагали, очень устали, зазѣбли, промокли, поэтому и жались другъ къ другу: руки въ карманы, въ рукава кто попихалъ, кто воротникъ поднѣлъ, кто полы пальто придерживаетъ... Я лица запомнилъ. Я ихъ сейчасъ вижу. Они у меня въ сердцѣ такъ и отпечатлѣлись. Они на зайчатъ походили. Никогда арестованныхъ я такъ не видалъ. Конечно, представить себѣ я бы могъ, но все же никогда бы не подумалъ, что — на зайчатъ... Я представлялъ себѣ, что видъ у нихъ либо героическій, либо неодолимо жалостный, смотрѣть — затрясѣтъ всего... Не ожидалъ, что простота, обыкновенность: толпчковой въ экскурсію собрались, съ узлами, съ подушками, а кто и съ саквояжикомъ, съ корзинкой... — и это было самое ужасное. Лишь когда я въ нихъ попристалнѣе вглядѣлся, настороженность какая-то особая меня поразила: ждуть чего-то, какъ отрядъ на развѣдкѣ, или какъ кони, когда броду не знаютъ. Понятно, почему насторожились: въ городѣ давно слухъ, что оттуда, куда ихъ везутъ, многіе и не воз-

вращаются... Ихъ къ багажному отдѣленію подогнали: на товарныхъ путяхъ сажать, навѣрно, распорядились. Здѣсь заминка вышла, часть конвойныхъ въ вокзалъ скрылась, а арестованныхъ на площади задержали. Изъ-за спинъ солдатскихъ плохо ихъ было видно — одни затылки.

Я искалъ Марію Федоровну и найти не могъ. Тогда кругомъ обѣжалъ и на уступъ, на штабелекъ битыхъ кирпичей, взгромоздился; пенснэ протеръ. Рядомъ сомной народъ — рѣденько такъ — ихъ окружилъ: тетки разныя, солдаты, мальчишки разсматривали ихъ молча. Я всѣхъ арестованныхъ глазами перебралъ — и вотъ, у конвойной цѣпи, плечо о плечо съ солдатомъ, Марію Федоровну вдругъ увидалъ. Я бы ее никогда не узналъ, если бы не былъ увѣренъ, что она въ этой партіи, до того ее такой увидеть не ожидалъ.

Она постарѣла, не то осунулась, не то измѣнилась той перемѣной полной, когда у человѣка весь обликъ иной становится. Вся ея осанка смѣлая, и лицо строгое, и поворотъ головы самонадѣянный — исчезали. Поникла, сутулилась и голову наклоняла чуть-чуть впередъ, точно отъ удара уклонялась. На голову она накинула сѣрый байковый платокъ, на глаза его надвинула, просто такъ, по деревенски, въ профиль и не видать ее. Но она прямо противъ меня стояла, и лицо то ея меня и поразило той таинственной красотой, которую я видѣлъ только разъ въ жизни—у Володи передъ смертью. Я ожидалъ (признаться, любопытство даже нехорошее было, что она меня какимъ-нибудь необычайнымъ, перекошеннымъ видомъ поразить, тоской сокрушительной, рыдательной, но этого не было ни чуточку, а именно какъ у Володи... Мнѣ ея лицо ужасно красивымъ показалось, хотя она красива не была. Очень блѣдное, восковое лицо, глаза полуопущенные, тайну свою отъ всего міра прикрывшіе, и выраженіе губъ кроткое и дѣтски-недоумѣнное. Если бы я не понялъ сразу, какъ обликъ такой да-

ется, я, быть можетъ, не сумѣлъ въ то утро пакетъ передать; но я о братѣ вспомнилъ, о томъ, что въ ту ночь, когда онъ что-то про смерть свою рѣшилъ, къ утру это выраженіе лица у него и появилось. Да, понялъ я, что Марія Федоровна не просто осунулась, не просто состарилась...

Я съ кирпичей соскользнулъ, обѣжалъ толпу, чтобы ближе къ Маріи Федоровнѣ быть, приподнялъ узелъ надъ головой и крикнулъ черезъ плечи конвойныхъ сдавленнымъ, не своимъ голосомъ:

— Я вещи, вещи вамъ принесъ!..

Она узнала меня сразу, но не кивнула, не вскрикнула даже, а всплеснула сѣрыми рукавичками и покачала головой. И я угадалъ, что она не ожидала вещей и понимала — въ ту минуту это было самое главное — понимала, какихъ хлопотъ стоило доставить ей узелъ.

Все это произошло въ мигъ, и тутъ же конвойные накинулись на меня, грубо схватили за локти, за вещи, за карманы... Я не выпускалъ узла и кричалъ, просилъ, божился въ невѣроятномъ возбужденіи. Умоляюще, безпомощно зашумѣли голоса арестованныхъ, и я вдругъ ясно услышалъ, какъ Марія Федоровна воскликнула знакомымъ, въ ухахъ моихъ съ той встрѣчи застрывшимъ голосомъ:

— Оставьте его!..

Не знаю, не помню, какъ это случилось, но вдругъ меня оставили, и я отлетѣлъ куда то въ сторону, къ кирпичамъ, а когда опомнился, толпа валила уже въ вокзалъ. Какъ въ туманѣ промелькнулъ въ давкъ сѣрый платокъ и сѣрыя рукавички, неловко охватившія узелъ... Я не успѣлъ ни сказать, ни крикнуть Маріи Федоровнѣ про брата. Просто растерялся, не изловчился. Надо было подкупить конвойныхъ, надо было найтись, а не такъ прямо, въ лобъ. Объ этомъ я размышлялъ позднѣе. Тутъ же я ринулся въ вокзалъ, къ кассамъ, къ милиціонерамъ, къ пассажирамъ, къ знающимъ, словомъ, людямъ, чтобы какъ-нибудь пробиться на платформы. Но меня не пустили, хо-

тя я упрашивалъ солдатъ - контролеровъ, и безтолково шуршалъ въ карманѣ тысячами, и хитро подмигивалъ... Я обѣжалъ всѣ двери, всѣ входы-выходы и залы поганья, потомъ выскочилъ на улицу и присѣлъ на ту же грудку кирпичей, гдѣ только что стоялъ.

Тутъ они жались другъ къ другу на вѣтру сыромъ. Я всю толпочку припомнилъ. Я напряженность невѣроятную на ихъ лицахъ припомнилъ. Я Марію Федоорвну припомнилъ: весь обликъ ея кроткій, и какъ они всѣ нестройно и безпомощно закричали, и какъ Марія Федоровна неловко держала узелъ...

Я вскочилъ, побѣжалъ вдоль вокзала къ Обводному каналу, къ мосту. Когда мостъ пересѣкалъ, на самомъ вѣтрищѣ, — вдругъ свистокъ паровозный, протяжный, прощальный меня остановилъ. «Отъѣзжаютъ»... Я потоптался въ недоумѣніи на серединѣ моста, чувствуя, что надо какъ-то эту минуту отмѣтить, запечатлѣть, но какъ — не догадался, не нашелся, лишь глянулъ на циферблатъ вокзальной башни, на обшарпанный сѣрый ея фасадъ.

«Навѣрно, у нихъ сейчасъ въ вагонѣ только обо мнѣ и разговоръ...» размышлялъ я. «Все-таки удивительно! Какъ это я... Надо Федору Федоровичу рассказать — воображаю, какъ онъ ко мнѣ теперь! У ней лицо, словно у великомученицы... Нѣмка говоритъ: выпустятъ. А если нѣтъ? Смерть теперь ей нипочемъ... Когда швейцаръ изъ Лоскутной за Софьиными вещами пріѣхалъ, и я видѣлъ изъ окна, какъ вещи на извозчика грузили и, помню, со шляпной картонкой никакъ устроиться не могли, — мнѣ тоже смерть нипочемъ казалась, мѣсяца три нипочемъ; ну, а потомъ... потомъ, вѣдь, ничего? Освоился, въ Кисловодскъ уѣхалъ, а тамъ Нина Петровна и «Красные камни» при лунѣ... И я, и всѣ нашли, что ничего удивительнаго: Кисловодскъ и Нина Петровна... Неужели и она обживется, и тоже ничего, по-хорошему? Неужели такъ-таки по хорошему?»

Еще вчера судьба Маріи Федоровны интересовала меня весьма мало. По правдѣ говоря, и сейчасъ не было во мнѣ той жалости, что заставляетъ людей сострадать другъ другу. Этого не было, но появилось въ то утро нѣчто болѣе значительное, чѣмъ жалость; и только позднѣе, гораздо позднѣе, я понялъ, что въ то утро я свѣтлой безутѣшностью Маріи Федоровны утѣшился и страданіемъ ея почтительнѣйше залюбовался...

Я шелъ очень быстро, по привычкѣ не глядя по сторонамъ, и такъ задумался, что не могъ понять, въ чемъ дѣло, когда встрѣчный прохожій передо мною остановился и что-то проговорилъ.

Это былъ бородатый старичокъ, въ очкахъ, въ старой мѣховой шапочкѣ, что носили наши щеголи лѣтъ двадцать тому назадъ, въ потертой долгополой шубѣ, придававшей ему бабій неуклжій видъ. Къ тому же онъ несъ розовый тазъ, узелъ съ бѣльемъ, изъ котораго нитями свисала мочалка, и большой кувшинъ. Видъ у него былъ озабоченный и сердитый.

— Гдѣ здѣсь бани? Говорять, есть бани, а мнѣ ихъ никакъ не найти... всѣ номера обошелъ, — мрачно проговорилъ онъ, оглядываясь по сторонамъ.

Я пожалъ плечами.

— Не знаю, гдѣ ваши бани.

Старикъ враждебно глянулъ на меня поверхъ очковъ и застѣменилъ въ сторону. Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ — и вдругъ безобразіе его фигуры и глупый тазъ подъ локтемъ, и старомодная шапка, и мелкій бабій шагъ, поразили меня. Вѣдь я тоже все съ узлами, съ мѣшками таскаюсь. И больше этого! Я вѣдь только съ прислугой, съ дѣвками, со сбродомъ всякимъ и разговариваю! Съ Дарьей, съ пьяницей Петромъ Ивановичемъ, съ Яшкой-Гусаромъ, съ Фонаревой, съ парикмахеромъ Рыжиковымъ, со Швайцеромъ... Вотъ и съ узломъ я нынче черезъ весь городъ

бѣжалъ! Я книги, газеты читать пересталъ и разсуждаю уже съ трудомъ, точно никогда ничему и не учился.

Раздумывать, однако, было некогда: и усталъ я очень, и тревога была — влѣзу ли въ трамвай.

У Технологическаго ждалъ долго въ толпѣ пассажировъ. Стояли мы угрюмой мокрой кучей, издавая вонь кожи, шерсти и прѣли немытыхъ тѣлъ. Но зато въ кучѣ было теплѣе. Вѣтеръ дулъ съ Невы неистовый, посыпалъ не изморосью, какъ утромъ, а хлесталъ косымъ дождемъ, сдувая шапки, распахивая наши пальтишки.

Я стоялъ, прислонившись къ фонарю, и смотрѣлъ на мокрую желтую афишу на круглой стѣнкѣ кіоска, смотрѣлъ, но прочитать ее не поинтересовался — навѣрное все о томъ же — либо о тифѣ, либо о польскомъ фронтѣ. «Хорошо бы побывать у Федора Федорвича...» раздумывалъ я. «Хорошо бы, чтобы и Марію Федоровну не тронули, хорошо бы скорѣй домой — спать».

Трамвая я дождался и даже удачно въ него влѣзъ, зато дома въ то утро произошли такія событія, что о снѣ я и позабылъ.

У самага нашего дома повстрѣчалась мнѣ бѣлобрысая, курносая Манька, дочка Яши-Гусара. Бѣжала бѣгомъ — въ одной рукѣ держала жестяное ржавое ведрышко, другой — прижимала къ груди вѣеръ столовыхъ карточекъ. Очевидно, на уголь за обѣдами послали. Я бы ее не окликнулъ (не до нея мнѣ было), но я только что машинально на двери столовой прочелъ «Заперто» и крикнулъ:

— Опоздала! Заперто!

Манька остановилась, вздрогнула отъ окрика и уронила ведрышко.

— Изъ-за Фонарихи все! — съ досадой воскликнула она, бросаясь за жестянкой, катившейся прямо въ лужу.

— Почему изъ-за Фонарихи?

— А у Фонарихи обыскъ цѣльное утро шелъ... со двора никого не выпускали... въ воротахъ и на парадныхъ

всюду красноармейцы набивши были... — захлебываясь, рассказывала Манька.

— Обыскъ? — тревожнымъ шопотомъ спросилъ я.
— Почему... почему обыскъ?

Манька передернула плечиками, точно удивляясь глупости вопроса.

— Папка ихъ водилъ... Петръ Иванычъ за брюквой въ Вырицу уѣхалъ... Бриллиантовъ искали... ничего не нашли, даже серебряныхъ ложекъ нѣту, папа говоритъ: «спрятала». А рыли-рыли, матрацъ пороли, папа весь бѣлый, въ пуху, пришелъ, — и она слабо улыбнулась, — а потомъ Фонариху какъ есть всю обыскали и Дарью Петровну тоже... Разстрѣляли его то...

— Кого?

— Да его, Фонарева, ейнаго мужа... Папа говоритъ, что куда онъ поѣхалъ, тамъ и разстрѣляли. Очень много капиталовъ укралъ, въ телефонъ Петру Иванычу какой то челоѣкъ ночью сказалъ, что разстрѣляли...

У Маньки дѣтскій говорокъ-басокъ. Вся она, бойкая, толковая, дѣловитая, внушаетъ мнѣ непонятное отвращеніе, — такъ просто и ловко, какъ изъ автомата, выскакиваютъ изъ нея слова.

— А теперь — ушли они? — быстро спросилъ я.

— Уѣхадчи...

— Ты домой, Маничка? — спросилъ я (мнѣ хотѣлось, чтобы она довела меня до дому).

«Съ ребенкомъ безопаснѣе»... подумалъ я.

Манька мотнула головой.

— Неее... я къ бабушкѣ, — небрежно протянула она: — дяденька вчера на паровозѣ продукты привезъ. Бабушка, коли одна, — дастъ, а дяденька всегда говоритъ: «распродать». Вре-еть...

Она тряхнула пустой жестянкой и побѣжала черезъ улицу.

Сердце у меня билось. Опять то-же ошущеніе надви-

гающей пагубы, которое владѣло мною весь послѣдній годъ, подкралось ко мнѣ, и все мое утреннее путешествіе и знакомство съ Федоромъ Федоровичемъ показалось безразсудствомъ. «Надо сидѣть дома, заняться лекціями — вѣдь была оказія черезъ Пельтјева пристроиться еще въ августѣ. А я бѣгаю, суюсь не въ свое дѣло, не умѣю держаться понезамѣтнѣе». — И тутъ же подъ почернѣвшимъ кренделемъ заколоченной булочной, въ двухъ шагахъ отъ дома, я рѣшилъ, что надо глупости бросить и не давать повода казаться подозрительнымъ; главное, не давать повода.

Странно, что о казни Фонарева я и не подумалъ. Если бы и подумалъ, — можетъ быть, исчезновеніе Фонарева изъ нашего дома было бы мнѣ только пріятно. Ужъ очень я не любилъ почему то послѣднее время съ нимъ встрѣчаться...

Юркнулъ въ подворотню нашу, хотѣлъ незамѣтно къ себѣ проскользнуть, да не удалось.

Домъ нашъ былъ похожъ на огромный, развороченный муравейникъ. Ко всѣмъ оконнымъ стекламъ прилипли испуганныя лица. Изъ выбитыхъ оконъ черной лѣстницы свѣсились головы: изъ перваго — ушастый Никиша, изъ третьяго — мрачная рыжая почтариха Сидоренко. У дверей домовой конторы толпились наши домовыя власти: Яша-Гусаръ, въ одной гимнастеркѣ, съ фуражкой, сдвинутой на затылокъ, весь красный, потный, точно изъ бани; секретарь нашъ — фармацевтъ Сипенклеръ, съ портфелемъ подмышкой, волосатый черный человекъ; и жилецъ изъ № 25-го — парикмахеръ Рыжиковъ, блѣдный и некрасивый, съ бородавками на лбу... У всѣхъ былъ видъ отдыхающихъ и наработавшихся людей. Они курили и тихо переговаривались. Я хотѣлъ миновать ихъ, но Никиша крикнулъ надъ моей головой:

— Ничего не нашли — одинъ табакъ!

— У кого обыскъ былъ? — съ дѣланнымъ недоумѣніемъ спросилъ я.

— У Фонаревыхъ...

— А его разстрѣляли...

— Въ Курскѣ задержали — миллионъ царскими на-
шли...

— Она кричитъ: «знать его, подлеца, не хочу, онъ любовницу повезъ, на улицу грозилъ выгнать».

— Бойкая!..

— Серебряныхъ ложекъ, и тѣхъ нѣту...

— А я самъ на кухнѣ подстаканники выдагъ...

— Не иначе, какъ по телефону предупредили!

— Одинъ табакъ!..

Слова сыпались и сыпались изо всѣхъ ртовъ, и вдохновеннѣ всѣхъ говорилъ Яша. Что случилось съ Фонаревымъ, никого не трогало, объ этомъ упоминали только, какъ о поводѣ всего переполоха. Главное было не это, а что ничего не нашли, тогда какъ нельзя было не найти. Здѣсь сосредотачивались всѣ чувства: досады, зависти, злорадства, и даже почтительнаго удивленья передъ ловкостью Фонаревой.

— Мы этихъ негодяевъ всѣхъ выловимъ! — взвизгнулъ Сипенклеръ. — О квартирѣ надо моментально увѣдомить въ районъ, выселить онъ Фонареву.

— Безъ постановленія нельзя, — сердито сказалъ Яша. — Надо что бы комитетъ постановилъ. Вотъ, ужо, Петръ Ивановичъ пріѣдетъ...

— Конечно, какъ же безъ комитета... — протянулъ Рыжиковъ. — Можетъ, онъ постановитъ кому ее изъ жильцовъ присудить. У меня вотъ крыша течетъ.

И они разгорячились и заспорили.

Я воспользовался этимъ и тихо прошмыгнулъ на лѣстницу. Никиша съ площадки уже исчезъ, зато у раскрытой квартиры стояла Дарья и говорила, съ сердцемъ, рыжей почтарихѣ:

— Никакихъ капиталовъ я у нихъ не видала. А что, конечно, что говорить, съ голоду не пухли, какъ другіе лежебоки да кляузники, такъ развѣ, голубушка, тому непремѣнно быть, чтобы всѣмъ съ голоду пухнуть? Развѣ за это навѣтъ-напраслину на человѣка нашептать, ежели ноги его еще носятъ?..

— Милліонъ укралъ... — мрачно промолвила Сидоренко. — Сейчасъ на дворѣ Яковъ Яковличъ сказалъ: «милліонъ».

Дарья поправила на головѣ платокъ, на глаза поплотнѣе его надвинула.

— Казенныя деньги везъ, — неувѣренно возразила она, — а докажи, что отъ казны, коли человѣка погубить порѣшили. Эхъ, Матвѣвна! Не намъ считать! Коли всю жизнь то возлѣ лохани прстоишь, да въ эдакій бой-разбой — кто насъ поить-кормить, тому мы и въ поясъ... А о нашихъ, хоть въ глаза, хоть за глаза скажу: мнѣ, Ѳѣдному человѣку, кусокъ-ласка всегда были, и зачѣмъ Кузьму Иваныча разстрѣляли, даже ума не приложу: нежданый былъ, Царство ему небесное, хорошій мущина...

Весь этотъ день я пролежалъ на диванѣ, обдумывая свое положеніе. Буду читать лекціи рабочимъ, матросамъ, милиціонерамъ, тупымъ, дикимъ толпамъ — все равно. Дальше такъ нельзя! Нельзя оставаться одному и рисковать собою безразсудно. Можно бѣжать за границу, но на это не хватаетъ силы воли. Хочется покоя и чтобы больше никакой борьбы и колебаній. Если невозможно съ «этими», потому что нельзя же «ими» сдѣлаться; если нельзя съ «тѣми» — со шкаревскими офицерами; и если нельзя одному, потому что эту муку вынести невыносимо, — то надо съ попутчиками. Вотъ Пельтеевъ, двоюродный братъ Сергѣй, учительница Анна Ильинишна... всѣ осипшіе отъ лекцій съ волшебнымъ фонаремъ — вотъ съ ними. Съ ними хорошо. Въ сущности революція — холера: «не пейте сырой воды» — и выжи-

вешь. Они и не пьютъ и все выносятъ съ предусмотрительностью. Съ ними и проживешь. А вотъ для Маріи Федоровны революція — не холера... Она не остерегалась. Но она же погибнетъ! Странно, именно то, что ей грозила смерть; что она была какъ бы ею овѣяна; что въ ней была трогательная красота обреченности; что она, повидимому, принимала все, готова на все — именно это на мигъ спутало все мои передуманные способы отношенія къ революціи.

Неоспоримо было одно: жить надо. И я хотѣлъ жить, то существо, которое называлось Алексѣемъ Павловичемъ, хотѣло жить, покуда совершается кровообращеніе, и теплится сознание; но жилъ я при такихъ условіяхъ внѣшней и душевной жизни, что со всѣхъ сторонъ ко мнѣ подступала смерть. И я сопротивлялся. Я изворачивался, пытался исчерпать все способы спасенія.

Я рѣшилъ завтра же сходить въ Пельтѣеву. Можно прочесть объ Юстиніанѣ, о вселенскихъ соборахъ, о крестовыхъ походахъ... Я набросалъ темы, въ старыхъ лекціяхъ сталъ рыться. Когда стемнѣло, лампу зажечь — и опять къ столу.

Я бы такъ до поздней ночи просидѣлъ, какъ вдругъ — звонокъ. Звонили едва слышно, не зная, повидимому, отворять ли. Если бы я не былъ такъ въ работу погруженъ, навѣрно бы заволновался: Богъ знаетъ, что бы на умъ пришло! Но я просто вскочилъ и пошелъ къ двери.

— Кто тамъ?

— Я...

Голосъ былъ слабый, женскій, робкій. Я приоткрылъ дверь. Въ темнотѣ, заслоня маленькой ладонью огонекъ огарка, стояла низенькая, простоволосая женщина: пальто въ накидку, сѣрая кофточка — и смотрѣла на меня... Фонарева! Я едва узналъ ее; такъ непривычно было видѣть ее гладенькую, простенькую, безъ кудряшекъ, безъ серегъ, безъ бусъ, совсѣмъ похожую на прислугу.

— Я къ вамъ... — слегка задыхаясь, тихо и просительно шепнула она и несмѣло вошла.

Мы прошли въ кабинетъ. Она молчала. Молча и такъ же несмѣло, какъ говорила и двигалась, присѣла на стулъ, обойдя кресло, точно не рѣшалась сѣсть поудобнѣе. Она была очень блѣдна.

— Вы слышали?.. Разстрѣляли Кузьму-то... — сказала она и тихо заплакала.

— Слышалъ, на дворѣ говорили...

«Зачѣмъ пришла?» съ тревогой подумалъ я.

Фонарева поплакала, утерлась платкомъ, высморкалась и сразу успокоилась, какъ человѣкъ, которому слезы возвращаютъ самообладаніе.

— Съ нимъ я полтора года жила... Конечно, всего было — и пилъ онъ, и все... и такъ — изъ мужиковъ. да все-таки человѣкъ же! Гдѣ же нынче благороднаго мушину то возьмешь? Да развѣ одинокой женщинѣ прожить сейчасъ безъ мужика? Вотъ Вѣрка въ Обуховской помираетъ, вотъ и я... Какъ узнали, — выселять хотятъ. А все — аптекаръ. Это онъ все мутитъ. Меня бы Андрей Тимофеничъ отстоялъ, да онъ въ Вологду уѣхалъ. Вы бы, Алексѣй Павловичъ, похлопотали! У васъ «рука» есть... пожалуйста, похлопочите. Мнѣ дѣваться некуда: я дальняя, изъ Саратова, да и вещи, мебель, бѣлье хорошее, все пропадетъ... Сегодня обыскивали, все грозили: «опять придемъ, своего добьемся!»

Она говорила съ искренней болью и пріятной простотой.

— Я не вижусь съ моей бывшей женой... — покраснѣвъ, сухо сказалъ я, — такъ обстоятельства сложились, я ничего сдѣлать не могу.

Фонарева недовѣрчиво смотрѣла на меня.

— У васъ же «рука» есть... — несмѣло настаивала она.

— Нѣтъ-нѣтъ, это невѣрно. Я могъ только черезъ

жену, но ея сейчасъ нѣтъ, т. е. я ее не могу видѣть, — рѣшительно проговорилъ я.

— Такъ какъ же это! Такъ, вѣдь, я на улицѣ останусь!.. — и она опять тихо всхлипнула и вынула платокъ. — Кузьма Ивановичъ мнѣ, мнѣ, всѣ вещи, всю мебель подарилъ! Это и Дашенька засвидѣтельствуетъ, что мнѣ... Онъ меня у слѣдователя Копытова въ Ярославлѣ отбилъ. Всѣ знаютъ, что у Копытова... Какъ въ Петроградъ привезъ, такъ и подарилъ всего. Все дареное, все мое!.. — властно, сквозь слезы, проговорила она.

— Комитетъ разберетъ, не волнуйтесь. Надо сказать комитету, что все — ваше, — не зная, какъ ее успокоить, сказалъ я.

— Яша знаетъ... Яша за меня — онъ свой... — она запнулась, — конечно, «свой», если въ обиду не дасть, да вѣдь онъ — одинъ... Я всегда Кузьмѣ говорила: «поперекъ горла ты здѣсь всѣмъ стоишь. Вотъ, увидишь, что будетъ, ежели только пошатнемся!» Ужъ вы, пожалуйста, войдите въ мое положеніе...

Во время разговора я не отрываясь смотрѣлъ на Фонареву. Все, что она говорила, что произошло съ ней, было мнѣ такъ понятно, такъ знакомо, точно насъ связывала непонятная близость. И такъ же просто, какъ она, я сказалъ, что думалъ, что говорятъ тысячи пошляковъ молодымъ и не безутѣшнымъ вдовамъ:

— Вамъ замужъ выйти надо...

Фонарева привычнымъ движеніемъ поправила пухлыми, истерзанными маникюромъ пальчиками воротничокъ на круглой бѣлой шеѣ, бѣглымъ взглядомъ посмотрѣла на меня и опустила глаза.

— Коли Андрюша возьметъ за себя, за Андрюшу пойду... Съ нимъ не пропадешь. Онъ съ докладами въ Москву ѣздитъ: онъ съ «ними» — по настоящему, «они» на него, какъ на каменную гору... (по ея лицу скользнула не улыбка, а тѣнь какой-то крѣпкой надежды.) Онъ мнѣ

духовъ баночку изъ Вологды съ товарищемъ прислалъ. Складъ тамъ опечатали, ему по ордеру досталось... Не забыть... помнить.

Она опять заговорила о квартирѣ Я давалъ ей совѣты: найти свидѣтелей, написать заявленіе, что все дареное, хоть я самъ отлично понималъ, что это ни къ чему, если люди пожелаютъ разорить ея гнѣздо. Я понималъ, что этой сильной, живучей, безпечальной женщинѣ надо выбиться изъ тенетъ, въ которыя она попала, что она выбьется и пробьется, невѣроятно, непонятно, черезъ всѣ грозные комитеты, неумолимые обыски и аресты... будетъ, какъ тростникъ, сгибаться и вправо и влево, стлаться по вѣтру, но не переломится и не погибнетъ.

О мужѣ ея, о гибели его мы уже не говорили. Это было не горе, а большая непріятность, и весь разговоръ велъ къ тому, какъ съ этой непріятностью покончить.

Фонарева ушла отъ меня немного успокоенная. Рѣшили, что завтра она обѣгаетъ своихъ знакомыхъ и напишетъ заявленіе. Рѣшили, что пообщается Яшѣ большую взятку, если онъ уговорить товарищей. Только, когда Фонарева стала собираться уходить, она заговорила опять о мужѣ.

— Какъ же съ утра то мнѣ идти? Мы съ Дашей хотѣли утромъ панихидку отслужить... — она задумалась, даже губу закусил. — Ну ничего, успѣмъ, пораньше выйдемъ. Эту ночь я глазъ не сомкнула... Спасибо вамъ. Прощайте.. Все же посовѣтовали, а то я — одна... Гдѣ же — одной то? Въ эдакое то время!

— Такъ съ утра, — дѣловито посовѣтовалъ я.

Она что-то вспомнила, инстинктомъ догадалась, вѣроятно, что уходить такъ, ей, вдовѣ разстрѣляннаго, не годится.

— И зачѣмъ челоуѣка убили... Господи! — воскликнула она.

На этотъ разъ она не заплакала, а лишь закрыла ли-

цо руками. Это вышло и неискренно и нехорошо. Я проводилъ ее. Она, не оборачиваясь, медленно спускалась по лѣстницѣ, нащупывая ногой ступеньки въ темнотѣ.

Заниматься больше я, конечно, уже не могъ и думать ни о чемъ, кромѣ Фонаревой, тоже не могъ. Меня мучило смутное воспоминаніе, которое непременно хотѣлось оживить въ памяти, но лишь передъ сномъ, принявшись за чистку сапогъ, я вдругъ вспомнилъ, съ небывалой ясностью, ошеломившее меня недоумѣніе въ раннемъ дѣтствѣ, когда нашего Буля привезли изъ собачьей лѣчебницы, гдѣ ему отрубили хвостъ. Мнѣ казалось, Буль умретъ тамъ отъ боли и ужаса, — безобразія своего ему не пережить. Но онъ влетѣлъ въ комнату, лаялъ и прыгалъ, и какъ раньше, лизалъ мнѣ лицо и руки.

«А вотъ та — безутѣшна», — вдругъ вслухъ сказала я. «Та — безутѣшна...» Я восхищенно повторялъ это слово, самъ не понимая, почему оно казалось мнѣ прекраснымъ, и почему хорошо человѣку быть безутѣшнымъ...

ГЛАВА IX.

На слѣдующій день я разыскалъ Пельтяева. Мое рѣшеніе читать лекціи было такъ упорно, что я его въ тотъ же день осуществилъ. Я и въ университетъ слеталъ и куда-то къ Цѣпному мосту, гдѣ его ждали на засѣданіе, и на квартиру къ нему два раза бѣгалъ. Когда во второй разъ пришелъ, надо мною его жена сжалилась.

— Что же вы по телефону съ Петромъ Александровичемъ не сговорились? — съ мягкимъ упрекомъ сказала она. — У него столько дѣла... гдѣ же его застать! По всему городу его ловить надо. Можетъ быть, вы посидите, подождете?

Она провела меня въ столовую.

Я хотѣлъ поговорить съ ней, разспросить объ ихъ жизни, о мужѣ, но она отвѣчала неохотно, неискренно — тяготилась, видимо, разспросами.

— Вы простите... у меня дѣвочка младшая — больная, одна лежитъ, — и она, поспѣшно подобравъ забытыя игрушки, скрылась за дверью.

Я давно ни у кого изъ знакомыхъ не былъ. Признаюсь, почти обрадовался, что въ чужой столовой очутился. Сѣлъ, осмотрѣлся, сразу примѣтилъ, что Пельтяевы живутъ, хоть и въ кавардакѣ, но не очень бѣдно. Правда, кабинетная мебель нагромождена въ столовой, на обѣденномъ столѣ не прибрано: тарелки грязныя, свертки въ газетной бумагѣ, самоваръ холодный, весь лиловый

отъ постоянныхъ убѣганій; но на письменномъ столѣ, на книжныхъ полкахъ, — порядокъ, какъ прежде, образцовый, да и такъ все по старому.

Пельтьева я зналъ съ университетскихъ лѣтъ. Онъ былъ курсомъ старше меня. Съ нимъ мы никогда не сходились близко, но глупо, по студенчески, уважали другъ друга. Я уважалъ его за самолюбіе, за упрямство быть всюду первымъ: на экзаменахъ, въ кружкахъ, въ спорахъ онъ, дѣйствительно, считался у насъ первымъ. Пельтьевъ — меня за удачливую способность учиться безъ особаго труда, за досадительный стиль вѣтренника, который мнѣ самому очень нравился, потому что напоминалъ, мнѣ казалось, Пушкина въ лицейскіе годы; за веселую иронию по поводу всего, а главное, по поводу трудолюбія безталанныхъ; а, можетъ быть, и за то, что я одинъ въ нашемъ кружкѣ, въ душѣ снѣдаемый завистью и восхищеніемъ, дѣлалъ видъ, точно его первенства ни въ грошъ не ставлю. Мы отчаянно завидовали другъ другу, хвастались, и, какъ это ни странно, тайное взаимное раздраженіе и связывало насъ.

Мы и учились, и женились почти одновременно — студентами. Пельтьевъ опять годомъ раньше. Женился онъ такъ же, какъ учился: не столько по любви, сколько изъ тщеславія, т. е. полюбилъ тихую, бѣлокурую Маргариту фонъ Шписъ, вѣроятно, за ту тщеславную радость, которую могла ему доставить — человѣку безъ таланта, связей, безъ имени — лишь эта дѣвушка, Богъ знаетъ какъ, подвернувшаяся ему на студенческомъ балу. Покойный ея отецъ въ свое время былъ профессоромъ римскаго права, въ семьѣ сохранились старыя добрыя университетскія связи, и замужество дочери, казалось, заранѣе предрекало путь зятю. О бракѣ его у насъ говорили, какъ говорятъ о выигрышѣ, восклицали, что «Пельтьеву Маргарита съ неба свалилась», и эта атмосфера всеобщаго безсильнаго недоумѣнія и была, вѣроятно, поэзіей не-

сложнаго Пельтеевскаго романа. Я былъ у него на свадьбѣ, бывалъ у нихъ, молодоженовъ. Ѣздили мы потомъ къ нимъ и съ Соней.

Жили они, — въ Гусевомъ переулкѣ, — серьезно, немного торжественно, какъ старики. Въ квартирѣ было много книгъ, своихъ и покойнаго тестя, классически-банальныхъ гравюръ и пестренкиихъ абажуровъ. Въ комнатахъ пахло цвѣточнымъ одеколономъ. Въ столовой, въ углу, стоялъ бюстъ Юлія Цезаря, въ гостиной на диванѣ валялась мандолина, перевитая лентами. Бѣлокурая Маргарита, робѣя передъ ученымъ мужемъ, принимала гостей въ самодѣльномъ пеплумѣ, съ мѣдными запястьями и золотой стрѣлой въ шиньонѣ, повидимому, въ знакъ тягостнѣя хозяина дома къ исторіи Рима.

Все было у нихъ домовито, благонамѣренно, и все казалось мнѣ неуловимо безобразнымъ. Жили они дружно, дѣльно и прожили бы такъ до старости. Не будь войны, онъ съѣздилъ бы по командировкѣ за границу, проскочилъ въ доценты, написалъ бы кучу нужныхъ — а можетъ быть, и не нужныхъ — научныхъ работъ и, переваливая черезъ чины, степени и кафедры, докатился бы до профессорской скучной смерти, съ рѣчами коллегъ на свѣжей могилѣ, съ портретомъ въ «Нивѣ» въ черномъ обрамленіи...

Сидя теперь у нихъ въ столовой, я вспомнилъ и бюстъ Цезаря, и дыбомъ стоявшія другъ противъ друга наши самолюбія.

Вспомнилось, какъ упало мое сердце, когда я узналъ, что Пельтеевъ оставленъ при университетѣ, тогда какъ предстоящій призывъ въ армію калѣчилъ всю мою судьбу! Зато, какъ униженъ, поверженъ въ прахъ былъ онъ, когда въ 15-омъ году, въ Татьянинъ день, я появился на нашемъ товарищескомъ обѣдѣ, правда, раненый (рука на перевязи), но съ Георгіемъ, — весь удалъ, буря и восторгъ... и сталъ сразу центромъ собра-

нія, какъ живой символъ патріотическихъ надеждъ! Пельтеевъ только что тогда выпустилъ шуленькую книжечку: «Къ вопросу о земельной реформѣ Гракховъ» — до Гракховъ ли въ тотъ вечеръ было! О Пельтеевѣ съ его рукописями и папирусами, съ томленіемъ о профессурѣ всѣ забыли, какъ забываютъ о зонтѣ и калошахъ въ ясный іюльскій полдень. Онъ сидѣлъ въ углу, мрачно покручивая усь, и, натянуто улыбаясь, чокался со мною черезъ столъ.

Ахъ, какъ это было давно, и какъ все перемѣнилось...

Пельтеева я больше часу дожидался. Я бы, конечно, могъ книжку почитать — ихъ много на полкахъ стояло — но съ собственными мыслями мнѣ было интереснѣе. Думать послѣдовательно о ту пору я никогда не думалъ, но, пристально вглядываясь, мгновенно во всемъ нужное для себя угадывалъ. Теперь я вижу, что это не отъ мудрости являлось, а отъ воспаленности души, которая въ жизнь вцѣпилась и въ мигъ людей и обстоятельства взвѣшивать выучилась.

Такъ, не видя еще Пельтеева, я уже рѣшилъ, что онъ ни за что не пропадетъ, благодаря тому же самолюбію, которое его всю жизнь, какъ пробковый поясъ, на волнахъ держало. «Вотъ и дома его никогда нѣтъ, и въ комиссіяхъ, комитетахъ всегда нарасхватъ...» рассуждалъ я, «онъ понималъ главное: значимость свою профессиональную ни при какихъ обстоятельствахъ утеривать нельзя. Все-таки онъ и сейчасъ — фигура, ученый, мудрецъ... А я? Я не только потерялъ самолюбіе, но даже вкусъ, интересъ къ нему, и въ этомъ все мое горе. Можетъ быть, и хорошо съ Пельтеевымъ — вмѣстѣ, солидарно, дружно? Можетъ быть, и вѣрно?»

Тутъ щелкнулъ въ двери замокъ: Пельтеевъ домой вернулся.

— Алексѣй Павловичъ! Какими судьбами? Я думалъ,

вась и въ Питерѣ то нѣтъ, говорили: уѣхали. Кто то сказалъ: убиты во время демобилизаціи, — отчетливо, звонкой скороговоркой, по привычкѣ говорить много и громко, воскликнулъ онъ еще изъ передней, неторопливо разматывая кашнэ. — Только извиняюсь, у меня всего двадцать минутъ въ распоряженіи, — схватившись за часы, добивалъ онъ, — по дѣлу группа слушателей моихъ придти должна. Весь день по часамъ — просто бѣда!

Пельтяевъ, пожалуй, радушно поздоровался, но во взглядѣ было что-то безпокойно - вопрошающее: зачѣмъ пришелъ?

— Ну, какъ вы? Вѣдь, мы теперь всѣ другъ про друга ничего почти не знаемъ, — проговорилъ онъ, садясь первый и указывая мнѣ рукой на стулъ. — Что дѣлаете? Служите? Работаете? Пристроились?

— Я еще нигдѣ не служу, т. е. послѣ демобилизаціи нигдѣ еще... Я пришелъ спросить... собственно говоря, не спросить, а попросить совѣта, просто даже содѣйствія... — покраснѣвъ, заговорилъ я. — Я не задержу, если слушатели придутъ... Я уже весь планъ набросалъ — темы разныя... я поразнообразнѣе задумалъ, чтобы историческая картина была... немного, можетъ быть, широко только...

Я вытащилъ записную книжку и, нервно перелистывая странички, отыскивалъ записъ.

— Темы? Какія темы? — въ недоумѣніи прервалъ меня Пельтяевъ.

— Я лекціи читать бы хотѣлъ, курсъ, циклъ небольшой... то есть, для начала небольшой. Теперь всѣ читаютъ, и это интересно, я думаю, весьма интересно, и народу польза... — спѣша и сбиваясь, проговорилъ я. — Вы могли бы мнѣ помочь... Я думалъ, въ рабочемъ университетѣ хорошо бы, гдѣ то около Таврическаго дворца — я въ газетѣ читалъ — и на Выборгской сторонѣ... мнѣ ходить близко. Вы просмотрите, пожалуйста, подойдетъ

ли? Византія, вѣдь, мой предметъ, я въ университетѣ, помните, все — о Византіи, и дипломное сочиненіе о кодексѣ Юстиніана...

Я ужасно волновался, сознавая, что говорю нескладно, робко, а главное, стыдясь, что не похожъ на того человека, какимъ Пельтяевъ меня когда то зналъ и съ которымъ соперничалъ.

Пельтяевъ испытующе посмотрѣлъ на меня, взялъ записную книжку — и сталъ читать. Онъ сидѣлъ въ полуоборотъ ко мнѣ, удобно развалился на стулѣ и опершись ногами, въ тяжелыхъ и грязныхъ сапогахъ, на край дивана. Онъ очень измѣнился, погрузнѣлъ и немного опустился: рукъ не холилъ и головы не помадилъ до зеркальнаго отсвѣта, какъ когда то, и бороду отпустилъ. Она росла у него пышно, лежала на груди чернымъ вѣеркомъ.

Когда то онъ былъ красивъ: высокъ и строенъ, похожъ на клюватую, острокрылую птицу. Все въ немъ было острое: и подбородокъ, и носъ, и уши, и плечи, и тонкіе, цѣпкіе пальцы. Теперь борода круглила овалъ лица, давно нестриженные волосы закрывали уши, толстая, военнаго покроя, куртка топырилась на плечахъ. Это придавало его облику оттѣнокъ несвойственной ему мѣшковатости, который его даже красилъ.

— Куда васъ занесло, голубчикъ! — воскликнулъ онъ, не дочитавъ моей записи. — «Культурное наслѣдіе вѣка Юстиніана...» «Вселенскіе соборы», «Политическое значеніе крестовыхъ походовъ»... ой-ой... еще и «Феодализмъ въ Палестинѣ»! Что вы, что вы, — это не пройдетъ... — заключилъ онъ, насмѣшливо протягивая мнѣ книжку.

— Это лишь примѣрно, я совсѣмъ не знаю, что нужно... — смущенно проговорилъ я.

— Вы это оставьте, Алексѣй Павловичъ, — а вотъ, что я вамъ предложу! — наставительно и дѣловито началъ Пельтяевъ. — Профессоръ Савчукъ, я и Ипатовъ

устройства, такъ сказать, «Летучій Университетъ» — обслуживать будемъ пять заводовъ въ походномъ порядкѣ. Въ прошломъ году уже пробовали — успѣхъ огромный! Такъ, напримѣръ, я читалъ курсъ: «Великіе города ткацкаго станка» — преинтересно! Валою валили, самому увлекательно было. Потомъ — циклъ: «Угольные копи»... Собирали у насъ и «Жидкій воздухъ», и «Объ удобреніи», и «Крестьянинъ въ русской литературѣ», и о микробахъ, и о вырожденіи классовъ, о гигиенѣ труда тоже очень любили. Я ихъ вкусъ теперь понялъ: надо непременно въ ихъ положеніе войти и къ современности все подводить. У нихъ изъ трехъ временъ есть только одно — настоящее, ни прошедшаго нѣтъ, ни будущаго. Они сами насъ отлично выучили, что имъ нужно. У нихъ своя психологія и, знаете ли, не безъ здраваго смысла, увѣряю васъ. Таншеръ о символической поэзіи заикнулась — разбѣжались; о Греціи Малинина одну лекцію прочитала — зѣвали и выругались. Къ нимъ ни съ чѣмъ отвлеченнымъ не подступайся. У нихъ отвращеніе къ отвлеченному. Общія идеи слишкомъ страшная вещь для шаткаго сознанія. Логически мыслить по всѣмъ фигурамъ аристотелевскихъ силлогизмовъ — да, вѣдь, никакая совѣсть этого не выдержитъ!

— При чемъ тутъ совѣсть? — въ недоумѣніи спросилъ я.

— Совѣсть? А вотъ при чемъ! Народъ нагадилъ... Понимаете, скотски нагадилъ, и теперь ему нужна солиднѣйшая увѣренность, что не зря онъ всю кутерьму затѣялъ. Вотъ онъ и приходитъ къ намъ и ждетъ отъ насъ оправданья. И мы, разумѣется, должны его оправдать, непременно должны! Безъ оправданья жить нельзя, никто не можетъ, съ Адама-Евы люди не могли — оправдываться стали. Человѣкъ можетъ вынести всѣ преступленья, но не бессмыслицу — бессмыслицу не вынесетъ. Что вы думаете? Бональдъ, Де-Местръ, Шато-

бріанъ... не оправдали платовскихъ казаковъ, шнырявшихъ по французскимъ провинціямъ? Не оправдали отвратительнаго восторга, когда на Парижъ перли иностранные штыки, когда оказалось, что французы двадцать лѣтъ зря кровь свою проливали? Ха! Какъ бы не такъ! Еще какъ утонченно... по всѣмъ правиламъ изящнѣйшей діалектики!.. Ну, а въ наше время — вспомните, будьте объективны! Не оправдывались ли націи своими синими, красными, бѣлыми книгами, сотнями брошюръ о томъ, кто виноватъ въ войнѣ? Знаете — почему? Да всякій нѣмецъ, французъ, англичанинъ искалъ увѣренности, что не онъ повиненъ въ истребленіи сорока милліоновъ европейцевъ — вотъ почему! Такъ и мы оправдываемъ и оправдаемъ «на пять», потому что народы не умираютъ, не каются, не самоубиваются, а живутъ со своимъ неуловимымъ для индивидуальнаго сознанія смысломъ и живутъ не по обычной логикѣ, а по собственной, адвокатской, такъ сказать, — заключающей отъ слѣдствія къ основанію, отъ преступленія — къ оправданію... И всякій русскій человѣкъ долженъ себя оправдать, чтобы новымъ положеніемъ вещей насладиться...

Пельтеевъ говорилъ убѣжденно, даже зажигательно, безъ ироніи, съ явнымъ удовольствіемъ, слушая самого себя, видимо, увѣренный въ своемъ умѣ и убійственности доводовъ.

— Такъ, значить, выходитъ такъ, что съ ними... тогда ужъ совсѣмъ съ ними? — озадаченно спросилъ я. — По-вашему, вѣдь, такъ?

Пельтеевъ пожалъ плечами, но не смутился.

— Это не совсѣмъ вѣрно: «съ ними»; правильнѣе сказать: «надъ ними». Вы остаетесь на той же точкѣ въ пространствѣ, какъ раньше, лишь мѣняете монологи и реплики. Что жъ, хорошій актеръ сегодня играетъ Донъ-Карлоса, завтра — Подколесина. Увѣряю васъ, это положеніе достойнѣ просвѣщеннаго класса, нежели та по-

зорная бѣготня черезъ границы, когда, наѣвъшись и отогрѣвшись въ карантинахъ, наше popolo grasso рыщетъ по Европѣ и вопить о помощи иностранцевъ. Надо понять, что сейчасъ народъ лишь съ нами такими и соглашается дѣло имѣть...

Признаюсь, все, что говорилъ мнѣ Пельтеевъ, я слышалъ впервые. Я такъ отъ всего отсталъ, въ своей пещерѣ сидя, что даже и не предполагалъ, какія мысли въ городѣ бродятъ. Осмыслить же Пельтеева сразу я не могъ. Я понялъ одно, что онъ повторялъ это, вѣроятно, уже десятки разъ своимъ единомышленникамъ, а главное, самому себѣ.

— У васъ, дѣйствительно, всѣ концы сошлись... — робко промолвилъ я, — а мнѣ все это и въ голову не приходило. Я, признаться, и не думалъ объ этомъ, когда на лекціи рѣшился, я думалъ, чтобы просто занятіе было, потому что невозможно сейчасъ безъ занятій... одиночество большое...

— Слышалъ-слышалъ, говорили мнѣ, что вы, такъ сказать, овловѣли, — съ безжалостной прямою сказалъ Пельтеевъ.

Я покраснѣлъ, и сердце мое забилося... И опять, какъ всегда, мнѣ было больно, когда чужіе люди намекали на мое бывшее счастье съ Соней.

— Да, мы разошлись съ Софьей Александровной... — пролепеталъ я, хватаясь за записную книжку, чтобы замять разговоръ о разводѣ.

Пельтеевъ посмотрѣлъ на часы. Я понялъ, что надо уходить.

— Такъ, по-вашему, мои темы не годятся?

— Нѣтъ, Алексѣй Павловичъ, не годятся.

— Значить, я читать не могу?

Пельтеевъ развелъ руками.

— Можете, — конечно, можете! Мы же всѣ читаемъ. Есть даже смышленные студенты послѣдняго курса, ко-

торые собирають полный залъ, — съ усмѣшкой сказалъ онъ, — правда, исторія не въ чести, но все же... надо подумать. Ну, что, напримѣръ, подошло бы?... — и онъ задумался. — Ахъ, вотъ темка! — съ воодушевленіемъ вскричалъ онъ: — благодарная, эффектная тема! «Нравы и быть монарховъ»... Прекрасная тема! Здѣсь про одну вашу византійскую Федору чего наговорить можно! А про Людовиговъ, про Стюартовъ, про нашихъ матушекъ-императрицъ! Я бы все это устроить могъ. Я вообще очень, очень радъ, если вы не боитесь о народъ запачкаться. Это утѣшительно, очень утѣшительно, а то всѣ гнушаются. Мнѣ всегда казалось, что вы были немножко... какъ вамъ сказать... съ амбиціей.

Въ ту минуту я думалъ лишь о томъ, какъ съ предложенной работой справлюсь, ни о чемъ больше. Рѣшилъ — справлюсь, если посидѣть и постараться, то справлюсь. Главное было — устроиться, а Пельтеевъ могъ устроить и благожелательно, прямо съ душой, мнѣ казалось, отнесся. Я этого и ожидать не могъ. Пельтеевъ знаетъ жизнь. Онъ второй годъ лекторъ, даже римскую исторію забросилъ. Онъ все осмыслилъ, въ то время какъ я безсознательно упорствовалъ и, безъ всякаго энтузіазма, свои и чужіе погоны отстаивалъ. Почему не прочитать о монархахъ? Мы тоже съ анекдотовъ про глупость, мотовство и сластолюбіе ихъ начинали... Словомъ, я не спорилъ, ни единого словечка ему не возразилъ и согласился. Пельтеевъ обѣщалъ провести меня въ лекціонной комисіи и оповѣстить немедленно — на этомъ мы разстались.

Я шелъ отъ него пріободренный. Надо теперь въ бібліотекъ застѣсть и въ энциклопедіяхъ порыться. Двѣтри недѣли — и можно уже къ лекціямъ приступить, сначала о монархахъ, а тамъ и еще, и еще что-нибудь, если ничего не помѣшаетъ. А вдругъ помѣшаетъ? Вѣдь, все-таки не всѣ концы у меня въ воду, тамъ, у Шкарева, я

какъ-то числюсь, и за мной всякія «бѣлыя» дѣлишки... Правда, за спиной Соня, но она, вѣдь, тоже въ испугѣ — можетъ быть, отъ меня уже отрывается? — И опять я встревожился.

Надо все осторожно прикончить и честно съ Пельтеевымъ за дѣло взяться. А въ немъ перемѣна... Пожалуй, онъ лучше сталъ, добрѣе, сразу помогъ, охотно согласился, даже просто радъ былъ. Только что-то въ немъ грузное, грубое, глуповатое появилось — въ обликѣ, въ разговорѣ, въ манерахъ... Лапотный профессоръ! Бородачъ! Кумъ народный! Въ Момсены мѣтилъ, жена бѣлымъ пеплуомъ шелестѣла... А въ сущности, что худого, если «лапотный»? Что? Здѣсь тонкій тактъ соблюденъ, чтобы въ крахмальномъ воротничкѣ въ избу не соваться. Малинина съ Агамемнономъ къ нимъ полѣзла — ахъ, глупая!

Дорогой я новое дѣло обдумывалъ. Оно занимало, наполняло пустоту вокругъ меня. Въ его смыслъ я не вникалъ, его не оцѣнивалъ. Сейчасъ даже объяснить не могу, почему совѣсть моя молчала. Плотна была сътължи, которая насъ опутывала. Среди прятанья, шатанья, вранья себѣ и другъ другу, среди искаженныхъ понятій, гаснущихъ традицій, безобразнаго чернаго помутнѣнія всей жизни, что могъ сдѣлать я, офицерикъ безъ погонь, съ отвыкшей мыслить головой, съ разметанными по вѣтру лучшими чувствами, съ одной безсознательной, и со дня на день слабѣющей, привычкой быть порядочнымъ человѣкомъ, въ чемъ никому не было уже надобности ни малѣйшей!

ГЛАВА X.

Второй день пошелъ, а я Федору Федоровичу и на глаза не показывался. О Повѣнецкихъ я вспомнилъ, то есть, не совсѣмъ такъ — лишь о Маріи Федоровнѣ.

Когда жена Пельтьева вошла въ столовую за игрушкой, мнѣ пришло въ голову, что Марія Федоровна добивалась удовольствія войти когда-нибудь вотъ такъ же въ комнату и подобрать дочкину куклу, а между тѣмъ ея дѣвичье счастье съ крючка у нея сорвалось. Сидитъ теперь и, навѣрно, плачетъ... Я подумалъ: «не можетъ она плакать, непохоже, чтобы она плакала». Мнѣ почему-то не хотѣлось, чтобы Марія Федоровна была изъ тѣхъ женщинъ, что плачутъ легко и не стыдятся, хотя дѣтски-безпомощныя, нервныя плаксы всегда будили во мнѣ нѣжность.

Къ Федору Федоровичу, во всякомъ случаѣ, въ тотъ день по доброй охотѣ я бы не пошелъ, но въ то время, какъ я у Пельтьевыхъ сидѣлъ, приплелась ко мнѣ старая Эмма и пропихнула подъ дверь письмо — самодѣльный бурый конвертъ. Въ немъ, явно измѣненнымъ почеркомъ, съ глупыми недомолвками, она писала:

Глубокоуважаемый Господинъ Полежаевъ!

Моя благодарность Вамъ не будетъ имѣть конецъ. Я прошу Васъ, ради Бога, будьте любезны придти. Вчера мы васъ ждали поздно до ночи. Сказала ли Вамъ что-

нибудь..... Я снова буду завтра торопиться къ Вамъ очень рано утромъ.

Съ высокимъ уваженіемъ

.....

(Многоточіе замѣняло подпись).

Конвертъ не могъ не броситься въ глаза каждому, стоящему на площадкѣ, когда я открывалъ дверь. Содержаніе письма, даже простаку, могло внушить подозрѣніе. Одна мысль о томъ, какой опасности я подвергался изъ-за Тамбовской, ужасала меня. Но я не растерялся, а вмигъ, съ той внезапностью, которую навязываетъ волѣ ея же слабость, рѣшилъ покончить и съ Тамбовской, и со Шкаревымъ, — вообще со всѣми безъ промедленія.

Въ концѣ концовъ, мы всѣ лишь мѣшали жить другъ другу и не только не могли спасти свой народъ, но просто, по-бытовому, беспомощно-беззащитные, не могли отстоять ни себя, ни своихъ. А Пельтеевъ могъ. Могъ и на стулѣ преспокойно развалиться, могъ общать, почти ручаться за поддержку, — все могъ! А я о покоѣ, о самой ничтожной устойчивости психики до изнеможенія истомился. Но покой могъ придти ко мнѣ только извнѣ, потому что мысль о мужествѣ, о внутреннемъ обузданіи страха въ эти дни, серьезно не приходила мнѣ въ голову. И все же, именно потому, что письмо было неосторожно подсунуто и безтолково написано, я и поспѣшилъ въ тотъ же вечеръ къ Федору Федоровичу.

Помню хорошо этотъ холодный, вѣтрый, предзимній вечеръ. Поднималась буря, та, что грозитъ Петербургу наводненіемъ и смертью дряхлымъ липамъ Лѣтняго сада. Въ черныхъ улицахъ шумѣлъ вѣтеръ, гудѣлъ въ подворотняхъ, въ заколоченныхъ досками подвалахъ, постукивалъ расхлябанными въ закрѣпахъ вывѣсками, свистѣлъ въ переплетахъ трамвайныхъ проволокъ. Итти было холодно, темно и жутко, да и беспокоился я всю

дорогу до самага Знаменья, какъ же мнѣ въ такую погоду добратъся. Но добрался я до Тамбовской прѣблагополучно.

Федора Федоровича я засталъ одного. Онъ мнѣ самъ и дверь отворилъ, и тутъ же въ кухнѣ, возлѣ грязнаго ведра, при свѣтѣ огарка, съ котораго безжалостно капаль стеаринъ на его хламиду, довелось мнѣ, какъ тогда отъ Шкаревскихъ похвалъ, или потомъ отъ записочки Маріи Федоровны, — о себѣ съ удовольствіемъ подумать.

Федоръ Федоровичъ съ изумленіемъ, даже съ почти-тельностью, на меня глядѣлъ.

— Мы васъ ждали вчера, и сегодня весь день ждали... Эмма Карловна къ вамъ ходила. Что же Марія? Вы успѣли ей все сказать? — торопливо говорилъ онъ. — Эмма Карловна тайно отъ меня пошла къ вокзалу и издали видѣла, какъ вы вещи перебросили и какъ солдаты васъ схватили. Она говоритъ: еще минута — и они бы васъ убили... Теперь, какъ о васъ рѣчь, — у нея слезы умиленія. — Онъ слабо улыбнулся.

— Да ужъ какъ-то повезло. Военная сметка помогла, — съ дѣланной небрежностью пробормоталъ я. (Вульгарно, некрасиво отвѣтилъ).

Какъ нѣмка преувеличила отчаянность моего положенія на площади! Но разувѣрять Федора Федоровича я и не подумалъ.

Мы прошли на чердакъ. И опять, какъ два дня тому назадъ, непонятный мнѣ Федоръ Федоровичъ, чудной чердакъ, необычайность нашихъ отношеній завладѣли моимъ вниманіемъ настолько, что я забылъ о рѣшеніи «покончить съ Повѣнецкими безъ промедленія».

Въ маленькой желѣзной печкѣ бушевалъ огонь, гудѣла и трещала колѣнчатая труба. Было тепло, даже жарко. Пахло дымомъ, краской и какимъ-то пріятнымъ горьковатымъ лѣкарствомъ, и комната тонула въ мягкомъ жемчужномъ полусвѣтѣ. На столѣ горѣла лампа, затѣ-

ненная бѣлымъ бумажнымъ, прожженнымъ у стекла, абажуромъ. И тутъ же, среди разбросанныхъ бумагъ и книгъ, дымилась тонкая, граціозная, фарфоровая чашечка съ какой-то коричневой горячей жидкостью.

По правдѣ говоря, ничего не было здѣсь особеннаго. У Пельтьева тоже книги, и двоюродный братъ Сережа ряженымъ глядѣлъ, когда, бывало, къ лекціямъ готовясь, дѣдушкинъ бухарскій халатъ надѣвалъ, а голову феской отъ невральгій предохранялъ. И ужъ, конечно, ничего не могло быть невиданнаго, пріятнаго изумленія достойнаго, въ закоптѣлыхъ стѣнахъ, кухонныхъ табуреткахъ и мохнатыхъ полотенцахъ, развѣшанныхъ на веревочкѣ.

И все-таки — было въ Федорѣ Федоровичѣ и во всей обстановкѣ нѣчто такое, что волновало мое застывшее воображеніе до порыва не быть самимъ собой. Именно порывъ этотъ и руководилъ мною, когда я о Маріи Федоровнѣ сталъ рассказывать. Я старался произвести на Федора Федоровича впечатлѣніе необыкновенно благороднаго человѣка, для котораго содѣянное — пустякъ сущій: не болѣе, какъ дамѣ поднять носовой платокъ. И я чуть-чуть ломался, чтобы только не оказаться въ разладѣ съ моимъ собесѣдникомъ. Я все про встрѣчу рассказалъ: про вокзалъ, толпу, про Марію Федоровну, какъ она исхудала, какъ блѣдна, что въ платокъ была закутана, и что мы ни словомъ не перекинулись... Лишь про одно почему-то я смолчалъ, — что былой Маріи Федоровны нѣтъ больше, а та, новая, измученная до свѣтлой униженности, которую я вчера видѣлъ, меня и сейчасъ волнуетъ. Про это я ни слова не сказалъ...

Сердечной драмы Маріи Федоровны мы бы и не коснулись, но, повидимому, я навелъ его на мысль, что хорошо понимаю состояніе его несчастной сестры, и что скрывать отъ меня бѣды нечего. Лишь этимъ я и могу объяснить, почему онъ вдругъ откровенно спросилъ меня:

— Вы все знаете про Марію? — и испытующе посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Все знаю — все, — поспѣшно подтвердилъ я и даже не смутился, что это не совсѣмъ-то правда. — Какъ это могло случиться? Какъ это объяснить? Какъ вы объясняете? — съ нарастающимъ любопытствомъ продолжалъ я.

Федоръ Федоровичъ пожалъ плечами.

— Военный романъ, — со сдержаннымъ волненіемъ заговорилъ онъ. — Сестра, навѣрно, говорила вамъ? До войны мы жили въ Италіи, Марія училась живописи. Я въ нее очень вѣрилъ, и не я одинъ — многіе, кто ее зналъ, — скупое роняя слова, точно и ясно объясняли Федоръ Федоровичъ. — А потомъ — война... Я не знаю, что съ ней случилось, но она вдругъ стала умолять меня вернуться въ Россію, а здѣсь кинулась на фронтъ, въ госпиталь. Какой-то взрывъ женскаго самопожертвованія, желанье быть со всѣми... Остальное обыкновенно — экзальтація чувства подъ угрозой смерти.

— Марія Федоровна обманулась въ этомъ человѣкѣ! — воскликнулъ я. — Но вы-то развѣ могли этого ожидать?

— Я его никогда не видалъ, — пренебрежительно проговорилъ Федоръ Федоровичъ.

Повидимому, онъ давней, стойкой непріязнью отвергалъ Добрынина и не прощалъ сестрѣ ея безславной любви, какъ не прощалъ и негероическаго, жалкаго ея ареста, — незавидной, глупой доли неосторожной мухи.

— Вы строги, сейчасъ такъ-то строго и нельзя... Можетъ быть, случай какой-нибудь роковой свелъ? — неумѣло защищалъ я Марію Федоровну.

Федоръ Федоровичъ удивленно взглянулъ на меня. Можетъ быть, потому что я защищалъ его сестру, помогъ ей и зналъ про нее все (онъ былъ въ этомъ увѣренъ), это

и наводило его на мысль, что я ей преданъ и, Богъ знаетъ, можетъ быть, больше чѣмъ преданъ...

— Но у него жена... у него дѣти, — съ неожиданной прямою сказалъ онъ.

Я понялъ мгновенно, о чемъ шла рѣчь: Марія Федоровна не невѣста Добрынина и потеряла она не дѣвичьи мечты о счастьѣ, а живое, реальное счастье, вѣроятно, очень большое и незабываемое... Почему-то я винѣ ея обрадовался, точно она сразу стала ближе, понятнѣе, просто милѣ моему одичалому сердцу.

— Марію Федоровну нельзя судить... Если бы ее видѣли вчера! — волнуясь, заговорилъ я. — И какая ея вина? Вина не на ней, конечно, если у жениха, вы говорите, семья есть. (Ахъ, какъ глупо я его женихомъ назвалъ!). Да и потомъ — если любовь пришла... какъ же ей было поступить? Какъ же съ любовью разстаться?

Я бы вязалъ и дальше неуклюжія фразы, не то защищая, не то безсознательно развѣнчивая Марію Федоровну, если бы Федоръ Федоровичъ не прервалъ меня.

— Я не осуждаю, — проговорилъ онъ, — я ее понимаю. Но здѣсь — вопросъ, нашъ съ нею вопросъ очень сложный — о любви... объ ея исповѣданіи.

— У людей на любовь много разныхъ точекъ зрѣнія, — неувѣренно возразилъ я, — только нельзя даже близкому человѣку свою точку зрѣнія навязывать, я такъ полагаю. Марія Федоровна высшую точку проявила: ни на что не посмотрѣла, можетъ быть, и знала, что счастья не будетъ, а все же полюбила.

Федоръ Федоровичъ внимательно слушалъ меня, стоя посреди комнаты, а тутъ слабымъ движеніемъ руки отъ моихъ словъ отмахнулся — явно, призналъ ихъ нестоящими.

— Это не высшая точка. Высота дана. Давно дана! — рѣзко оборвалъ меня Федоръ Федоровичъ.

— Не понимаю, о чемъ вы? — озадаченно промол-

вить я, чувствуя, что краснѣю и кажусь ему неумнымъ.

— Еще двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ высота была дана, — сухо добавилъ онъ. Но тутъ, видимо, о чемъ-то вспомнивъ, смягчился и пояснилъ: — Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ дѣвушка одной было возвѣщено, что у нея родится ребенокъ... сынъ... и предрекли ему величайшую славу. Всякая другая на ея мѣстѣ простодушно бы возликовала, а она смутилась, а потомъ строго спросила: праведно ли обѣщанное? Не вопреки ли волѣ Божьей ей радоваться ребенку-Сыну? Отъ этого все завистло. Спросить — не спросить... Въ этомъ сакраментальность мгновенія заключалась — чтобы спросила, потому что могла не спросить. На волосъ ниже уже не спрашиваютъ. Но она спросила. И вотъ, когда узнала, что радость свѣтла и совершенна, тогда на счастье и согласилась. Съ этого и началось. Это и есть данное о высотѣ...

Федоръ Федоровичъ былъ въ необычайномъ волненіи. Я даже и представить себѣ не могъ, что онъ можетъ бывать въ такомъ волненіи. Неподвижное его лицо просіяло. Онъ не могъ скрыть, да и не скрывалъ своего восторга.

«Эта тема его куда больше сестры волнуетъ...» подумалъ я.

Мы молчали.

Сомнѣнія не было: Марія Федоровна виновна, забыть этого брать никакъ не можетъ, потому что всегда считалъ сестру незаурядной, особенной, такой же, какимъ ощущалъ себя самъ. Да, этихъ тончайшихъ разсужденій, опутывающихъ бѣдную Марію Федоровну, я не понималъ. Они мнѣ казались жестокими, лишними и чудовищно несправедливыми.

— Все, что вы сказали о высотѣ, можетъ быть, и такъ, только сейчасъ-то дѣло въ томъ, что Марія Федоровна очень несчастна, и это фактъ. Ее видѣть надо... — съ сердцемъ сказалъ я. — Можетъ быть, и есть теорія,

что надо отказаться, ну, а если человѣку невозможно отказаться? — я запнулся — «Сказать или не сказать?» И вдругъ рѣшилъ: скажу, скажу про Соню, про нашу съ ней бѣду и помогу Маріи Федоровнѣ! (Мнѣ казалось, что помогу).

— У меня тоже бѣда въ пятнадцатомъ году стряслась... мы съ женой разстались. Жена моя замужъ вышла... — запинаясь, рассказывалъ я, нервно потирая ладонями ручки кресла. — Развѣ могу ее винить? Ей счастье померещилось... впрочемъ, это невѣрно, тогда я ее винилъ, очень винилъ, безжалостно даже осуждалъ, а потомъ понялъ. Каждому счастливымъ быть хочется, и это достовѣрно, а про то, что двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ... если и было... — спохватился я, вспомнивъ о Распятіи и образахъ. — Гдѣ же требовать этого отъ людей? По-моему, все это ничего, то-есть, не вижу я, что безнравственность особенная, ну, а вотъ, конечно, его предательство — другое дѣло. Но, вѣдь, Марія Федоровна его не предателемъ любила, онъ для нея бѣлѣй снѣжинки, навѣрно, былъ. Можетъ быть, онъ и былъ снѣжинкой, да вотъ температуры такой не вынесъ. Да развѣ могутъ люди все выносить? Знаете, что мнѣ въ голову приходитъ? Я это не придумалъ, я это нервами пережилъ, такъ сказать, откровеніе, если хотите, получилъ... Разъ въ сто лѣтъ, быть можетъ, намъ тайна добропорядочности людской раскрывается, вотъ въ такія эпохи, какъ сейчасъ, когда за все: за правду, вѣру, честь, любовь и вѣрность, за все жизнью отвѣчать надо! Въ старой жизни поводовъ особыхъ не было быть недостойными. Зачѣмъ порядочному человѣку красть, когда хлѣбъ двѣ копейки? Зачѣмъ лгать, когда и со своей-то правдой на пуховикахъ? Зачѣмъ обманывать, когда и всего-то въ моемъ честномъ словѣ обѣщаніе дамъ въ ложу пріѣхать, или портному по счету заплатить?.. А тутъ, на краю пропасти, люди настоящее свое обличіе являютъ. Вотъ и

Добрынинъ, говорятъ, достойный человѣкъ былъ, а не удержался, смертельно испугался. Пытка страхомъ, это, вѣдь, вещь ужасная...

Я замялся и покраснѣлъ.

— Нѣтъ, это невѣрно. Онъ былъ мужественъ и на войнѣ, говорятъ, и при арестѣ. Это не трусость, это — другое, — взволнованно заговорилъ Федоръ Федоровичъ, — онъ очень любилъ сестру, ихъ связывало, кажется, большое счастье. Можетъ быть, лишь эпохи «на краю пропасти» знаютъ такія счастья. Человѣку легче отказатьсѣ отъ жизни, нежели отъ счастья, а Марія, я это зналъ, этого всегда боялся, могла его пережить только въ формѣ крайней экзальтаціи, либо не познать вовсе... Она очень измѣнилась, вы говорите? — со сдержанной тревогой спросилъ онъ.

— Да, осунулась... но вы не бойтесь. Мнѣ кажется, она его уже разлюбила.

— Такого конца я бы совсѣмъ не хотѣлъ, — недовольно промолвилъ Федоръ Федоровичъ.

«Полюбивъ, нельзя разлюбить... По его мнѣнію, это еще хуже», удивился я. А между тѣмъ, ошибиться я не могъ: Марія Федоровна разлюбила. Недаромъ я почувствовалъ, что она точно смертью овѣяна. И все же, полюбившая, разлюбившая, несчастная, виноватая, она была мнѣ понятнѣ брата. Его суровой, библейской любви я не понималъ.

Мягко, безшумно, словно безплотно ступая, скользиль онъ изъ угла въ уголъ. Пелерина сползла съ одного плеча и шелестѣла по полу, на рукѣ, засунутой за поясокъ, неярко блестѣлъ перстень. Длинные волосы падали на уши, на виски, отгѣняя бѣлый лобъ и четкія черты: густыя брови, темные впалые глаза и острый тонкій профиль.

Въ тотъ вечеръ Федоръ Федоровичъ показался мнѣ еще непонятнѣ, чѣмъ въ первую встрѣчу. Фантастическая высокопарность души его и поражала, и влекла меня.

Быть можетъ, не будь вчера отвратительной непріятности послѣ разстрѣла Фонарева, не будь хлопотъ съ бородачатымъ Пельтьевымъ, я не такъ бы впечатлѣнію поддавался. А теперь я сидѣлъ, завалившись въ кресло и, не думая больше о неосторожномъ знакомствѣ, внимательно его слушалъ. На мгновение сознание отдохновительно затуманивалось, и я словно погружался въ волшебную призрачность русальныхъ наважденій...

«А передачу въ Гатчину наладилъ ли?» — вдругъ съ былой прапорщичьей дѣловитостью опомнился я. «Надо все варенымъ посылать. Когда Масловъ въ прошломъ году сидѣлъ, все варенымъ мать ему посылала». — И я спросилъ о передачахъ.

Стараясь быть толковымъ, Федоръ Федоровичъ сталъ мнѣ объяснять, но все звучало на удивленіе безтолково. Эмма Карловна сносится со Шкаревымъ, доставляетъ вещи, племянница Шкарева обѣщала вымѣнивать ихъ и носить пакеты на Выборгскую кому-то третьему, кто собирается съѣздить въ Гатчину.

— Всѣ у Шкаревыхъ просили мнѣ сказать, чтобъ я не беспокоился, — съ наивной серьезностью объяснял Федоръ Федоровичъ.

Я рассказалъ про Маслова.

— Это важно, это страшно важно, чтобы все вареное! Я скажу, я попрошу Эмму Карловну, — встревожено повторялъ Федоръ Федоровичъ, и опять, какъ въ прошлый разъ, я почувствовалъ его жалкое безсиліе передъ единственнымъ, что есть въ жизни воистину грозного — передъ одолѣніемъ ея подавляющаго реализма.

Опять Федоръ Федоровичъ замелькалъ изъ угла въ уголъ комнаты, шелестя туфлями. Меня это метанье по комнатѣ стало раздражать, и я машинально отвелъ глаза. Взглядъ упалъ на портретъ, прислоненный къ ящику. Свѣтъ лампы захватывалъ его въ свой яркій кругъ,

и изъ-за наваленныхъ на столѣ книгъ и рукописей прямо-прямо мнѣ въ глаза глядѣла бѣлокурая, синеглазая дѣвочка-подростокъ въ пышномъ бѣломъ платьѣ, съ большой голубой книгой на колѣняхъ. Сіяющіе глаза, радостная улыбка, тоненькія и легкія ручки, охватившія книгу, свѣтлые локоны, распущенные по плечамъ... И это была не Марія Федоровна, не ея серьезное лицо. Нѣтъ, это была не она. Но это не былъ и одинъ изъ тѣхъ старинныхъ портретовъ, къ которымъ владѣлецъ хранить прохладное благоговѣніе. Живопись была не старинная, и портретъ былъ прилаженъ къ ящикамъ съ явнымъ стараніемъ, чтобы, сидя за письменнымъ столомъ, имѣть «ее» передъ глазами.

«Кто она? Что ему эта кудрявая дѣвочка?»

Я протеръ пенснѣ и, навалившись локтями на столъ, съ любопытствомъ на нее уставился.

Федоръ Федоровичъ подошелъ и осторожно отставилъ лампу.

— Такъ лучше, — просто промолвилъ онъ.

— Кто это? Это не сестра ваша...

— Нѣтъ, это жена моя, — тихо сказалъ онъ.

Мы молчали. Я почувствовалъ, что спрашивать про жену нельзя. Но потому ли, что мы все говорили о любви, что Федоръ Федоровичъ помнилъ мою откровенность о Сонѣ и догадался о моемъ недоумѣніи, — онъ неожиданно пояснилъ:

— Моя жена утонула въ Лаго Маджіоре за недѣлю до нашей свадьбы, въ тотъ день, когда законченъ былъ портретъ. Тому уже десять лѣтъ теперь... — внятно, почти торжественно сказалъ онъ.

— Она на русскую не похожа.

— Она англичанка... изъ Шотландіи, но мы похоронили ее въ Веронѣ. Она любила Верону, — такъ же тор-

жественно проговорилъ онъ, переставивъ лампу на прежнее мѣсто.

«Какъ жена, если не вѣнчались? И какъ съ такимъ ребенкомъ думалъ вѣнчаться? И какъ глупо, что въ Веронѣ, какъ Джульету схоронилъ! Жуковский всю жизнь тоже съ покойницей возился, а въ старости посватался, женился и дѣти пошли... Фонарева — иначе! Фонарева проще и безъ претензій, главное — безъ претензій! И Пельтеевъ проще и жизнь знаетъ, а у этого сестра въ тюрьмѣ голодомъ насидится...» И, какъ всегда, когда человѣкъ не можетъ осилить сложности другого, я почувствовалъ къ Федору Федоровичу внезапное, непонятное охлажденіе. Почему кудрявая дѣвочка въ его судьбѣ не понравилась мнѣ? Не потому ли, что когда-то давно я тоже хотѣлъ вѣчно любить Соню, жену мою, но этой сложности я не вынесъ. Но сказалъ я совсѣмъ не то, что подумалъ, а съ пріятной вѣжливостью:

— Мнѣ у васъ очень нравится. Тепло, тихо, книги и портретъ чудный... Очень хорошо. Я ужъ и отвыкъ такъ жить, а до войны тоже писалъ кое-что по Византіи, да война помѣшала, — фронтъ, демобилизація, а потомъ политической этой кутерьмой занялся... Думаю теперь опять поработать по специальности. Для политической работы я совсѣмъ не гожусь. Я больной человѣкъ и сейчасъ бѣлоблитникъ — въ инвалидной секціи числюсь.

Я сталъ рассказывать очень подробно о своихъ подлинныхъ и мнимыхъ немощахъ. Федоръ Федоровичъ не только не спрашивалъ меня, но не очень слушалъ, мнѣ показалось, что ему стало со мной скучно, и онъ подавилъ зѣвокъ. Я обиженно заторопился домой.

Прощаніе у насъ вышло иное, чѣмъ встрѣча. Сблизивъ внѣшне, она утомила насъ обоихъ. Разные мы были люди! Трудно ему было вытерпѣть меня изъ-за одной признательности, мою неприглядную внѣшность, солдат-

скій реализмъ, утомительную неискренность неувѣреннаго въ себѣ человѣка. Трудно и мнѣ было осилить его безъ утомленія: непохожъ онъ былъ на тѣхъ людей, съ кѣмъ я общался за послѣдніе годы, совсѣмъ непохожъ... Можетъ быть, тѣмъ и показался привлекательнымъ, и сталъ отталкивающимъ, что непохожъ. Тогда я еще не зналъ, что живое общеніе людей включаетъ непонятное противорѣчіе: чѣмъ живѣе влечетъ человѣкъ, тѣмъ сильнѣе отталкиваетъ — и весь смыслъ высокой любви человѣческой состоитъ въ одолѣніи того, что безнадежно разобщаетъ... Но тогда я воспринималъ жизнь внѣшне и безъ особой осмысленности, хотя ощущалъ ее съ болѣзненной остротой.

Прощаясь, Федоръ Федоровичъ сказалъ мнѣ, однако, очень искренно, что просить вновь навѣстить его когда-нибудь, и прибавилъ:

— Если Марію выпустятъ, сообщу вамъ сейчасъ же.

Я встревожился: «Да не подумалъ ли онъ, что я въ нее влюбленъ?» — поэтому сухо ему отвѣтилъ, что, вѣроятно, уѣду къ родственникамъ въ провинцію, а если бы остался, то постараюсь навѣдаться, хотя это маловѣроятно, потому что хочу въ провинцію — тамъ продукты дешевле.

Такъ мы и разстались.

Потомъ я досадовалъ на себя, на Федора Федоровича, чуть-чуть на Марію Федоровну даже, что я «абсурдъ затѣялъ» и столько времени на Тамбовскую убилъ. Но помимо досады была и обида, что я всѣмъ чуждъ, ненуженъ, неинтересенъ, тогда какъ, если-бъ только люди меня знали, быть можетъ, пожелали бы со мною по-хорошему познакомиться. Если-бъ знали! Вѣдь, въ юные годы, когда мы съ Володей въ жизнь вступали, когда студентами-первокурсниками по Европѣ путешествовали и въ Римѣ, въ ослѣпительно золотистый полдень, подъ портикомъ Капитолія, другъ другу обѣщаніе дали «Вѣчной Красотѣ»

всей жизнью послужить, — мы были лучше Федора Федоровича. Это я ясно чувствовалъ — лучше! Но почему никому я не могу доказать, что я былъ раньше другимъ, и почему никому нѣтъ до этого дѣла, и никто не хочетъ, не ждетъ даже моихъ оправданій?

ГЛАВА XI.

Въ тотъ годъ зима установилась крутая, ровная, почти безъ оттепелей. Въ городѣ только и разговору было о стужѣ, заносахъ, страшныхъ болѣзняхъ, набитыхъ тюрьмахъ, казняхъ, гражданской войнѣ... о томъ, что до весны не перебиться. И вѣрно, — многіе въ тотъ годъ не перебились.

Никому и въ голову не приходило радоваться пепельно-розовымъ морознымъ сумеркамъ надъ бѣлой Невой, тишинѣ улицъ, бѣлоснѣжной пышности садовъ и скверовъ...

Не радовался и я, конечно, хотя зиму любилъ съ дѣтства веселой, беззаботной любовью. Съ тѣхъ поръ, какъ помню себя, помню и дѣтскую радость мою — ступать по пушистому чистому снѣгу и глядѣть, какъ нѣжныя снѣжинки съ тишайшимъ шорохомъ осыпаютъ землю... И эта любовь къ бѣлой тишинѣ, къ чистому покрову надъ безпорядочно-творящей, тяжело-плодоносной землей осталась у меня и у взрослого. Въ ту зиму, помню, я не то что обрадовался ей, но какъ-то стало мнѣ выносимѣе бывать на улицахъ, когда снѣгъ засыпалъ грязь и соръ, выбоины и ямы мостовыхъ, запорошилъ разбитые навѣсы подъѣздовъ, ошарпанные фонарные столбы, загаженные тумбы... и когда людскія лица, замотанныя тряпьемъ, запрятанныя въ воротники, бросались въ глаза меньше, и не было того удушливаго зловонія въ трамваяхъ, что лѣтомъ и въ мок-

ропогодицу, и шаги людскіе и трамвайные звонки пріятно глухли въ снѣгу.

На улицѣ я бывалъ ежедневно, иногда и подолгу. Дома у меня было тепло: дрова я запасъ еще лѣтомъ черезъ Соню, конечно; хранилъ ихъ подъ замкомъ, въ людской, въ двухъ штабелькахъ... — очень хозяйственно ихъ уложилъ.

Зиму до святокъ я провелъ въ благополучіи и по-новому: дѣловито, въ усидчивой работѣ.

Когда я навѣдался къ Пельтьеву, онъ вручилъ мнѣ удостовѣреніе со штемпелями «Летучаго Университета», расписаніе лекцій, перечень заводовъ, телефонные номера автомобильныхъ гаражей и разверстку ставокъ на довольствіе. Было рѣшено, что, хотя я уже зачисленъ въ штатъ, лекціи начну послѣ Рождества, а дабы овладѣть «культурно-просвѣтительными задачами момента», приду на очередное засѣданіе лекторовъ. «Монарховъ» за мной закрѣпили, и Пельтьевъ увѣрялъ, что начальство нашло тему «актуальной и ѣдкаго интереса».

За дѣло я принялся безъ увлеченія, но съ безпокойствомъ, что не сумѣю быть занимательнымъ для слушателей, и со стараніемъ угадать ихъ вкусъ. Я уходилъ въ бібліотеки: въ университетскую, въ Публичную, натаскалъ полный столъ книгъ отъ двоюроднаго брата Сережи, открылъ лекціи, руководства...

Отъ умственного труда я отвыкъ. Война приучила меня къ ужасающей праздности, къ физической суетѣ, къ высокой оцѣнкѣ практическихъ усилій, къ мгновенному выполненію чужихъ порученій, но я утратилъ способность сосредотачиваться, отвлеченно мыслить, логически доказывать. Лишь взявшись за книги, ощутилъ, что умственно одичалъ. Многое забылъ и многое сталъ путать. Умъ огрубѣлъ, научную книгу я читалъ уже съ трудомъ, схватывать на лету основную мысль не всегда удавалось. Можетъ быть, нервная система по старому слу-

жить отказывалась. Занятія меня успокаивали немного, и я охотно и самъ себѣ и знакомымъ преувеличивалъ ихъ серьезность. Конечно (теперь я это вижу), было нѣчто противоестественное, почти маниакальное, въ моихъ лихорадочныхъ занятіяхъ дома по ночамъ и въ холодной, съ замерзшими окнами, залѣ Публичной бібліотеки, гдѣ зазѣбшій, унылый бібліотекаръ, въ рваныхъ перчаткахъ, съ нездоровой медлительностью въ движеніяхъ, выдавалъ намъ книги. И было до одури однообразно, и тѣмъ самымъ отдохновительно, шагать утромъ вдоль чугунныхъ рѣшетокъ Фонтанки, съ затертыми льдомъ гнилыми барками, и знать, что время — этотъ ужасъ жизни моей — будетъ убито, укорочено навѣрняка и сегодня, и завтра, и послѣзавтра, вотъ этими переходами, книгами, выписками и переговорами съ Пельтеевымъ...

Въ повседневности, отъ которой отвращалась вся моя душа, самымъ раздражающимъ въ тѣ дни было Шкаревское подполье. Съ нимъ я, какъ будто, покончилъ, т. е. послѣ послѣдней встрѣчи со Шкаревымъ никто ко мнѣ ужъ не являлся, и стороной черезъ Серрежу я узналъ, что меня работникомъ больше не считали; кто-то обмолвился, что послѣ разстрѣла Пети Гнѣздина я произвожу впечатлѣніе нервно-больного и недавно истерически велъ себя на вокзалѣ, провожая какую-то арестованную даму.

Знакомство съ Тамбовской заглохло, никакихъ признаковъ жизни Повѣнецкіе не подавали.

Все складывалось такъ, чтобы съ Пельтеевымъ быстро въ ногу зашагать. Видались мы съ нимъ довольно рѣдко и кратко (всегда я къ нему заходилъ), иногда просто въ прихожей минутъ пять поговоримъ — и тутъ же разстанемся. Въ гости никогда другъ друга не звали, о семейныхъ дѣлахъ не спрашивали, но содружество наше уже сказывалось.

Начали поступать мнѣ выдачи театральными билетами, съѣстнымъ и кое-чѣмъ теплымъ. Моя новая значительность отозвалась и въ домѣ: жильцы стали обращаться ко мнѣ за совѣтами, съ недоумѣніями, даже съ просьбами... Перебѣну въ своемъ положеніи я сознавалъ и ощущалъ подобіе удовольствія. Къ работѣ быстро привыкъ, постепенно обрѣтая въ ней безразличное отношеніе ко всему. Казалось, я слѣпъ и глухъ и въ этомъ находилъ противоестественное удовлетвореніе.

Для «монарховъ» я немало иностранныхъ энциклопедій перерылъ и кучу архивнаго матеріала пересмотрѣлъ, извлекая изъ него самое нужное; а нужно мнѣ было вотъ что. Я особенно на растрату народнаго достоянія упиралъ, цифры личнаго бюджета государей разныхъ приводилъ, сочеталъ ихъ въ хлесткія противопоставленія. Кухня Людовика XIV-го въ годъ обходилась въ тысячу разъ дороже годового пропитанія сотни вилановъ, ну, и такъ дальше... О роскоши цезарей, императоровъ и папъ матеріалы подобралъ, а потомъ — о своихъ, конечно: о чудовищномъ гардеробѣ (15000 платьевъ!) Елизаветы Петровны, о регаліяхъ жадной Анны Иоанновны, о причудахъ временщиковъ — о волшебныхъ пиршествахъ Потемкина, его дворцѣ, алмазами осыпанномъ оружіи, золотой посудѣ, знаменитомъ брилліантовомъ султанѣ... о земельныхъ богатствахъ Орловыхъ, Зубова, Безбородки, Завадовскаго, Ланского... и чего-чего еще я не наговорилъ! Я громоздилъ цифры на цифры, справки, документы, отзывы иностранцевъ, отцѣночныя музейныя росписи — и все одинаково доточно, къ мѣсту, съ рабымъ терпѣніемъ.

Но и расточительность меркла передъ сокрушительными обвиненіями монарховъ въ непотребствѣ. Сколько возни у меня было съ Людовиками, съ разнообразіемъ ихъ естественныхъ и больныхъ страстей, со слабоумными Стюартами, съ распутными папами! Но главное я прибегалъ къ концу и здѣсь всей тяжестью документальной

неопровержимости обрушивался на Екатерину Вторую. Словно ведрами, натаскалъ я государынину нечистоту изъ всѣхъ историческихъ и архивныхъ кладезей и задумаль опрокинуть съ кафедры всю эту грязь на потѣху моимъ фабрично-заводскимъ слушателямъ...

Картина нравовъ и быта монарховъ получилась у меня чудовищная. Моя задача была показать, что хуже королей, паскуднѣе императрицъ, безсовѣстнѣ всякихъ государей — не было на землѣ иныхъ существъ, и что за черный грѣхъ ихъ одно достойное возмездіе — всенародное оплеваніе ихъ памяти. Да, это была «идея» моихъ лекцій, по этой схемѣ онѣ и расположились.

Такъ я и жилъ. Дни шли за днями, вьюжные, съ позднимъ бѣлесымъ разсвѣтомъ, съ шаровиднымъ багровымъ солнцемъ, катившимся подъ вечеръ прямо въ снѣга...

Отъ непривычки ли къ умственному труду, отъ утомленія ли, сталъ я страдать бессонницей. Лежалъ часами, то въ темнотѣ, то съ лампой, курилъ папиросы безъ счету, ворочался и вздыхалъ. Бессонница приучила меня, однако, не къ раздумью надъ всѣмъ въ странѣ происходящимъ, а къ своеобразной мечтательности.

Мечталъ я о завѣдомо несбыточномъ, какъ тогда въ скверѣ, — о томъ, что кто-то невѣдомый внезапно пріѣдетъ, разыщетъ и увезетъ меня легко и ловко куда-то въ далекій нерусскій край, гдѣ ничто не напомнитъ мнѣ постылый народъ мой... Мечталъ и о томъ, чтобы прошлое забыть начисто — оставить только университетскіе годы, Володю, большое мое мужество на войнѣ... и ничего-ничего больше. Мечталъ, чтобы не было и Сони въ памяти... Иногда среди ночи вставалъ, грѣлъ воду, пилъ чай, читалъ, что подъ руку попадется, и опять ложился.

Какъ-то разъ въ такую бессонную ночь мнѣ понадобился философскій словарь. Отыскивая его, я по ошибкѣ вытащилъ съ полки небольшую коричневую книж-

ку, втиснутую между растрепаннымъ Коркуновымъ и Бедкеромъ по Италіи. У книжныхъ полокъ было темно, и я понесъ ее къ лампѣ. Открылъ, машинально пробѣжалъ первыя попавшіяся строчки. Это былъ не словарь, но я книжку не захлопнулъ, а тутъ же, возлѣ лампы, прочиталъ раскрывшуюся страничку.

Говорилось въ ней о чудѣ насыщенія хлѣбами. Мнѣ понравилось, что все приумножилось, всѣ насытились, и еще осталось... Не безъ интереса перелисталъ я нѣсколько страницъ. Лишь таинственное, чудесное остановило мое вниманіе: исцѣленія, счастливый уловъ рыбы, про бурю, про воскресшую дѣвочку... запомнилась почему-то и одна подробность конца — ангелъ у пустого гроба... Нравоученія я проглядѣлъ равнодушно, а судъ и страданія пропустилъ. Здѣсь все было мрачно, тягостно, напоминало то, о чемъ такъ хотѣлось забыть...

Съ этого вечера случалось мнѣ эту книжку по ночамъ изрѣдка перелистывать. Я читалъ ее, какъ обыкновенную литературу: въ долгой зимней ночи она была для меня лишь мимолетной утѣхой фантазіи. Содержанія ея не обдумывалъ, религіозно-философскими вопросами не мучился, — ихъ просто не было. Но, начитавшись книжки, я начиналъ дремать, погружаясь, какъ въ маревъ, въ міръ внезапныхъ радостей, неожиданнаго счастья, одолѣнія, казалось бы, неодолимаго: страха, болѣзни, голода, смерти... и засыпалъ неожиданно и крѣпко безъ всякихъ сновидѣній.

Изъ всѣхъ радостей больше другихъ волновала мое воображеніе воскресшая дѣвочка... Случалось мнѣ читать и о томъ, что Федоръ Федоровичъ тогда про «высокое счастье» наговорилъ. Всякій разъ при этомъ Марія Федоровна вспоминалась, но думать о ней спокойно я не могъ. Испытывалъ непріятное и непонятное волненіе, точно передъ нею я въ чемъ-то очень виноватъ. Занятый собственнымъ устройствомъ жизни, зналъ, — на ея тю-

ремную беспомощность я не откликнусь, хотя ей и можно и нужно помочь, какъ въ то мокрое утро на вокзалѣ. Но помогать и не думалъ, просто объ этомъ я не любилъ думать.

Утѣшая ночью, мечтанья не могли утѣшать меня днемъ. По-прежнему я добросовѣстно работалъ, терзая себя тѣмъ, что слушателямъ мнѣ не понравится и аудиторіи не увлечъ. Работа подвигалась къ концу, и подступали уже святки, когда пришло извѣщеніе о засѣданіи лекторовъ.

Въ Городскую думу (насъ созвали вечеромъ, къ 8-ми часамъ) я прибѣжалъ немного раньше, чтобы освоиться съ обстановкой еще до засѣданія. Пельтеевъ сказалъ, что я кое-кого изъ нашихъ университетскихъ увижу, но, кромѣ него и двухъ доцентовъ, лица которыхъ я смутно помнилъ, но знакомъ не былъ, оказались все чужіе. Были среди нихъ и почтенные люди, и помоложе, и двѣ-три невзрачныя дѣвицы, вѣроятно, изъ городскихъ учительницъ. Насъ, лекторовъ, набралось человѣкъ пятнадцать, да еще «консультантовъ»-рабочихъ было человѣкъ шесть, и засѣдали мы въ нетопленной и очень грязной залыцѣ, бывшей канцеляріи по извозничьей регистраціи. Сидѣли въ шубахъ, въ калошахъ, кое-кто даже въ шапкахъ и валенкахъ. Большинство казалось необычайно безобразными, какъ всѣ нездоровые, несытые люди, когда они сильно прозябли. Пожалуй, Пельтеевъ былъ еще лучше всѣхъ.

Онъ сидѣлъ возлѣ предсѣдателя, въ мерлушковой шапкѣ конусомъ, сдвинутой на затылокъ, въ небрежно распахнутой курткѣ на мѣху, и напоминалъ старшаго дворника изъ богатаго дома. Увидавъ меня, онъ помахалъ мнѣ рукой, но не подошелъ, занятый разговоромъ съ предсѣдателемъ. Видъ у Пельтеева былъ молодева-тый, нарочито непринужденный и, пожалуй, даже неумѣстно безпечный. Я уныло глянулъ въ его сторону,

сѣлъ на первый попавшійся стулъ и сталъ ждать. Скоро началось и засѣданіе.

Не помню сейчасъ, какіе вопросы обсуждали. Помню только, что лекторы говорили довольно много, но безъ оживленія, не очень искусно притворяясь, что рады послужить народу, и хитро намекая, что «Летучій Университетъ» давняя ихъ мечта, до осуществленія которой наконецъ-то они дорвались... Кто-то съ неловкой торжественностью солгалъ, что «мы пришли сюда лишь работать, и никто не хочетъ тратить попусту ни минуты и ни одной тысячи народныхъ денегъ». Никакихъ значительныхъ споровъ не возникало, хотя всевозможныя предложенія сыпались добросовѣстно; но стоило предсѣдателю хмуро прищуриться, а «консультантамъ» глухо пороптать на концѣ стола, — разногласія быстро заминались, и спорщикъ спѣшилъ отказать отъ слова.

А властители наши — черный крикливый молодой челоуѣкъ-предсѣдатель и шестеро рабочихъ — держались безцеремонно и неуступчиво. Имѣли они видъ людей, у которыхъ на всѣхъ насъ пять минутъ времени, и для которыхъ разговоры бесполезны, если, по ихъ мнѣнію, что-нибудь неразумно или вредно. Они, эти семеро, олицетворяли могучія, вонючія народныя толпы, требовали ихъ именемъ, защищали ихъ немудреные интересы, и власть придавала имъ ту грубую, но покоряющую силу самоувѣренности, которая повлекла меня къ нимъ на вечеринкѣ у Фонаревыхъ, и которой, я зналъ, никто изъ насъ, даже ловкій Пельтязевъ, уже обладать теперь не можетъ.

Во время засѣданія я не проронилъ ни слова, а когда зашла рѣчь обо мнѣ, покорно на все согласился. Мой курсъ назначили на январь, за Невскую заставу, а потомъ было мнѣ сказано: «вась передвинуть по просвѣтительной діаграммѣ дальше». Когда секретарь — одинъ изъ рабочихъ — мою фамилію назвалъ, у меня сердце захолонуло... И вотъ тутъ предсѣдатель, нехорошо ухмы-

лаясь, сказалъ, что недавно видѣлъ найденную на Милліонной коллекцію діапозитивовъ — непристойныя карикатуры на Екатерину Вторую — и предложилъ ихъ использовать для аудиторій. «Пусть ребята наши посмотрятъ, чѣмъ они во дворцахъ своихъ занимались...» И такъ же равнодушно, какъ на январь, я согласился и на діапозитивы.

Засѣданіе не затянулось. Власти спѣшили и по окончаніи мигомъ укатили на автомобиляхъ. Мы тоже не держались и ватагой высыпали на грязную, крутую лѣстницу, едва освѣщенную снизу старой, пыльной лампочкой. Кто-то обогналъ меня и, перегнувшись черезъ перила, крикнулъ:

— Слышали, Степанъ Петровичъ, прекрасныя свѣдѣнія-то какія?

— Про что вы? — съ тревогой отозвался хриплый, простуженный голосъ.

— Гражданской войнѣ конецъ! Читали, что изъ Москвы сегодня пишутъ? И предсѣдатель подтвердилъ!

Простуженный голосъ не откликнулся, но кто-то другой со старческой насмѣшкой прошамкалъ въ полутьмѣ:

— Мечи на серпы, значить, перековать прикажутъ?

И тотчасъ же раздалось неестественно ликующее восклицаніе Пельтеява:

— Вотъ когда университетъ-то нашъ развернемъ!..

На улицу я вышелъ послѣдній и совсѣмъ одинъ. Мои новые товарищи уже расползлись въ разныя стороны, издали слышались ихъ негромкіе голоса. Я очутился на снѣгу противъ часовни.

Тихая, съ темнымъ оконцемъ, вся снѣгомъ занесенная, она напоминала сторожку на перепутьи. За ней

тянулся заколоченный, еще прошлой зимой до чердаковъ и подваловъ опустошенный Гостиный Дворъ, — совсѣмъ громада желѣзнодорожныхъ пакгаузовъ, что мы, при удачномъ отступленіи, тоже оставляли австрійцамъ пустыми. Противъ него, вдоль Невскаго, выстроились дома, отъ темноты казавшіеся нежилыми и разграбленными. Кругомъ все было бѣло, темно и тихо...

Я пошелъ по трамвайнымъ рельсамъ. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, не прилипая къ подошвамъ. Итти было легко и пріятно.

Ничего ужаснаго все же въ Думѣ не произошло. Власти оказались довольно вѣжливыми, тогда какъ могли даже съ нами не разговаривать. И со мной учтиво говорили, и предсѣдатель діапозитивы только посовѣтовалъ, а не приказывалъ. Я могъ не согласиться, могъ сказать: «нѣтъ, они не годятся», — можетъ быть, никто бы мнѣ и не перечилъ? Конечно, лекторы неправду говорили, что такъ ужъ дѣломъ заинтересовались, но, вѣдь, и власти лгали, что съ нами безъ неудовольствія засѣдаютъ, а наша лекторская прыть кажется имъ вполне естественной. Нѣтъ, засѣданіе меня не ужасало именно потому, что душевныя настроенія его участниковъ я уже не разъ перечувствовалъ... Ахъ, понималъ я, что приводило человѣка въ такія грязныя зальца! Страхъ, зависть, изнеможеніе совѣсти и, наконецъ, черное обаяніе людей-властителей, тѣхъ самыхъ, кому среди всеобщаго отчаянія бояться нечего, кто жизни радуется, когда другіе съ ней должны прощаться. Нѣтъ, засѣданіе не ужасало, и было даже очевидно, что я на вѣрный путь вступилъ и черезъ «монарховъ» — если только талантливо прочитать — я за новую жизнь уцѣплюсь.

Такъ разсуждая, миновалъ Гостиный Дворъ, Садовую, Публичную бібліотеку... Тутъ и скверъ рядомъ — чугунная его рѣшетка четко видна. Сколько снѣгу! Теперь до весны разгребать дорожки и не подумаютъ, а

весной кругомъ вода озеромъ — и не пройти. Хоть бы памятникъ-то пожалѣли, метлами бы снѣгъ счистили! Стоитъ онъ того, чтобы позаботиться.

Я на памятникъ заглядѣлся.

Императрица вся снѣгомъ засыпана. Знакомыя очертанья: голова въ вѣнцѣ, плечи, высокій станъ и скипетръ въ рукѣ подъ звѣздами... И вся бѣла съ головы до ногъ... Сподвижниковъ подъ снѣгомъ и не видать вовсе... Вокругъ памятника сугробы волнами во всѣ стороны...

Только четверть часа тому назадъ я славу ея рабочей власти уступилъ. Только потому мнѣ ее и отдали, что я обязался ея память осквернить, только потому и довѣрили. Почему я это дѣлаю? Вѣдь, осенью еще я здѣсь часто сиживалъ и ею любовался. Ни разу недобрымъ словомъ не помянулъ. Почему же теперь о ней — какъ о шлюхѣ? Почему согласился? Не заикнулся даже про Наказъ, Верховную Комиссію, военные успѣхи, просвѣщеніе... Забылъ? А почему умолчалъ о томъ, что она, умница, неотесанную русскую глыбу тридцать четыре года въ гору тащила? Какъ въ тискахъ несчастнаго брака билась и въ борьбѣ за жизнь и власть всю женскую чистоту растеряла? Какъ въ отчаяніи за нужныхъ, сильныхъ, людей цѣплялась, дарила, ласкала, хитрила, возносила, выносила ихъ жадную и наглую ораву? Не экзальтированной же монашенкѣ, вродѣ королевы Елизаветы Венгерской, что носила тишкомъ остатки королевскихъ пировъ окрестной бѣднотѣ, не какой-нибудь государынѣ-рохлѣ было справиться съ распущенной гвардейской знатью, обѣвшей тронъ, тѣснившейся у дверей ея опочивальни! Неужели никто изъ слушателей не понялъ бы ея блистательной и страшной доли? Нѣтъ! Если бы рассказать всю человѣческую правду — Фонарева, Вѣрки, Дарья... всѣ эти бабы поняли бы; онѣ сами хорошо знаютъ, что значить съ петлей на шеѣ жить; онѣ-то знаютъ, что притворствомъ, изворотливостью, хитростью и всякой покла-

дистой нечистотой защищается испуганная женственность отъ грозной жизни и людского безсердечья...

Но если онѣ бы поняли, — какъ же я, просвѣщенный человѣкъ, согласился объ историческихъ явленіяхъ, какъ дворникъ разсуждать! Въ спальни, гардеробныя, въ кладовыя и погреба дворцовыя полѣзъ и всему придиричивый счетъ повелъ, точно Петръ Ивановичъ, что тогда со свидѣтелемъ цѣлый вечеръ старухинъ хламъ увязывалъ...

Я стоялъ возлѣ рѣшетки сквера и тихо своему дѣлу ужасался.

Лгать я привыкъ, лгалъ послѣднее время много, легко и правдоподобно, и это совѣсть мою не беспокоило. Но я впервые почувствовалъ, что ложь можетъ опутать меня всего, только не тотъ чистый уголъ разума, надъ которымъ съ юнымъ студенческимъ восторгомъ я когда-то потрудился. Здѣсь почему-то нельзя было правды съ ложью путать, потому что неправда о прошломъ есть неправда и о настоящемъ; я чуялъ, что за сознательнымъ искаженіемъ того, что мой разумъ почиталъ объективной истиной, — стерты грани между истиной и ложью, добромъ и зломъ, дѣйствительностью и галлюцинаціей, и душа лишь безформенная куча представленій... Я согласился путать, врать, раздѣлываться со всей сложностью историческихъ явленій съ мужицкой простотой, и согласился я, конечно, потому, что близокъ имъ сталъ, въ сродство-свойство съ ними вступилъ, на нихъ похожимъ становился... можетъ быть, съ того времени и началъ похожимъ дѣлаться, когда къ ихъ живучести всѣмъ существомъ приникъ.

Я представилъ себя такимъ, какимъ стоялъ: съ конспектомъ монаршихъ прегрѣшеній въ карманѣ, услужливый, уступчивый, пельтьевскій попутчикъ, и, испугавшись самъ себя, не оглядываясь, заторопился прочь.

«Надо Пельтьеву налгать, сказаться больнымъ, по-

стараться раздобыть фиктивный вызовъ изъ провинціи, словомъ, уѣхать, убѣжать, укрыться, но лекцій о монархахъ не читать...» Съ этими размышленіями до дому я и добрѣлъ, а когда улицей нашей шелъ, залеталъ тотъ легкій снѣжокъ, что падаетъ, порхая, и осторожно осѣдаетъ звѣздами.

ГЛАВА XII.

Такъ и не сумѣлъ я къ общей жизни прилѣпиться...

Къ Пельтьяеву итти не рѣшался, зналъ, что онъ не то что не пойметъ меня (онъ умный и, конечно, понялъ бы), но, вѣрнѣе, не посмѣетъ признаться, что понялъ. Безъ сомнѣнія, я Пельтьяева въ неловкое положеніе ставилъ: онъ за меня поручился, баллотировкой провелъ, на немъ вся отвѣтственность лежала. Оставалось выдумать какой-нибудь предлогъ, но онъ-то и не отыскивался, и я, ужасаясь безвыходности положенія, ни къ Пельтьяеву не шель, ни къ книгамъ не притрагивался. Тутъ и сочельникъ подоспѣлъ — унылый, пустой, ненужный день для человѣка въ такомъ душевномъ состояніи, какъ я.

Въ прошломъ году — хотя тогда настала уже моя черная полоса, — я все же былъ не одинъ. Ермолаевы почти насильно увезли меня въ Царское Село къ родственнику-доктору. У него было очень бѣдно, въ дачѣ сыро и зябко, но набились дѣти, горѣла елка въ бумажныхъ самодѣльныхъ фонарикахъ, пили чай съ булками, прокисшее удѣльное вино, долго спорили о политикѣ и, оглядываясь на балконную дверь, провозглашали тосты за сверженіе... Я игралъ съ дѣтьми весь вечеръ.

А въ этомъ году не то. Ермолаевы пропали еще лѣтомъ. Итти было некуда. Кромѣ семьи двоюроднаго брата Сережи — никого въ Петербургѣ изъ родственниковъ, да и Сережа норовилъ подальше отъ меня держаться, вѣ-

роятно, изъ-за причастности моей къ шкаревскому кружку. И все-таки я о Сережѣ вспомнилъ и хотѣлъ вечеромъ пойти къ нему.

Вышло, однако, такъ, какъ и не ожидаешь. Среди дня Сережа самъ пожаловалъ. Я этой неожиданности обрадовался, подумалъ, что онъ приглашать меня пришелъ, но онъ ворчило-вяло сталъ жаловаться на непріятности въ университетѣ со сторожами, потомъ доказывалъ, что «вся эта шутовская комедія въ Смольномъ скоро кончится», передавалъ университетскіе толки про Ллойдъ-Джорджа, потомъ поспѣшно попрощался, а выходя на лѣстницу, весь красный, смущенный, вдругъ попросилъ одолжить ему денегъ. Я сказалъ, что денегъ у меня нѣтъ, но я ихъ къ вечеру достану. Это было невѣрно, что денегъ не было, — онѣ были, но я сразу смекнулъ, если съ деньгами самому придти, то и безъ приглашенія на весь вечеръ у нихъ останешься.

Когда Сережа ушелъ, мнѣ стало ясно: приходилъ онъ лишь за деньгами, и совсѣмъ я ему нынче вечеромъ не желателенъ. Странно, я почти съ удовлетвореніемъ подумалъ о томъ, что — нежелателенъ, и что наша близость съ нимъ мнимая. Теперь это со мной иногда бывало, что я внезапно какую-нибудь жестокою правду объ окружающемъ пойму и со странной радостью ея жестокость принимаю. Такъ было и теперь, когда я для Сережи деньги изъ-подъ шкапа доставалъ... И все же я деньги понесъ, какъ обѣщалъ, потому что трудно было сочельникъ мнѣ одному скоротать. Таковъ ужъ законъ одиночества: въ праздничные, торжественные для всѣхъ людей дни, душа человѣческая свое сиротство до дна постигаетъ, но никогда примириться съ нимъ не можетъ. Такъ и я Сережу выдумалъ, потому что въ домѣ нашемъ чувствовалась мирная суета сочельника.

Едва онъ отъ меня ушелъ, ворвалась почтариха Сидоренко за какой-то кастрюлей: когда-то она ее покой-

ной старухѣ одолжила. Потомъ прибѣжалъ Мойсейка, въ щель двери шопотомъ устрашалъ меня, что, ежели сейчасъ продукты не забрать, къ вечеру и полфунта не останется — «изъ рукъ сегодня все вырвуть...»

Когда я къ Сережѣ шелъ, я праздникъ еще сильнѣе ощутилъ. На лѣстницѣ небывалый чадъ, движеніе, голоса непривычные... Верхній жилецъ, косоглазый старичокъ, бывший акцизный, меня обогналъ съ мѣшкомъ за спиной.

— Здравсте....— говорить, — къ дочкѣ на Выборгскую на два дня, вмѣстѣ дешевле праздникъ справлять...

Изъ двери высунулся парикмахеръ Рыжиковъ (кота выпускалъ).

— Съ наступающимъ! — крикнулъ.

А на дворѣ, возлѣ подвала, Яша-Гусаръ съ елочкой возился, прикручивалъ ее къ полѣннѣмъ, крестообразно сложеннымъ. Тутъ же прыгала въ нервномъ восторгѣ Манничка.

Въ воротахъ сипенклеровскіе мальчишки повстрѣчались: на салазкахъ, не вѣсть по какому разрѣшенію, громадный граммофонъ привезли.

Праздникъ былъ во всемъ домѣ: въ озабоченномъ оживленіи, во внезапной мирной хлопотливости отдыхающихъ отъ злости людей... И мнѣ тоже захотѣлось быть, какъ всѣ и со всѣми. Я почти весело побѣжалъ къ Сережѣ, хотѣлъ пообщать Сережинымъ дѣтямъ свести ихъ на праздникахъ въ кинематографъ и что-нибудь за мой счетъ нынче купить изъ угощенія. Но именно то, что казалось такимъ простымъ, доступнымъ старику акцизному, Рыжикову, сипенклеровскимъ мальчишкамъ — у меня и не вышло.

У Сережи меня ждали, даже дѣти, и тѣ, видимо, ждали, потому что всѣ три дѣвочки вмѣстѣ съ родителями молча меня обступили и выжидательно смотрѣли. Я вынулъ деньги. Марья Петровна (Сережина жена) близо-

руко поднесла бумажки къ самому носу и тщательно ихъ пересчитала.

— Ужъ вы простите, Алеша, а деньги счетъ любятъ.

И съ безтолковой дѣловитостью недѣловитаго человѣка спрятала ихъ въ ящичекъ швейной машинки подъ клубки шерсти.

Сережа предложилъ мнѣ чаю. Марія Петровна неохотно взялась за самоварный кранъ.

— Холодный... но можно на керосинкѣ воду подогрѣть... — устало сказала она.

Я понялъ, что ей нестерпимо надоѣло постоянно грѣть, кипятить, поить, мыть посуду, и отъ чая отказался.

Мы помолчали, потомъ заговорили о постороннемъ, скучно, равнодушно, неискренно, опять о сторожахъ, о Ллойдъ-Джорджѣ, но разговоръ не вязался.

— Какъ вы встрѣчаете праздникъ? — вдругъ спросилъ я, стараясь говорить непринужденно.

— Дома... гдѣ же? Конечно, дома... — не глядя на меня, въ замѣшательствѣ проговорила Марья Петровна и хлопотливо стала убирать посуду.

— Ты въ половинѣ девятаго зашелъ бы... у насъ конечно, ничего особеннаго не будетъ, такъ, для дѣтей, для своихъ только. Если никому не обѣщалъ, зайди... а то, можетъ быть, тебѣ одному скучно? — прибавилъ Сережа, и, помогая женѣ, схватилъ самоваръ за ручки и понесъ его въ уголъ, въ темноту, за буфетъ.

Я посмотрѣлъ на него, на жену и вдругъ съ необыкновенной остротой увидѣлъ ихъ, — все безобразіе, до котораго они себя за эти годы довели.

Они очень измѣнились — потемнѣли, постарѣли. У Сережи лицо желтое, тусклое, недоброе, весь онъ отъ неизжитого безсильнаго негодованія въ неизмѣнномъ неудовольствіи, словно мокрой паутиной облѣпленъ, и Марья Петровна тоже очень дурной мнѣ показалась не по-

тому, что на ней драповое пальтишко поверхъ капота, и гребенки въ прическѣ всѣ криво, руки красныя, а потому, что обида ее проѣла, и ничего во всемъ существѣ ея выразительнаго, кромѣ этой обиженности.

Я чувствовалъ съ безсомнѣнностью физическаго ощущенія, что сейчасъ они хотятъ одного, чтобы я ушелъ и не возвращался. Безразличіе ихъ ко мнѣ было полное, до опасенія, что я вдругъ не догадаюсь, до нетерпѣнія, что не уйду. Но я догадался, и опять противоестественно этой правдѣ обрадовался.

— Никакъ не могу... Я съ пріателемъ сговорился, — взволнованно, почти восторженно сказалъ я и сталъ прощаться.

Хозяева меня не задерживали. Сережа предупредительно отыскалъ мои калоши и кликнулъ дѣтей — прощаться. Но я дѣтямъ едва кивнулъ...

Въ теченіе жизни я пережилъ разныя отношенія къ себѣ: восхищался собой, враждовалъ съ собой, бѣгалъ отъ себя, даже стыдился, но никогда еще не испытывалъ той усталости отъ самого себя, какъ въ тотъ сочельникъ, когда я возвращался отъ Сережи. Одиночество мое было полное, до конца сознаниемъ пройденное, но почему-то именно на этой чертѣ воля не искала больше къ кому прислониться, и желаніе теплоты, тѣсноты, скрѣпы-слѣпы съ себѣ подобными, что давеча повлекло меня изъ дому, тоже стало во мнѣ тухнуть. Если бы я кого-нибудь изъ знакомыхъ и припомнилъ и къ нимъ пошелъ, — конечно, встрѣча была бы такая же, какъ съ Сережей. Это я зналъ съ достовѣрностью. И опять эту правду безъ всякаго ужаса принялъ.

На дворѣ уже стемнѣло, когда я отъ Сережи шелъ. Темноту освѣщали лишь кое-гдѣ мутныя нумерованные фонарики надъ подворотнями. Улицы наполнялъ голубоватый, снѣжный сумракъ. Со взморья дулъ сырой, мягкій, ровный вѣтеръ — къ оттепели, и хотя еще не таяло,

но снѣгъ сталъ уже ватнымъ, липкимъ и казался теплымъ. Явно, къ утру все поплыветъ: грязь... лужи... густой туманъ на разсвѣтъ...

«Оттепель... и хорошо, хорошо, что оттепель...» — обрадовался я, точно человѣку въ моемъ душевномъ состояніи пріятнѣе среди безпорядка, грязи и зимняго развала. У меня въ комнатѣ тоже нынче все осталось въ невообразимомъ безпорядкѣ. Я не прибиралъ уже три дня и остатковъ ужина съ письменнаго стола не унесъ, и печки не вытопилъ. Но эту безотрадность я принялъ безъ всякой жалости къ себѣ. Пожалуй, въ жестокости, съ которой я принималъ правду о своемъ положеніи въ сочельникъ, таилась первая слабая попытка быть опять мужественнымъ.

Когда я уже неподалеку отъ дома былъ, въ перелукѣ, какія-то бабы меня бѣгомъ нагнали, и я сразу голось фонарешской Даши слышалъ.

— Скорѣй, скорѣй, дѣвушки, а то и къ «правднику» не продрасться...

— Да ужъ я ли отстаю, Петровна! — запыхавшись, томно-звонко откликнулся гнусавый голосокъ, и въ обходъ меня по снѣгу пробѣжали рысцой три бабы. Вѣрно: Даша... низкая, толстая, въ вязаной бѣлой косынкѣ на круглой головѣ, въ лисьей шубенкѣ, которую она неуклюже-бережно съ боковъ подхватила руками.

«Ко всенощной...», рѣшилъ я, глядя на бабынъ приземистыя спины. Когда до угла дошли, онѣ, дѣйствительно, прямо черезъ дорогу, на благовѣсть, на колокола, и устремились.

Темная церковь съ мутно-красными окнами, среди сугробовъ садика гудѣла тяжелымъ гуломъ. Народу въ ней, вѣроятно, набилось сила, но къ паперти все еще тянулись люди врозсыпную — одиночкой и кучками. Я даже бабъ моихъ изъ виду потерялъ и, безсознательно слѣдуя за всѣми, подошелъ къ церкви.

Въ притворѣ гулялъ сквознякъ и была давка. Пахло нищими. Возлѣ свѣчнаго ящика народъ крутило воронкой и медленно уносило въ нутро храма. Меня тоже сдавили и, подхвативъ подъ локти, стали пропихивать бокомъ въ освѣщенную церковь. Я сталъ, было, сопротивляться, но меня затолкали и, наконецъ, прижали къ стѣнѣ, къ привинченнымъ къ ней запечатаннымъ церковнымъ кружкамъ. Въ храмѣ было тепло и душно-сыро, какъ въ предбанникѣ. Съ оконъ текло, и легкій туманъ мутилъ золотистое блистанье свѣчей и иконостаса. Пѣли на хорахъ усердно, громко, простуженными псаломщицкими головами....

Въ церкви я давно не былъ. Кажется, въ послѣдній разъ — на чьихъ-то похоронахъ. На церковныхъ службахъ всегда испытывалъ неловкость отъ неестественности положенія: быть невольнымъ свидѣтелемъ чужихъ интимныхъ переживаній; я всегда очень смущался, когда смотрѣлъ, какъ люди молятся. И сейчасъ, прижатый къ стѣнѣ, въ духотѣ, я глядѣлъ поверхъ головъ на полумракъ церковныхъ сводовъ и старался не обращать вниманія на сосѣдей; вокругъ меня крестились, безстыдно вздыхали, подпѣвали, шептались, сморкались... и, видимо, ни мало не были признательны за деликатность моихъ намѣреній. Странно, что ни служба, ни знакомая обстановка храма не вызывали во мнѣ никакихъ воспоминаній о дѣтской моей вѣрѣ. Вообще, объ этомъ, сентиментальномъ, давно потерянномъ, я не думалъ вовсе, точно его и не было, но не было и ничего внѣшняго, что бы мнѣ нравилось. Кромѣ обычной неловкости и привычной чуждости всему, ничего иного я не испытывалъ, стоя въ давкѣ у ржавыхъ кружекъ. Невѣрно, что всякому русскому человѣку достаточно зажженной свѣчки, пѣвучей гнусни псаломщика и запаха ладана, чтобы расчувствоваться. И я не только не расчувствовался, но затосковалъ, заметался душой среди людской скученности, точно люди навали-

лись всей своей силой не только на грудь и бока, но и на полуживую мою душу.... Лучше ужъ было одному, въ темнотѣ, на улицѣ или дома. Я сталъ проталкиваться къ выходу, плечомъ раздвигая молящихся. Кто-то солидно-наставительно проговорилъ мнѣ вслѣдъ: «взадъ-впередъ толкается... пришелъ, такъ ужъ и стой». Но я упорно прокладывалъ себѣ путь, а когда на воздухъ, во тьму свѣжую, на снѣжную паперть, наконецъ, выскочилъ, вздохнулъ съ облегченьемъ...

Тутъ я столкнулся съ Гусаровой женой — и Манька рядомъ, въ новомъ безобразномъ капорѣ. Женщина шопотомъ окликнула меня:

— Не взяли говядину-то у Моисея, а ужъ больно хороша! Хотите, фунта два уступимъ?

— Пришлите... принесите... пусть Маничка принесетъ, — проговорилъ я, смущенный, что такъ некстати оказался на паперти.

Домой я пришелъ совсѣмъ усталый. Въ квартирѣ было темно и нетоплено. Я снялъ калоши, зажегъ кое-какъ лампу, даже керосину не подлилъ, хотя его въ лампѣ мало осталось, и сѣлъ, какъ былъ, — въ шубѣ, шапкѣ, въ рукавицахъ — на диванъ, среди смятыхъ подушекъ и сбитыхъ одѣялъ. Мнѣ хотѣлось ѣсть. На письменномъ столѣ валялся хлѣбъ. Я его сѣлъ, запилъ холоднымъ чаемъ изъ горлышка чайника, сѣлъ сахару. Конечно, я самъ виноватъ, что одинъ остался. Всѣ люди въ общеніи съ себѣ подобными и сейчасъ хоть и безобразно, а льнутъ-липнуть другъ къ другу, кто совмѣстной корысти, кто общей ненависти, кто общей гибели ради... Я никогда раньше людей не чуждался: въ университетѣ, въ семьѣ, на войнѣ, я всегда заодно со всѣми былъ, какъ бы плотскую теплоту отъ общенія ощущалъ и ей радовался. Даже такихъ людей, какъ Гнѣздинъ, который мнѣ былъ противенъ, я до самой осени съ терпѣливой привѣтливостью принималъ. Вѣдь, изъ-за этихъ вздор-

ныхъ встрѣчъ бѣда и вышла! Хорошо, что такъ дешево еще отдѣлался... Если бы не Фонарева... Она пѣла, а я подслушалъ. Да... помню: она была въ тотъ вечеръ въ чемъ-то васильковомъ и въ сапожкахъ, зашнурованныхъ подъ самыя подколѣнные ямки, — и мнѣ нравилась ея возбужденность... А кругомъ было необычайно свѣтло: нѣсколько большихъ керосиновыхъ лампъ (отъ яркаго свѣта я давно отвыкъ), — а на обѣденномъ столѣ неряшество сытости: что-то недоѣденное, пролитое, накрошенное... и много пустыхъ бутылокъ, даже на полу, возлѣ пьянино, и то стояли бутылки. И было душно. Гостей — полная комната. Я въ жизни съ такими гостями еще не сиживалъ. Солдаты, дѣвки, рабочіе-желѣзнодорожники.... — и вѣдь ничего? Сначала даже не безъ пріятности, съ тайнымъ даже желаніемъ имъ понравиться. Но зато послѣ, когда я про Гнѣздина услышалъ, я, кажется, перепугался, чуть-чуть не сболтнулъ чего-то лишняго? Если не ошибаюсь, такъ и было, т. е. вродѣ этого... И тутъ, по привычкѣ, я хотѣлъ оборвать воспоминанія, но они не оборвались, и съ жестокой точностью мнѣ вечеринка припомнилась. Было не такъ, совсѣмъ не такъ... Я давно уже привыкъ ту непріятность попойкой объяснять и конецъ всячески комкалъ. Къ этой лжи я, какъ къ разношенному сапогу, привыкъ. А сегодня все припомнилъ: я хотѣлъ и не успѣлъ сказать того, что хотѣлъ, всталъ, Фонарева окликнулъ, но тутъ Дарья вбѣжала... Если бы не Дарья, я бы сказалъ — и въ ту же ночь Марью Федоровну бы взяли... съ нея бы и начали...

Я сорвалъ рукавицы и бросился топить печку. Странное безпокойство всегда охватывало меня, когда Марія Федоровна мнѣ вспоминалась. Сейчасъ, когда я на колѣняхъ передъ печкой стоялъ и отсырѣвшія спички съ ожесточеніемъ чиркалъ, къ нему примѣшивался страхъ, что ее погубятъ, какъ Петю, какъ тѣхъ... въ октябрѣ..

Я Марію Федоровну не любилъ, я къ ней не влекся,

она всегда мнѣ немного даже непріятна была; послѣ Варшавскаго вокзала я ее впервые, какъ особенную, единственную, ощущать сталъ (можетъ быть, безсознательно и раньше черезъ стыдъ мой передъ ней). Это, конечно, оттого возникло, что она сумѣла меня своимъ страданьемъ восхитить. Бываетъ, что за мигъ восхищенія человѣкъ къ человѣку прилѣпится съ невѣроятной силой. Съ тѣхъ поръ я ее изъ всѣхъ людей, какъ живую среди мертвыхъ, выдѣлилъ и въ память заключилъ. Потомъ иначе стало, а тогда — въ память. Такъ имя ея съ восторженнымъ волненіемъ у меня и сочеталось... Къ этому воспоминанію я очень бережно относился и холодъ моей заботы о ней тѣмъ и объяснялся, что я ее не любилъ (какъ никого тогда не любилъ!), а только ею любовался. Но въ сочельникъ, помню, я прямо съ тоской о ней думалъ и себя все успокаивалъ, что если до сихъ поръ не тронули, то въ Рождество, конечно, не тронуть. Мое волненіе всю фонаревскую вечеринку покрыло, точно для того эта пьяная ночь сегодня и вспомнилась, чтобы ужаснуть, что я чуть было Марію Федоровну не погубилъ...

Я старался ее себѣ представить въ Гатчинѣ: камеру, темноту, грязь — и ее тамъ. Навѣрно, прилегла, не спить... Люди въ горѣ не спятъ, мало спятъ или въ тонкомъ снѣ, и часто просыпаются. «Хорошо, что теплое я ей принесъ! А если что-либо еще понадобится, сумѣешь ли тотъ, умникъ, братъ-то?» — и я съ досадой подумалъ о Федорѣ Федоровичѣ.

Уже была полночь, когда, навозившись съ печкой, съ ѣдой, съ диваномъ, я, наконецъ, загасилъ лампу и легъ. Было темно, тихо и совсѣмъ тепло. Краснѣли въ раскрытой печкѣ догорающіе угли. Мирно потрескивала желѣзная ея дверца. Слышался невнятный хрипъ грамфона, еще невнятный — плачь рыжиковскаго ребенка... Во дворѣ изрѣдка хлопала калитка: жильцы возвращались и вы-

ходили безпрепятственно. Вѣроятно, Яша-Гусаръ снялъ дежурство.

Въ домѣ былъ праздникъ — бѣдный, некрасивый, невеселый, горькій, но былъ. И для меня былъ, несмотря на Сережу, на одиночество, на то, что мнѣ не съ кѣмъ и нечего было праздновать. Была безстрашная ночь впереди, сочельничая, вѣрная, когда «они» не трогаютъ, потому что съ дѣтьми, съ женами или по-холостому тоже шабашутъ.

Отъ этой увѣренности пріятное изнеможеніе нашло на меня, давно неизвѣданное полузабвеніе... Вспомнился Пельтеевъ — и не устрасилъ. «Вывернусь... горловой болѣзнью какой-нибудь заболѣю...» Вспомнилось уязвляющее душу военное мое безчестье — и пропало, точно душа не хотѣла ни къ тревогѣ, ни ко злу, ни къ укору больше прикасаться.

Я лежалъ, тепло укутанный пледами и, щурясь на красный отсвѣтъ догорающихъ углей, ни о чемъ уже не думалъ. Я лишь чувствовалъ праздничный покой — безстрашье, разлитое вокругъ меня: въ квартирѣ, въ домѣ, отъ крыши до подваловъ, за стѣнами дома, на улицахъ, въ городѣ, — и этимъ необычайнымъ чувствомъ наслаждался.

«Если въ городѣ, такъ ужъ и за городомъ...», мелькнуло въ сонномъ уже сознаниі, «въ Гатчинѣ-то ужъ во всякомъ случаѣ...».

Тутъ все затуманилось, и я заснулъ.

ГЛАВА XIII.

Въ полдень, въ Рождество, въ самую то хлябь оттепели, когда отъ тумана въ комнатахъ было такъ темно, что пришлось зажечь лампу, — пожаловали ко мнѣ на кухню двѣ фигуры, въ пледахъ поверхъ шубы, въ высокихъ страннаго фасона вязаныхъ шапкахъ, съ альпійскими палками въ рукахъ, и я въ нихъ съ трудомъ, а потомъ съ досадой, узналъ Федора Федоровича и старую Янсенъ.

«Поздравлять пришли? — недоумѣвалъ я, — и зачѣмъ беспокоились...» Но гости мои не только не поздравили, но даже въ комнаты войти не пожелали, и съ первыхъ же словъ я понялъ, что имъ было не до праздника: большая бѣда, приключившаяся въ Гатчинѣ, привела ихъ, и пришли они ко мнѣ, потому что больше идти имъ было некуда.

Оказалось, что слѣдствіе было внезапно прервано за два дня до сочельника, арестованныхъ разбили на группы, причемъ Марія Федоровна попала въ самую дурную, въ Перекрестовскую, которую обвиняютъ въ сношеніяхъ съ тѣмъ Перекрестовымъ, что погибъ, сжигая документы. Эту группу куда то повезутъ, но куда и когда неизвѣстно — можетъ быть, ужъ увезли... Все это узнали случайно отъ какого то страннаго человѣка, который передалъ анонимную записку и скрылся. Эмма Карловна бросилась вчера въ Гатчину, но на вокзалѣ ей не выдали пропуска, она чѣмъ-то разсердила вокзальныя власти, отъ нея отняли

корзинку съ провизіей, продержали до вечера въ холодной караулѣ и отпустили, напугавъ до полусмерти. Шкаревъ уже три недѣли, какъ не показывается, на Выборгской отъ порученій стали уклоняться, комитетъ неуловимъ и бездѣйствуетъ. Марія Федоровна оставлена на произволъ судьбы.

Федоръ Федоровичъ говорилъ въ большомъ волненіи, съ раздраженіемъ, даже гнѣвно, хотя вполне владея собой, зато Эмма Карловна плакала, не переставая, и рыдалась, когда рѣчь зашла о караулѣ.

Вѣсть о Маріи Федоровнѣ меня ошеломила. Не то, что я о смерти никогда не думалъ (я думалъ еще сегодня ночью), но ни разу я въ нее не повѣрилъ, а съ безпокойствомъ своимъ о Маріи Федоровнѣ я всегда легко справлялся; теперь же, прежде чѣмъ Федоръ Федоровичъ договорилъ, я уже вообразилъ весь ужасъ ея состоянія и, какъ въ дѣйствительность, въ ея возможную гибель повѣрилъ, чувствуя, что при одной мысли объ этомъ блѣднѣю до сердцебіенія. (Все это въ одну минуту со мной свершилось).

— Почему вы сами не поѣхали, а госпожу Янсень послали? — съ неприязнью, почти съ презрѣніемъ, вопрошалъ я. — И Шкарева не разыскали? — Гдѣ же старому человѣку такое порученіе выполнить! Надо было давнымъ давно хлопотать, узнавать... въ такое время неосвѣдомленность непростительна. Ваша сестра ни за грошъ ни за денежку у васъ пропадетъ! — волнуясь, грубо сказалъ я.

Федоръ Федоровичъ не то сдѣлалъ видъ, что на мою солдатскую прямоту не обидѣлся, не то, дѣйствительно, съ ней не посчитался.

— Именно этого то я и боюсь, что она у насъ пропадетъ... — кротно, немного виновато сказалъ онъ. — Поэтому мы и пришли... пришли просить... (Федоръ Федоровичъ запнулся) Марія не чужая же вамъ? — тихо прибавилъ онъ, вопросительно глядя мнѣ въ глаза.

— Федоръ Федоровичъ всю ночь не спалъ, говорилъ: «Фрейлентъ Эмма, я пѣшкомъ завтра просить пойду». А я сказала: «Какъ же будете вы пѣшкомъ ходить?!..» — залепетала сквозь слезы старая Эмма и вдругъ патетически схватила меня за руки:

— Ахъ, помогайте, помогайте намъ!..

Федоръ Федоровичъ поморщился и потянулъ ее сзади за шубу.

— Перестаньте, Эмма Карловна, успокойтесь...

Я смотрѣлъ на ихъ каррикатурныя фигуры, глупыя шапки, палки... сознавалъ ихъ безпомощность, и вся злая досада во мнѣ вдругъ стихла, я даже съ удовлетвореніемъ подумалъ, что, вотъ, они съ трудомъ ко мнѣ добрались, просятъ, надѣются на меня, а, главное, вѣрятъ, что Марія Федоровна мнѣ не чужая. Я могъ бы сказать; что это неправда: Марія Федоровна мнѣ чужая, но я вдругъ смутился и сказалъ совсѣмъ другое, неожиданное.

— Хорошо... я сдѣлаю, что могу, что можно, все, что можно... — не глядя на Федора Федоровича, а куда-то поверхъ его шапки сказалъ я, чувствуя, какъ неестественно звучитъ мой голосъ.

Янсень въ восхищеніи всплеснула руками и бросилась опять ко мнѣ. Казалось, благороднѣе словъ она никогда изъ человѣческихъ устъ не слыхивала. Федоръ Федоровичъ съ облегченіемъ вздохнулъ, и во всемъ его обликѣ проглянула прежняя величаяя успокоенность. Цѣль была достигнута, бремя на другого переложено, и онъ сталъ меня благодарить съ той же обрадованностью, какъ и прошлый разъ. Тутъ же выяснилось, что говорить намъ больше не о чемъ — кажется, и не хочется; кажется, даже немного тягостно.

Я былъ радъ, когда они ушли (они оставили мнѣ какіе то адреса). Но, когда остался одинъ, трудность предстоящаго дѣла предстала предо мной, и я весь день недоумѣвалъ, почему согласился спасать чужую, горемыч-

ную невѣсту. Но въ эти томленія ослабѣвающей воли вплеталась неотвязная тревога о Маріи Федоровнѣ и она то и укрѣпляла меня. На слѣдующій день, почти съ отращеніемъ къ своему безкорыстію, я отправился разыскивать Шкарева, убѣждая себя дорогой, что сейчасъ переложу на комитетъ всѣ хлопоты и умою руки.

На холостой квартирѣ Шкарева не оказалось. На Выборгской сестра его сообщила, что справки — на Подъяческой, и онъ самъ на Подъяческой, но не на старой «нашей» квартирѣ, а на той же лѣстницѣ, у пѣвицы Д. Фамилію пѣвицы Анны Ивановна (сестра Шкарева) проинесла съ подчеркнутой точностью и прибавила съ нескрываемой ироніей: «сочли, что безопаснѣе подъ защитой Мельпомены». Успѣла Анна Ивановна мнѣ еще сказать, что сейчасъ, на святкахъ, съѣхались «свои» изъ провинціи, и идетъ переизбранія «Централа» (Она такъ и выразилась: «Централа»). Про эстонскій процессъ ходятъ тревожные слухи, но ей толкомъ ничего неизвѣстно. Тутъ она и записку написала, потому что пароль и всѣ порядки теперь иные.

Въ новой квартирѣ я засталъ не только Шкарева, но цѣлое общество. Встрѣтила меня хозяйка, большая, красивая дама въ темномъ бархатѣ и пушистой мѣховой пелеринкѣ (сама дверь мнѣ отворила), прочитала записку, бѣгло, но привѣтливо оглядѣла меня и съ той непринужденностью, которая свойственна людямъ сцены, крикнула въ гостиную густымъ напѣтымъ голосомъ:

— Борисъ, это къ вамъ отъ Анны Ивановны!

Шкаревъ выбѣжалъ мнѣ навстрѣчу, а въ гостиной тихо зашумели голоса. Я не видалъ Шкарева мѣсяца два. Онъ измѣнился: постриженный, чистый, гладкій, онъ не то помолодѣлъ, не то по стариковски старался казаться молодцеватымъ. Мнѣ онъ обрадовался, и я сразу понялъ, что меня здѣсь считали, дѣйствительно, больнымъ, бесполезнымъ, несчастнымъ (потому и не по-

звали), но все же вѣрнымъ человѣкомъ, «своимъ». Шкаревъ повлекъ меня въ гостиную. Я упирался, отпѣкивался, ссылаясь на конфиденціальный характеръ дѣла, но тутъ сама Д. появилась на порогѣ въ узкомъ пролетѣ драпировокъ и сказала просто, чуть съ усмѣшкой:

— Да у насъ же просто чай... елка, войдите.

Въ гостиной было тепло, свѣтло, уютно и пестро-атласно; комната радовала глазъ, усталый отъ темноты и грязи. Въ одномъ углу, на столѣ, горѣла маленькая елка, поблескивая навѣшанной елочной дрянью; въ другомъ — на ломберномъ столѣ стояла кое какая снѣдь; возлѣ раскрытаго рояля, заваленнаго нотами, на диванахъ и креслахъ развалилось человѣкъ восемь мужчинъ (изъ нихъ двухъ-трехъ я немного зналъ). Всѣ были въ военной формѣ, или, вѣрнѣе, въ той, на военный образецъ скроенной, бурсѣйской неразберихѣ, которую въ то время носило множество народу, стараясь казаться военными.

Здѣсь я былъ «свой», и поэтому, послѣ привѣтствія, разговоръ продолжался, не дѣловой, а самый обыкновенный. Такъ болтали въ гостиныхъ еще недавно о фронтахъ, союзникахъ, о ставкѣ и о государынѣ... — теперь — о засадахъ, обыскахъ, Кремлѣ, о переходахъ черезъ границу и фальшивыхъ паспортахъ... Разговоръ пересыпался мужицкими словечками, ставшими обычными въ разговорной рѣчи, чиркали спички по походному, о подошву, осыпали пепель папирозъ въ первую попавшуюся вазу и просто на коверъ.

Шкаревъ былъ несомнѣнно за хозяина: угощалъ, возился съ елкой, а потомъ объявилъ, что лишь только свѣчи догорятъ, будетъ жженка, и съ напускной веселостью потрясъ бутылкой спирта, отыскавъ ее гдѣ то въ темномъ углу за искусственной пальмой.

— И все это блаженство, благодаря Маргаритѣ Яковлевнѣ! — развязно и какъ то неестественно привѣтливо воскликнулъ онъ.

— Я ни при чемъ, — скромно сказала Д. — просто аптекарь вымѣнялъ на контрамарки.

Усатый ея сосѣдъ наклонилъ лысѣющую голову къ пушистой пелеринкѣ:

— Вашу ручку — и просьба: повторите арію Джилъды... — и онъ фамиллярно поцѣловаль ей руку въ запястье, въ самые браслеты.

Я сидѣлъ, не принимая участія въ общемъ разговорѣ, хмуро озираясь по сторонамъ. Какъ непохожа была эта зелено-розовая гостиная на ермолаевскую, маленькую столовую со скрипучимъ поломъ и продавленными вѣнскими стульями, на Подъяческую полупустую контору при несуществующей, бутафорски обставленной лабораторіи для анализовъ! Какъ непохожа была эта актрисья «елка» на наши заговорщичыи встрѣчи...

Я отставилъ недопитую чашку на каминъ и подошелъ къ Шкареву, тушившему свѣчи.

— У меня дѣло... справка... мнѣ не до елки, — тихо, но раздраженно сказалъ я.

Шкаревъ спохватился, крикнулъ въ кругъ, что свѣчки пора тушить, и поспѣшно увелъ меня въ глубь квартиры.

Мы вошли въ маленькій, тоже хорошо натопленный, кабинетъ. Шкаревъ по хозяйски, не глядя, сгребъ въ кучу валявшіяся на диванѣ дамскую шубку, муфту, перчатки — и мы сѣли.

— Здѣсь удобнѣе, чѣмъ на старой квартирѣ, — пояснилъ онъ, точно извиняясь.

— У васъ съѣздъ идетъ? — спросилъ я.

— Мы васъ не привлекли. Вы сказались больнымъ.

— Я и сейчасъ боленъ... горло, что то сложное... — замялся я. — Да я и не о томъ, не о съѣздѣ, не для разспросовъ. Мнѣ Анна Ивановна сказала, что вы теперь у Д., вотъ я и пришелъ.

Шкаревъ опустилъ глаза и неестественно-озабоченно полѣзъ въ карманы за папиросами.

— Д. для властей внѣ политики, поэтому здѣсь для всей организациі надежнѣе, какъ то семейнѣе выглядитъ, и власти къ артистическому міру очень благоволятъ, — сказалъ онъ.

При другихъ обстоятельствахъ я бы возразилъ, что мѣсто мнѣ совсѣмъ не кажется надежнымъ, но я не за тѣмъ пришелъ и приступилъ къ дѣлу. Я рассказалъ, что пришелъ за справкой по поводу эстонскаго процесса, такъ какъ арестованныхъ куда то везутъ, но кого и куда неизвѣстно, родственники жалуются на комитетъ, комитетъ же бездѣйствуетъ, ничего толкомъ никто не знаетъ.

— И вы тоже стали неуловимы, и васъ никакъ разыскать не могли, — недовольно и съ упрекомъ закончилъ я.

— Этого требовали интересы организациі, — тоже сухо и серьезно-дѣловито началъ онъ: — комитетъ предпочитаетъ лучше молчать, нежели путать. Справки родственники могутъ получать въ нашей «Помощи» (онъ далъ мнѣ адресъ), у насъ все теперь по новому.

— Я пришелъ узнать о Маріи Федоровнѣ, — рѣшительно сказалъ я.

— Вы о Повѣнецкой или о вдовѣ Яслана? Вѣдь обѣ «Маріи Федоровны», — дѣловито переспросилъ Шкаревъ.

— О Повѣнецкой, конечно... — смущенно подтвердилъ я, чувствуя, что волненіемъ и глупымъ «конечно» выдаю себя.

— Повѣнецкую, Розенкирха и Павликова везутъ въ Москву, вѣроятно, для очной ставки съ Добрынинымъ. Они трое да убитый Перекрестовъ поддерживали связи съ Москвой.

— Въ Москву? Какъ въ Москву? — въ недоумѣніи перебилъ я. — Кто въ Москвѣ? Кто изъ нашихъ въ Москвѣ?

— Сейчасъ нѣтъ никого, мы временно закрыли всѣ

отдѣлы... «Сыны отчизны» могли бы немного помочь, у нихъ есть, кажется, свои люди въ трибуналѣ, то есть, были, а теперь не знаю. Справки лучше всего навести въ Москвѣ на мѣстѣ... У насъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ, — неопредѣленно и безтолково объяснялъ Шкаревъ, завѣдомо зная, что говорить неопредѣленно и безтолково.

— Можетъ быть, подкупъ нуженъ? Ольшанское дѣло лѣтомъ все прошло на подкупѣ, вы сами говорили... — волновался я.

— У насъ средства изсякли совершенно, и людей нѣтъ. Пусть родственники сами... частная инициатива даже лучше.

Что то было усталое, унылое, остывшее въ Шкаревскихъ словахъ и въ его свѣтлыхъ, сонныхъ глазахъ, въ равнодушіи, съ которымъ онъ говорилъ нынче обо всемъ и о Маріи Федоровнѣ, о которой еще такъ недавно отечески сокрушался.

— Значить, на произволъ судьбы оставляете? Вѣдь такъ выходить? Не надо этой правды отъ родственниковъ и скрывать! — съ сердцемъ проговорилъ я и всталъ.

— Сейчасъ мы безсильны, заняты реконструкціей... засѣданія у насъ идутъ непрерывно и сегодня надо еще одно засѣданіе провести, — намекая на то, что я отвлекаю его отъ дѣла, сказалъ Шкаревъ.

— Я пришелъ лишь за справкой, а не мѣшать... — заторопился я. — Когда же ихъ въ Москву везутъ?

— Вѣроятно, на дняхъ. Обычно родственники объ этомъ точнѣе и быстрѣе насъ узнаютъ.

Я торопливо спросилъ, какъ проѣхать въ Гатчину, кто выдаетъ пропуска, и попрощался. Шкаревъ притворно-радушно хотѣлъ было удержать меня, заговорилъ о донесеніяхъ съ юга, о какой то ревельской телеграммѣ, — но я не слушалъ.

Минуя гостиную, довелъ меня Шкаревъ до прихо-

жей, а когда я спускался по лѣстницѣ, звонкій женскій голосъ залился-запѣлъ на всѣ четыре этажа:

«Внемля имени его, трепеть всю меня объялъ...»

«Джилда!» сообразилъ я и съ озлобленіемъ хлопнулъ парадной дверью.

Вспоминать потомъ про Подъяческую мнѣ было очень непріятно. Свирѣпый Петя Гнѣздинъ, который бредилъ кровью и съ восхищеніемъ проливалъ ее, потому что кто-то посмѣлъ исковеркать его молодую жизнь, казался теперь лучше и выше этихъ добродушныхъ мятежниковъ подъ пѣвицыной елкой... Конечно, я былъ щепетильно-несправедливъ; можетъ быть, вниманія бы ни на что не обратилъ, если бы Шкаревъ помогъ мой узелъ распутать, но узла онъ не только не распуталъ, а лишь указалъ, что онъ затянулся крѣпко-на-крѣпко. Москва, Добрынинъ, допросы... и далѣе тотъ произволъ судьбы, что нависаетъ надъ человѣкомъ, по мушинуму беззащитнымъ, — вотъ, что ожидало впереди Марію Федоровну. Я представилъ себѣ весь путь ея, съ той же ясной послѣдовательностью, какъ вчера въ разговорѣ съ Федоромъ Федоровичемъ — ея конецъ. Никогда бы я не повѣрилъ, что воображеніе великая сила души, спасающая человѣка. Конечно, Марію Федоровну я тогда немного выдумалъ; конечно, она прежде всего трогала не сердце, а давно застывшую мою мечтательность; но что до того, если именно эта сила принудила меня добиваться пропуска въ Гатчину.

Нѣсколько дней я бѣгалъ по городу, стоялъ въ очередяхъ, писалъ анкеты и заявленія и не знаю, долго ли бы это продолжалось, если бы меня не выручилъ новенькій, желтенькій лекторскій билетъ. Я вралъ, что ѣду отъ «Летучаго университета» для переговоровъ съ Гатчинскимъ просвѣтительнымъ отдѣломъ, вралъ еще что-то, убѣдитель-

ное для вопрошавшихъ (но, конечно, чепуху для меня) — и вотъ, наконецъ, я сажу въ расхлябанномъ, на свистящихъ осяхъ, нетопленномъ вагонѣ, въ кучѣ пассажировъ и смотрю какъ снѣжныя поля проползаютъ за обледѣлыми стеклами...

Состояніе сосредоточенной озабоченности меня не покидало. Впереди была полная неизвѣстность. Я зналъ одно, что надо разыскать на крайнѣ, уже въ поляхъ, бараки — бывшія лѣтнія казармы запасныхъ нестроевыхъ командъ.

Снѣжная тишь обступила меня по пріѣздѣ въ Гатчину. За городомъ я давно не былъ, отвыкъ отъ ощущенія простора и давно пересталъ тяготѣть къ природѣ. Торжественно-молчаливая зима и сейчасъ души не трогала. Сугробы за заборами палисадниковъ, легкая путаница оснѣженныхъ вѣтокъ надъ низкими крышами дачъ, занесенныя снѣгомъ крылечки, кое гдѣ робкія проталинки у калитокъ — и въ зимнемъ молчаніи изрѣдка собачій лай да лѣнивый рожокъ стрѣлочника гдѣ то у станціи на подъѣздныхъ путяхъ... Все это напоминало мнѣ сейчасъ лишь объ одномъ, о самомъ важномъ, о томъ, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ. И въ той же глубокой озабоченности шель я изъ улицы въ улицу, несмѣло разспрашивалъ прохожихъ о запасныхъ баракахъ. Никто не зналъ, или отговаривался незнаніемъ, угрюмо отворачиваясь отъ меня. Я добрался до пустой соборной площади, миновалъ рядъ заколоченныхъ лавокъ и вышелъ на широкую улицу-проспектъ съ казенными зданіями — забрелъ въ самый городъ, когда мнѣ было сказано идти въ пригородъ. Повернулъ назадъ и рѣшилъ навести справки на станціи. У самой вокзальной площади мнѣ повстрѣчался бородатый немолодой мужикъ съ салазками, нагруженными невзрачнымъ домашнимъ скарбишкой. Я его окликнулъ. Мужикъ замахалъ рукавицей куда то за вокзалъ.

— Водокачку обойдите — и прямо-прямо выселками

и идите... — неожиданно-охотно сталъ онъ объяснять, — какъ въ кладбище упретесь, — тутъ вѣво все и забирайте... что ни перекрестъ — вѣво... тутъ и военнопленные бараки... — и прибавилъ, понизивъ голосъ: — тамъ нонѣ людей всякихъ, говорятъ, томятъ? — и онъ вопросительно поглядѣлъ на меня.

Я ничего не сказалъ, фальшиво-недоумѣнно пожалъ плечами и пошелъ отъ него прочь.

За водокачкой, дѣйствительно, шли выселки: длинная улица, унылыя желѣзнодорожныя строенія, мѣщанскія домишки, грязныя дачки за кривыми заборами...

Я шель быстро, стараясь ни о чемъ постороннемъ не раздумывать, точно боялся раздумьемъ ослабить волю, помнилъ одно, что сюда, въ это мертвое захолустье, завезли тогда Марію Федоровну, и можетъ быть, она и сейчасъ тутъ... Отъ этой мысли все кругомъ: дорога, домики, снѣгъ... запечатлѣлись со странной остротой. Навстрѣчу никто почти не попадался. Проползло нѣсколько деревенскихъ развалень, прошли кучкой бабы — и опять никого, потомъ лихо пролетѣлъ вѣстовой, съ легонькой винтовкой-карабиномъ за спиной, съ наганомъ за поясомъ. «Неужели оттуда?..» съ тревогой подумалъ я. Мужикъ сказалъ, что упрусь въ кладбище; ни вблизи, ни вдали никакого кладбища не было, а поселокъ уже рѣдѣлъ, перемежаясь пустырями. Я постоялъ въ недоумѣніи, потомъ прошелъ еще съ полверсты — и здѣсь, уже въ пустыряхъ, поровнялся съ унылымъ строеніемъ. Кирпичное зданіе скучной казенной стройки, въ саду за кирпичной стѣной, — не то богадѣльня, не то земская школа, во всякомъ случаѣ не бараки. Здѣсь дорога двоилась, и въ обѣ стороны виднѣлись опять какія то строенія. Гдѣ же бараки? Я глянулъ во дворъ (ворота были отперты).

У крылечка, возлѣ большущей кучи кирпичнаго щебня, битаго стекла и всякаго мусора, стоялъ маленькій чер-

ноусый солдатъ-караульный и, прислонивъ винтовку къ водосточной трубѣ, мирно скручивалъ козью ножку. Изъ дому доносился стукъ молотка, голоса. Повидимому, въ домѣ, несмотря на зимнюю пору, шелъ ремонтъ. Наверху, въ окнѣ, хлопнула форточка и высунулась голова въ рваной папахѣ.

— Давай трехъ человѣкъ! Во флигелѣ полы мыть надо! — крикнулъ онъ маленькому.

— Низа не кончили — сердито отозвался черноусый. — Когда надобно будетъ, самъ отсчитаю...

Голоса были обыкновенные, дѣловые, даже, пожалуй, незлые. Я шагнулъ въ ворота и пошелъ прямо на караульного.

— Ходъ запрещается! — громкимъ окрикомъ остановилъ онъ меня.

— Я запасные бараки разыскиваю...

— Тутъ дивизионъ, а не бараки.

— А гдѣ же бараки?

— Арестуютъ, такъ и узнаете, гдѣ бараки, — грубо и сердито отозвался онъ.

Папаха опять высунулась въ форточку.

— Барабановъ! Костька на деревню жену хоронить поѣхалъ, — гробъ везетъ!

Мимо воротъ ползли дровни: рыжая, запаренная лошаденка, возница въ вислоухой чухонской шапкѣ и узенькій, тесовый, свѣтлый гробъ, легкій и валкій — пустой.

— Костька! — окликнулъ мужика караульный и, волоча винтовку по снѣгу, побѣжалъ къ дровнямъ.

— Проходи за ворота! — повелительно на ходу крикнулъ онъ мнѣ.

Я двинулся слѣдомъ за нимъ и такъ и ушелъ бы, но за спиной скрипнула дверь, и я оглянулся.

Съ крылечка спускалась женщина: ведро съ мусоромъ въ одной рукѣ, швабра въ другой; сошла на снѣгъ, съ усиліемъ подняла ведро и высыпала мусоръ.

Я узналъ ее, узналъ сердцемъ прежде, чѣмъ глазами. Думаю, такъ узнають въ ясновидѣніи или въ какомъ либо состояніи неестественно - высокаго напряженія душевныхъ силъ. Лишь узнавъ, я увидалъ Марію Федоровну... Она была такая же, какъ тогда — среди снѣжнаго простора казалась только выше ростомъ, и — какъ тогда, на ней былъ темный теплый платокъ, и опять она шла, опустивъ голову, всему міру недоступная, всему чужая...

— Марія Федоровна!.. — измѣнившимъ мнѣ вдругъ, нетвердымъ голосомъ окликнулъ я ее и побѣждалъ къ крыльцу.

Она опустила ведро и, безъ испуга, безъ всякой радости, съ глубокимъ удивленіемъ, точно разбуженная, глядѣла на меня.

— Господи... вы? — тихо воскликнула она.

— Я отъ брата вашего... я бы не отыскалъ, не зналъ, что на уборкѣ... — Что сказать ему? Ради Бога, скорѣе... что про васъ... главное, что про васъ? Я обѣщалъ, я ему сказалъ...

Марія Федоровна слушала шопотъ, точно съ трудомъ понимала, или съ усиліемъ собирала мысли.

— Скажите Федѣ, чтобы скорѣе уѣжалъ въ Англію... онъ знаетъ... попросите... помогите...

Она хотѣла что то еще сказать, но голосъ ей не повиновался.

— А вы? Вы то какъ?

— .....

— Какъ же вы то?

Она стояла на снѣгу, на проталинкѣ у мусорной кучи, въ деревенскихъ валенкахъ, въ измятой, съ испачканнымъ известкой рукавомъ, шубкѣ, устало опершись озябшей рукой на швабру, и молчала.

Ея одиночество, полное и подлинное, то, что не скрыть отъ внимательнаго сердца, отдавалось во мнѣ чувствомъ неизвѣданнаго еще умиленія, и я не знаю, какъ тутъ ска-

зались, какъ вырвались у меня слова, которыя никогда бы не сказались, если бы всѣ слова въ этой минутной встрѣчѣ не могли стать послѣдними.

— Я все знаю про васъ, Марія Федоровна, мнѣ братъ вашъ все сказалъ... и потому что знаю, я хочу, я въ силахъ... — я остановился, задыхаясь отъ волненія. — Васъ нельзя въ Москвѣ одну оставить... если нужно, я приѣду, я помогу...

Марія Федоровна подняла глаза и съ испуганнымъ недоумѣніемъ смотрѣла на меня, чуть отступила даже, точно отшатнулась, дрожащей рукой поправляя на головѣ платокъ.

— Зачѣмъ въ Москву? Насъ увозятъ завтра, я ничего не боюсь... теперь все равно, и если вы тоже знаете, и это все равно...

И тутъ она точно о чемъ то вспомнила:

— Я благодарна, очень благодарна за Федю, за участіе... за все благодарю, — устало и безучастно проговорила она.

У воротъ солдатъ что то дико намъ кричалъ. Марія Федоровна торопливо подняла ведро.

«Сейчасъ все исчезнетъ, и она тоже, можетъ быть, навсегда...» ужаснулся я и, повинувшись той задушевности, которую знаетъ лишь мгновеніе разставанья, я произнесъ мои послѣднія слова:

— Я за васъ, Марія Федоровна, за страданья ваши, какъ за соломинку цѣпляюсь, вы не знаете, что они для меня значать... — тихо, но твердо проговорилъ я.

Марія Федоровна съ живымъ удивленіемъ пристально и строго глядѣла на меня, точно изъ всѣхъ словъ только эти и услышала ея душа. Мнѣ кажется, она хотѣла что то промолвить, какъ то отозваться, но къ намъ бѣжалъ конвойный, и Марія Федоровна исчезла...

Солдатъ хотѣлъ вести меня въ комендатуру, потребовалъ документы и ругался. (Какъ помогла мнѣ Сони-

на бумажка!). Грубый его голосъ, разсерженное лицо, наши пререканья... Казалось это происходит не со мною, а лишь по поводу меня, и когда я очутился за воротами на бѣлой, пустой дорогѣ и убѣдился, что одинъ, я тутъ же про солдата забылъ: пережитое владѣло мной полнотою.

Я никогда Марію Федоровну не жалѣлъ, не жалѣлъ и сейчасъ, но то непонятное умиленіе, которое невѣдомо откуда пришло, наполняло теперь всю душу свѣтло-печальной нѣжностью.

«Она не понимаетъ, какая въ ней сейчасъ сила...» подумалъ я. Потомъ съ самоукоризной вспомнилъ, что не спросилъ о житейски насущномъ, о важномъ, о главномъ: о передачахъ, нужныхъ вещахъ, о ходѣ слѣдствія... Хлопотливую прапорщичью предусмотрительность, которой я не разъ мысленно передъ Федоромъ Федоровичемъ похвалялся, заслонило новое бѣлоснѣжное мое чувство, точно смыслъ встрѣчи былъ внѣ житейской пользы, хотя, казалось, только ради этой пользы я и пріѣхалъ.

Я шелъ, не оглядываясь, къ станціи, а дойдя до поворота, тамъ, гдѣ дорога завивалась петлей, обернулся.

Бѣлый путь бѣжалъ далеко и прямо. Унылые заборы. Засыпанные снѣгомъ придорожные кусты. То тутъ, то тамъ, въ пустыряхъ, почернѣвшія деревца. Красная кирпичная стѣна. Нигдѣ ни души, лишь въ самой дали — лошаденка, мужикъ, дровни и на дровняхъ малая, складная, видимо, легкая кладь.

«Костыка...» — догадался я — «это же Костыка жену хоронитъ поѣхалъ...»

Я стоялъ и глядѣлъ на бѣлый день и впервые его увидѣлъ, вѣроятно, увидѣлъ лишь потому, что молчаливая его печаль казалась мнѣ моею... Я вернулся въ городъ поздно, уже при огняхъ, жестоко прозябнувъ на вокзалѣ въ ожиданіи поѣзда.

ГЛАВА XIV.

Въ тотъ же вечеръ прямо съ вокзала я поспѣшилъ къ Федору Федоровичу. Конечно, всей правды о Гатчинѣ я рѣшилъ ему не говорить и о Москвѣ тоже.

Я засталъ его одного. Онъ удивился моему приходу, немного растерялся. Вѣроятно, уже пересталъ меня ждать, измучился отъ нетерпѣнія, на встрѣчу не надѣялся. Забылъ я, что онъ осунулся, какъ будто, постарѣлъ, и въ комнатѣ было совсѣмъ не такъ, какъ въ тотъ вечеръ, когда я къ нему приходилъ, а очень холодно, неуютно, неприбрано; и самъ онъ замотанный, закутанный во что попало теплое — въ пледы и шарфы — величаваго образа уже не являлъ, можетъ быть, еще и потому, что на письменномъ столѣ, на разостланной газетѣ было разсыпано фунта два пшена, и стояло блюдо со щепоткой уже отсыанныхъ зеренъ. «Что же это? Никакъ крупной занялся?» изумился я.

Извѣстіе о Маріи Федоровнѣ его глубоко взволновало, особенно просьба. Съ первыхъ же словъ онъ прервалъ меня и сказалъ, что не уѣдетъ, что объ этомъ и рѣчи быть не можетъ; а когда я съ пылкой настойчивостью сталъ повторять ея слова, онъ прибавилъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ:

— Неужели вы не понимаете, и она тоже больше не понимаетъ (онъ сдѣлалъ удареніе на «больше»), что нельзя сейчасъ ѣхать ни по настоянію кого бы то ни было, ни по собственному даже желанію?

Его мысли я не понялъ, но уловилъ непріятный тонъ словъ и вспомнилъ про Гатчину. (Я ее ни минуты не забывалъ).

— Марія Федоровна, навѣрное, понимаетъ... — взволнованно проговорилъ я, — а васъ я не понимаю. Какъ можете вы къ ей просьбѣ такъ относиться!

Федоръ Федоровичъ пристально поглядѣлъ на меня.

Озябшій, измученный, въ грязномъ поношенномъ тулупѣ, въ рваныхъ рукавицахъ, въ обледенѣлыхъ походныхъ сапогахъ, наслѣдившихъ тотчасъ лужицами возлѣ письменнаго стола, я всѣмъ своимъ обликомъ взывалъ, повидимому, къ снисходительному къ себѣ вниманію.

— Ъхать сейчасъ нельзя, потому что выше желанія сестры и моего есть что-то... — смягчившись и какъ-то торжественно началъ онъ. — Уѣхать, когда Марія въ опасности, — это же искаженіе идеи о себѣ, замысла о себѣ... Неужели вы этого не понимаете?

Я, дѣйствительно, недоумѣвающе глядѣлъ на него.

— Марія Федоровна не хочетъ, чтобы вы черезъ силу мучились! — съ жаромъ, но какъ-то невпопадъ перебилъ я.

— Вы не о томъ... — утомленно сказалъ Федоръ Федоровичъ. — Она напрасно просить. Я же не разъ говорилъ ей. Она же знаетъ: я не измѣню себѣ. Надо остаться тѣмъ же, когда кругомъ все колеблется. Сейчасъ это самое трудное. Это — заданіе...

Я подумалъ о Маріи Федоровнѣ, о позорищѣ Добрынина, вспомнилъ Пельтеева, въ заломленной мерлушковой шапкѣ, грязную зальцу въ Городской Думѣ, всѣхъ насъ покачнувшихся, — и враждебно поглядѣлъ на Федора Федоровича.

Горбясь и ежась, закутанный въ пледы, онъ сиротливо сидѣлъ на узкой койкѣ подъ Распятіемъ и ходилъ на ворона, забившагося подъ крышу.

— То, что вы говорите, — невѣрно! — воспаленно

заговорилъ я. — Какія сейчасъ заданія! Просто надо снести, вынести, что на тебя свалилось. Я видѣлъ доцента по кафедрѣ римскаго права, такъ онъ на дворника похожъ сталъ: внѣшность, рѣчь, психологія, все — дворникъ! О Римѣ и не заикается. И себя такимъ вынести долженъ. Какой ужъ тамъ замыселъ о самомъ себѣ, когда — какъ дворникъ!

— Вашъ доцентъ ни разу ни науки, ни себя самого не обдумалъ — вотъ и все, — просто и спокойно пояснилъ Федоръ Федоровичъ. — Я и не говорю, что всѣ хотятъ и могутъ. Марія тоже не захотѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не такъ! — взволнованно перебилъ я. — Я отъ имени всѣхъ скажу... это не такъ. Мы всѣ терпимъ, нехорошо, можетъ быть, поступаемъ, мы потомъ стыдиться даже будемъ... это тоже можетъ быть, но то, что вы говорите, — живой человѣкъ не станетъ такъ жить. Есть даже — простите меня — какая-то безнравственность въ томъ, что вы говорите, потому что этого нельзя дѣлать: всякимъ замысламъ-заданіямъ, идеямъ какимъ-то, какъ идоламъ, поклоняться...

— Вотъ и вы — какъ всѣ.. — печально и устало, точно онъ повторялъ въ сотый разъ одно и то же, сказалъ Федоръ Федоровичъ, — а жизнь должна облекать какую-нибудь идею. У каждого она своя — споры тутъ бесполезны.

— Кому сейчасъ до этого дѣло!

— Я знаю, что никому — и жаль! Этому наступило время, — твердо и самоувѣренно, даже повышая голосъ, заговорилъ Федоръ Федоровичъ: — именно сейчасъ! Ни одной современной идеи, которая носится въ воздухѣ, не останется невоплощенной — ни добра, ни зла. Вотъ тѣ поняли, что всѣ освободительныя экономическія идеи не стоятъ одного разграбленнаго банка, и всѣ ваши разоблаченные офицеры, ваша ребячья конспирація, и патріотическіе экстазы, вродѣ Маришиныхъ, — все это ни къ

чему, если вы не умѣете воплощать идей, или у васъ ихъ нѣтъ вовсе. Идея дѣйственна только пережитая, а школа воплощеній — путь самозданій... Идеи надо воплощать. Обсуждать свободу, родину, трудъ — легко, воспѣвать въ поэзіи, даже религіозно имъ поклоняться, — очень пріятно (видите, я возвращаю вамъ упрекъ), но жить ими ужасно, нечеловѣчески трудно. Тутъ сейчасъ же встанетъ выборъ между жизнью и смертью...

— Какую же вы идею воплощаете? — грубо, съ непріязнью спросилъ я.

— Я стараюсь исполнить то, что хочу, чтобы въ Россіи сейчасъ исполнялъ бы хоть кто-нибудь, — уклончиво и неохотно отвѣтилъ онъ. — Здѣсь все въ безкорыстіи сопротивленія злу, въ чистотѣ замысла, поэтому вся ваша южная вооруженная заинтересованность совсѣмъ не то. Марія никогда не хотѣла понять, что есть особое участіе въ жизни, которое внѣшне кажется безучастнымъ. Это ея несчастье... Впрочемъ, это сложно — вы устали, и я не умѣю говорить популярно.

«Если бы онъ видѣлъ ее сегодня...» подумалъ я, чувствуя, какъ неудержимо нарастаетъ во мнѣ ожесточеніе. Но я сдержался, ничего ему даже не сказалъ, а съ дѣтски-безсильнымъ озлобленіемъ рѣшилъ уйти, ни словомъ не обмолвясь, что ѣду въ Москву и что сестру его не оставляю. Больше ничего отъ меня онъ не добьется! И я собрался уходить. Федоръ Федоровичъ сталъ, было, удерживать меня, спрашивалъ про сестру, но я отвѣчалъ нехотя, холодно, а когда онъ попросилъ опять зайти, промолчалъ. Онъ печально-вопросительно взглянулъ на меня: вѣроятно, понялъ, что я о немъ думаю.

— Такъ какъ же? Какъ же съ Маріей? — робко спросилъ онъ.

Я недоумѣнно пожалъ плечами. Онъ увидалъ, что просить бесполезно, и мы разстались.

Съ тяжелымъ чувствомъ ушелъ я отъ Федора Федо-

ровича; со мстительнымъ желаніемъ никогда, никогда больше сюда не возвращаться, пробирался по пустому грязному двору... Но, едва я вышла за ворота, на меня налетѣла маленькая, ватно-мягкая фигурка, съ громадными узлами въ рукахъ, и эта встрѣча смягчила боль пережитого. Хотя было темно, мы сразу узнали другъ друга.

— Эмма Карловна!

Она уронила узлы въ снѣгъ и схватила меня за руку.

— Что съ ней? Ахъ, что съ ней? — старушечьи-слезливо залепетала она.

Я сталъ рассказывать.

— Я вижу... я вижу... — шопотомъ перебила меня Янсень: — она хочетъ, чтобы мы ѣхали и жили у леди Макъ-Ли. Ахъ, если бы Федоръ Федоровичъ уѣхалъ! Какъ мы сейчасъ нехорошо живемъ, lieber Herr Полежаевъ! Какъ нехорошо! И никто не покупалъ опять наши драпировки... — и она со вздохомъ потянулась къ узламъ. — Да, да... ѣхать, ѣхать! Всѣ тамъ будутъ Федору Федоровну такъ радоваться... Еще бы! Любить миссъ Элленъ, какъ онъ, — ихъ бѣдную дочку.... Это, какъ сказка!..

Голоса во дворѣ прервали ее взволнованную рѣчь.

— Не оставляйте насъ... пожалуйста... пожалуйста... — умоляюще пролепетала она и, подхвативъ узлы, юркнула въ ворота.

Я зашагалъ по снѣжной, пустой улицѣ.

«Неужели и дѣвочка въ локонахъ тоже заданіе?» — злобно недоумѣвалъ я.

Съ этого дня я сталъ хлопотать о командировкѣ въ Москву.

Проснувшаяся воля къ дѣйствию, несмѣлое сознаніе, что я одинъ могу помочь Маріи Федоровнѣ, — вотъ моя бѣдная лирика въ тѣ трудные дни. Но именно пробудившаяся во мнѣ воля и измѣняла меня. Теперь я уже не

бродилъ по городу, не набивался къ Сережѣ въ гости, не хватался за первую попавшуюся работу. Я хлопоталъ, выдумывалъ предлоги для отъѣзда, изощрялся всячески. Давалось мнѣ это не легко. Случалось вдругъ охладѣвать къ очарованію Маріи Федоровны, почти ему съ досадой удивляться; но стоило подумать, что мы никогда больше не встрѣтимся, — и я опять готовъ былъ къ дѣйствию: не желать ѣхать въ Москву я уже не могъ.

Прежде всего я покончилъ съ Пельтяевымъ. Онъ, конечно, сразу догадался, что не въ болѣзни дѣло. Быть можетъ, онъ самъ испыталъ подобное же отвращеніе къ новой службѣ, но постарался это забыть, и въ мою непріятность ему вникать не хотѣлось.

— Да вы, батенька, про здоровье мнѣ и не заикайтесь... Всѣ, какъ вы: начать — разваливаются, а потомъ войдутъ въ работу, смотришь — и покатились. — И онъ непріятно шурился, глядя на меня.

Я не спорилъ, но упорно стоялъ на своемъ, ссылаясь на мнимыя показанія врачей. Пельтяевъ покраснѣлъ и раздраженно сказалъ что-то о «соціальной бесполезности интеллигентскаго элемента внѣ прямого служенія народной волѣ». Смягчился онъ лишь тогда, когда я вдругъ придумалъ выходъ изъ положенія: лекцій читать я не могу ни здѣсь, ни въ Москвѣ (чтобы безвозвратно не потерять голосъ), но тамъ я могу во время леченія у доктора-родственника наладить подотдѣлъ «Летучаго Университета» и ознакомить районныя культурно-просвѣтительныя организациі съ достижениями замѣчательнаго пельтяевского начинанія. Тутъ онъ переговорилъ съ какими-то лицами по телефону, спѣшно продиктовалъ мнѣ заявленіе о переходѣ изъ лекціонно-просвѣтительнаго отдѣла въ агитаціонный — и все было кончено. Такъ, кое-какъ, не совсѣмъ благополучно, я отвалился отъ моихъ

попутчиковъ, заранѣе зная, что и въ Москвѣ обману ихъ точно такъ же.

Подготавливая свой отъѣздъ, я не разъ забѣгалъ на Выборгскую къ Аннѣ Ивановнѣ, принявшей самое живое участіе въ моей мнимой болѣзни, и тамъ раза два встрѣтился со Шкаревымъ. Отъ него узналъ, что Добрынинъ въ Москвѣ, на свободѣ, прикомандированъ къ Полевому Управленію, и ему поручено спѣшно представить докладъ о движеніи вооруженныхъ силъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ во время гражданской войны.

О Добрынинѣ я разспрашивалъ Шкарева подробно, жадно, даже мелочно, но онъ говорилъ о немъ неохотно, безъ тѣни былого сожалѣнія, презрительно, съ гадливостью. Добрынинъ интересовалъ меня. Отвращенія къ нему не было. Я лишь удивлялся, что онъ мнѣ понятенъ, совсѣмъ какъ Фонариха въ тотъ вечеръ, когда прибѣжала послѣ разстрѣла мужа просить о мебели. Добрынина я не презиралъ — зналъ, что значить воля къ жизни, когда совѣсть молчитъ, а разумъ лукаво-изворотливъ. Тогда люди отдаютъ все, лишь бы отъ жгуче-дорогого не оторваться. И Добрынинъ, какъ всѣ: не будь Маріи Федоровны, не будь этой большой любви, онъ, быть можетъ, и устоялъ. Тутъ я со смущеніемъ отступалъ передъ недоумѣніемъ: неужели его погубила Марія Федоровна? Я былъ увѣренъ, что Добрынинъ сейчасъ не только не считалъ себя преступникомъ (потому и могъ жить), но, вѣроятно, убѣдилъ себя, что новая власть — власть народа, та же власть, что возводитъ на престолы, низлагаетъ династіи, собираетъ государства и отбивается отъ враговъ. Не искалъ ли я, какъ Добрынинъ, разумаго основанія, чтобы за новой властью послѣдовать? Не восхищался ли животной стихіей жизни, которая бушевала вокругъ меня? Не находилъ ли въ ней оправданіе всему, что совершалось? Мы всѣ: Добрынинъ, Пельтеевъ со своими «летучими» учеными, я, фонаревская ватага, людишки на дворѣ, въ

городѣ, во всей странѣ... льнули къ жизни, стараясь уцѣпиться за нее и устоять. Жить... жить... жить... Безъ всякихъ условій, съ животной послушностью, съ животной требовательностью — вотъ проклятіе и отвратительно-сладостное упоеніе тѣхъ дней. Такъ, думая о Добрынинѣ, я часто думалъ о себѣ, невольно себя со всѣми людьми отождествляя. Марія Федоровна одна въ моемъ воображеніи стояла гдѣ-то въ сторонѣ. Думая о ней, я чувствовалъ смутное желаніе ускользнуть тоже изъ жизни въ ту неизвѣданную, живучести неподвластную свободу, которую, казалось мнѣ, она теперь познала; и такъ часто ея образъ заслонялъ всѣхъ сильныхъ, увертливыхъ, безусловно-несогласныхъ на гибель, къ которымъ я, какъ всѣ, готовъ былъ повлечься! Даже Федоръ Федоровичъ, повидимому, не обладалъ этимъ таинственнымъ и непонятнымъ даромъ преодоленія инстинкта жизни.

И вотъ, тревожную мою жизнь, напоминавшую дни опасныхъ военныхъ развѣдокъ, внезапно и грубо оборвало совсѣмъ ничтожное событіе. Пришла Янсенъ и принесла письмо, присланное безъ подписи изъ Москвы на ея имя. Кто-то писалъ, съ привычной свѣтскому человѣку ненавязчивой любезностью, и тонко иносказательно, что Марія Федоровна въ Москвѣ, и что всѣ необходимыя попеченія о ней будутъ предусмотрительно выполнены. Глядя на меня круглыми негодующими глазами, Эмма Карловна заявила:

— Это онъ, онъ... я знаю почеркъ, онъ мнѣ писалъ, когда она заболѣла въ Севастополѣ.

Я догадался сразу, что это Добрынинъ, и сердце мое сжалось.

— Вы были недовольны, — осторожно продолжала Эмма Карловна, — что Федоръ Федоровичъ не хочетъ уѣхать. Намъ — ѣхать, а она? Она останется съ нимъ, съ ужаснымъ этимъ человѣкомъ? — и Эмма съ возмущеніемъ запихала письмо въ потрепанный ридикюль.

Мнѣ и въ голову не приходило, что Добрынинъ могъ заботиться о Маріи Федоровнѣ, и что она можетъ съ нимъ остаться. Неужели она останется? А почему не останется? А если останется? Женщины не разрываютъ отношений изъ-за вопросовъ чести и морали — такова ихъ природа. Шпіоны, дезертиры, шантажисты, растратчики... всѣ имѣютъ любящихъ женъ, покладистыхъ спутницъ жизни, которыя покрываютъ, прячутъ, помогаютъ. Федоръ Федоровичъ умный и понялъ это. (Янсенъ повторяла, разумѣется, лишь его слова.) Онъ ее знаетъ, ему не ошибиться. А я то съ Москвой Маріи Федоровнѣ набивался!.. Такъ вотъ почему она совсѣмъ моему великодушію не обрадовалась! Вотъ почему испугалась! И вмгъ испугъ ея, являвшій мнѣ въ эти дни величіе безпредѣльнаго одиночества, обратился въ обыкновенный страхъ передъ неумѣстнымъ свидѣтелемъ безоглядной женской вѣрности.

Я вспомнилъ, что у меня въ карманѣ пельтеевское заявленіе о переводѣ въ Москву, и мнѣ стало очень больно... Я сникъ, увялъ, потерялъ всякое желаніе дѣйствовать. Хорошо еще, что Федору Федоровичу не проговорился! Онъ одинъ все давно предвидѣлъ, учелъ, зналъ, — и меня потянуло къ нему, точно мнѣ было нужно находиться сейчасъ съ тѣми, кто тоже не сомнѣвался въ позорной вѣрности Маріи Федоровны.

Когда вскорѣ я зашелъ на Тамбовскую, сославшись на какой-то пустяковый предлогъ, — я отозвался о происшедшемъ въ Москвѣ сухо, небрежно, какъ о совсѣмъ мнѣ неинтересномъ событіи:

«Создавшееся положеніе для вашей сестры самое лучшее... — вполне понятное сцѣпленіе обстоятельствъ».

Федоръ Федоровичъ не возражалъ, и его молчаніе краснорѣчивѣе словъ подтверждало мои опасенія: Марія Федоровна останется съ Добрынинымъ...

Съ тѣхъ поръ я сталъ забѣгать къ Повѣнецкимъ. Приходилъ не часто, сидѣлъ не долго, про Москву никог-

да не спрашивалъ; говорили мы только о постороннемъ: объ ужасѣ того, что творится, о событіяхъ на югѣ и о вопросахъ современности далекихъ... Эти разговоры развлекали меня въ унылой моей вялости, и я пользовался всякимъ случаемъ для нашихъ встрѣчъ.

О чемъ бы рѣчь у насъ съ Федоромъ Федоровичемъ ни заходила, онъ моего мнѣнія никогда не спрашивалъ, но самъ высказывался всегда твердо и ясно. У него былъ свой взглядъ на все. Повидимому, онъ кропотливо, точно по зернышку, пересмотрѣлъ-перебралъ всѣ явленія жизни, ихъ обдумалъ, взвѣсилъ, и мнѣ иногда казалось, что свои сужденія онъ цѣнитъ выше самой жизни, той высокой цѣной тончайшаго себялюбія, когда человѣкъ готовъ ради своихъ убѣжденій на любую жертву. Эта самоувѣренная его крѣпость прельщала, почти покоряла меня, и я самъ душевно силился завязаться въ тугой узелъ.

Отъ упрощенной, мужицкой жизни я усталъ. Я усталъ быть естественнымъ человѣкомъ, встрѣчать людей однихъ простѣйшихъ инстинктивныхъ побужденій. Меня тянуло къ Федору Федоровичу, къ его пріятной неестественности, къ его выдуманной сложности, къ своеобразному приукрашенному его облику. Я смутно ощущалъ потребность преодолѣть въ себѣ мою томительную естественность. Неужели я ошибся, и Марія Федоровна тоже себя не преодолѣла? Неужели примирилась съ Добрынинымъ? Это опасеніе мучило меня, какъ наважденіе... Я прекратилъ хлопоты о командировкѣ, доказывалъ себѣ, что я сыгралъ глупую и жалкую роль, сталъ даже подумывать, какъ бы мнѣ опять уйти въ заботы лишь о себѣ и устроиться, вмѣсто «Летучаго Университета», на выгодную и какую-нибудь дурацкую службу въ Петербургѣ, используя свою инвалидность. И все-таки тревога о Маріи Федоровнѣ почему-то не утихала... Этому способствовали внѣшнія событія.

Внезапно (тогда все было внезапно) наступили тѣ дни, когда весь Петербургъ, замученный безхлѣбьемъ, бездровьемъ, безправьемъ, страхомъ и болѣзнями — затаился-замеръ отъ ужаса... Навѣрно, такъ замирали въ тревожныхъ шопотахъ русскія городища въ дни приближенія татарскихъ полчищъ. Люди запирались въ домахъ, шептались, прятались и прятали вещи и другъ друга, въ поискахъ тайнаго прибѣжища метались по городу, ложились спать не раздѣваясь, вздрагивали отъ малѣйшаго звука — и, изъ устъ въ уста, изъ улицы въ улицу, змѣнился слухъ о томъ, что свѣтъ въ тюремныхъ конторахъ горитъ до утра, и поздней ночью зловѣще выѣзжаютъ изъ тюремныхъ воротъ грузовики, а на зарѣ, гдѣ-то подъ Любанью, подъ откосомъ, совершается черный грѣхъ, и всякую ночь и за Невой слышны выстрѣлы...

Теперь я къ Федору Федоровичу не смѣлъ и показаться. Какъ всѣ, изъ дома лишній разъ безъ надобности не выходилъ — затаился у себя и чего-то въ тревогѣ ждалъ... Время тянулось съ ужасающей медлительностью. Дѣлать было нечего. Я просмотрѣлъ рукописи «о монархахъ» и съ отвращеніемъ швырнулъ ворохъ на шкафъ. Заглянулъ, было, въ книги, но и онѣ показались постылыми: ни работать, ни думать не хотѣлось. Болѣзненная вялость, сонливое изнеможеніе охватывали меня, хотя боленья я не былъ. Въ дни массовыхъ казней самая ничтожная, самая нелюбовная душа, и та томится, холодѣетъ, словно падаетъ въ обморокъ, — и не отъ страданій нравственныхъ, а преисполняясь мукой душевнаго истощенія, изнурительной оторопи передъ страшной силой зла, противъ которой она сознаетъ себя беззащитной; даже время точно изнемогаетъ отъ усилій продвинуть въ прошлое черный грузъ событій, и, кажется, ослабѣй на мгновенье его таинственная, спасающая сила, — наступитъ на землѣ вѣчная мука человѣческаго душетлѣнія...

О Маріи Федоровнѣ въ эти дни я думалъ всегда съ

гнетущимъ уныніемъ, иногда тревожно, но тутъ же доказывалъ себѣ, что опасенія преувеличены: Добрынинъ отстоялъ себя, отстоитъ и ее, даже безъ ея вѣдома, — и опять мой порывъ ѣхать въ Москву мучилъ меня одною болью.

Такъ и ползъ день за днемъ... день за днемъ...

На дворѣ стояла безбурная стужа. Окна зацвѣли льдистыми цвѣтами, въ кухнѣ обмерзла плита, точно надгробный памятникъ; вода въ водопроводѣ стала, и услужливая Даша таскала мнѣ ее ведрами отъ сосѣда, старика акцизнаго.

Въ домѣ нашемъ было очень неспокойно. По доносу, увезли Яшу-Гусара; хотя скоро его и вернули, зато тутъ же въ пустой квартирѣ Прутковичей, гдѣ только что умерла хозяйка, засѣли папахи: не то ловить родственниковъ покойной, не то самозванно дѣлать имущество, — неизвѣстно, но по двору и по лѣстницамъ день-деньской шныряла солдатня, и какіе-то штатскіе выносили на глазахъ у всѣхъ вещи охапками... Жильцы шептались, что у Прутковичей нашли шашки деникинскихъ офицеровъ, и Сипенклеръ кричалъ въ подворотнѣ на Петра Ивановича, что «всѣхъ квартирантовъ теперь переарестуютъ!».

Тутъ приползъ самый тревожный день. Въ неурочный часъ постучался ко мнѣ старикъ акцизный, бѣлый, какъ мѣлъ, и шопотомъ сообщилъ, что всю семью зятя сейчасъ забрали, и за себя онъ теперь боится. Потомъ прибѣжала, запыхавшись, Сережина старшая дѣвочка, передала отъ него сегодняшнюю газету со спискомъ казненныхъ и сказала, исподлобья, сердито, прямо со злостью, на меня глядя: «Папа не велѣлъ вамъ больше приходить» — и, помолчавъ, прибавила: «и мама тоже не хочетъ». Послѣ нея ворвалась Дарья съ ведрами и увѣряла: на Выборгской людей видимо-невидимо перехватили... (въ банѣ

ей нынче рассказывали). Наконецъ, къ ночи почему-то въ квартиру Прутковичей нагнали еще солдатъ...

Весь вечеръ я сидѣлъ возлѣ печки на табуреткѣ и бессмысленно глядѣлъ на краснозолотистое пламя, на синіе легкіе его языки. Страха былого у меня, правда, не было (я слѣпо вѣрилъ въ Софьино могущество), но была непрерывная тревога и щемящее, томительное ощущеніе притаившейся грозной бѣды, нависшей надъ всѣмъ домомъ...

«Жить такъ дальше нельзя...», волновался я. «Если со Шкаревымъ — безцѣльно, съ Пельтяевымъ — невозможно, въ Москву — не за чѣмъ, то остается инвалидная секція сѣверныхъ тыловыхъ командъ, благо я инвалидомъ записанъ, благо Софья (спасибо ей!) такъ ловко сумѣла мою контузію по литерѣ «А» зарегистрировать, и предсѣдатель сейчасъ — бывший нашъ обозный, безногій Кузовлевъ. Къ нему въ секретари и пристроиться. Тамъ, говорятъ, одна солдатня, ни одного офицера, — что же дѣлать! Въ инвалиды, такъ въ инвалиды...

Правда, почему-то показалось, что «въ инвалиды» будетъ тоже тяжело, тяжелѣе, пожалуй, чѣмъ было — къ Пельтяеву, но исхода не было. «Въ инвалиды, такъ въ инвалиды»... и я полѣзъ въ печку колотить тлѣвшую, черную уже головешку.

И вотъ тутъ, за стѣной что-то прошелестѣло и завозилось подъ дверь. Я прислушался, взялъ лампу и, осторожно пріоткрывъ дверь, выглянулъ въ коридоръ. Быстро перебирая бѣлыми лапками, вбѣжалъ-влетѣлъ ко мнѣ пушисто-мягкій фонаревскій Тузь. Вѣрно, онъ прошмыгнулъ слѣдомъ за Дашей, когда она приходила въ ведрами. Изгибая гибкую кошачью спину, онъ закурилъ по ковру, метнулся, было, подъ кресло, но тутъ же легко и вольно вскочилъ на диванъ и улегся на нагрѣтыхъ отъ печки пледахъ.

Тузь... Я никогда на него не смотрѣлъ, не замѣчалъ

даже. Помню одно, что при немъ скончалась Карповна. Онъ одинъ тогда въ кухнѣ все видѣлъ и ничего не понималъ. Такъ созданъ, чтобы ничего не понимать. Не могъ понять ни смерти бѣдной Карповны ни того, что творилось тогда въ комнатахъ... Укрытый, отдѣленный отъ насъ своей разнопородностью, онъ и сейчасъ оставался внѣ человѣческаго вольнаго зла.

Я подошелъ къ нему и осторожно его погладилъ. Съ нимъ въ мою комнату въ тотъ вечеръ вошло впервые утѣшеніе — гармонія чудесной покорности маленькой твари положенной ей животной подзаконности.

Я сѣлъ у печки и все смотрѣлъ, не могъ насмотрѣться на Туза, на его пушистую невинную красоту... Потомъ я отнесъ его Дашѣ.

Въ ту ночь въ домѣ не спали долго: въ окнахъ далеко за полночь былъ виденъ свѣтъ. Я слышалъ, какъ постепенно жильцы осторожно запирались на ночь (я тоже заперся на всѣ замки-засовы), какъ послѣдній жилецъ — Сипенклеръ — въ полночь вернулся изъ Совѣта, и Яша-Гусаръ съ озлобленіемъ хлопнулъ желѣзной калиткой. Потомъ подо мной попищалъ рыжиковскій ребенокъ, кто-то прокричалъ на дворѣ, — и воцарилась зловѣщая тишина...

А я не спалъ, лежалъ, ворочался, курилъ въ темнотѣ и пытался заснуть — но тщетно. Всталъ, опять зажегъ лампу, надѣлъ шубу и сѣлъ въ кресло у письменнаго стола. Надо было скоротать ночь за книгами или за набивкой папиросъ. На книжной полочкѣ валялась всякая зачитанная дрянь, тутъ же оказалась и коричневая книжка: когда-то осенью я ею утѣшался. Я машинально сталъ ее перелистывать...

Скучныя длинныя притчи: про сѣятеля, про виноградарей, про мины... потомъ — явно неисполнимыя поученія... потомъ — страданія, которыя я всегда пропускалъ, пропустилъ и сейчасъ. Я отыскалъ любимыя мѣ-

ста: про воскресшую дѣвочку, про бурю, про умноженіе хлѣбовъ... хотѣлъ, было, отыскать кое-что въ концѣ (про ангела) и вдругъ попалъ на странное повѣствованіе; читалъ я его впервые.

Оно было о томъ, какъ Онъ вошелъ, когда не ждали... вошелъ, не постучавъ, когда всѣ сидѣли запершись и со страхомъ прислушивались, не идутъ ли ихъ схватить. Въ самую жуть отыскалъ, въ самую темень... Войдя, окликнулъ... показалъ «руки и ноги и ребра Свои», дабы убѣдились, что Онъ не призракъ — и всѣ были въ радости... Такъ и сказано: «всѣ обрадовались».

Я три раза перечиталъ это необычайное повѣствованіе. Какъ хорошо, что Онъ къ нимъ въ такой ужасный часъ пришелъ! Если повѣрить, что такъ было? Если такъ бываетъ? Если Онъ, правда, — Богъ, и можетъ являться? Значить, можетъ во всѣ времена, можетъ вездѣ — въ Петербургѣ, въ Лондонѣ, въ Іерусалимѣ... хоть сейчасъ, сію минуту, и ко мнѣ тоже, сквозь запертыя двери, не постучавъ, не колыхнувъ даже портьеру... Войдетъ — и назоветъ по имени... Какъ я давно хочу, чтобы кто-нибудь меня назвалъ тихо и властно по имени! Я ничего бы Ему не сказалъ, не спросилъ, не просилъ, не жаловался... но я бы Ему, какъ и тѣ, очень обрадовался... Я обернулся и, заслонивъ глаза рукой отъ свѣта лампы, смотрѣлъ на дверь. Глубокое волненіе охватило меня — трепетъ ожиданія... Алмазная дымка плыла, искрилась передъ глазами... И въ изумленіи небывалой минуты неизвѣданнаго, сладостнаго упованія — я всталъ и шагнулъ Ему навстрѣчу. . . . .

ГЛАВА XV.

Было бы преувеличеніемъ, пожалуй, просто неправдой, — сказать, что послѣ этихъ переживаній я измѣнился. Нѣтъ. Все, какъ будто, осталось во мнѣ по старому. Лишь только напряженіе ужаса ослабѣло и смѣнилось повседневностью, меня, какъ и всѣхъ, увлекло въ самую заурядную тревогу о томъ: какъ же дальше жить?

Вплоть до первыхъ мартовскихъ дней я скрывался отъ всѣхъ знакомыхъ. Надо было вести себя такъ, чтобы Пельтеевъ не догадался, что я въ Москву не уѣхалъ, чтобы на Выборгской не сообразили, что я вовсе не боленъ, а у Федора Федоровича — что я чуть-чуть было не уѣхалъ, но уѣхать раздумалъ.

Цѣлые дни теперь я просиживалъ на новой службѣ въ шумѣ-гамѣ и табачномъ дыму кузовлевской «канцеляріи»; такъ именовалась голая, грязная комната съ желѣзной, наспѣхъ прилаженной, печкой, въ разграбленной до гвоздей и дверныхъ ручекъ, загаженной квартирѣ у Цѣпного моста, гдѣ расположилось Областное Управленіе съ-верныхъ инвалидныхъ командъ.

Кузовлевъ, осипшій отъ непрерывныхъ переговоровъ по телефону, разнастанный, взѣрошенный, съ мутными глазами, стучалъ вокругъ меня своими деревяшками, ронялъ костыли, кричалъ и ругался съ просителями-инвалидами, а потомъ, обезсиленный и одурѣлый отъ своихъ непосильныхъ предсѣдательскихъ полномочій, хваталъ портфель и мчался, то въ Смольный, то въ финансовую инспек-

цію. Зачислить меня на службу онъ сначала отказался; но я ему напомнилъ про Старосельское болото, когда его, отставшаго отъ обоза, полуживого отъ раненій, нашъ отрядъ бережно подобралъ и доставилъ на пунктъ; онъ почесалъ затылокъ, поморщился и сказалъ:

— Должности нѣту, а сдѣльно работишку дамъ; безъ жалованья, конечно... ну, а въ продуктовой кой-чего отвѣсимъ.

«Сдѣльная работишка» оказалась годовымъ отчетомъ докладомъ по начальству, который Кузовлевъ самъ составить никакъ не могъ. Я сразу понялъ, что ему надо сочетать въ немъ два положенія: во-первыхъ, что онъ, Кузовлевъ, незамѣнимый работникъ; и во-вторыхъ, что всѣ вопіющіе недочеты, жалобы и обвиненія — лишь непониманіе тяжелыхъ условій, въ которыхъ находится власть, и злостное нежеланіе приспособиться къ исполнѣ закону безобразію.

Такъ въ секретари къ Кузовлеву я и пристроился.

Долженъ сознаться, что меня не оскорбляла зависимость отъ солдата, изувѣченнаго, сбитаго съ толку непривычкой къ власти, даже не очень тяготила. Во всякомъ случаѣ, я не испытывалъ той тягости, гнетущей и унижительной, которая была въ моей зависимости отъ Пельтяева. Съ нимъ было мучительно гадко, съ Кузовлевымъ — лишь порой невыносимо, до одури утомительно. Толчея, гамъ, телефонные звонки, множество неисчислимо-обезображенныхъ посѣтителей, которые бранились, кланчили, угрожали а иногда часами покорно ждали очереди, — вотъ обстановка моей новой службы. Но явная бѣда и непоправимое несчастье каждаго примиряли со всѣмъ этимъ солдатскимъ обществомъ.

Меня здѣсь терпѣливо выносили, послѣ того какъ узнали, что я контуженный, отравленный газами «по литерѣ А», т. е. безспорный инвалидъ, о чемъ свидѣльствовали двѣ подписи самыхъ кровожадныхъ изъ вождей

и увѣренность, что я высшимъ властямъ свой человѣкъ.

Служба отнимала весь день. Я приходилъ домой очень усталый и рано ложился спать. Въ праздники заходилъ Сережа, а то дѣвочки его прибѣгали съ порученіями отъ родителей. Иногда бывала у меня Анна Ивановна: съ ней мы обмѣнивались мелкими продовольственными услугами. По субботамъ повадился ко мнѣ старичокъ-акцизный, Арабскій, тотъ самый, къ которому приходилось ходить за водой. Онъ скучно и путано рассказывалъ о томъ, какъ построилъ въ разсрочку дачку въ Вырицѣ, и какъ ее отняли; принесъ фотографическіе снимки: дачка — и самъ онъ на балконѣ; показывая, прослезился, а потомъ, успокоившись, вытащилъ изъ бумажника колоду картъ и предложилъ сыграть въ «свои козыри». Я къ старику безъ особой скуки, даже съ покровительственной благожелательностью относился, хотя въ «kozyри» играть отказался, и вообще, мнѣ почему-то стало изъ-за «kozyрей» себя жалко: въ «kozyряхъ» было что-то обидное...

Однообразіе жизни съѣдало время и силы, опустошало память и воображеніе, но зато оно же освобождало отъ ихъ гнета. Все пережитое за зиму не то что перестало для меня существовать, но оно отошло въ даль (или я самъ его отвелъ), чтобы до него въ безобразной повседневности не касаться. Случалось, конечно, въ солдатскомъ галдежѣ о прошломъ думать, о моихъ наивныхъ порываніяхъ къ Маріи Федоровнѣ и такъ къ чему-то небывалому... — но я всегда себя уговаривалъ, что объ этомъ не время, а когда-нибудь послѣ, не тутъ же... не сейчасъ же... Такъ вся эта красота на днѣ души моей и затаилась.

Въ это однообразіе безпутно-тревожной суматохи, именуемой тогда «трудомъ», ворвалась новость, которая переполошила весь нашъ домъ.

Всѣ поголовно — отъ предсѣдателя Петра Ивановича до почтарихи, до Гусаровой Маньки — вмигъ узнали, что

Фонарева, которую еще такъ недавно хотѣли выселить, обобратъ до чайныхъ ложекъ, — выходить замужъ за Андрея Люлюшина, о которомъ газеты трубятъ, что онъ для республики покоряетъ-усмиряетъ Туркестанъ.

Даша всѣ кухни обѣгала, осипла, на сквозняхъ стоя и всѣмъ рассказывая о необыкновенномъ событіи.

— Теперь до нашей-то и рукой не достать... — съ полнымъ удовлетвореніемъ заявляла она. — И кто зналъ, что за шишка Андрей-то Тимофеичъ! Теперь все имущество такъ за ней закрѣпять, такъ закрѣпять — никто и не подумай къ табуреткѣ ейной притронуться. Есть кому за нее вступиться...

Жильцы морщились, ухмылялись, пожимали плечами, иногда виновато моргали — и удачѣ удивлялись.

Тутъ начались приготовленія невѣсты къ отъѣзду. Безпрепятственно, на глазахъ у всѣхъ, въ квартиру носили и изъ нея выносили тюки, ящики, и Даша открыто, на зло всѣмъ, угощала спиртомъ носчиковъ. Каждый вечеръ въ казенныхъ автомобиляхъ жаловали къ Фонаревой важные гости и засиживались безсрочно, далеко за полночь, а утромъ парикмахеръ Рыжиковъ, помахивая щипцами, сбѣгалъ внизъ по лѣстницѣ — завивать еще раздѣтую, теплую вдову.

Я встрѣтилъ Фонареву въ день ея отъѣзда, въ воскресный полдень. Мы не видались съ той поры, когда она, простенькая, темненькая, въ шерстяномъ платочкѣ, проскальзывала по двору вмѣстѣ съ Дашей, стараясь никому не попадаться на глаза. Сейчасъ она, не спѣша, шла мнѣ навстрѣчу по обледенѣлому настилу нашей подворотни, въ барашковой широкой шубкѣ, въ высокой мѣховой шапочкѣ на рыжихъ кудряшкахъ, шелестя шелкомъ юбки, и въ маленькихъ ушахъ нагло опять покачивались бирюзовые булki.

— Вотъ не ожидала! — непринужденно-звонко окликнула она меня, ласково прищуривъ голубые глаза.

— Я и то Дашѣ говорю: «Неужели уѣду, съ сосѣдомъ нашимъ любезнымъ не попрощавшись?» — И глянувъ по сторонамъ, продолжала шопотомъ: — Давно хотѣла сказать вамъ... вы меня, миленькій, прямо тогда спасли. Я, вѣдь, по вашему совѣту въ комитетъ тогда написала и засвидѣтельствовала и Яшу поблагодарила... Тогда все и обтерпѣлось, ну, а теперь... Андрей Тимофеевичъ. Вы же помните Андрюшу?

— Помню. Я такъ и думалъ, что вы съ Андрюшей будете, — сказалъ я, — и это хорошо: вамъ нельзя быть одной.

— Вы это понимаете? Понимаете? — почему-то краснѣя, перебила она. — Андрюша прямо голова... Назначеній, наградъ сколько нахваталъ, звѣзду на рукавъ получилъ, въ Москвѣ его портретъ въ кино даже показываютъ... — хвастливо рассказывала она. — Я нынче вечеромъ вологодскимъ поѣздомъ ѣду. Велѣлъ, чтобы непременно вологодскимъ, чтобы въ штабномъ вагонѣ, значить... — а тамъ — пересадка. Просто, знаете ли, иногда не вѣрится! Проснусь и спрашиваю: «да какъ же это вышло?» Вѣдь, тогда я въ такую передѣлку попала, такую передѣлку — въ жизни ничего подобнаго не запомню: Думала: ну, конецъ мнѣ! А вотъ... И вамъ спасибо, и вы, голубчикъ, помогли... — и она благодарно протянула мнѣ руку въ смѣшной пуховой рукавичкѣ.

— Ну, какая тамъ помощь... — пожимая теплую руку-подушечку, сказалъ я. — Будьте счастливы. Теперь всѣ такъ несчастны. Вы любите Андрюшу?

Фонарева потупилась, словно что-то вспомнила и воспоминаній устыдилась, но сейчасъ же овладѣла собой.

— Конечно, люблю, — съ привычно-напускнымъ кокетливымъ оживленіемъ, щуря глаза, заговорила она, — а то какъ же? Только не очень-то все это нынче въ модѣ. Главное — прочно бы было, а то теперь все больше у мужчинъ до насъ одинъ капризъ. Ну, да чего тамъ

все обо мнѣ да обо мнѣ. Прощаться давайте! Пожили мы съ вами, погоревали... Можетъ, Богъ приведетъ, опять когда встрѣтимся. Не поминайте лихомъ... не обезсудьте...: пора мнѣ, прощайте...

— Прощайте, будьте счастливы... — повторилъ я.

Она вынула, было, руку изъ муфты — хотѣла еще разъ проститься — и тутъ же смутилась, покраснѣла и спрятала ее обратно, но не уходила, а робко смотрѣла на меня, точно ждала чего-то.

— Не провожали вы меня ни разу, не зашли ко мнѣ... а я ждала, все думала: «зайдетъ онъ...» — пересиливая смущеніе, съ мягкимъ упрекомъ проговорила она.

Я сталъ вѣжливо оправдываться, ссылаясь на болѣзнь, на службу, но она, не подымая глазъ, недовѣрчиво показала головой.

— Если бы хотѣлось, пришли бы...

И не взглянувъ на меня, не кивнувъ, она быстро-быстро пошла отъ меня и исчезла за воротами.

Вечеромъ весь домъ уже зналъ, что Фонарева выѣхала въ штабномъ вагонѣ въ Вологду, и что изъ Смольнаго пріѣхало ее провожать «четыре автомобиля полнымъ-полны всякихъ командировъ». Такъ восторженно врала, вернувшись послѣ проводовъ, заплаканная Даша.

Замужество Фонаревой — единственное событіе за зиму, которое въ домѣ всѣ сочли удачей неопровержимой, такой же неопровержимой, какъ считается, напримеръ, выигрышъ лошака на деревенской ярмаркѣ. И все-таки люди качали головой, намекая на зыбкость всякой удачи въ такія лютыя времена.

Внѣ этого событія жильцы нашего дома, ошалѣлые отъ лишеній и насилій, мучительно-терпѣливо чего-то ждали. Кто — обѣщаннаго благосостоянія, кто — возврата утраченнаго, кто — любой переменъ, лишь бы измѣнилось нечеловѣческое, невозможное ихъ положеніе. Ждали и я, самъ не зная чего, во всякомъ случаѣ, не просто ма-

терьяльной удачи. Меня томило желанье какого-то исхода из моего одиночества: послѣ той памятной ночи я съ нимъ, безысходнымъ, уже не примирялся.

Теперь я оставался рѣдко наединѣ съ самимъ собой. Это бывало обычно по субботамъ, когда Кузовлевъ отъ пускалъ меня раньше, потому что самъ спѣшилъ подѣ воскресенье къ какой-то бабѣ, на Пороховые. Я запиралъ канцелярію и не торопливо, какъ бы гуляя, брелъ домой. Путь мой лежалъ всегда мимо трехъ церквей, и въ этотъ предвоскресный часъ всенощныхъ я до самага дома шелъ отъ благовѣста къ благовѣсту въ непрерывномъ гулѣ колоколовъ. Странно, что войти въ храмъ мнѣ даже и въ голову никогда не приходило. Я просто боялся его многолюдства, откровенности молитвъ, чопорнаго ритуала, — всѣхъ явныхъ, узаконенныхъ формъ и формулъ взаимоотношеній съ Нимъ. Но субботній благовѣстъ я любилъ.

Какъ-то по окончаніи занятій Кузовлевъ сказалъ мнѣ:

— Смахайте-ка завтра утречкомъ въ Маріинку. Ребята наши просто мнѣ надоѣли: «всѣ по театрамъ ходятъ, а мы, инвалиды, одни, какъ обстѣвки въ полѣ». Притащите-ка какихъ-нибудь билетиковъ.

Я порученіе это охотно принялъ, но утромъ, прежде чѣмъ направиться въ Маріинскій театръ, побѣждалъ на Выборгскую — понесъ Аннѣ Ивановнѣ давно обѣщанные, купленные для нея продукты.

День былъ мягкій, добрый, чуть хмурый. Снѣгъ не шелъ, а въ воздухѣ кружились рѣдкія, нѣжныя пушинки — не то спутницы, не то предвѣстницы настоящаго обильнаго снѣга. За спиной у меня былъ мѣшокъ, небольшой и нетяжелый, онъ не давилъ, а лишь пріятно грѣлъ спину. Спѣшилъ я черезъ Неву, прямо по льду, пересѣкая ее отъ Гагаринской къ Спасителю по протоптанной узкой тропкѣ. На вольномъ просторѣ среди снѣжныхъ полянъ, противъ слабого, чуть влажнаго вѣтра, было итти легко. Не зналъ, не гадалъ я, что меня за Невой ожидало! А

оказалось, что въ облупившемся, когда-то розовомъ, а теперь свѣтло-буромъ шкаревскомъ домишкѣ, съ кривымъ подъѣздомъ, съ оторванными желобами водосточныхъ трубъ, — ждала меня моя «судьба»..

Не успѣлъ я тихонько постучать (нѣсколько разъ съ переборами, такъ было условлено), какъ дверь отперли, но на порогѣ, вмѣсто закутанной съ головой въ клѣтчатый зеленый пледъ, высокой, сутулой Анны Ивановны, стоялъ незнакомый, очень блѣдный молодой человѣкъ, въ солдатской шинели, накинутой на плечи поверхъ грязной спортивной фуфайки, съ ножикомъ въ одной рукѣ, съ недочищенной картофелиной — въ другой.

«Засада...», мелькнуло въ головѣ, «но почему — картофель?» Я даже схватился за карманъ, за Сонину бумажку, но молодой человѣкъ съ кроткимъ вниманіемъ взглядывался въ меня и отступилъ съ порога,

— Анна Ивановна ушла къ сосѣдямъ за спичками и сейчасъ вернется, — пріятно-вѣжливо и немного робко сказалъ онъ. — Она предупредила, что вы придете, принесете муку и постучите пять разъ. Она проситъ васъ непременно дождаться. Моя фамилія — Розенкирхъ, — поспѣшно прибавилъ онъ. — Мы когда-то встрѣчались съ вами... въ Москвѣ, ночью, въ квартирѣ полковника Лобова, въ день осады Почтамта..

— Я васъ не помню... — смутно представляя своихъ соратниковъ въ ту кошмарную ночь, сказалъ я, затворяя за собой дверь.

— Я вчера съ матерью пріѣхалъ изъ Москвы — и прямо къ Аннѣ Ивановнѣ. Я не зналъ, что не сюда надѣ было. Я такъ ей благодаренъ, она насъ пріютила, мы ее очень стѣснили...

Маленькая шкаревская кухня была, дѣйствительно, загромождена до тѣсноты. Противъ плиты стояла желѣзная кровать, на сундукъ въ углу была кучей свалена поклажа, на табуреткахъ сушились солдатскіе сапоги, а

надъ плитой на веревочкѣ висѣло бѣлье. Въ кухнѣ было тепло, стоялъ паръ, какъ въ банѣ, и пахло табачнымъ дымомъ, валерьяной и прѣлымъ сукномъ.

Розенкирхъ... Фамилію я эту помнилъ крѣпко: «Повѣнецкую, Розенкирха и Павликова везутъ въ Москву. Они общались съ Перекрестовымъ...» Такъ сказалъ Шкаревъ у пѣвицы, и я имена запомнилъ. Розенкирхъ сказалъ: «я пріѣхалъ изъ Москвы». Значить — выпустили. Почему одинъ? А Марія Федоровна? Гдѣ Марія Федоровна?.. — съ ужасомъ вопрошалъ себя я. Но тутъ давно утраченное мужество мое, которое я знавалъ на войнѣ и такъ въ себѣ любилъ, суровое и умное, великодушно покорное любому испытанію, точно облакомъ, нашло на меня.

— Гдѣ Повѣнецкая? — твердо, съ полнымъ самообладаніемъ спросилъ я.

— Ее освободили недѣли двѣ тому назадъ, но она очень тяжело больна. Просила мою мать, чтобы мы увезли ее, но гдѣ же ее больную было везти! Мы сами-то едва доѣхали... Хорошо, что она еще изъ бѣды выскочила, ея положеніе было отчаянное. Наши показывали отвратительно и все время на допросахъ путались... Павликова и еще трехъ москвичей разстрѣляли, меня только случай спасъ...

Розенкирхъ оживился и заговорилъ о своей удачѣ возбужденно, съ той немного истеричной болтливостью, которая свойственна нервно-утомленнымъ, долго пробывшимъ въ тюрьмѣ людямъ. Но я, признаться, въ слова его уже не вникалъ.

Я машинально опустился на скамью возлѣ окна и, не скинувъ даже мѣшка, не снявъ шапки, смотрѣлъ на грязный, ошарпанный полъ.

Главное было сказано, и это главное состояло въ томъ, что, несмотря на все мое отпаденіе отъ Маріи Федоровны, въ душѣ моей она жила попрежнему; стоило

узнать, что она стремилась уѣхать изъ Москвы, т.е. стоило вспомнить ее такую, какъ хотѣлось навсегда запомнить, а главное, — вѣрить, что именно она такая, какъ запомнилъ...

Я накинулся на Розенкирха съ вопросами, разспрашивалъ его о Маріи Федоровнѣ подробно, назойливо, до мелочей, досадуя, что онъ холодно и довольно безтолково отвѣчалъ на вопросы.

— Знаете что, — вдругъ спохватился онъ, — моя мать лучше, чѣмъ я, все вамъ расскажетъ: онѣ вмѣстѣ въ одной камерѣ сидѣли. Я скажу ей, она у Анны Ивановны печку топить, — и онъ выбѣжалъ изъ кухни.

Она вошла съ кочергой въ рукѣ, съ засученными рукавами, въ бѣдномъ халатикѣ, подпоясанномъ вылинявшимъ передникомъ, въ скомканной наколкѣ... маленькая блѣдная старушка, такая же робко-вѣжливая, испытующая взглядомъ, какъ и сынъ, и такая же обезоруживающе кроткая. Ни тѣни негодованія — когда я спросилъ о пережитомъ, словно противъ той мѣры зла безсильно и не нужно всякое негодованіе.

— О насъ съ Юрочкой что же говорить... — тихо сказала она, — мы вырвались и опять вмѣстѣ, а все это... — она указала на бѣдную поклажу, — это пустяки. А вотъ Павликова разстрѣляли... Вы слышали? — и все ея старушечье личико болѣзненно сморщилось. — Его... и еще троихъ. Какой былъ чудесный мальчикъ! Дивный мальчикъ... — съ болью произнесла она.

Она говорила тихо и просто о самомъ страшномъ. Совсѣмъ такъ говорила когда-то Карповна о своей болѣзни, о неминуемомъ скоромъ концѣ.

— Вы о Маріи Федоровнѣ спросить желали? — продолжала она, присѣвъ на край кровати. — Она ваша родственница?

— Нѣтъ, она мнѣ чужая, совсѣмъ чужая, — откровенно сказалъ я, — я даже мало ее знаю, встрѣча-

лись, почти официально, но я хотѣлъ бы помочь ей, если надо, если только можно... Мнѣ бы очень хотѣлось помочь ей уѣхать изъ Москвы, хотъ этимъ облегчить... войти въ ея положеніе, увезти ее. Мнѣ все важно, что вы о ней расскажете — и это не любопытство, изъ любопытства я бы не спрашивалъ, я бы не посмѣлъ сейчасъ и беспокоить васъ, если не серьезно, но это для меня очень серьезно...

Я говорилъ горячо, искренно, съ несвойственной мнѣ задушевностью.

«Они подумаютъ, что я ее люблю... И пусть думаютъ!», въ порывѣ къ свободному утвержденію своего чувства, рѣшилъ я.

Можетъ быть, они и подумали. Юрій отвернулся къ плитѣ и старательно сталъ чистить картофель — стѣснялся, видимо, что оказался при разговорѣ третьимъ. Старуха внимательно меня выслушала и тихо вздохнула.

— Я о ней мало знаю, только то, что всѣ кругомъ говорили, — сказала она... Сама она мнѣ ничего про себя не рассказывала, но мнѣ, старому человѣку, многое видно... Допросы ее просто убивали. Ее часами держали, раза два цѣлую ночь напролетъ допрашивали, ну, и очныя ставки были... Вы же понимаете, что для нея значили очныя ставки?.. — и старуха, насупивъ брови, строго посмотрѣла на меня. — Обычно всю ночь потомъ не спитъ. Окликнешь ее, а она точно и не разслышала, а то отзовется, но въ такомъ испугѣ... Я ее и тревожить перестала. И слѣдствіе ее путало, да она и сама, неопытная, измученная, кажется, путалась, а потомъ терзалась, не напортила ли. Когда про Павликова узнали, на ней лица не было. Съ этого и началось...

— Что началось?

— Духомъ она какъ-то пала, такая она была все стойкая, сильная, а теперь ночью, слышу, — плачетъ... мужество ее оставило. Вѣроятно, болѣзнь ея здѣсь начи-

налась. Когда ее вдруг освободили и велѣли на выходъ собираться, она не то что обрадовалась, а какъ въ клѣткѣ заметалась. Я ей говорю: «Марія Федоровна, вѣдь вы сейчасъ на свободу выходите», а она точно этого и не понимаетъ. Мы и вещи ей собрали и всю ее одѣли... Прощалась она съ нами, тоже плакала. Въ тотъ же вечеръ, оказывается, она слегла, а потомъ ее въ больницу свезли...

— Въ больницу? Кто отвезъ въ больницу?

— Какіе-то Обручевы. Она прямо къ нимъ кинулась. Это ея замужняя сослуживица по войнѣ, сидѣлка какая-то. Видимо, Марія Федоровна до отъѣзда хотѣла у нихъ укрыться, — очень бѣдные, простые люди... оба весь день на службѣ, а она въ жару, въ бреду, одна въ квартирѣ, они въ больницу ее и отвезли.

— Значить, вы ее въ больницѣ видѣли? Она и сейчасъ тамъ? — взволнованно прервалъ я.

— Тамъ. Какъ только насъ освободили, я разыскала Обручевыхъ, а отъ нихъ сейчасъ же къ ней. Съ трудомъ нашла. Помѣстили ее плохо — въ общей палатѣ. Смотрю, лежитъ на койкѣ, къ окну крайняя. Очень плохо была, слаба... Мнѣ она очень обрадовалась. Я ей пшенной каши, немного сахара, хлѣба фунтъ принесла (Обручевы прислали), она и подаркамъ очень обрадовалась. Никогда я ее такой благодарной не видала. Говорю ей: «Ну, слава Богу, поправляться вы стали». А она вдругъ тихо такъ: «Мнѣ лучше, да я хочу жить...» Признаться, я поглядѣла на нее и думаю: Господи, ужъ какая жизнь! А она точно мою мысль угадала и говоритъ: «Да, мнѣ хочется жить, но только совѣмъ по новому....» — «Какъ же, спрашиваю, по-новому?» Она задумалась и странно такъ сказала: «Мы въ ужасающей нечистотѣ всѣ жили, Марія Францевна, а думали, что прекрасны... Я, говоритъ, только здѣсь поняла, что чистота, вѣдь, въ томъ, чтобы не искать своего, а мы всѣ, всѣ, даже идеалисты,

только о своемъ: свои идеи, мечтанья, свою волю, какъ безцѣнныя жемчужины расцѣнивали...» — «Что же, шепчу ей, эти лучше? Богъ съ вами, милая!» — А она посмотрѣла на палату и говоритъ: «Не лучше, но если спасемъ, или погибнемъ, то всѣмъ народомъ...»

— Опять ты все про это, мама... — волнуясь и не скрывая своего неудовольствія, вмѣшался Юрій Розенкирхъ. — Маріи Федоровнѣ ничего теперь и не остается говорить...

— Ты, Юрочка, не волнуйся, я же не про то, чтобы тебя или кого-либо критиковать, Боже упаси... Я только о томъ, что Марія Федоровна меня тогда очень изумила, и я ее теперь нѣтъ-нѣтъ и вспомню. А вотъ ему и не нравится... — кротно и чуть-чуть виновато сказала мать.

Изъ разсказа я не проронилъ ни звука. Мнѣ казалось, что всякое слово таинственно предназначалось только для меня, какъ письмо, написанное только мнѣ, и я сразу понялъ, что долженъ ѣхать въ Москву немедленно, что съ Маріей Федоровной произошло нѣчто столь значительное, по сравненію съ чѣмъ ея романъ съ Добрынинымъ терялъ весь свой смыслъ. И какъ грубо-глупо я ее понялъ! Какъ ошибся!

Дѣловито, не скрывая своей озабоченности, своей заинтересованности, рѣшимости быть въ Москвѣ, я разспросилъ, какъ отыскать Марію Федоровну, и опять, не таясь, не стыдясь, я утверждалъ, словно исповѣдывалъ передъ людьми, мое странное, самому непонятное къ ней чувство.

Искренность моя и тронула ихъ. Старуха перерыла всю поклажу, отыскивая секретную записочку съ нужными свѣдѣніями, и даже Юрій смягчился и сталъ рисовать пальцемъ на запотѣломъ окошкѣ, какъ пройти съ вокзала въ больницу. Я все узналъ, выпросилъ, записалъ, предусмотрѣлъ, даже своей дѣловитости изумился.

Когда постучалась Анна Ивановна со спичками, отъ-

ѣздъ уже былъ рѣшенъ. Я торопливо вручилъ ей мѣшокъ и сталъ прощаться.

— Вы бы принесли на той недѣлѣ, Алексѣй Павловичъ, еще чего-нибудь, хорошо бы — мыла... — попросила Анна Ивановна.

— Алексѣй Павловичъ въ Москву ѣдетъ, — сказалъ Розенкирхъ.

— Какъ въ Москву? Но вѣдь вы раздумали?

— Тогда — да, но теперь у меня тамъ дѣло. Я — по спѣшному дѣлу... — краснѣя за старую ложь, сказалъ я.

Анна Ивановна удерживала меня, предлагая согрѣться чаемъ, кинулась къ керосинкѣ, но я отказался.

Когда дверь захлопнулась за мной, я вздохнулъ съ облегченіемъ.

Снова я шагаль черезъ ледъ, но уже не видѣлъ ни простора, ни волнистыхъ сугробовъ, ни снѣжныхъ пушинокъ... Марія Федоровна мнѣ возвращалась, мнѣ поручалась, и вновь замыкался таинственно сближающій насъ кругъ. Меня не тронули и не умиляли ея страданья, не тронуло даже душевное ея состояніе въ больницѣ (подобно Юрію, я тоже его не понялъ и приписалъ естественному послѣдствію болѣзни), но я впервые ощутилъ, что Марія Федоровна мнѣ нужна въ силѣ или въ слабости — все равно, разъ сохранилось главное: моя въ нее вѣра. Марія Федоровна — Добрынина не оправдала. Могла остаться съ нимъ, если бы оправдала. Все искушеніе мое и было въ томъ, что она оправдаетъ, отъ всей жестокой правды отступится, спрячется за безобразную, слѣпую, женскую любовь. Но она не оправдала — и душу мою согрѣвала радость спасенной отъ искушенія, торжествующей вѣры...

Долгое путешествіе отъ Анны Ивановны до Мариинскаго театра для меня не существовало. Даже ожиданіе

на ларѣ въ темномъ коридорѣ театра, а потомъ на сквознякѣ у кассъ, было скорѣй пріятно, предоставляя возможность уходить въ свои мысли. Наконецъ, кассирша сунула мнѣ три ложи на «Демона», и я пустился въ обратный путь.

Уже въ театрѣ я сталъ обдумывать всѣ осложненія. Удостоверенія, ордера были просрочены, справки и нужные номера телефоновъ потеряны — все запуталось. Теперь я былъ связанъ службой, и отъѣздъ не могъ быть самовольнымъ.хлопоты приходилось начинать сызнова.

Я взволнованно спѣшилъ вдоль Екатерининскаго канала. Чугунной рѣшеткѣ въ пуховомъ инеѣ, казалось, конца нѣтъ, и шеренгѣ ошарпанныхъ, измученныхъ обывками домовъ тоже...

Мнѣ не уѣхать... Не уѣхать по своей же винѣ, по слѣпотѣ сердца. Оно ничего не прозрѣло. Если бы не слѣпота, не попала бы Марія Федоровна въ больницу. Я бы ее у Ловчиныхъ устроилъ. Эту семью я тогда еще намѣтилъ. Насъ съ Володей Ловчины дѣтьми знали, съ родителями нашими дружили. Но мнѣ не уѣхать! Если хлопоты сначала, то не уѣхать! Позднее раскаяніе, однако, ничего не мѣняло. Чѣмъ невозможнѣе казалось достиженіе, тѣмъ горячѣе было желаніе, воспламеняемое новой моей радостью.

Я проходилъ мимо церкви. Большая, бѣлая, некрасивая. Пустая паперть. Оледенѣлая, горбатая отъ льда ступени. Засаленная, захватанная, тяжелая дверь. Мгновенье я колебался, лишь мгновенье, — и побѣжалъ вверхъ по ступенямъ...

Въ храмѣ стоялъ бѣлесый сумракъ, и было пусто и гулко, какъ въ заколоченномъ домѣ. Пусто и холодно, холоднѣе, чѣмъ на улицѣ. Съ оконъ когда-то натекали лужи, а сейчасъ, въ морозъ, бурый ледокъ покрывалъ подъ окнами грязный, давно неметенный полъ.

Всюду озябшіе образа, запотѣлая паникадила, пыль-

ныя лампы, догорѣвшіе фитили... Паутина, соръ, копотъ, грязь. И на весь храмъ лишь одна единственная малиновая искра — лампада передъ какимъ-то тяжелымъ серебрянымъ образомъ, да подъ ней, на подсвѣчникѣ, два-три кофейно-рыжихъ, кривыхъ огарка...

Стараясь не топать, я дошелъ до середины храма, спохватился, что не снялъ шапку, и стоялъ смущенный, въ той томительной неловкости, когда человѣкъ не знаетъ, что съ собой дѣлать.

Со всѣхъ сторонъ глядѣли на меня темные лики... множество ликовъ. Величавые, въ серебро закованные праведники и праведницы... То тутъ, то тамъ крылатыя головки ангеловъ... Цѣлый сонмъ необыкновенныхъ существъ, цѣлое содружество притаилось вокругъ меня въ тусклыхъ вѣнчикахъ — закопченные, озябшіе, въ выцвѣтшихъ бумажныхъ цвѣтахъ.

Я храмовъ не любилъ. Въ сочельникъ изъ храма ушелъ. Можетъ быть, и сегодня я бы его таинственной души не позналъ, если бъ своей заброшенностью онъ меня не поразилъ. Но именно безпризорность его и тронула меня. Мнѣ понравилось, что вмѣсто церковнаго благополучія: хвалы-чести, блистанія огней, благовонія, фіміама, вмѣсто голосистыхъ величаній и человѣческой умильной ласки — молчокъ, хмурь и холодъ народнаго отверженія.

Я безплотнымъ фигуркамъ не помолился и помощи не просилъ. Пожалуй, отвѣта не ожидалъ даже, и безотвѣтность ихъ меня бы не поразила. Я вошелъ сюда не за этимъ, а чтобы излить все, чѣмъ была полна душа, въ чемъ я самъ себѣ еще ни разу не признался, но что сейчасъ томило меня, какъ неясная радость откровенья, не смотря на самоукоризну и всю бѣду съ командировкой.

Я стоялъ посреди храма, прижавъ къ груди папаху, съ трудомъ стараясь сосредоточиться.

«Я пришелъ сказать Тебѣ... и они пусть знаютъ», —

наконецъ, мысленно проговорилъ я и, взглянувъ на куполь, на своды, на треугольный золотой глазъ вверху иконостаса, сказалъ уже внятнымъ шопотомъ: «Я люблю Марію Федоровну....»

На службу въ тотъ день я запоздалъ, вручилъ Кузовлеву билеты на «Демона» и попросилъ отпустить меня опять, ссылаясь на ордеръ, по которому надлежало получить вязанку дровъ изъ склада у городской бойни. (Ордера намъ вѣсмъ, дѣйствительно, накануне выдали).

Вмѣсто бойни, я слеталъ въ желѣзнодорожное бюро, въ два комиссаріата и всюду понапрасну только простаивалъ въ очередяхъ. Наконецъ, я забѣжалъ въ нашъ освѣдомительный комитетъ «Помощь» (адресъ мнѣ Шкаревъ у актрисы еще далъ). Здѣсь какой-то лысый, болтливый господинъ, похожій на полицейскаго пристава, довольно толково доказалъ мнѣ, что помощи отъ «Помощи» мнѣ ждать нечего.

— У насъ въ рукахъ сейчасъ судьба Россіи, а ваше ходатайство мелкое личное дѣло. Въ борьбѣ есть удачники и неудачники. Судьба неудачниковъ не можетъ поглощать нашихъ силъ, — и онъ не безъ удовольствія сталъ развивать мысль о плодотворной жестокости во всякой борьбѣ.

Я хлопнулъ дверью и ушелъ. Мнѣ предстояло сбѣгать еще на Тамбовскую.

Съ тѣхъ страшныхъ дней, когда люди избѣгали другъ друга, мы съ Федоромъ Федоровичемъ не видѣлись. Не было отъ него ни записокъ, ни вѣстей. Не пойти сейчасъ къ Повѣнецкимъ было просто безчеловѣчно. Я могъ цѣлый клубокъ недоразумѣній имъ распутать, въ сущности, возвращалъ Федору Федоровичу сестру. Съ какимъ тайнымъ торжествомъ я бы сообщилъ ему, что онъ ошибся! Какъ хотѣлось мнѣ поглядѣть на его недоумѣніе!

На Тамбовской меня ожидала ошеломляющая неожиданность...

На двери, обитой новой войлочной каймой, была прикреплена кнопками чистенькая визитная карточка: «Илья Ильич Пасхаловъ. Художникъ». За дверью заливалась лаяла собаченка.

Кто-то завозился на кухнѣ и прикрикнулъ на собаку:
— *Voyons, voyons, veux tu te taire!*

«Изъ своихъ... если по-французски», рѣшилъ я.

Осторожно постучалъ. Дверь пріоткрылась.

— Что нужно? — сердито спросилъ старческій голосъ.

— Я пришелъ узнать про прежнихъ квартирантовъ, здѣсь жили...

— Жили, да уѣхали, — прервалъ меня старикъ, — а теперь квартира моя. Въ комитетѣ справьтесь — всѣ права за мной!

— Я не о правахъ, — нетерпѣливо и обиженно перебилъ я. — Я не беспокоить васъ пришелъ, а спросить, просто попросить; сообщите, если знаете: куда же они дѣвались? Переѣхали? Уѣхали? У меня важное для нихъ дѣло...

Обида въ голосѣ, просительный, почти умоляющій тонъ, смутили моего собесѣдника.

— Да вы кто? Какъ фамилія-то ваша?

— Полежаевъ, Алексѣй Павловичъ Полежаевъ, — повторилъ я.

Дверь скрипнула и пріоткрылась.

— Войдите, да входите же поскорѣй — холоду напустите... — съ энергичной нетерпѣливостью прокричалъ жилецъ.

Я вошелъ.

Передо мной стоялъ маленькій, всклокоченный старикъ, въ запачканномъ красками рабочемъ балахонѣ, съ галстухомъ-бантомъ, повисшимъ тряпкой подъ жидкой бо-

родой, въ потрепанной шубенкѣ, накинутой на плечи. Вокругъ насъ бѣсновался грязный, ошалѣлый песъ.

— Меня предупредили, что вы можете навѣдаться, — внимательно разглядывая меня, болѣе привѣтливымъ тономъ началъ онъ. — Я — Пасхаловъ. (Онъ протянулъ мнѣ руку). Вамъ вѣрно сказать, что они уѣхали, ну, попросту говоря, убѣжали — и благополучно: ужъ и контрабандисты воротились.

— Какъ... убѣжали?

— Да тому уже дней десять... Узнали, что Марію Федоровну освободили, и стали собираться. Меня сюда вселили, старуха въ домѣ завѣрила, что душевно-больного въ провинцію повезла. Только сестру и ждали, а она записку прислала, чтобы скорѣй, до распутицы, уѣзжали, а она не поѣдетъ. Они на третій день и укатили.

— И меня не извѣстили... — обиженно сказалъ я.

— Ужъ гдѣ было извѣщать, — съ попутчиками какими-то увязались.

— Я ожидалъ, что уѣдутъ, но не такъ же, вдругъ, не дождавшись сестры... — возмущался я, забывъ, что самъ же уговаривалъ ея брата бѣжать.

— Ну, ее бы онъ вѣкъ прождалъ. Онъ и такъ съ этой валькиріей намучился. Я-то ихъ обоихъ давно, еще по Риму знаю. Ему тогда-то было съ ней трудно, а теперь... Гдѣ ему вообще жизнь осилить. Ужъ какой онъ борецъ! — добродушно, даже ласково проговорилъ Пасхаловъ.

— Не дай Богъ съ нимъ дѣло имѣть, — раздраженно сказалъ я, вспоминая житейскую беспомощность Федора Федоровича.

— Если хотите, онъ никому, можетъ быть, сейчасъ и не нуженъ, а вотъ представьте, мнѣ, напримѣръ, художнику, нуженъ. Я очень радъ, что его на святкахъ разыскалъ — до того мнѣ мужики опротивѣли. Все только о торфѣ, о гвоздяхъ да о жмыхахъ... А лица, лица-то у нихъ какія! А взглядылись вы въ его лицо? Прекрасное лицо! Не

то Савонарола, не то ванъ-дейковскій Карлъ I-ый... Конечно, съ народомъ ему разсуждать не о чемъ, а вотъ въ Англіи, въ какомъ-нибудь этакомъ графствѣ Девонширскомъ, въ замкѣ, въ пріятномъ обществѣ, — это другое дѣло. Замѣчательный человѣкъ! Тонкій, ой, какой тонкій! — искренно восхищался Пасхаловъ.

Въ его словахъ былъ отзвукъ моихъ же собственныхъ сужденій о Федорѣ Федоровичѣ. Я не разъ въ его фантастичности искалъ отдохновенія, но сейчасъ забылъ о всякой справедливости.

— Вся эта тонкость отъ равнодушія, отъ себялюбія, — сердито сказалъ я. — Вы, художникъ, можетъ быть, обольщаетесь или прощаете, а я — нѣтъ. Впрочемъ, Богъ съ нимъ, даже лучше, что такъ вышло.

— Вотъ, вы какъ о немъ... — усмѣхнулся Пасхаловъ, — а онъ добрымъ словомъ васъ помянулъ. Уже въ шубѣ, въ валенкахъ, на этомъ самомъ мѣстѣ о васъ вспомнилъ, велѣлъ вамъ кланяться, благодарить. И знаете, что онъ сказалъ про васъ? Какъ отозвался? «Нашъ русскій Вертеръ»... Почему то такъ назвалъ васъ... — и Пасхаловъ, насмѣшливо прищутивъ глаза, смотрѣлъ на меня.

Я притворился, что про Вертера ничего не понялъ, спохватился, что поздно и, пробормотавъ первыя попавшіяся слова извиненія, ушелъ неестественно поспѣшно.

Выйдя на улицу, въ темносинюю снѣжную пустоту уже по ночному глухой Тамбовской, въ такую тишь, что за цѣлый кварталъ было слышно, какъ сипитъ трамвай, я сталъ размышлять о данномъ мнѣ Федоромъ Федоровичемъ наименованіи.

Съ грустью и безжалостностью я представилъ самого себя: обтрепанный тулупъ, папахъ съ чужой головы, добытая у Яши-Гусара въ обмѣнъ на серебряную спичичницу, перевязанное ниткой, самодѣльной починки пенснэ... и я самъ — обросшій бородой, измученный, до времени состарившійся, непрерывно шныряющій по загаженнымъ

лѣстницамъ, по кухнямъ, по пустыннымъ петербургскимъ улицамъ, толкающійся въ смрадѣ трамваевъ, въ холодѣ и грязи комиссаріатовъ... Какъ далеко мнѣ до поэтического безумія молодого германца, до его сентиментальнаго беззаконія, до трагедіи любви въ обрамленіи свѣтло-струйныхъ зеленыхъ ландшафтовъ! И все-таки слова Федора Федоровича не были ироніей... Я это бралъ чутьемъ.

Мнѣ припомнился весь день съ утра и все значительное, даже грозное, что за послѣднее время со мной совершилось... Я стою на какомъ то порогѣ. Мнѣ тоже поручается нетлѣнная красота любви. Что съ нею сдѣлалъ далекій, нерусскій мой собратъ! А что въ дни великой русской скверны сдѣлаю я? Какъ сохраню, пронесу и какъ прославлю?

ГЛАВА XVI.

Не буду подробно рассказывать о дняхъ передъ моимъ отъездомъ. Съ трудомъ припоминалъ я потомъ волненія, которыя пережилъ.

Кузовлевъ до окончанія отчета откѣплялъ меня отъ должности отказался, для Москвы нужны были деньги, продавать же приходилось самыя неходкія вещи, — кое что изъ обстановки, — а за продажу ихъ даже проныра Швайцеръ сейчасъ не брался.

По старой памяти я метнулся, было, на Подъяческую, но Шкаревъ былъ въ отъѣздѣ, а Д. встрѣтила меня не такъ, какъ на Рождествѣ, а сухо, хмуро и, прикрывая ладонью голую шею, сказала тусклымъ голосомъ, что ей при ларингитѣ не до разговоровъ, что Борисъ Ивановичъ уѣхалъ, куда — неизвѣстно, и вообще онъ не имѣетъ обыкновенія посвящать въ свои дѣла постороннихъ лицъ, а потому она знаетъ о немъ меньше, чѣмъ я.

Незамысловатое ея притворство меня раздражило.

— Онъ, конечно, по конспиративнымъ дѣламъ уѣхалъ? — безъ обиняковъ спросилъ я.

Д. подняла тонкія брови, театрально закашлялась и проговорила уже едва слышно:

— Если бы я и была въ курсѣ дѣла, я врядъ ли имѣла бы поводъ рассказывать вамъ объ его привычкахъ...

Такъ ничего я и не добился.

Приходилось рассчитывать лишь на себя, и я рѣшилъ «откѣпляться» собственными силами. Работу, которой

оставалось по меньшей мѣрѣ на мѣсяцъ, я надумалъ закончить въ недѣлю. Я сидѣлъ теперь на службѣ съ утра до вечера, уговорилъ Кузовлева позволить мнѣ ночевать въ Управленіи, работалъ по ночамъ и, лишь на разсвѣтѣ, засыпалъ на ящикахъ въ канцеляріи, въ багровомъ отблескѣ стынувшей печки, подложивъ подъ голову папаху и накрывшись полушубкомъ. Я работалъ, какъ въ чаду, сосредоточившись на одной цѣли, не думая (стараясь не думать) о томъ, какъ выхлопочу командировку, когда кончу съ Кузовлевымъ. Удалось ли бы это — не знаю, но подвернулся вдругъ случай.

У петербургской инвалидной секціи уже давно тянулась непріятная переписка съ московскимъ центромъ. Теперь пришелъ грозный запросъ. На Кузовлевѣ лица не было. Онъ созвалъ спѣшно общее собраніе союза, но, кромѣ гвалта, ничего не получилось, и тогда, словно по наитію, я предложилъ послать меня съ отчетомъ въ Москву; мнѣ, секретарю (я такъ себя называлъ), легче отвертѣться: по роду службы я многихъ подробностей могу не знать, а пока будетъ тянуться волокита, секція подготовитъ дополнительныя разъясненія.

Я понималъ, что совѣтую вору выгадать время, но Кузовлеву было не до униженія; онъ простодушно предложенію обрадовался, вмигъ выхлопоталъ пропуска, билетъ, скрѣпилъ печатью командировочные документы — и невозможное превратилось въ неизбежное. На третій день по окончаніи отчета, поздно вечеромъ, я выѣхалъ.

Трудно передать мое состояніе дорогой. Едва мы миновали Любань, я въ изнеможеніи завалился на скамью и, стиснутый сосѣдями, скрюченный, заснулъ какъ убитый. Поутру я узналъ, что мы уже часа три стоимъ въ Окуловкѣ, пропуская воинскіе поѣзда, и въ Москву прибудемъ лишь къ вечеру. Эта задержка и унылый день въ набитомъ непрспавшимися пассажирами вагонѣ выдался, какъ будто нарочно, чтобы меня измучить.

Меня стали терзать сомнѣнія. Зачѣмъ я ѣду? Путешествіе мое бессмысленно и безобразно. Если жертвенность, то ужъ — армія, фронтъ, югъ, а не Марія Федоровна, которой до меня никакого дѣла нѣтъ. Въ Гатчинѣ было видно — никакого! Назойливость противна. Въ лучшемъ случаѣ Марія Федоровна мнѣ это дастъ понять. (Пусть не беспокоится, я самъ знаю!) Въ худшемъ... И тутъ я придумывалъ самыя невыносимыя положенія: оскорбительныя, уязвляющія, горькія... Остановка въ пути показала плохимъ предуказаніемъ, препятствія съ деньгами и командировкой — тоже. И чѣмъ ближе была Москва, тѣмъ мрачнѣе становилось мое душевное состояніе.

Въ Клину я долго ходилъ по платформѣ (по правдѣ говоря, — метался), съ тоской глядѣлъ на нее, грязную, оттаявшую по сегодняшней оттепели до слякоти, на мокрые кусты желѣзнодорожнаго палисадника, на уныло-пустые пакгаузы и уцѣлѣвшіе снѣга за заборами привокзальныхъ пустырей, — и мнѣ припомнилась Гатчина: загородный просторъ, паровозные свистки, бѣлыя дали и рожокъ стрѣлочника за водокачкой... Но тогда я себя Маріей Федоровной не укорялъ. Можетъ быть, и нашлось бы слово укора, если бы я чего либо отъ нея добивался, но я ее «чужой невѣстой» принялъ, такъ и называлъ «чужая невѣста», — и мое отношеніе къ ней было не то, что въ романахъ, что пѣто-перепѣто поэтами, а странное, небывалое, самому мнѣ непонятное. «Если — какъ въ романахъ, въ Москвѣ мнѣ дѣлать нечего». Эта мысль пришла мнѣ впервые, и я ей удивился и очень обрадовался. Она означала, что я ѣду безкорыстно, безъ романтическихъ притязаній, рѣшаюсь на встрѣчу лишь потому, что этихъ притязаній у меня нѣтъ. Въ такомъ состояніи внезапнаго умиротворенія я и ѣхалъ до самой Москвы.

Въ Москвѣ я давно не былъ и ея не любилъ. Съ ней былъ связанъ военный стыдъ безславной защиты, когда я

въ изступленіи отчаянія, почти въ безуміи, съ полуротой юнкеровъ и кучкой добровольцевъ отстаивалъ пулеметнымъ огнемъ подступы къ Главному Почтамту, чтобы потомъ повиноваться безсмысленному приказу о сдачѣ.

Не любилъ я Москву и потому, что съ ней было связано то лѣто, когда Софья со мною разсталась... Но тогда былъ іюль: зной, пыльные бульвары, развороченныя ремонтомъ мостовыя, жаркій вѣтеръ на сквознякахъ и всюду на площадяхъ, въ переулкахъ — ученье запасныхъ, съ крикомъ взводныхъ, съ топотомъ, съ безобразными позами перебѣжки цѣпей. Въ этой іюльской духотѣ я и жилъ тогда, день за днемъ, въ противоестественномъ одиночествѣ вдоваго, ушербленнаго существованія. Послѣ контузіи, въ жару, у меня ныла тонкой, сверлящей болью голова, и я не зналъ, что лучше — лежать ли въ номерѣ, сдвинувъ драпировки — или дотащиться до бульвара и дурѣть отъ свѣта, стука колесъ и дѣтскаго визга.

Я тогда не только о Сонѣ, о себѣ, но и войнѣ много передумалъ съ великимъ ожесточеніемъ, съ обидой горькой. Къ тому времени прапорщичій мой патріотизмъ, съ которымъ я ушелъ на войну, угасъ. Я не восхищался больше ни собой, ни нами, защитниками страны. На третій годъ войны почувалъ, что всѣ мы постепенно превращаемся изъ героевъ въ неудачниковъ. Стоило попасть въ тылъ, уѣхать въ отпускъ, очутиться въ лазаретѣ, оглядѣться... — предѣльная наша жертвенность: наши раненія, болѣзни, ампутаціи, покачнувшіяся карьеры, брошенные на произволъ судьбы «семейныя счастья», дѣла и занятія... — стали мнѣ казаться неоправданной жестокостью. Нашъ героизмъ уже многихъ не трогалъ, и никакіе кресты, ордена и повышенія прикрыть этой правды не могли. Я понялъ, что защищалъ не родину, а невоплощенную ея идею. «За вѣру, царя и отечество» — эта формула едва ли годилась тогда даже для солдатъ; для меня, прапорщика, она была нахлобученной съ чужой головы шап-

кой. Идеей можно было связать, обязать, восхитить, обольстить, но, какъ подобіе жизни, она обнаружила свою безплотную природу и, невоплощенная, неживая, отлетѣла отъ жизни моей въ ту минуту, когда должна была укрѣпить душу. Сражаться-умирать за идею родины я могъ, но вынести равнодушіе соотечественниковъ, поднять тяжесть исковерканной ради родины личной судьбы — не могъ... Когда я попалъ въ лазаретъ, и мнѣ грозила ампутація; когда тревога о Сонѣ съ маниакальной неотступностью овладѣла мной; когда пришла вѣсть, что Пельтеевъ вмѣсто меня оставленъ при кафедрѣ, и оказалось, что война меня не возвысила, не украсила, а унизила и обезобразила, — я готовъ былъ тогда возненавидѣть свою судьбу русскаго прапорщика...

Въ тѣ дни я думалъ о фронтѣ лишь какъ о возможности быть убитымъ. Минутами мнѣ приходило въ голову самоубійство тутъ же, въ Москвѣ, и только растерянность моей бѣдной Сони передъ такимъ концомъ удерживала меня. Сейчасъ въ Москву ѣхалъ я совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Хуже? Лучше? Оцѣнки и въ мысляхъ не было, сознавалъ я одно, что отъ того, іюльскаго, меня унесло далеко-далеко въ сторону — и ни университетскіе успѣхи, вродѣ Пельтеевскихъ, ни возвращеніе Софьи, ни прошлая удобная и легкая жизнь мнѣ не нужны, вѣрнѣе, ихъ больше ужъ не хочется...

Прямо съ вокзала я направился къ Ловчинымъ, въ Ваганьковскій переулокъ, черезъ всю Москву. Шелъ я въ жуткой, вѣтренной темени, по скользкимъ, размякшимъ, полупустыннымъ улицамъ. (Въ трамвай не попалъ). Всю дорогу безпокоился: примутъ ли меня Ловчины. Теперь даже своего человѣка встрѣчаютъ, «какъ татарина» (я Сережу въ сочельникъ хорошо запомнилъ), а я, имъ далекій, еще въ постояльцы прошусь. Правда, я мѣшки покажу. Я съ собой захватилъ кое-чего изъ пропитанія, что-

бы ѣдой не стѣснять, но вѣдь, кромѣ ѣды, много сейчасъ непріятнаго во всякомъ человѣкѣ. Весь мой расчетъ (если можно было несмѣлую надежду назвать расчетомъ), была память о моихъ родителяхъ.

При ихъ жизни, пріѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ по дѣламъ, Константинъ Андреевичъ живалъ подолгу у насъ въ домѣ. Дѣльный, краснорѣчивый адвокатъ и большой любитель древне-русской старины, человѣкъ умный и живой, смѣшной острякъ въ дамскомъ обществѣ, веселый сквернословъ въ мужскомъ — Константинъ Андреевичъ былъ всюду желаннымъ гостемъ. Даже неудачная женитьба на отношеніе къ нему не повліяла (хотя принимать его любили безъ жены).

Про жену, Настасью Прокофьевну, у насъ дома говорили, что она «изъ простыхъ», что ее Константинъ Андреевичъ привезъ откуда то съ глухихъ береговъ Унжи; вспоминали, что въ первый годъ брака она ходила въ косынкѣ, робко озиралась, отвѣчала полушопотомъ, дичилась всѣхъ, особенно мужчинъ, и вся оживала, расцвѣтала необыкновенной прелестью лишь въ присутствіи мужа. (Такою вспоминалась она всегда моему отцу). Съ годами это, разумѣется, пропало, и мы съ Володей знали ее уже самой обыкновенной, скучноватой московской дамой. Но что то заволжское все же въ ней осталось: въ говорѣ, въ поклонѣ, въ преувеличенной скромности, въ несвѣтской молчаливости. Мать моя очень всегда жалѣла Константина Андреевича за такой, по ея мнѣнію, неудачный бракъ.

Вотъ къ этимъ Ловчинымъ, знавшимъ меня съ дѣтства, я теперь въ квартиру и стучался.

Старая горничная, угрюмая Варвара, поглядѣла на меня въ шелку,

— Господи... баринъ Алексѣй Палычъ! — воскликнула она и отворила дверь.

Я втащилъ поклажу. Варвара помогла сложить мѣшки на ларь и побѣжала въ комнаты.

По привычкѣ, приобрѣтенной въ тѣ дни, я примѣтилъ сразу: керосинъ (не просто огарокъ), огонь подъ плитой, опрятную кухню, замѣтилъ, что Варвара была въ чемъ то ватномъ, очень тепломъ. «Справляются какъ то...» заключилъ я, «можетъ быть, не откажутъ».

Хлопнула вдали дверь, послышался знакомый громкій голосъ, тяжелые шаги — Константинъ Андреевичъ стоялъ передо мной. Мы расцѣловались.

— Я прямо съ поѣзда. Не знаю, только можно ли къ вамъ... Вѣдь я ночевать прошусь, Константинъ Андреевичъ, на нѣсколько дней... — въ замѣшательствѣ проговорилъ я. — Но я все съ собой привезъ, чтобы хозяйство не стѣснять — вотъ тутъ, въ мѣшкахъ...

— Ну, объ этомъ ты, голубчикъ, съ Настасьей Прокофьевной, — перебилъ Константинъ Андреевичъ. — Гдѣ же Настасья Прокофьевна? — крикнулъ онъ въ коридоръ.

— У всенощной... — угрюмо отозвалась изъ темноты Варвара.

Константинъ Андреевичъ поморщился.

— Вотъ пріѣхалъ, а хозяйки то и нѣтъ... Ну, и кста-ти же ты! — оживленно заговорилъ онъ. — Мы инспекцію поджидаемъ: чѣмъ больше сейчасъ народу въ домѣ, тѣмъ лучше. Теперь у насъ изъ-за всякой клѣтушки бой, скоро пройдетъ декретъ о вселеніи. Что же ты не раздѣваешься? Помоги же, Варвара!

Варвара стащила съ плечъ моихъ старый полушубокъ, и меня повели въ комнаты.

Знакомая квартира, заставленная старинной мебелью, обвѣшенная картинами, портретами, блюдами, иконами... Въ кисеѣ, въ чехлалѣ, безъ ковровъ, — она казалась пустой, и въ ней было по нежилому холодно и гулко. Въ секретарской блекло свѣтила маленькая настольная лампа, и было очень тепло. Въ глубинѣ комнаты, загороженная книжнымъ шкапомъ стояла узкая, тщательно при-

бранная кровать; на столѣ, покрытомъ розовой, съ разводами, скатертью, дымился самоваръ.

— Тутъ у насъ и столовая, и гостиная, и я здѣсь сплю, — объяснилъ Ловчинъ, — приходится ютиться: дровъ нѣтъ.

— Я тоже въ одной комнатѣ живу. Вы со мной, пожалуйста, не стѣсняйтесь, хоть въ нетопленную положите...

— Настасья Прокофьевна ужъ какъ нибудь тебя устроить, а сейчасъ давай чай пить. Садись, Алеша, рассказывай... Ну что же ты? Какъ же ты за эти годы? — и Ловчинъ неумѣло-хлопотливо сталъ разливать чай.

Я все разглядывалъ его.

Онъ похудѣлъ и обрюзгъ, но былъ, какъ будто, тотъ же — пышноволосый, пышнобородый, высокій сѣдой старикъ, съ профессионально-величавой адвокатской осанкой и пріятно журчащимъ голосомъ. Новое въ немъ было лишь неряшливость костюма: грязноватая фуфайка подъ растегнутымъ жилетомъ, войлочные туфли, набѣгающіе на нихъ носки, да еще отъ него довольно противно пахло лукомъ.

— Надолго ты въ Москву? Командировка? Теперь у всѣхъ командировки...

— Думаю дня на два, на три... Значусь — въ командировкѣ, но не поэтому пріѣхалъ. Одна дѣвушка здѣсь въ больницѣ лежитъ... ее разыскать надо, мнѣ поручили, то есть, я самъ вызвался...

— Ну, если она больна, значить, надолго, — дѣловито рѣшилъ Ловчинъ. — Тетушка твоя прошлой зимой заѣзжала, мы много о тебѣ говорили... — прибавилъ онъ, какъ бы предупреждая, что знаетъ про мою неудачную женитьбу.

— А мнѣ лѣтомъ кто то сказалъ, что вы по прежнему въ Москвѣ и адресъ тотъ же. Теперь рѣдко, когда тотъ же адресъ: люди и вещи — все свою судьбу перемѣнило. Вы

служите? Теперь всѣ служатъ. Я — инвалидъ и то служу.
Ловчинъ нахмурился.

— Да, милый мой, въ юридическихъ консультаціяхъ Кремлю не отказываю.

— Имъ помогать нельзя, — убѣжденно проговорилъ я.

— Да какая же это помощь? Это самопомощь, Алеша.
Я недоумѣнно пожалъ плечами.

— Не удивляйся, что я про самопомощь говорю...
— оживившись и, видимо съ удовольствіемъ приготавливаясь защищаться, заговорилъ Ловчинъ: — конечно, самопомощь. Вотъ вы всѣ боитесь: «пролетаріатъ забралъ права! пролетаріатъ новое дворянство!» Да сдѣлайте ваше одолженіе! Развѣ это страшно! Да я всячески готовъ этихъ новыхъ дворянъ создавать. Вотъ, если годами безправія военно-полевого управленія и станутъ уже бытомъ (именно «бытомъ»!) военный постой, общій котель, реквизиціи, военно-полевые суды, — вотъ это страшно! А вѣдь сейчасъ мы именно такъ и живемъ. Правъ ни у кого нѣтъ никакихъ. Все это чепуха насчетъ привилегій низовъ — у нихъ тоже ничего нѣтъ. Право на трудъ, прибыль, контроль, власть... все забыто. Единственная реальность — война!

— На югѣ не война, а за Волгой — свѣдѣнія есть — фронтъ уже палъ, — волнуясь, протестовалъ я.

— Кто же про югъ! — досадуя на мою непонятливость и начиная раздражаться, вскричалъ Константинъ Андреевичъ. — Я про то, что Брестъ-Литовскъ войны не прекратилъ.

— По вашему война продолжается?

— Никогда и не кончалась. Какой же это миръ, скажите, пожалуйста! Миръ — это трудъ, собственность, охраняемое судомъ мое «завтра», а всѣ живутъ и сейчасъ, какъ на фронтѣ. Вотъ мы, юристы, и должны кричать, внушать, даже навязывать низамъ, чтобы они не зѣвали, добыли себѣ права, и что ради правъ весь сыръ-боръ... а

иначе къ чему революція? На что она, если безправіе солдатчины? Пусть вопіющее неравенство, да хоть крѣпостное право на наши головы, — чортъ съ нимъ! — все-таки это хоть какое-то спасеніе. Иначе мы превращаемся изъ націи въ населеніе, просто въ «этнографическое» мясо...

Я слушалъ Ловчина съ большимъ вниманіемъ. Что отвѣчать ему, — не зналъ, опровергнуть — не могъ. Да и какъ мнѣ было разобраться! Добрынинъ тоже имъ «руководства» пишетъ и можетъ сослаться: «для спасенія». Нѣтъ, кто хочетъ спасать, тѣмъ одно мѣсто — на югѣ, въ арміи, а иначе лучше пустота безгражданственности, какъ у меня. Ловчинъ адвокатъ, онъ разсчитываетъ обойти противника. Обманется... Когда кто нибудь, какъ я, всю душу, все отчаяніе свое на сопротивленіе власти когда то положилъ, рисковалъ всѣмъ, тотъ знаетъ, — такъ не спасаютъ.

Я хотѣлъ возразить и про Добрынина упомянуть и вообще сказать что-нибудь возмущенно-офицерское, но кто то вдругъ тронулъ меня за плечо. Настасья Прокофьевна! Я бы издали никогда ее не узналъ, но она слегка наклонилась надо мной и свѣтъ лампы освѣщалъ ея лицо. Да и какъ было ее узнать! Она стала похожа на Варвару. Тоже въ чемъ то старушечьемъ, некрасивомъ, съ чернымъ платкомъ на головѣ, затянутымъ подъ подбородкомъ, и лицо напоминало мнѣ не ее прежнюю, а усталая, упрямо-суровая, иногда прекрасная лица нашихъ деревенскихъ бабъ.

— Я даже ушамъ не повѣрила, думала: ослышалась, когда Варвара сказала, что вы тутъ (она всегда говорила намъ съ Володей «вы»). Дайте же, Алеша, поглядѣть то на васъ, какой вы стали... — своимъ пѣвуче-яснымъ говоркомъ, ласково, чуть тревожно сказала она и съ радостнымъ удивленіемъ воскликнула: — На отца, на отца похожъ сталъ... вылитый покойный Павелъ Алексѣвичъ!

— Ты бы распорядилась, куда устроить Алешу, — вмѣшался Константинъ Андреевичъ.

— Мы съ Варварой уже обдумали — во вторую людскую, возлѣ кухни тепло; только Алеша пусть не взыщетъ: ужъ какая въ людской мебель! А вещи позволите въ гостиную положить, и тулупчикъ тамъ повѣсимъ — будетъ значиться: живете въ гостиной. Вы же поживете у насъ?

— Алеша пріѣхалъ разыскивать въ больницахъ одну больную, — сказалъ Константинъ Андреевичъ.

— Да, въ командировкѣ только значусь... — краснѣя, проговорилъ я.

Настасья Прокофьевна быстро взглянула на меня.

— Какъ зовутъ то ее?

— Повѣнецкая... она въ тюрьмѣ была, а потомъ заболѣла.

— Фамилію такую никогда не слыхала.

Больше они меня не спрашивали. Повидимому, Ловчинъ не хотѣлъ продолжать нашъ разговоръ при женѣ, потому что сейчасъ же заговорилъ о дѣлѣ инженера Салакина, стоившемъ жизни многимъ московскимъ общественнымъ дѣятелямъ. Про организацію генерала Мюлена (значить, и про Добрынина) онъ, однако, толкомъ ничего не зналъ.

Настасья Прокофьевна въ нашей бесѣдѣ участія не принимала. Она накрывала ужинъ и, тихо позвякивая ключами, то выходила, то возвращалась. Въ ней, всегда неподвижно-безучастной и потому скучной, было теперь что то живое, дѣятельное и очень озабоченное.

Хозяева накормили меня, чѣмъ могли. Съ дороги я очень усталъ. За окнами надвигалось ненастье мартовской оттепели. Отъ сознанія, что я спрятанъ, укрытъ на ночь въ чужомъ городѣ, на меня нашло дремотное успокоеніе, и я зазѣваль.

Настасья Прокофьевна спохватилась, зажгла запасной

огарокъ и отвела въ маленькую комнату возлѣ кухни, теплоу и отъ тѣсноты даже уютную.

— Я сама здѣсь въ морозы сплю, — пояснила она.

— А я, Настасья Прокофьевна, пока съ вокзала шелъ, все безпокоился, примете ли меня? — съ удовольствіемъ глядя на приготовленную постель, сказалъ я.

— Какъ же не принять? — удивилась Настасья Прокофьевна: — Гостиницъ то вѣдь нѣтъ больше.

Она приклеила огарокъ къ валявшейся на комодѣ аптекарской коробочкѣ и собралась уходить.

— Мнѣ хочется спросить васъ... — началъ я, не зная, какъ безобиднѣе сказать ей то, что хотѣлось, — почему вы... я весь вечеръ на васъ смотрѣлъ... почему вы, какъ Варвара... вотъ платокъ на васъ и вообще какъ то по простому?

Настасья Прокофьевна вопросу моему не удивилась, не смутилась, молча поглядѣла на меня, словно раздумывая, стою ли я отвѣта

— Не понять вамъ, быть можетъ, — почему, и не вы одинъ меня спрашиваете... Но какъ это объяснить! — тихо воскликнула она и на мгновенье задумалась. — Я сейчасъ, Алеша, словно въ своемъ Кулакиномъ посадѣ сызнава очутилась, — просто и искренно продолжала она. Все такое понятное кругомъ, такое свое, точно народъ мой посадскій за мной въ Москву пришелъ и опять я, какъ когда въ дѣвушкахъ была... А вотъ, Константину Андреевичу трудно, ой, какъ трудно! Волнуется онъ и спорить-спорить, не понять ему насъ никогда... И съ вами, навѣрное, сразу заспорилъ. Къ нему «наши» ѣздить, говорить: «очень уважаемъ, посовѣтуйте» — ну, онъ и совѣтуетъ, но только, конечно, тяжело ему... Вотъ и не спитъ по ночамъ, сердцемъ болѣть сталъ, изъ-за пустяковъ и на меня и на всѣхъ раздражается. И какъ не раз-

дражаться, когда кругомъ все чужое, не твое, и точно одна надъ тобой насмѣшка...

— Зачѣмъ вы Константина Андреевича жалѣете, если такъ и надо, чтобы насъ всѣхъ мучить? — угрюмо спросилъ я.

— Неправда! Неправда! Никого никогда не хотѣли мучить... — горячо и убѣжденно воскликнула Настасья Прокофьевна. — Не дѣло было воевать, не хотѣли воевать — вотъ почему все вышло. А теперь какъ и помочь, когда до того запутались! Вотъ у насъ въ девяносто осьмомъ году холера посадъ нашъ косила, и лѣсные пожары все лѣто, и хлѣбъ пожгло... тогда мы, дѣвушки, за тридцать верстъ въ скитъ «Семилѣсъ» ходили, день, двѣ ночи лѣсами, болотами, въ обходъ пожара шли, образа несли, изъ скита двое сутокъ не выходили — грѣхи Кулакины замаливали. И теперь только такъ за бѣду нашу и заступаться, а вы говорите: мучить хотимъ...

Послышался звонокъ рѣзкій, нетерпѣливый.

— Константинъ Андреевичъ... — тревожно встрепенулась Настасья Прокофьевна — вѣрно, газету не нашелъ. Покойной ночи, Алеша...

Я раздѣлся, потушилъ свѣтъ, подумалъ о своихъ хозяевахъ: о Константинѣ Андреевичѣ, о его великодушiи, похожемъ на отчаянiе; о близости къ народу Настасьи Прокофьевны; сразу почуялъ, что между супругами разладъ, въ которомъ оба неповинны. Однако, не взаимоотношенiя ихъ меня интересовали, а то, что они оба по своему страну спасать собирались. Это меня очень удивило. Я давно ни о ея спасенiи, ни о чемъ, кромѣ себя и своего не думалъ и съ такимъ стремленiемъ спасти народъ еще не встрѣчался. Мы въ подпольѣ искали прежде всего успѣха своихъ военныхъ заговоровъ, спорили о политическихъ программахъ, у насъ было что-то совсѣмъ, совсѣмъ другое...

Эти размышленiя мгновенно разлетѣлись, лишь толь-

ко я вспомнилъ о моей завтрашней встрѣчѣ съ Маріей Федоровной. (Я былъ увѣренъ — завтра!) Эту встрѣчу я никогда вообразить себѣ не могъ, старался о ней не думать вовсе. Но незнакомая комната, вѣтеръ-вихрь за окномъ, храпъ Варвары — напоминали, что я уже въ Москвѣ. Встрѣча казалась мнѣ столь значительной, точно отъ нея зависѣла вся моя жизнь. Развѣ я зналъ, почему меня таинственно влекла эта чужая мнѣ дѣвушка, и почему я такъ добиваюсь встрѣчи?

Утромъ, не успѣвъ я проснуться, вспомнилъ сразу: надо торопиться. Розенкирхи совѣтовали сначала сходить въ больницу. По ихъ мнѣнію, Марія Федоровна была еще тамъ, потому что отъ Обручевой вплоть до моего отъѣзда не было условной открытки.

Больница была дальняя, фабричная, за заставой, и попала туда Марія Федоровна благодаря обручевской землячкѣ-фельдшерицѣ.

Варвара наскоро напоила меня чаемъ (тутъ я и мѣшки развязалъ), и я тотчасъ вышелъ изъ дому.

Вѣтеръ затихъ, и стало такъ тепло, ударила такая оттепель, что съ крышъ лило, а размякшія, какъ гороховое мѣсиво, мостовыя покрылись глубокими большими лужами. Пока я добирался до Драгомиловской заставы, облака разнесло, появились голубыя островки, потянуло мягкимъ весеннимъ вѣтеркомъ, а когда, проплутавъ вкругъ громадныхъ заводскихъ складовъ, я, наконецъ, нашелъ больницу, засіяло солнце, и вся Москва поплыла въ голубоватой сверкающей водѣ...

Всю дорогу я волновался. Когда же отворилъ тяжелую, отсырѣвшую больничную дверь, въ лицо мнѣ ударилъ запахъ карболовки, и я подумалъ, что Марія Федоровна здѣсь — мое волненіе достигло крайняго напряженія.

Я растерянно пометался по швейцарской, отыскавъ контору (она оказалась въ первомъ этажѣ, но была еще

заперта) и усѣлся ждать на лавку, на площадкѣ грязной забѣганной лѣстницы. Рядомъ на подоконникѣ примостились двѣ отдежурившія сидѣлки и озабоченно разговаривали о сахарѣ. Я спросилъ про Марію Федоровну, но онѣ не знали. На площадку выходили высокія двери, оттуда несло вонюю больныхъ и неприбранныхъ людей, то и дѣло шмыгали замызганныя сестры, дѣловито вверхъ по лѣстницѣ прошелъ докторъ въ небрежно надѣтомъ — съ болтающимися на спинѣ завязками — халатѣ, турьбой съ ведрами и швабрами валили поломойки, проносили на носилкахъ изъ этажа въ этажъ больныхъ женщинъ, прикрытыхъ свалявшимися, засаленными одѣялами... Внизу, въ швейцарскую, на амбулаторный пріемъ стало набиваться фабричное бабье съ грудными дѣтьми, и оттуда тоже потянуло крѣпкой вонюю.

Я въ тревогѣ озирался по сторонамъ, заглядывалъ въ коридоръ, со страхомъ всматривался въ лица больныхъ на носилкахъ, не увижу, не узнаю ли Марію Федоровну. Попытался остановить кое кого изъ сестеръ, спросилъ доктора — всѣ меня отсылали въ контору.

Туда меня впустили не скоро, и завѣдующая справками барышня-еврейка долго промучила меня, перелистывая огромныя прошнурованныя книги.

— Въ больницѣ гражданки Повѣнецкой нѣтъ и въ выписной не зарегистрирована, — не подымая глазъ, проговорила она.

— Не можетъ быть! Ее выписали, выписали... посмотрите хорошенько, пожалуйста, посмотрите! — въ сильномъ возбужденіи вскричалъ я.

Барышня пожала плечами, но потянулась совсѣмъ къ другой книгѣ...

«Почему невозможно? Почему — «умерла»... невозможно?» съ безпредѣльной грустью подумалъ я, и мнѣ показалось, что все возможно, что теперь кромѣ горя, у

людей ничего не бываетъ, и что и у меня, какъ у всѣхъ, должно случиться...

И тутъ, неожиданно, такъ, какъ мечтается чудо, старикъ-сторожъ, возившійся въ углу съ чайной посудой, не выпуская изъ рукъ жестяного чайника, подошелъ къ намъ.

— Повѣнотову третьяго дня выписали, — сердито заворчалъ онъ на барышню, — когда палату подъ супругу Петра Моисеича очищали, выписныхъ листовъ въ канцелярію давать не приказано было.

Барышня покраснѣла и раскричалась, что они на подписи у доктора Мозельвейна, что безъ листовъ не выписывали никого. Но я уже не слушалъ...

Хлопнувъ дверь, я побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ и, растолкавъ скопившуюся у амбулаторіи очередь, устремился къ выходу. Ахъ, эта незабываемая минута, когда я вырвался на улицу, къ весеннему вѣтру, теплу, къ тающимъ снѣгамъ, на голубыя лужи... Потомъ я побѣжалъ прямо посреди Драгомиловской, по рельсамъ, пропуская мимо себя беззаботно мчавшіеся по грязи трамваи. Я спѣшилъ къ Обручевымъ. Розенкирхи мнѣ сказали, что Маріи Федоровнѣ изъ больницы ѣхать некуда — только къ нимъ. Юрій мнѣ начертилъ весь планъ, и 2-ую Мѣщанскую я разыскалъ безъ особаго труда, но добрался до нея лишь къ полудню.

Номеръ* оказался не домъ, а дровяной складъ, сейчасъ пустой, но въ распахнутыхъ воротахъ, за сараемъ, виднѣлся деревянный флигель. Я вошелъ въ ворота, увязая въ грязи, перепрыгивая по льдистымъ кочкамъ, миновалъ пустую собачью конуру, обогнулъ сарай; съ необычайной увѣренностью, точно я здѣсь не впервые, сталъ подыматься по скрипучей лѣстницѣ. Квартира обойщика... выше, выше... поворотъ послѣ чьей то заколоченной наглухо двери, поворотъ... площадка... дверь. Я взглянулъ въ окошко, на небо — и дернулъ колокольчикъ...

Открыла Обручева. Я узналъ ее мгновенно по описанію. Коренастая, маленькая, курносая, съ родинкой на подбородкѣ. Увидала меня и очень испугалась: такъ пу-гаются всякаго незнакомаго человѣка.

Я вытащилъ изъ кармана полосатые шерстяные чулки, которые она въ свое время одолжила матери Розенкирха (это былъ между ними условный знакъ), и она несмѣло попятилась съ порога.

— А... чулочки! — обрадовалась она. — Марья Францевна и то писала, что скоро вернутся...

— Это, чтобы вы знали, кто я. Марія Федоровна у васъ?.. — задыхаясь, проговорилъ я.

— У насъ. Но онѣ больны... слабы очень, изъ больницы третій день... Вы кто же будете? — дѣловито, стараясь что то сообразить, продолжала она

— Скажите: Полежаевъ, Алексѣй Павловичъ Полежаевъ... Напомните: тотъ, который въ Гатчину пріѣзжалъ. Я фамилію вамъ напишу.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Я запомнила.

Я стоялъ съ бьющимся сердцемъ и бессмысленно смотрѣлъ на горшки съ засохшей землей на подоконникѣ, на многолѣтнюю грязную вату за стекломъ, на мертвыхъ мухъ... Думалъ ли я о чемъ нибудь? Не знаю, кажется, вдругъ забеспокоился, не снять ли мнѣ грязный полусубокъ...

— Пожалуйста, пройдите къ нимъ! — окликнула меня Обручева.

Мнѣ казалось, что квартира очень маленькая, что Марія Федоровна гдѣ то совсѣмъ рядомъ за стѣной, но Обручева провела меня узкимъ, темнымъ коридорчикомъ, съ рухлядью въ углахъ, и отворила дверь въ проходную, очень бѣдную комнатку.

— Здѣсь онѣ, — сказала она и пропустила меня впередъ.

Въ сосѣднюю комнату была открыта дверь, и тамъ, у самаго окна, сидѣла Марія Федоровна.....

— Алексѣй Павловичъ!.. — тихо воскликнула она.

Кажется, она хотѣла приподняться, встать, встрѣтить меня, но только пледъ соскользнулъ у нея съ колѣнъ, и она не встала. Я подбѣжалъ, поднялъ пледъ, укуталъ ее. Мы, кажется, даже не поздоровались. Я не могъ вымолвить ни слова...

— Вотъ и встрѣтились... Я не думала, что встрѣтимся, — сказала Марія Федоровна.

— Въ больницѣ мнѣ сказали, что вы третьяго дня... я не зналъ... я сейчасъ былъ, — едва соображая, что говорю, промолвилъ я.

Я стараясь не глядѣть на нее и не переставалъ ее видѣть съ перваго мгновенія, еще съ порога, когда вошли съ Обручевой. Я видѣлъ ея милое подурнѣвшее лицо, первыя серебристыя нити въ ея черныхъ гладкихъ волосахъ, худошавую руку, которой она поспѣшно застегнула пуговку у ворота чернаго платья, просторно облежавшаго ея плечи. Вѣроятно, и я былъ тоже не прежній.

— Я не узнала бы васъ, вы такъ измѣнились. Я и въ Гатчинѣ съ трудомъ узнала... — изумленно сказала Марія Федоровна, пристально глядя на меня, и вдругъ замолчала, точно упоминаніе про Гатчину вызвало въ ней чувство неловкости.

— Я въ Петербургѣ отъ Розенкирха узналъ про освобожденіе, и что вы больны и адресъ... до ихъ пріѣзда ничего не зналъ, — торопливо и словно оправдываясь, что поздно пріѣхалъ, заговорилъ я. — Вы знаете, ваши бѣжали, — и благополучно?

— Меня извѣстили. Какъ я обрадовалась! Я хотѣла, чтобы они уѣхали. Я же знаю, чего имъ стоила эта жизнь.

— Федоръ Федоровичъ очень хорошо все выносилъ, и Эмма Карловна тоже. Мы встрѣчались и всегда говорили о вѣст... — И я сталъ рассказывать, какъ ходилъ на Тамбовскую.

О Федоръ Федоровичъ я отзывался мягко, дружественно, прямо пристрастно, не отдавая себѣ отчета, что ложь моя — отъ великодушія радости, не знающаго уже осужденія. А радость во мнѣ была воистину необычайная, неизвѣданная... Этихъ первыхъ минутъ упокоительной безтревожности, этой нездѣшной радости мнѣ никогда не забыть. Ничто ее не омрачало; казалось, все кругомъ ее лишь украшаетъ. А между тѣмъ, какъ бѣдно, какъ убого было мѣсто нашего перваго свиданія!

На выцвѣтшихъ обояхъ играло солнце. Оно играло и на пыльномъ зеркальцѣ, на стѣнѣ, на лакировкѣ швейной машинки, рядомъ съ узкой желѣзной кроватью, на мѣдныхъ замкахъ комода... Бѣлымъ блескомъ отливали немытыя стекла окошка, за ними сверкала мокрая крыша сарая, а выше, за кривой его трубой, великолѣпно сіяло небо.

Марія Федоровна, въ черномъ платьѣ, съ синимъ пледомъ на колѣняхъ, сидѣла на самомъ свѣту. Солнце безбоязненно освѣщало ее съ головы до ногъ, словно знало достоверно, что въ ея внезапномъ раннемъ увяданіи заключена для меня сейчасъ вся ея красота. Въ мягкомъ выраженіи лица, въ слабомъ, послѣ болѣзни, голосѣ были тишина и задумчивость, которыхъ раньше въ ней никогда не бывало. И спрашивала, и слушала она теперь по-иному: безъ прежней дѣловитой сухости, безъ непріятной для собесѣдника сосредоточенности на чемъ-то ему постороннемъ. Говоря о братѣ, она взволновалась, торопливо задавая вопросы, — хотѣла, видимо, и не смѣла спросить о чемъ-то.

Я бы могъ передать ей «прощеніе» (въ первую встрѣчу онъ мнѣ сказалъ, что прощаетъ), но на жестокость

этого «прощенія» у меня въ ту минуту не хватило духу. Вообще, я все время путалъ и спотыкался, чтобы какъ-нибудь нечаянно на ея горе не намекнуть, но она, торопясь и краснѣя, сама заговорила о томъ, что косвенно касалось московской катастрофы — спросила, получилъ ли я записку, въ которой она про меня писала Федору Федоровичу.

Съ первыхъ же словъ я ее прервалъ.

— Мнѣ записку прочитали. Не будемъ о ней говорить. Это пустяки, вѣдь, недоразумѣніе сейчасъ же выяснилось...

«Выяснилось, когда въ Петербургѣ узнали про Добрынина...» вдругъ спохватился я, ужасаясь тому, какъ я нехорошо сказала.

— Я не знала.. думала — были непріятности, — смущенно проговорила Марія Федоровна. — Вы надолго въ Москву? Васъ комитетъ прислалъ?

Я бы могъ сказать, что пріѣхалъ отъ комитета или не отъ комитета, т. е., что мой пріѣздъ случаенъ и съ ней не связанъ, эта маленькая ложь была бы такой законной уловкой самолюбія, но слова сказались сами собой, искренно и просто:

— Я пріѣхалъ только для васъ — помочь вамъ.

Марія Федоровна изумленно взглянула на меня и опустила глаза. Наступило молчаніе — одна изъ тѣхъ минутъ, что либо связываютъ, либо разобщаютъ.

Я смотрѣлъ на ободранныя рукавицы, которыя держалъ въ рукахъ, на облѣзлые обшлага полушубка, слышалъ, какъ тонко, до писка, чирикнулъ подъ окномъ воробей, — и странно! — отвѣта Маріи Федоровны не боялся: все равно онъ измѣнить во мнѣ уже ничего не могъ.

— Вы въ Гатчинѣ тоже сказали... что хотите помочь, — съ усиліемъ подбирая слова, сказала она, — и Федя писалъ про вашу доброту. Вы такъ великодушны — къ

нему... ко мнѣ... я даже и понять не могу, за что все это... такое отношеніе.

— Вы одна остались. Можетъ быть, повѣрить трудно, что только поэтому... — не глядя на нее, проговорилъ я и торопливо прибавилъ: — вѣдь, Федора Федоровича нѣтъ больше...

Марія Федоровна слушала внимательно и немного встревоженно. Мнѣ показалось даже, что моя откровенность не очень ей понравилась.

— Я не боюсь вашей жалости, Алексѣй Павловичъ. Да, я одна осталась... — со сдержаннымъ волненіемъ проговорила она. — Если, правда, вы хотите, вы можете помочь, — помогите, пожалуйста... Я хочу скорѣй въ Петербургъ... мнѣ надо, я не могу здѣсь... оторванная отъ всего, отъ всѣхъ... я не знаю, что же дальше...

Я увѣрилъ ее, что сдѣлаю все возможное, обнадеживалъ, ссылаясь на связи Ловчиныхъ. Если бы вмѣсто этихъ глупыхъ словъ, могъ я сказать, что не изъ жалости пріѣхалъ, что никогда ее не жалѣлъ! Во мнѣ было совсѣмъ другое чувство — не жалость: ощущеніе, то близости, то отдаленности — сложное, волнующее чувство, похожее на трепетъ благоговѣнія. А между тѣмъ, ничего достойнаго моего нравственнаго удивленія въ ней не было: я ничего хорошаго по отношенію къ себѣ не видалъ, ничего добраго про нее даже не зналъ (Федоръ Федоровичъ мнѣ только про ея ошибки и слабости говорилъ), но въ ней было нѣчто для меня важнѣе нравственности — сила взволнованной и глубокой душевной жизни, къ ней-то и влеклась моя душа. И сейчасъ настоятельная просьба изъ устъ ея, слабой, измученной, озадачила меня. Неужели послѣ всего пережитого, смерти подобнаго, куда-то можно еще стремиться? Розенкирхъ говорила: «новые планы у нея». Но какіе планы, когда жизнь кончена! Не все ли равно, какъ ее доживать! Не-

ужели опять Шкаревъ? И мнѣ съ горечью вспомнилась Подъяческая.

— Я предупреждаю васъ, въ нашей организаціи развалъ полный... — горячо заговорилъ я: — разувѣрились, бѣгутъ, не довѣряютъ, ссорятся. Шкаревъ мнѣ самъ говорилъ. Реконструкцію затѣяли, «Военный Централъ» выдумали, но это вздоръ! У нихъ нѣтъ ни денегъ, ни людей, ни идей. У пѣвицы Д. штабъ устроили. Вы бы видѣли эту мадамъ Роланъ! Я ушелъ отъ нихъ, хотя неофициально. Вы сами убѣдитесь: оставаться бесполезно.

— Я знаю, я про развалъ слыхала, — озабоченно сказала Марія Федоровна. — Все это отъ ужасающей слабости, всѣ растеряны, всѣ слабы...

— Если слабы, неужели не уходить?

— Уйти можно но отъ этого ничего не измѣнится — бѣда та же, и мы тѣ же... Я такъ поняла, такъ рѣшила.

— Нѣкоторые говорятъ, какъ вы, что слабы, но совѣтуютъ идти къ народу, потому что мы призваны служить ему — а не бороться съ нимъ, — продолжалъ я. — Но это невѣрно насчетъ «служенія». Я испробовалъ, я знаю, я имъ историческія лекціи читать взялся. Имъ не служить мы должны, а отъ нихъ защищаться. Это не обученіе дѣтей. Обучать дѣтей совсѣмъ другое дѣло: отъ истины къ истинѣ, отъ простого къ сложному, а тутъ власть низшаго разума надъ высшимъ. Нельзя правильно, четко мыслить и жить въ душегубствѣ. Ни одинъ злодѣй не могъ. Спросите криминалистовъ. Кто лжетъ, тотъ уже прикасается къ стихіи преступленія, и наоборотъ, преступники всѣ лгутъ съ легкостью необычайной, потому что разумъ и совѣсть не разорвать: они изъ одного ядра растутъ... Я это понялъ, когда съ лекціями возился. Мнѣ казалось, я съ ума сойду, а въ сущности, что худого я дѣлалъ? Я лишь чуть-чуть научную истину искажалъ. Какъ всѣ лекторы этой опасности для человѣка не почувдали!

Я сталъ, было, безтолково-торопливо разсказывать про пельтязевцевъ, но Марія Федоровна прервала меня:

— Я не объ этомъ, тоже не объ этомъ говорила. Это униженіе никому не нужно — я о томъ, чтобы не уходить отъ своихъ, отъ себя не прятаться, если слабъ.

— Вашъ братъ тоже говорилъ, что надо быть себѣ вѣрнымъ.

— Да, всегда говорилъ: «вѣрнымъ себѣ...» — взволнованно сказала Марія Федоровна, — но какія это сложныя и страшныя слова: «себѣ», «себя», «я». У всѣхъ людей свое «себѣ», «себя» — у нихъ и у насъ. Мы говоримъ: мы «бѣлые» — такъ себя опредѣляемъ: бѣлые, чистые, достойные, поэтому спасаемъ, поэтому спасемъ... но развѣ мы такіе? — и Марія Федоровна вопросительно смотрѣла на меня.

Ея слова напомнили мнѣ весь ужасный годъ — несчастную «цѣпь», давно разсыпавшуюся для меня на звенья. Въ тяжелые дни я не только въ ней не искалъ душевной поддержки (и въ голову не приходило!), но мнѣ всегда казалось, что темное облако наплываетъ на меня также и оттуда, что все произошло отъ бессмыслицы, безтолочи, растерянности, отъ смертоносной духоты, въ которой мы метались, слабѣя волей, ожесточаясь, задыхаясь отъ безсилія въ предчувствіи своей обреченности.

— Мы высоко себя ставимъ, но въ сущности въ себя не вѣримъ. По-моему, тоже: не мы спасемъ, — сказалъ я.

— Но и не тѣ, о которыхъ вы говорили — «служеніе».... — со сдержанной пылкостью заговорила Марія Федоровна. — Они говорятъ, что силой вещей въ концѣ концовъ овладѣютъ всѣмъ, но это невѣрно. Вы тоже увидели, что это невѣрно? На путяхъ нашихъ встрѣчи быть не можетъ, не должно быть... мы только и живы сейчасъ взаимнымъ отрицаніемъ, взаимной ненавистью, — четко и твердо, слегка задыхаясь отъ волненія, добавила она.

«Про Добрынина думаетъ...» догадался я.

Разговоръ очень волновалъ ее, явно, касался больного сердцу и — кто знаетъ? — быть можетъ, искусительнаго сомнѣнія, что Добрынинъ не измѣнникъ, а лишь своевольный человѣкъ, избравшій свою дорогу къ той же цѣли.

Я замѣтилъ, что Марія Федоровна въ сильномъ нервномъ возбужденіи и устала: нездорово-ярко блестѣли черные глаза, горѣли щеки и руки слегка дрожали, нервно перебирая бахромѣ плеча. Но тутъ же забывалъ про это. Мнѣ хотѣлось говорить безъ устали. Казалось, я вѣкъ ни съ кѣмъ не говорилъ, одичалъ, усталъ молчать, усталъ жить изо дня въ день нѣмо и темно. Не знаю, почему я все время забывалъ, что она больная, пострадавшая, подобно Розенкирху, Фонаревой, Арабскому. Вѣроятно, потому, что она сама о тюрьмѣ, больницѣ, о своихъ страданіяхъ ни словомъ не обмолвилась, не высказывала сужденій на основаніи личныхъ бѣдствій (какъ большинство людей); и слова ея, мысли ея, все въ ней казалось мнѣ поэтому значительнымъ и отдохновительно - безкорыстнымъ.

Мы заговорили объ удручающихъ извѣстіяхъ съ юга. Я разсказалъ о разгромѣ нашихъ частей за Волгой, о чемъ въ Москвѣ еще не знали, потому что Петербургъ оповѣщала бѣлая агентура, минуя московскій центръ, прямо черезъ Вологду. Я хотѣлъ еще сказать о нелѣпой докладной запискѣ генерала Дудковского и не знаю, когда бы опомнился, если бы въ сосѣднюю комнату не вошла Обручева.

— Вы бы прилегли, Марія Федоровна, — наставительно проговорила она. — Онѣ и всего-то второй день какъ съ постели: слабы очень, — обратилась она ко мнѣ.

— Я не зналъ, не подумалъ... — виновато спохватился я.

— И гдѣ жъ силамъ-то быть? Питаніе-то какое! Одно пшено.

— Надинька... — остановила ее Марія Федоровна.

— Да я съ ними по-просту, — дѣловито продолжала Надинька, — ежели, можетъ быть, у нихъ «рука» есть, такъ карточку бы больничную поскорѣй, а то мужъ ходилъ-ходилъ — не выдаютъ, а по городской — одно пшено.

— Я достану. Непремѣнно. Я постараюсь... — самъ не зная точно, за что берусь, проговорилъ я.

— Ужъ, пожалуйста, постарайтесь. — И снявъ съ гвоздя какія-то юбки, Надинька вышла изъ комнаты, довольно шумно-небрежно затворивъ за собою дверь.

— Имъ очень трудно, они дѣлаютъ сверхъ силъ... — шопотомъ пояснила Марія Федоровна. — Я знаю, я ихъ очень стѣсняю. Вотъ оттого тоже скорѣй бы уѣхать.

Я взглянулъ на ея лихорадочные глаза и подумалъ, что до отъѣзда далеко.

— Если — въ тягость, вамъ здѣсь не надо оставаться. Я могу у знакомыхъ устроить, они благодарны будутъ, потому что инспекціи боятся, и комната пустая. Ихъ фамилія — Ловчины. Вы увидите, какъ вамъ будетъ хорошо. Намъ скоро въ Петербургъ все равно не вернуться...

Я сказалъ «намъ» и смутился, такъ ново прозвучало это слово.

— Но вѣдь чужой человѣкъ сейчасъ особенно въ тягость. Надинькѣ, если и въ тягость, то вѣдь ей я все-таки «своя». Мы всю войну вмѣстѣ были, а тамъ, у друзей вашихъ... — озабоченно возразила Марія Федоровна.

— Нѣтъ-нѣтъ, я почти ручаюсь. Я сейчасъ же переговорю, а завтра приду сказать.

Я всталъ.

— Вамъ много труда стоило разыскать меня. Не знаю, какъ васъ и благодарить... словъ не знаю... — взволнованно проговорила она и, помолчавъ, прибавила: — я думаю, васъ Богъ послалъ...

Она хотѣла сказать еще что-то — и не могла. «Надо

о другомъ, чтобы не волновалась...» Но о другомъ — не нашелся. Опять, какъ давеча, я увидалъ — не только глазами, а, казалось, всѣмъ сердцемъ, — весенній свѣтъ и Марію Федоровну незнакомую, новую, какой она стала. И не было во всемъ существѣ моемъ въ ту минуту ни тревоги, ни страданья, — одна сердечная теплота: къ ней, къ себѣ, къ бѣдности, въ которой встрѣтились, къ безпомощности, въ которой пребывали... Я знавалъ когда-то — кажется, въ раннемъ дѣтствѣ — это же состояніе чудесной безстрашной слабости, но забылъ, зажилъ его годами, великими своими неудачами.

— Такъ я приду опять.. если можно, если вы къ Ловчинымъ согласны?

Марія Федоровна молча наклонила голову и протянула руку. Я руки не поцѣловалъ, не пожалъ — едва коснулся. Все равно, ни одинъ жестъ, ни слово, ни восклицаніе не могли бы выразить того, что во мнѣ было. Я, кажется, едва поднялъ глаза на нее, поклонился и пошелъ къ двери, — лишь на порогъ оглянулся.

Марія Федоровна пристально-удивленно смотрѣла мнѣ вслѣдъ, точно въ недоумѣніи вопрошала себя о чемъ-то...

— Какая сегодня на дворѣ весна! — съ несмѣлымъ восхищеніемъ воскликнулъ я. — Если бы вы видѣли! Въ такой же день, пять лѣтъ тому назадъ, мы отбросили австрійцевъ и вошли въ городъ со знаменами...

— Завтра Благовѣщенье, — тихо проговорила Марія Федоровна.

ГЛАВА XVII.

Моей просьбѣ пріютить Марію Федоровну Ловчины обрадовались. Рѣшено было устроить ее въ моей комнатѣ (возлѣ кухни), а меня перевести въ нетопленную гостиную. (Я увѣрялъ, что холода не боюсь).

Я опять сбѣгалъ къ Обручевымъ, но Марія Федоровна спала, а тревожить ее Надинька не посмѣла. Я оставилъ записку, а вечеромъ Марія Федоровна прислала Надю — благодарить.

Съ той простодушной дѣловитостью, съ которой люди тогда принимали всякую пользу-выгоду, ничуть своей корысти не стѣсняясь, разбитная Надинька, съ явнымъ удовольствіемъ доказывала намъ, что Маріи Федоровнѣ полный расчетъ переѣхать завтра, хоть съ ранняго утра, да вотъ заминка — извозчикъ Яковъ.

Когда громили усадьбу подъ Химками, Яковъ угналъ призового коня и господскую пролетку и теперь промышляетъ извозомъ. Какъ заскучаетъ — приходитъ ночевать къ обойщиковой женѣ, что живетъ въ ихъ домѣ. Самого же обойщика въ красную армію осенью забрали. Якова ожидаютъ въ концѣ недѣли, тогда обойщица и уговорить-умолить перевезти Марію Федоровну по божеской цѣнѣ.

Я заикнулся о помощи, но Надинька нахмурилась и сказала, что Марія Федоровна не велѣла про Якова и поминать.

Такъ и остался переѣздъ безусловленнымъ.

Вѣроятно, именно потому, что онъ былъ не условленнымъ, я его очень хорошо запомнилъ.

Это было въ сумерки, въ тотъ хмурый часъ, когда уже такъ темно, что ни писать, ни читать нельзя, и слишкомъ еще свѣтло, чтобы зажечь драгоценные огарки. Настасья Прокофьевна попросила наколоть ей растопокъ, и я стучалъ топорикомъ въ секретарской на всю квартиру, а она рылась въ шкапахъ за моей спиной.

У меня съ Настасьей Прокофьевной съ первыхъ же дней нашелся общій языкъ. Не то своимъ материнскимъ попечительствомъ она меня къ себѣ расположила, не то своей бодрой предприимчивостью, — но только съ ней мнѣ было легко, легче, чѣмъ съ Ловчинымъ.

Дома Ловчинъ бывалъ мало. Съ утра уѣзжалъ на другой конецъ города къ пріятелю, адвокату Штурму, для обсужденія своихъ юридическихъ проектовъ, подолгу пропадалъ въ библіотекахъ, въ Румянцевскомъ музеѣ, у Шанявскаго — вообще съ глазу на глазъ съ женой ему, кажется, было не по себѣ; чувствовалось, что они съ Настасьей Прокофьевной по-разному русскую бѣду терпятъ и понимаютъ, и это несогласіе его гнететъ и раздражаетъ. Раза два вечеромъ онъ звалъ меня къ чаю и начиналъ со мною долгіе разговоры, послѣ которыхъ я до глубокой ночи ворочался и вздыхалъ. Говорилъ онъ о томъ, чего я еще не продумалъ, или не зналъ вовсе: о новыхъ идеяхъ въ международномъ правѣ, о возможности мирнаго уничтоженія классовъ, объ эволюціи собственности, о смыслѣ русской катастрофы для реформы ученія объ обществѣ... Уже осенью, при встрѣчѣ съ Федоромъ Федоровичемъ, я свою умственную бѣдность болѣзненно ощутилъ; теперь, думая о пріѣздѣ Маріи Федоровны, я не переставалъ ею мучиться.

Это за послѣдніе годы со мной случилось, что я сталъ предпочитать встрѣчи съ людьми попроще, съ безобидными, удобными, нетребовательными, которые бы меня

не критиковали, не утруждали мысли, принимали безоговорочно. (Поэтому я охотнѣе общался съ женщинами). Я искалъ одного: лишь бы люди ко мнѣ подобрѣе относились — съ теплотой, жалостливо, съ участливостью — большаго я и не добивался, и лишь теперь понялъ, что я чужою бѣдностью бѣднѣлъ.

Съ Настасьей Прокофьевной, съ Варварой (я съ ней по утрамъ чай пить вздумалъ, хотя и ни къ чему, конечно, я это съ прислугой затѣялъ) мнѣ было легче. И сейчасъ, въ сумеркахъ, я даже съ интересомъ слушалъ, что мнѣ Настасья Прокофьевна о домовыхъ жильцахъ, о дровахъ и продуктахъ рассказывала.

Тутъ вдругъ Варвара и объявила, что «женщина съ Мѣщанской жилищу привезла».

Я вскочилъ и побѣжалъ черезъ холодныя, пустыя комнаты, сквозь сумракъ, въ которомъ едва-едва свѣтлѣли высокія окна.

Въ кухнѣ, совсѣмъ уже темной, на плитѣ горѣла свѣчка. Посреди комнаты, подъ бѣлымъ кружкомъ стекляннаго колпачка, стояла Марія Федоровна. Въ углу, нагнувшись надъ поклажей, копошилась Надька. Кухня... свѣча... Марія Федоровна въ темнотѣ подъ лампой... Что-то забытое прозмѣнилось въ памяти... Старое вернулось въ жизнь по-новому, точно умѣлая рука безслѣдно стерла чужой плохой рисунокъ и нарисовала его вновь уже по-своему.

Слѣдомъ за мной вошли Настасья Прокофьевна и Варвара. Женщины заговорили, хлопотали и повели Марию Федоровну въ приготовленную ей комнату. Слегка растерянная отъ новизны обстановки, отъ болтовни, она смущенно благодарила. Я помогъ ей снять ботинки, шубу (эти вещи я на вокзалъ когда-то принесъ), и былъ радъ, что на людяхъ разговаривать намъ почти не приходилось. Когда Надька убѣжала разсчитываться съ Яковымъ, а Настасья Прокофьевна и Варвара хватились чего-то и вышли, мы остались съ ней одни, и я этого испугался.

— Какъ здѣсь хорошо... и какъ тепло! — радовалась Марія Федоровна, оглядывая комнату.

Она, видимо, хотѣла поблагодарить меня, зная, что всѣмъ обязана только мнѣ, но ничего не сказала, а лишь подняла на меня глаза и вдругъ смутилась. Я тоже былъ взволнованъ и растерянъ. Къ счастью, тутъ ворвалась Надинька.

Съ этого смущенія наша жизнь у Ловчиныхъ и началась, точно оно было намъ дано, чтобы мы чувствовали, какъ мы далеки отъ живой, настоящей близости. Весь вечеръ прошелъ въ суетѣ и въ мучительныхъ усиліяхъ найти съ Маріей Федоровной надлежащій тонъ. Присутствіе хлопотуньи Настасьи Прокофьевны облегчало наше трудное положеніе. Признаюсь, я былъ радъ, когда вечеръ кончился.

Нелегко возстановить теченіе московскихъ дней. Это былъ періодъ для меня очень трудный.

Жизнь обывателей въ Москвѣ не отличалась отъ петербургской. Та же нужда, страхъ, и та же затаенность зла во всемъ городѣ, во всѣхъ его углахъ, въ самой тишинѣ улицъ. Это не была тишина мирной пустынности, безлюдья, а та, въ которой отъ вѣка и до вѣка были и будутъ свершаться всѣ злодѣйства. Сумасшедшая озабоченность обывателей о кровѣ, о пропитаніи, была и въ Москвѣ средствомъ не понимать того, что происходитъ. Можетъ быть, живи я въ Москвѣ, и я, какъ всѣ, не смогъ бы опомниться, но мое положеніе командированнаго въ центръ, причастнаго правительственному учрежденію лица, было особое. Въ центральномъ Управленіи внѣ вручили продовольствіе (много сытныхъ продуктовъ), а Сонина бумажка оказалась и здѣсь «разрывъ травой»: по ней мнѣ выдали, немного поморщившись, талонъ на дрова и жилищный ордеръ на комнату.

По Кузовлевскимъ дѣламъ мнѣ приходилось бѣгать съ утра до вечера. Положеніе оказалось запутаннымъ.

Куда я по начальству ни обращался, — а обошелъ я пять-шесть учреждений — всюду говорили: не туда. Наконецъ, меня отправили въ военный комиссаріатъ, а тутъ напугавшая Кузовлева гроза оказалась бумажной: едва отыскалось лицо, которое про дѣло знало. Мнѣ дали понять, что пропавшіе со складовъ бочки квашеной капусты, керосинъ и солдатское сукно... касаются Гороховой, но лишь особоуполномоченное лицо въ военномъ комиссаріатѣ можетъ дать такое заключеніе. Явно, кто-то, все-сильный, не хотѣлъ давать ходъ дѣлу, и оно застряло преднамѣренно въ завѣдомо неправомочной инстанціи. Мнѣ только намекнули, чтобы Кузовлевъ постарался достать какъ можно больше оправдательныхъ документовъ. Я понялъ, что въ центрѣ не очень настаивали на ихъ подлинности.

Но сколько пришлось мнѣ потратить терпѣнія и времени, чтобы это выяснить! Сколько часовъ ожиданія въ пріемныхъ, переговоровъ, письменныхъ заявленій и анкетъ! И сколько я увидалъ новаго!

Разграбленные купеческіе особняки, превращенные въ присутственныя мѣста, заплеванныя канцеляріи, обставленныя наворованной стильной мебелью, банки, отданныя подъ склады награбленныхъ вещей, тучи служащихъ... Ими кишѣли лѣстницы, коридоры, пріемныя, канцеляріи... Секретарши, контролеры, солдаты охраны, курьеры, сторожа-сторожихи, телефонисты... — всѣ бѣгали, суетились, командовали. Заливались телефоны, трещали пишущія машинки, хлопали двери... Я подолгу просиживалъ въ этой толчеѣ, на сквознякахъ, въ смрадѣ людской нечистоплотной тѣсноты, дивясь, какъ люди узнавали, кто кому власть, дивясь и тому, какъ вся орава служащихъ по-пчелиному что-то исполняла, кому-то повиновалась и, какъ пчелы — матку, берегла свое начальство, зачастую просто какого-нибудь шустрого парня, сидѣвшаго въ нѣдрахъ учрежденія подъ двойной-тройной охраной, вся

сила котораго лишь въ томъ и заключалась, что онъ былъ «свой».

Но мои томительные дни оканчивались встрѣчей съ Маріей Федоровной — это было главное. Я спѣшилъ домой въ лютый вѣтеръ, въ изморось, никогда не дожидаясь трамвая. Наша жизнь у Ловчиныхъ наладилась съ той быстротой, которую создаетъ необходимость. У чужихъ людей — въ голодъ, въ смуту, въ семейную бѣду можно жить лишь при условіи ничѣмъ никогда ихъ не стѣснять, и мы съ Маріей Федоровной, не сговариваясь, это поняли. Само собой вышло (въ жизни все живое само собой), что мы ничѣмъ не затрудняли Варвару, что я топилъ Маріи Федоровнѣ печку, стоялъ для нея въ очередяхъ, а она ждала моего возвращенія, нашей скудной совмѣстной трапезой стараясь отвѣтить на мою заботливость. И уже совсѣмъ само собой сложилось у окружающихъ убѣжденіе, что другъ другу мы помогаемъ неспроста.

Настасья Прокофьевна отнеслась къ Маріи Федоровнѣ привѣтливо, но, угадавъ женскимъ чутьемъ нѣчто про мою тайну, осторожно обмолвилась:

— На цыганку она похожа, да и не молоденькая, какъ будто... — и матерински предостерегала: — скоро старатся онѣ и счастья, говорить, не дають.

Константинъ Андреевичъ мелькомъ освѣдомился, кто она, давно ли знакомы, но, заставъ Марію Федоровну на кухнѣ, лишь поздоровался: кажется, ему былъ сейчасъ тягостенъ всякій незнакомый человѣкъ.

Мы съ Маріей Федоровной очень скоро догадались, что въ домѣ Ловчиныхъ скрытая и сложная драма. Выбивалась она наружу раздраженными восклицаніями Константина Андреевича, которыя иногда до насъ доносились, неестественно-покорной молчаливостью Настасьи Прокофьевны, подчасъ краткими, но горячими вспышками спорами между супругами. Казалось, сейчасъ развязывает-

ся давно и крѣпко затянутый узелъ, который, не будь всенародной бѣды, быть можетъ, никогда бы не развязался.

Ловчинъ съ полуприкрытой обидой относился къ женѣ, точно она была виновата во всемъ. Кажется, онъ терзался тѣмъ, что Настасья Прокофьевна среди ужасовъ революціи обрѣла себя, потерянную, увядшую за долгіе скучные годы брака, и расцвѣла душою опять по молодому, но уже не для него,

Въ отсутствіе мужа къ Настасьѣ Прокофьевнѣ постоянно кто-нибудь приходилъ: женщины, похожія на прислугъ, мужики, дѣти, солдаты, какія-то старухи, причтъ церковный. Приходили часто пѣвчіе-любители изъ сосѣдней церкви на спѣвку, и она запирала ихъ въ дальнюю комнату, чтобы не мѣшали. За дверью Варвариной комнаты (дальше посѣтителей не пускали) слышались голоса, тамъ всегда что-то обсуждали, кого-то кормили, поили, отогрѣвали. Настасья Прокофьевна ничего не боялась (совсѣмъ какъ фонаревскіе гости), говорила обо всемъ съ большой смѣлостью. Она жадно читала газеты, вѣрила всему въ нихъ хорошему: про справедливость, просвѣщеніе, про новое хозяйство, и читала Ленина, какъ освободителя, совсѣмъ такъ же, какъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, вѣроятно, ея дѣдъ-бабка — Александра второго. Это не мѣшало ей бѣгать по церквамъ на патріаршія службы, любить крестные ходы и зачастую бывать у ранней обѣдни. Среди всей этой оравы земляковъ, кумовьевъ, сосѣдокъ, прирѣваемыхъ, крестниковъ и всякаго пришлаго люда она жила дѣятельно, свободно и легко. Хотя ея лицо и хранило обычно выраженіе озабоченности, все же мнѣ случалось замѣчать, что оно иногда свѣтлѣло улыбкой, стоило ей услышать про какія-нибудь успѣшныя житейскія хлопоты, про хорошую перемену въ темной мужичьей долѣ. По видимому, несмотря на разладъ съ Константиномъ Андреевичемъ, на всѣ ужасы кругомъ, которыми она не мог-

ла не мучиться, она въ глубинѣ души чему-то радовалась и торжествовала.

Константинъ Андреевичъ тоже хлопоталъ, съ кѣмъ-то встрѣчался и отъ усердной дѣловитости впадалъ даже въ физическую нечистоплотность, но мнѣ эта занятость казалась маниакально преувеличенной. Онъ хватался, какъ утопающій за соломинку, за проектъ Новаго Гражданскаго Уложенія, за кремлевскихъ визитеровъ, даже за меня, скромнаго слушателя его философскихъ и юридическихъ разсужденій, лишь бы сохранить способность жить умственными интересами. Народная темнота, этотъ тяжелый, сермяжный духъ простонародья, обволакивалъ всѣхъ насъ. Къ Константину Андреевичу, благодаря женѣ, онъ вползалъ въ самыя комнаты, разстилался по всѣмъ угламъ, отравлялъ, кажется, самое его дыханіе...

Мы съ Маріей Федоровной оказались невольными соглядатаями этой драмы и старались держать себя какъ можно незамѣтнѣй; къ тому же я былъ такъ поглощенъ хлопотами и личными переживаніями, что, по правдѣ говоря, сострадать хозяевамъ нашимъ все равно не могъ бы.

Мои отношенія съ Маріей Федоровной стали очень сложными. Въ нихъ было больше боли, чѣмъ радости. Я никакъ не могъ примириться съ мыслью, что мы связаны только внѣшне, что я — лишній, чужой, ненужный, лишь житейски полезный человѣкъ. Я жилъ въ смущеніи, въ душевной замкнутости, въ одиночествѣ, а нѣжность моя къ Маріи Федоровнѣ, несмотря на боль, была все та же. Я въ волненіи переступалъ порогъ ея комнаты, зная, что увижу ее въ углу, у стола, на которомъ горитъ желто и тепло низкая керосиновая лампа подъ безобразнымъ абажуромъ, который я самъ склеилъ изъ газеты. Какъ все западало въ мою настороженную, живую память! Мнѣ дорога и нужна была всякая мелочь: знакомый силуэтъ на освѣщенной, желтой стѣнѣ, синій пледъ, мелькнувшія подъ лампой руки безъ колець, книжки на столѣ... Я любилъ самое ощущение

ніе присутствія Маріи Федоровны въ комнатѣ, въ домѣ, въ Москвѣ, ея неувѣренный послѣ болѣзни легкій шагъ, ея тихій голосъ...

Отношеніе ко мнѣ Маріи Федоровны было для меня не безразлично, но оно не радовало. Ея вниманіе, ея удивленіе, похожее на любопытство, съ которымъ она часто меня встрѣчала, ея порывисто-горячая признательность за всякую услугу (всегда точно спохватившись), пристально-недоумѣнный взглядъ — все это говорило лишь о томъ, что она не можетъ понять моихъ заботъ. Въ моей искренности она не сомнѣвалась, это я чувствовалъ, но чувствовалъ также, что она тяготится и мучается, что неблагодарна.

Такъ мы и тревожили другъ друга непобѣжденной разобщенностью, зіявшей между нами пустотой.

Но именно въ эти дни, больше этого — благодаря этимъ днямъ, когда между нами было совсѣмъ «не то», «не такъ», я сталъ тосковать по невѣроятному, невообразимому чувству. (Я былъ увѣренъ тогда, что только по чувству). Тоска находила на меня послѣ проведеннаго съ Маріей Федоровной вечера, когда я, потушивъ огонь, оставался одинъ, когда шелъ по зловѣще-пустыннымъ московскимъ улицамъ, или изнывалъ въ комиссаріатскихъ пріемныхъ... Безъ этого испытанія отчужденностью я и томленія близости никогда бы съ такою силою не позналъ. О любви обычной, хоть самой поэтической, самой романтичной — развѣ я о ней думалъ? Но любви еще неизвѣданной, невообразимой даже, для меня, быть можетъ, недоступной, — я теперь желалъ горячо и вдохновенно. Почему я немыслимой ее вообразилъ? Тогда я и самъ не зналъ, на какой даръ душа моя посягала...

Эта устремленность къ откровенію началась еще въ Петербургѣ. Вѣдь съ той ночи я Его, Воскресшаго, не забывалъ, — вспоминалъ, то съ сердечной теплотой, совсѣмъ какъ Володю въ первый годъ послѣ смерти, то съ не-

обыкновенной живостью, какъ въ церкви въ минуту признанья. Не разъ спрашивалъ себя: «не вѣра ли это?» — и тутъ же говорилъ себѣ — «нѣтъ, не вѣра...» Если бы — она, я бы молиться Ему сталъ. Но я не молился, а лишь горячо желалъ, чтобы Онъ — былъ, какъ я о Немъ читалъ, а я — въ тѣснѣйшей съ Нимъ близости, непременно въ тѣснѣйшей, какъ тѣ, что Ему опасной ночью такъ обрадовались...

Конечно, это была вѣра, но я думалъ, что она у всѣхъ въ однѣ и тѣ же формы облекается, а потому мои странныя отношенія къ Нему не казались мнѣ вѣрой; скорѣе — мечтой. Люди склонны мечтать отъ тяготы существованья, отъ страха жизни, отъ душевной бѣдности. Это я зналъ по себѣ, зналъ и то, что мечтанье, какъ вино, опьяняя душу, въ конецъ ее измучиваетъ своей волшебной пустотой. Правда, я ни разу не почувствовалъ Его фантастичности, можетъ быть, потому, что Володя всегда вспоминался, точно съ Нимъ рядомъ стоялъ во свидѣтельство реальности. Но разумъ пугалъ сомнѣніями мою неосознающую себя вѣру.

Я и въ дорогу коричневую книжку взялъ: въ чистую рубашку завернулъ и на днѣ мѣшка провезъ; въ Москвѣ я ее иногда читалъ. Въ церкви же московскія не заходилъ. Это ничего, я Его и такъ помнилъ.

Да, изъ живой памяти о Немъ и возникло мое томленіе о невѣдомой любви...

Но это томленіе не могло измѣнить нашихъ взаимоотношеній съ Маріей Федоровной. Люди безсильны преодолѣть разъединяющую ихъ пустоту и не могутъ сами вызвать къ жизни ни одного движенія сердца. Зато таинственная случайность можетъ сблизить души такъ, какъ не сближаютъ ни время, ни искренность желанья.

Въ тотъ день мы съ Маріей Федоровной были дома одни. Настасья Прокофьевна съ Варварой уѣхали въ Бутово за продуктами. Константинъ Андреевичъ, какъ всег-

да, исчезъ съ утра. Я разбирался въ паккѣ оправдательныхъ документовъ, которую мнѣ спѣшно выслалъ Кузовлевъ.

На кухнѣ тихо звякнулъ колокольчикъ. Какъ мы боялись всякихъ стуковъ, звонковъ, колокольчиковъ! Съ какимъ волненіемъ шли отпирать двери! Я тоже въ тревогѣ побѣжалъ на кухню, но за дверью оказался не кто-то грозный, грубый и грязный, а тонкій, блѣдный, очень красивый мальчикъ, лѣтъ пяти-шести, въ большой мѣховой шапкѣ, въ поношенныхъ ботинкахъ, въ шубкѣ, изъ которой онъ такъ выросъ, что видны были его круглыя дѣтскія колѣни, а рукава смѣшно и жалобно лѣзли вверхъ. Серьезное выраженіе темноглазаго лица, вьющіеся пепельные волосы, поношенная, когда-то нарядная, одежда... Онъ былъ похожъ на обнищавшаго маленькаго принца.

— Что тебѣ? — удивленно спросилъ я.

— Мой папа меня къ Маріи Федоровнѣ прислалъ...
— тонкимъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Такъ войди, войди же, не бойся. Я ей сейчасъ скажу, вотъ тутъ у окна посиди, — и я подвинулъ табуретку.

«Новые аресты? Предупредить прислали? Теперь часто посылаютъ дѣтей для предупрежденій....» встревожился я. Но прежде, чѣмъ успѣлъ постучать, позвать Марію Федоровну — открылась дверь и она вошла.

Услыхала ли свое имя, или дѣтскій голосъ — не знаю, но пришла безъ зова, точно о чемъ-то догадалась. Увидавъ мальчика, остановилась въ глубокомъ изумленіи.

— Павликъ!.. — испуганно воскликнула она.

Павликъ соскочилъ съ табуретки и недоумѣвая, такъ, какъ дѣти смотрятъ на чужихъ, глядѣлъ на нее.

Марія Федоровна быстро подошла къ нему, съ порывистой ласковостью взяла его за руки и, не цѣлуя, — не рѣшаясь, быть можетъ, поцѣловать, словно не смѣя при-

коснуться къ его прелестному лицу, къ легкимъ, вьющимся, какъ у куклы, волосамъ, — горестно и восхищенно глядѣла на него.

— Павликъ... Павликъ... — волнуясь и не имѣя силъ овладѣть волненіемъ, тихо повторяла она. — Какъ ты пришелъ меня? Какъ ты попалъ сюда, Павликъ?

— Меня папа прислалъ, мы съ папой на трамваѣ пріѣхали... — весь красный отъ застѣнчивости и усилій быть смѣлымъ проговорилъ мальчикъ.

Марія Федоровна безпомощно опустила руки. Ея лица я не видѣлъ, но во всей позѣ, въ трепетномъ движеніи, которымъ она ухватила руку за край стола, было изнеможеніе.

— Ты пришелъ сказать мнѣ что-нибудь? — едва внятно спросила она.

— Папа къ намъ съ войны вернулся, — уже освоившись, отчетливой скороговоркой объявилъ Павликъ.

— Ты радъ? — такъ же тихо спросила она.

— Радъ.

— Ты ждалъ его?

— Ждалъ... — протянулъ мальчикъ и, помолчавъ, пожаловался: — У папы саблю украли, а Георгій...

Марія Федоровна не дала ему докончить.

— Скажи дома, скажи... я рада, что хорошо... очень хорошо, что вы опять вмѣстѣ... всѣ вмѣстѣ, — неестественно звонко, торопясь и не находя словъ, проговорила она. — Ты понялъ?.. Ты не забудешь? Ты скажешь?

Павликъ стоялъ передъ ней въ энергичной позѣ, слегка отставивъ маленькую ногу въ неуклюжемъ ботикѣ, и внимательно смотрѣлъ на нее серьезными, невинными глазами. Марія Федоровна пыталась спросить, сказать что-то простое, дѣтское, что говорятъ дѣтямъ взрослые при встрѣчахъ, но сейчасъ же замолкла. И какъ раньше, не цѣлуя, не обнимая, лишь съ грустью и любованіемъ все глядѣла на него.

— Иди, иди домой, Павликъ... — вдругъ торопливо и едва сдерживая слезы, сказала она, — тебя ждутъ, о тебѣ беспокоятся, иди скорѣй... прощай...

Она довела его до лѣстницы, смотрѣла вслѣдъ, пока онъ спускался, безшумно притворила дверь и, не то въ задумчивости, не то въ оцѣпенѣніи, стояла у порога, закрывъ лицо руками...

Не знаю, откуда въ ту минуту у меня появилось дерзновеніе — вѣрный, какъ безупречно чистый музыкальный тонъ, волевой порывъ.

Я не оставилъ ее одну — увелъ въ комнаты. Въ не-топленной кухнѣ она озябла до озноба. Я отыскалъ завалившуюся за кресло теплую шаль и сталъ раздувать тлѣющія въ печи полѣнья. Я ничего не говорилъ, не утѣшалъ, не спрашивалъ, старался даже не глядѣть на нее.

«Она отдала Добрынина семьѣ, какъ возвращаютъ похищенное», суетясь у печки, размышлялъ я.

Кругомъ плыла томительная тишина, — молчаніе пустой квартиры въ хмурый день. Притаилось все: домъ, дворъ, нашъ грустный, грязный Ваганьковскій, и мы съ Маріей Федоровной, въ чужой людской, въ чужомъ городѣ, въ нѣмотѣ людской отчужденности.

Не знаю, долго ли это продолжалось, — достаточно, чтобы вновь разогрѣлись дрова, тогда я всталъ и хотѣлъ уйти.

— Алексѣй Павловичъ...

Что-то довѣрчивое было въ ея возгласѣ, въ вопрошающе поднятыхъ на меня глазахъ. Я взглянулъ на нее, и предчувствіе далекой, настоящей радости преисполнило мое тающее отъ состраданья сердце.

— Я знаю все про васъ, — тихо сказалъ я, — еще въ Петербургѣ зналъ. Федоръ Федоровичъ мнѣ говорилъ, и сейчасъ я все слышалъ, что вы мальчику сказали.

Марія Федоровна не смутилась, но опустила глаза.

Мы молчали.

— Многимъ изъ насъ надо что-то въ себѣ восстано-
вить, въ своей жизни поправить, — продолжалъ я. — Я
и самъ своей души не узнаю больше.

— Вы себя не узнаете? — недовѣрчиво переспроси-
ла она. — При вашемъ безкорыстїи?

— Я въ Москву не безкорыстно прїѣхалъ, впрочемъ,
и не по мотивамъ обыкновенной корыстной лирики, —
сдержанно, даже сухо, замѣтилъ я. — Когда осенью я
васъ на площади у вокзала увидалъ, я что-то загублен-
ное въ себѣ почувялъ. Я тоже когда-то могъ, какъ вы,
очень глубоко чувствовать, но за эти годы все утратилъ,
словно имя свое забылъ, а вы вашей душевной силой мнѣ
память о самомъ себѣ восстановили.

— Какой силой? Что вы говорите! — ужаснулась она.

— Объ этомъ нельзя спорить. Это такъ лично — вос-
прїятїе переживанїй другого человѣка, — уклончиво ска-
заль я — А вотъ, по-моему, неоспоримо: революція на-
чалась на улицахъ, а кончится въ сердцахъ, иначе почему
бы у многихъ такой же душевный кризисъ...

— Вы тоже надъ этимъ думали? — встрепенувшись
и оживая отъ теплоты созвучїя нашихъ мыслей, перебила
Марїя Федоровна.

— Да, думалъ. Стать инымъ, чѣмъ ты есть, этого нѣ-
которые люди сейчасъ хотятъ, но для себя, не для народа.
Я разлюбилъ его. Я о спасенїи Россїи не думаю больше.

Марїя Федоровна не спорила, не возражала, лишь
удивленно взглянула на меня.

— Въ вашихъ словахъ что-то смутное... — мягко
упрекнула она. — Вы хотите съ собой что-то хорошее
сдѣлать, то есть, сознаете себя плохимъ и, какъ будто,
сознаете себя хорошимъ, но хотите всѣхъ оставить пло-
хими.

Я самъ почувствовалъ, что мои мысли нечетки.

— Я говорилъ только о личномъ... Простите, такъ

несвоевременно. Можетъ быть, о личномъ сейчасъ, въ такую минуту, вамъ и не надо было...

— Нѣтъ, надо, — убѣжденно сказала Марія Федоровна. — Это не важно, что я васъ не совѣмъ поняла, но важно, что побуждаетъ васъ объ этомъ думать. Объ этомъ сейчасъ такъ мало думаютъ, больше хлопочутъ о союзникахъ. Федя научилъ меня быть вамъ благодарной, но я не знала, не могла знать — и какъ я могла знать? — что мы съ вами на одной тропѣ.

Мнѣ опять вспомнилось ея свиданіе въ больницѣ съ матерью Розенкирха. «Она-то свою тропу знаетъ, а я?»

— Все такъ спутано, такъ неопредѣленно. Я и самъ не знаю, куда тропа моя ведетъ... — угрюмо пробормоталъ я.

— Вы вѣрите въ Бога... во Христа вѣрите? — тихо спросила Марія Федоровна.

— Я лишь недавно Его узналъ... — съ мучительнымъ усиленіемъ надъ собою, помолчавъ, признался я.

— Какъ вы странно сказали: «узналъ»...

— Я не хочу говорить: «увѣровалъ». Я вѣры не понимаю, можетъ быть, слова этого не хочу, потому что, по-моему, можно «увѣровать» и не «узнать». Надо совѣмъ другое слово, если «узнаешь».

— Онъ васъ научилъ всему, что вы сегодня сказали?

— Нѣтъ... не знаю... нѣтъ, это совѣмъ не то, — проще какъ-то. Онъ лучшій изъ всѣхъ, кого я когда-либо моимъ человѣческимъ воображеніемъ воображалъ, и реаленъ. Когда думаешь о Немъ, хочется близости съ Нимъ, какъ въ жизни съ человѣкомъ, къ которому влечетъ; только съ Нимъ она невообразима. Я думаю, должны какія-то силы и свойства открыться въ человѣкѣ для этой близости...

Марія Федоровна встала и осторожно отворила заслонку печи. Мнѣ показалось, что она была взволнована.

Въ печи уже давно бушевалъ огонь. Сейчасъ она

была полна пламенемъ, многоязыкимъ, золотымъ струеніемъ. Желто-розовые отблески упали на полъ, на Марію Федоровну, на складки ея платья, на протянутыя къ теплу руки. Мы молчали, и тишину нарушалъ лишь тихій гулъ вѣтра — золотое переливчатое волненіе огня.

— Вы Его любите... — не глядя на меня, проговорила Марія Федоровна.

«Какая же это любовь...», недовѣрчиво подумалъ я.

— Если «узнали», то уже и полюбили. Это и есть подлинное откровеніе вѣры...

Я хотѣлъ объяснить ей что-то самому мнѣ неясное про вѣру и еще про что-то, но тутъ разомъ все кончилось. Послышались шумъ и голоса: Настасья Прокофьевна и Варвара вернулись изъ Бутова.

Онѣ ввалились съ узлами, мѣшками, усталыя, обвѣтренныя, пропахнувшія прѣлью. Началось хлопанье дверями, возня у плиты, самоварный угаръ, развѣска продуктовъ и рассказы о заградительныхъ отрядахъ, о тѣснотѣ въ вагонѣ, о благопріятныхъ случайностяхъ. Потомъ постучались въ квартиру пѣвчіе. Варвара вступила съ ними въ пререканія, ссылаясь на неурочный часъ (на дѣлѣ — изъ опасенія, что Константинъ Андреевичъ вернется, какъ обѣщаль, еще засвѣтло), но они не унимались. Регентъ-діаконъ увѣрялъ за дверью, что сегодня спѣвка — только: «Ныне силы небесныя...» и барышни умоляюще пищали, чтобы Настасья Прокофьевна впустила «хоть на полчаса». Она смилостивилась, и, топоча и перегоняя другъ друга, хоръ повалилъ въ шкапную.

Оглушенные шумомъ, голосами, крикливой бодростью вкругъ насъ, мы съ Маріей Федоровной разошлись по своимъ угламъ.

Пѣли они не полчаса, а до глубокихъ сумерекъ доносилось ихъ терпѣливо-доброевѣстное пѣніе съ переборами энергичныхъ окриковъ регента, съ многотрудно достигнутой въ концѣ стройностью.

Оно не мѣшало мнѣ заниматься, но работа моя не налаживалась. Да и какъ было выкинуть изъ головы все, о чемъ только что мы съ Маріей Федоровной говорили! А между тѣмъ на столѣ лежалъ ворохъ бумагъ. Еще утромъ пришла повѣстка, вызывавшая меня завтра въ инспекцію военнаго комиссаріата, гдѣ мнѣ предстояло защищать, или не защищать Кузовлева при передачѣ документовъ на разсмотрѣніе. Бумаги эти должны были оправдать много темныхъ дѣлъ... Онѣ, напримѣръ, свидѣтельствовали о томъ, что инвалидъ Анисимъ Голиковъ былъ уполномоченъ пригнать изъ Баку три цистерны керосина. Голиковъ застрѣлъ съ ними подъ Вышнимъ-Волочкомъ. Тутъ мѣстное населеніе произвело вооруженное нападеніе и выцѣдило керосинъ до капли. Пострадавшаго въ схваткѣ Голикова въ новыхъ увѣчьяхъ увезли въ вышневолоцкій госпиталь. Передо мной лежали всевозможныя постановленія, дознанія, свидѣтельства... удостовѣрившія правильность изложеннаго. На дѣлѣ было не такъ. Голиковъ (всѣмъ намъ въ Управленіи было извѣстно) вернулся цѣлехонекъ. Жаловался лишь на ушибы въ дракѣ съ председателемъ вышневолоцкаго совѣта, въ секцію же привезъ царскихъ денегъ столько, что всему президіуму досталось, и съ Москвой и съ Волочкомъ не безъ щедрости подѣлились.

Я давно понималъ, что помогаю ворами, но надъ соучастіемъ въ дѣятельности Управленія не задумывался. Отъ власти всякой, высшей и низшей, — все равно, несло духомъ преступленья. Кузовлевъ былъ не хуже другихъ. Я невольно помогалъ ему. Мы всѣ жили наперекоръ своимъ нравственнымъ понятіямъ. Но въ самомъ ядрѣ человѣческаго сознанія — въ совѣсти — мы разобшили себя съ нашими поработителями, признавъ себя и ихъ разнопородными. Какъ лошадь не отвѣчаетъ за дѣянія своего хозяина, такъ и мы невольно стали безотвѣтственными за зло въ странѣ съ той минуты, какъ согласились

раздѣлить судьбу безсловесныхъ. Я безропотно работалъ на Кузовлева, другіе — послушно несли съ кафедры всякій вздоръ, третьи — прикидывались передъ властями «своимъ человѣкомъ», но всѣ мы крѣпко вѣрили, что формально безсовѣстное, безсловесное наше существованіе — мучительство временное, и что, вопреки всему, мы продолжаемъ оставаться тѣми же честными людьми. Власти о страданіяхъ нашихъ не спрашивали. Мы про душу молчали. Молчалъ и я. Вѣроятно, долго бы промолчалъ, но когда сейчасъ сталъ просматривать бумаги, я вдругъ ощутилъ, что защищать завтра Кузовлева не въ состояніи, даже если бы захотѣлъ, даже если постараться. Не угрызения совѣсти, не стыдъ и не страхъ нашли на меня, а смертельная усталость. Кто не пережилъ этого изнеможенія совѣсти, тотъ никогда не повѣритъ, что она имѣетъ свой законъ энергіи и можетъ физически насъ обезсилить.

Я сгребъ бумаги и какъ попало запихалъ въ папку. Рѣшеніе я принялъ съ безповоротностью неизбѣжнаго: такъ ложится въ постель больной, потому что ноги уже его не держать.

«Снесу все въ комиссаріатъ и сдамъ секретарю подъ расписку», соображалъ я. «Уклониться отъ объясненій мнѣ легко. Я командированъ только для представленія документовъ отъ петроградской секціи отдѣла нетрудоспособныхъ гражданъ».

О томъ, какъ буду потомъ объясняться съ Кузовлевымъ, я не думалъ. Не думалъ и о томъ, хорошо ли, умно ли поступаю. Въ ту минуту иначе поступить я не могъ, точно кто-то лишилъ меня самой возможности невольнаго обмана. Потомъ я швырнулъ папку на диванъ и взглянулъ на часы. Только тутъ увидалъ, что поздно.

Пѣніе уже прекратилось, и сумерки сгустились до темноты. Въ коридорѣ, возлѣ моей двери, Настасья Прокофьевна вполголоса озабоченно разсуждала, почему Кон-

стантинъ Андреевичъ не вернулся засвѣтло, какъ обѣщаль.

— Двадцать лѣтъ съ нимъ живу — всегда, ужъ если скажетъ: «приду». никогда не обманеть...

— Да они, вѣрно, въ трамвай не попавши — пѣшкомъ идутъ, а можетъ, поврежденіе какое на линіи случилось, — притворно-хладнокровно успокаивала Варвара.

Но Настасья Прокофьевна тревожилась.

— Да, вѣдь, ужъ девятый часъ, Варварушка...

ГЛАВА XVIII.

Константинъ Андреевичъ не вернулся. Напрасно Настасья Прокофьевна ждала, сначала терпѣливо, потомъ нетерпѣливо и все болѣе и болѣе ужасаясь.

Я слышалъ, какъ женщины взволнованно переговаривались, какъ побѣжали къ сосѣдямъ телефонировать, а вернувшись, тревожно восклицали, что ничего не добились, и Варвара снова куда-то умчалась.

Мнѣ стало тоже не по себѣ, и я пошелъ къ Настасѣ Прокофьевнѣ.

Такой взволнованной я никогда еще ее не видѣлъ. Она была очень блѣдна, на лицѣ застыло выраженіе мучительнаго смятенія.

— Боюсь, съ Константиномъ Андреевичемъ не случилось ли чего-нибудь....

— Да что вы... просто запоздалъ, навѣрно, — стараясь своимъ удивленіемъ ее успокоить, сказалъ я.

— Вдругъ со Штурмомъ бѣда какая... тогда, вѣдь, и Константина Андреевича...

— Вы телефонировали?

— У Штурма на новой квартирѣ телефона нѣтъ, а у его брата трубку, вѣрно, сняли... — глухо проговорила она. — Варвара на Никитскую къ его падчерицѣ узнать побѣжала.

Варвара вернулась, но ничего не узнала, и тутъ часы зловѣще пробили десять.

— Лучше до утра подождать, — посоветовалъ я. —

Если Константинъ Алексѣвичъ не вернется, надо осторожно завтра справиться, но къ Штурму лучше не ходить — на засаду наскочишь.

— До утра? Что вы, Алеша! — горестно, упрекомъ воскликнула Настасья Прокофьевна. — Развѣ можно до утра! Никого я не боюсь. Если я врагъ, пусть и меня берутъ, а если нѣтъ, такъ я же за мужемъ своимъ пришла, и не посмѣтъ имъ мнѣ не повѣрить. Я — порукой, что не врагъ онъ, никогда имъ не былъ. Шубу, Варя!

Она проговорила эти слова горячо, съ вѣрой, со всей силой внезапно охватившей ее рѣшимости.

— Въ эдакую темень! Въ день-то какой! Господи... — ужасалась перепуганная Варвара. — Только ужъ и я съ вами, Настасья Прокофьевна!..

Я видѣлъ, какъ дрожащими руками Настасья Прокофьевна застегивала шубу, какъ не попадаютъ пуговицы въ петли, какъ она слегка задыхается отъ сердцебіенія.

«Если бѣда со Штурмомъ, Константинъ Андреевичъ попался...», быстро соображалъ я, — «и всякій, кто придетъ...»

За спиной слышались шаги.

— Что случилось? — участливо-испуганно спросила Марія Федоровна.

— Барина нѣту... — зашептала Варвара. — Настасья Прокофьевна хотятъ ихъ искать идти, да вѣдь въ Замоскворѣчье надо...

Мы стояли въ густомъ сумракѣ, въ тѣснотѣ шкаповъ, нагроможденныхъ сундуковъ и всякой лишней мебели. Темную тѣсноту едва освѣщало миганье маленькой лампы. Несмотря на полумракъ, лицо Маріи Федоровны я все же видѣлъ. Она смотрѣла прямо на меня, точно чего-то ждала и недоумѣвала: не то боялась моего рѣшенія, не то — что я на что-то не рѣшаюсь.

И я рѣшился. Въ томъ внезапномъ порывѣ къ безсознательно-вѣрному, который надежнѣе всякой обдуман-

ности, подошелъ къ Настасьѣ Прокофьевнѣ и взялъ ее за руку.

— Я провожу васъ, пусть Варвара остается.

— Что вы, что вы, Алеша, зачѣмъ же? — несмѣло проговорила она, отстраняя мою руку.

Но я уже бѣжалъ въ гостиную. Ощупью въ темнотѣ схватилъ куртку, папаху, бумажникъ.... «Съ документами и риску нѣтъ, а чуть что — телеграмму Сонѣ...» И, одѣваясь на ходу, побѣжалъ обратно.

Варвара съ лампой устремилась на лѣстницу. За ней спѣшила Настасья Прокофьевна. Марія Федоровна проводила насъ до двери. На одно мгновение мы остались съ ней на порогѣ одни, стояли въ полной тѣмѣ — уже не видѣли другъ друга.

— Если что со мной случится, телеграфируйте, пожалуйста.... (я назвалъ Соню и далъ адресъ).

Она изумленно повторила фамилію.

— Это жена... бывшая моя жена.

Когда мы вышли, былъ уже одиннадцатый часъ (ходить разрѣшалось до одиннадцати). Было темно и не повсеннему очень холодно. На Знаменкѣ попадались люди — кучки и пары — расходились, вѣрно, послѣ какого-нибудь собранія. Мы подошли къ Москвѣ-рѣкѣ, къ мосту. Тутъ было свѣтлѣе. Надъ Кремлемъ голубѣль-серебрился отсвѣтъ электрическихъ фонарей; кое-гдѣ вдали желтѣли огни. За мостомъ пошла путаница незнакомыхъ мнѣ улицъ.

Всю дорогу мы молчали. Говорить Настасья Прокофьевна не могла: вся сосредоточилась на томъ, чтобы дойти. Я хотѣлъ взять ее подъ руку, но она уклонилась: «нѣтъ-нѣтъ, Алеша, я одна... одной лучше» — и зашага-

ла съ такой неутомимой поспѣшностью, что, казалось, не только въ глушь Замоскворѣчья, но за десятки верстъ доидеть, не изнеможетъ.

«Вотъ такъ, навѣрно, съ образами во время пожара шла...», подумалъ я.

Кругомъ стояла та тишина, когда звукъ ее не оживляетъ, а мертвитъ: грохотъ запутавшейся въ переулкахъ подводы, восклицаніе прохожаго, шальной ружейный выстрѣлъ гдѣ-то у продовольственныхъ складовъ... — и весь кварталъ замиралъ въ испугѣ отъ своей же гулкости. Въ этой недоброй притаенности мы шли-шли-шли... Шли долго.

— Вотъ тутъ, за угломъ... — сказала Настасья Прокофьевна.

Возлѣ дома пустота: темные дома, спящая улица — никакихъ грозныхъ признаковъ, развѣ отпертая калитка воротъ и голоса въ подворотнѣ. Но ухо уловило сразу: разговоръ о мирномъ, житейскомъ — о печкѣ.

«Можетъ быть, комитетъ послѣ засѣданія замѣшкался»...

Насъ окликнули.

— Къ Штурму... еще одиннадцати часовъ нѣтъ, — наобумъ, смѣло сказалъ я.

Насъ пропустили. Настасья Прокофьевна побѣжала черезъ дворъ. На лѣстницѣ тускло горѣло электричество. Было тихо; казалось, нѣтъ ни души. На второй площадкѣ повстрѣчался человѣкъ — курилъ. Жилецъ? Можетъ быть, и жилецъ. Дальше никого. Какъ будто глухіе гдѣ-то голоса... Поднявшись въ четвертый этажъ, Настасья Прокофьевна, не прислушиваясь, не оглядываясь, направила дверь и рванула звонокъ.

Дверь отперли мгновенно, точно одного шороха уже было достаточно. Въ глаза ударилъ свѣтъ. Къ намъ подскочили двое черныхъ въ кожѣ. На всѣхъ табуреткахъ

сидѣли солдаты. Запахъ табачнаго дыма и пота — и странная злая тишина...

— Обищите ихъ, —отрывисто произнесъ кто-то.

Настасья Прокофьевна закричала громко, свободно, дерзновенно, съ неотъемлемымъ отъ человѣка правомъ возмущенія. Она держала въ рукѣ трудовую книжку и еще какіе-то листки и кричала, что пришла за мужемъ, что они оба власти не враги, а если ей не повѣрятъ, она завтра же въ Центральномъ комитетѣ у земляковъ добьется правды. Она порывалась пройти въ комнаты, но ее не пустили. Что съ ней было потомъ, не знаю; меня увели допрашивать.

Помню тихую, далекую отъ кухни комнату, вѣроят-но, спальню Штурма. Подъ ногами ворохи бумагъ, груды книгъ, бѣлье, одѣяла, коробки... Мебель сдвинута, кровать до желѣзныхъ прутьевъ разворочена. У окна солдаты терпѣливо допарывали фруктовымъ ножичкомъ драпировку.

Меня опрашивало «начальство», судя по количеству на немъ оружія; мнѣ лишь запомнились: шепелявый говоръ, мятущийся, мутный взглядъ, рыжіе усы и указательный палецъ въ бородавкахъ. Я вытащилъ удостовѣренія: Сонино, командировочныя (Пельтеевское и Кузовлевское), ордеръ на комнату. Я разсказалъ, что къ Ловчинымъ вселенъ принудительно, а пошелъ проводить хозяйку только потому, что ночь и даль. Я говорилъ самоувѣренно, спокойно. Своему самообладанію дивлюсь и сейчасъ. Оно нашло на меня, какъ находить сонъ, обморокъ или опьяненіе, помимо воли, неодолимо, но преисполнило меня такой вѣрою въ свою неприкосновенность, точно я заранѣе зналъ, что меня не тронуть.

Рыжеусый пересмотрѣлъ документы и такъ, и на свѣтъ, — особенно подписи и печати.

— Въ этукую баню пришли, уходите скорѣй, — про-

говорилъ онъ, возвращая мнѣ удостовѣренія. — Тутъ — съ личнымъ. Дѣло пулей пахнетъ.

— Въ печкѣ заговоръ открыли.. — съ удовлетвореніемъ, даже восхищенно, протянулъ солдатъ, поровній драпировку.

— Конституцію сочиняли, — пояснилъ рыжій, — и переписка вся по ходу заговора — все захватили! Уходите, уходите скорѣй... Сейчасъ арестованныхъ забираютъ, — прислушиваясь къ отдаленному шуму, посоветовалъ онъ.

Принаюсь, я бы ушелъ. О Ловчинѣ, о Штурмѣ я тогда не думалъ, точно бѣда, въ мою сторону бѣдой не обернувшись, до души моей достучаться тогда не могла. Я бы ушелъ; можетъ быть, мнѣ и слѣдовало уйти, то есть ничего другого не оставалось, но обстоятельства сложились такъ, что я не только не ушелъ, но мнѣ пришлось стать свидѣтелемъ минуты, которую буду помнить до смерти.

Въ кухнѣ солдатъ теперь было больше, — повидимому, пригнали смѣну. Появились еще какія-то кепки. Дверь на лѣстницу стояла настежь, и на площадкѣ переговаривались голоса.

Въ углу у плиты я сейчасъ же увидалъ Настасью Прокофьевну: въ лицѣ ни кровинки, — ухватившись руками за концы головного платка, она пристально, какъ затворенная, смотрѣла на коридорную дверь... Сказали ей про заговоръ? Повѣрила она — не повѣрила? Ни вѣры, ни сомнѣнія лицо ея не выражало — одну муку ожиданія.

— Описи! Куда, чортъ, дѣвали описи? Мандатъ гдѣ? Арестованныхъ забирайте! Да забирайте же, ребята, арестованныхъ!

Сейчасъ всѣ, и солдаты, и кепки шевелились по всей кухнѣ, какъ черви.

Они вошли... (Ихъ держали запертыми въ одной изъ комнатъ). Ловчинъ, безъ шапки, въ распахнутой, широкой, все еще красивой своей шубѣ и рядомъ — Штурмъ,

маленькій, лысый старичокъ, спрятавшій лицо по самые золотые очки въ высокоподнятый барашковый воротникъ.

Константинъ Андреевичъ показался мнѣ смертельно блѣднымъ. Близорукіе глаза безъ пенсне, моргая и щурясь на свѣтъ, напряженно и беспомощно вглядывались въ присутствующихъ: въ послѣдней робкой надеждѣ искали и ждали кого то... И, въ отвѣтъ на его мучительно-безсильную тревогу, Настасья Прокофьевна, расталкивая солдатъ, бросилась къ нему. Она охватила его шею руками въ самозабвенномъ порывѣ нѣжности, съ искренностью безпредѣльной. Маленькія руки легли на его мѣховый воротникъ, платокъ соскользнулъ съ волосъ, открывъ русую голову съ проборомъ стрѣлкой, съ тугимъ узломъ косы, ниспадавшимъ на шею.

— Константинъ Андреевичъ... Константинъ Андреевичъ... родной мой, Константинъ Андреевичъ!.,

Она приникла къ нему съ той же чистотой безраздѣльности, съ той же цѣломудренной пылкостью, какъ, вѣроятно, въ ту далекую, давнымъ давно забытую мину-ту, когда впервые она въ него всѣмъ сердцемъ повѣрила — признала въ немъ Богомъ даннаго ей суженаго.

Константинъ Андреевичъ встрепенулся, весь просвѣлѣлъ, обнялъ ея голову, перекрестилъ быстрымъ незамѣтнымъ крестомъ и съ осторожной лаской, казавшейся нелѣпо-изысканной въ этой набитой солдатней кухнѣ, мягко отвелъ отъ воротника ея маленькую, несопротивляющуюся руку и поцѣловалъ ее, сжавъ своей большой, бѣлой рукой....

— Настя... Настенька.,

Онъ хотѣлъ что то сказать ей, но лишь дрогнула его длинная, сѣдая борода, и онъ не вымолвилъ ни слова.

— Идите! Чего стали! Идите же!..

Штурмъ поспѣшно и покорно нахлобучилъ шапку и, ни на кого не глядя, машинально, какъ заводная игруш-

ка, застѣменилъ къ выходу. Ловчинъ не двинулся, и Настасья Прокофьевна не шевельнулась, какъ будто, прика- за и не было.

Ихъ окружили, стѣснили, розняли... и весь кошмаръ насильной ихъ разлуки въ мигъ таинственно ожившей любви и сейчасъ отдается въ душѣ моей болью.

Мелькнула изъ-за папахъ сѣдая голова съ прядью волосъ, жалобно упавшей на блѣдный лобъ, слышались издалека, изъ комнатъ, женскія рыданія... Ко мнѣ подбѣжалъ рыжій и, сунувъ въ руки уличный ночной пропускъ, повторилъ, уже теперь начальственно - безпрекословно, чтобы я уходилъ.

Я понялъ, что Настасья Прокофьевна задержана, что ничего мнѣ сказать ей при всѣхъ нельзя, потому что моя собственная судьба повисла на паутинкѣ преувеличеннаго довѣрія рыжеусаго къ моимъ бумагамъ; а главное, что лишь оставаясь на свободѣ, я могу оказать Ловчинымъ хоть маленькую услугу. И я ушелъ поспѣшно, убѣжалъ, просто скрылся.

«Ловчинъ погибъ... Ловчинъ погибъ...»

Я блуждалъ по темнымъ, глухимъ улицамъ и не могъ справиться со своимъ смятеніемъ. Имѣла отношеніе «конституція» къ серьезному заговору — не имѣла? Могло быть и не быть. Теперь время сокровенныхъ рѣшеній, глубокихъ тайнъ, шопота одной лишь совѣсти. Въ прощаніи Ловчина съ женой чувствовалось что то непоправимо-последнее, безвозвратное...

«Какъ передъ смертью простился...» все ужасался я. «Помочь? Какъ помочь?»

Я подумалъ о домѣ, о Маріи Федоровнѣ, о томъ, что она, навѣрно, ждетъ, не спитъ, тревожится, и что я черезъ всю Москву иду, спѣшу къ ней... и отъ этой мысли мнѣ стало легче.

Домой я пришелъ подъ утро. Въ лабиринтѣ Замо-

скворѣчья запутался, а когда вышелъ къ Москвѣ-рѣкѣ, меня задержалъ патруль. Номеръ пропуска показался ему неяснымъ, и меня доставили въ комендатуру районнаго совѣта. Тутъ, пока начальство справлялось по телефону, спорило и уличало въ непорядкахъ подчиненныя инстанціи, я сидѣлъ, изнемогая отъ усталости, нетерпѣнія, въ вонючихъ сѣняхъ, среди спавшихъ въ повалку милиціонеровъ, а когда меня выпустили, и я доплелся наконецъ до Ваганьковского, — въ холодной мути уже чернѣли подъѣзды, вывѣски, фонари и тумбы.

Неподалеку отъ дома мнѣ повстрѣчалась бѣгущая посреди мостовой баба. Она неслась сломя голову.

— Варвара!..

Она остановилась. На ней лица не было. Мы бросились другъ къ другу. Оказалось, что у насъ всю ночь шелъ обыскъ (полчаса какъ уѣхали!), и Варвара бѣжала теперь въ «Метрополь» къ племяннику Настасьи Прокофьевны — комиссару Кораблеву — молить его о заступѣ.

Я сказалъ о томъ, что произошло у Штурма. Варвара обомлѣла.

— Быть бѣдѣ!.. быть бѣдѣ! — истеричнымъ шопотомъ воскликнула она, схватившись за голову. — Настасья Прокофьевна думала — пальцемъ ее не тронуть... Тронули! Тронули! И ее тронули! — въ изступленіи повторяла она.

— Что Марія Федоровна?

Но Варвара не отвѣтила и, не отымая рукъ отъ головы, какъ помѣшанная, помчалась дальше.

Квартира наша оказалась незапертой и въ ней тишина, безпорядокъ и спертый, противный духъ. Такъ бываетъ въ домахъ, когда только что вынесли покойника. Обыскъ всегда оставляетъ печать погромную. Выдвинутые ящики, вскрытые замки, шкапы настежь, разбросанное добро... Жалобно и безобразно оповѣщаетъ нѣмой,

невинный міръ вещей объ учиненномъ надъ нимъ насиліи.

Я отыскалъ Марію Федоровну въ шкапной. Она стояла на колѣняхъ передъ сундукомъ, съ распушенной по ночному косой, въ шубкѣ накинутой на плечи, и дѣловито укладывала сваленныя на полъ драпировки. Пахло нафталиномъ, и бѣлая его розсыпь хрустѣла подъ ногами.

Увидавъ меня, Марія Федоровна вскочила съ колѣнъ. Въ сѣромъ предразсвѣтномъ сумракѣ ея темный силуэтъ казался легкимъ, призрачнымъ, а распушенная, длинная коса придавала ей видъ юно-дѣвичій и новый.

— Я такъ боялась за васъ, — просто, не стыдясь искренности словъ, проговорила она. — Гдѣ же Настасья Прокофьевна?

— Ловчины арестованы... — и я торопливо рассказалъ ей все (только о ихъ прощаніи ничего не рассказъ) — а вы? Какъ было съ вами?

— Варвара нашлась — сказала, что по ордеру изъ больницы, и карточку больничную показала, да не это имъ было нужно. Они искали чего-то спрятаннаго: записокъ, счетовъ, бумагъ какихъ-то... Я не поняла.

— И мнѣ неясно, въ чемъ обвиняють.

Я рассказалъ про «конституцію».

Мы сидѣли другъ противъ друга на сундукахъ, измученные безсонной ночью, встревоженные, озадаченные, и бѣдѣ ужасались.

— Вы думаете Константинъ Андреевичъ могъ одинъ, тайно отъ жены? — шопотомъ спросила Марія Федоровна.

— Да, думаю.

— И она это поняла?

— Кажется, поняла.

— Она его не обвинить... она такая, — увѣренно проговорила Марія Федоровна.

— Она точно въ озареніи была, точно всю правду вмигъ узнала. Ея правда теперь — что въ мірѣ онъ луч-

ше всѣхъ и, какъ поступилъ, такъ и надо, потому что не можетъ онъ зла замыслить.

— Какой цѣной такая вѣра къ ней вернулась... — задумчиво промолвила Марія Федоровна.

— Мы сейчасъ жизнью за все платимъ, — сказалъ я.

Она быстро взглянула на меня и, соскользнувъ съ сундука, торопливо взялась за драпировки.

— Надо вещи убрать, — дѣловито сказала она — Варвара просила.

— Я вамъ помогу.

— Вы въ другихъ комнатахъ, — вездѣ разбросано.

Едва мы успѣли кое что уложить, пришли изъ домоваго комитета. При обыскѣ не нашлось нужнаго документа, и теперь предсѣдатель, мутноглазый Иванъ Фомичъ, съ устало обвисшими табачными усами, тоже, видимо, всю ночь не спавшій, старался втолковать намъ, что, если Настасья Прокофьевна не похлопочетъ, то — конецъ: изъ района уже звонили, требуютъ показаній о квартирѣ.

— Ужъ вы бы съ барышней поскорѣй сѣхали... — недовольно и наставительно убѣждалъ онъ. — Если помещеніе освободите, мы своихъ людей поселимъ, а то Богъ знаетъ кого пригонять. Ужъ лучше сѣхали бы...

Мы даже его совѣта и обсудить не успѣли: прибѣжала Варвара. Кораблева она добилась. Охрана «Метрополя» ее не пропускала, но она такъ нашумѣла и такъ плакала, что всѣ увѣрились: право на доступъ къ столь важному лицу она, вѣроятно, имѣетъ, и ее повели наверхъ. Кораблевъ вышелъ къ ней въ одномъ бѣлѣ, вѣсти не удивился и сталъ вызывать разные телефонные номера, потомъ сказалъ, что Настасью Прокофьевну сейчасъ выпустятъ, а о дѣлѣ (тутъ онъ нахмурился «гроза-грозою», рассказывала Варвара) — «по ходу слѣдствія» и прибавилъ, «что Константинъ Андреевичъ, всегда видать было, человѣкъ ненадежный».

Настасья Прокофьевна я не дождался. Мнѣ пришлось торопиться съ Кузовлевскими бумагами и, хотя въ военномъ комиссариатѣ все обошлось ловко, при явномъ одобреніи моей о дѣлѣ молчаливости, мнѣ пришлось долго прождать секретаря, котораго угнали въ Кремль.

Настасья Прокофьевна, какъ пришла, забрала узлы съ бѣльемъ и продовольствіемъ и помчалась къ мужу. Не удалось ее уговорить ни прилечь, ни поѣсть. «Даже мокрыхъ сапогъ не смѣнила», рассказывала Варвара, «и шуба, какъ есть вся въ грязи... упала она, должно быть, дорогой и почистить мнѣ не дала...»

Потомъ прибыли городскія власти. Ходили съ Иваномъ Фомичемъ по комнатамъ въ шапкахъ, въ калошахъ, съ саженкой въ рукахъ, съ карандашемъ за ухомъ.

Раза три прибѣгали отъ сосѣдей за Настасьей Прокофьевной: кто то по телефону ее вызывалъ. Къ вечеру стали собираться ея родственники — сидѣли на кухнѣ, ее ждали, жужжали-переговаривались.

Настасья Прокофьевна пришла поздно, къ ночи, и не пришла, а ее привезъ изъ Сокольниковъ на казенной пролеткѣ солдатъ-крестникъ. Какъ она туда попала — неизвѣстно, но потомъ узналось, что она обѣгала за день всѣхъ, отъ кого чаяла получить заступленіе. Въ надеждѣ на могущество родни, на добрую людскую волю и въ довѣріи къ народу обрѣла она въ тотъ день хоть нѣкоторое душевное равновѣсіе.

Такъ было первые дни. Вопросы о виновности Константина Андреевича, повидимому, у нея не возникало, хотя про обвиненіе она теперь знала. На занятія Константина Андреевича со Штурмомъ, на ихъ проектъ «конституціи» она смотрѣла, какъ на невинное и ненужное, быть можетъ, и запрещенное, но никому не опасное дѣло, такое же, какъ изготовленіе самогона или безобидная сдѣлка мѣшечниковъ — пустякъ, промахъ, слабость двухъ

стариковъ... Никогда бы ей не повѣрить, что они могли угрожать стомилліонному побѣдившему народу! Правители это поймутъ, стоитъ ихъ лишь освѣдомить. И она освѣдомляла: самому **, къ которому ее привелъ Кораблевъ въ перерывъ застѣданія, она все доложила. Но доложенному не повѣрили, потому слѣдствіе и пошло иначе.

Посѣщенія ли тюрьмы ее очень разстраивали; встрѣчи ли съ людьми, отъ которыхъ зависѣла судѣба Константина Андреевича, ее стали приводить въ уныніе; томилась ли она какими то темными предчувствіями, — но она стала мучиться пыткой тонкой: сомнѣніемъ во всемъ, что ее обнадеживало и утѣшало. Появились въ ней неувѣренность, испугъ, что то порывисто-безсознательное, а потомъ и просто растерянно-безтолковое; часто бывала въ тревогѣ, въ недоумѣніи, теряла самообладаніе и ужъ не таила отъ насъ своихъ горячихъ слезъ. Первые дни, отправляясь съ передачей, она легко носила тяжелый мѣшокъ, шагала увѣренно, не любила, чтобы кто нибудь ее сопровождалъ. Теперь она плелась съ испуганнымъ лицомъ, и Варвара или я ее провожали. Подмѣтилъ я, что у нея стали дрожать руки, и поддергивалось лицо.

— Сдастъ наша барыня... ой, не пережить ей своего сокола! — замѣтила какъ то разъ Варвара.

Странно, Настасья Прокофьевна стала тяготѣть къ намъ. Не то опоры искала въ насъ, не то мы ей мужа чѣмъ то напоминали, но только случалось, что она рѣзко, почти злобно, отваживала своихъ обычныхъ посѣтителей. Что происходило въ ея душѣ, не знаю, но одно скажу: горе ее мѣняло. Можетъ быть, въ любви своей давно загложшей. она вновь отчетъ себѣ дала; можетъ быть, жадную, несправедливую народную душу въ бѣдѣ своей почувствовала; можетъ быть, просто поняла, что ни одинъ мужикъ изъ ста милліоновъ не способенъ сейчасъ на то, на что ея бѣдный Константинъ Андреевичъ рѣшался: не только лишенія нести безропотно, но и притѣснителямъ

служить съ человѣколюбивымъ великодушіемъ — теперь Настасья Прокофьевна все вспоминала, какъ онъ болѣлъ душой, кремлевскими ошибками раздражался, какъ говорилъ, что надо скорѣе награбленное въ добытое превратить, а изъ грабителей предпринимателей сдѣлать, и что этимъ превращеніемъ страна спасется — и многое припоминала, волнуясь, умиляясь и плача.

Свиданій съ мужемъ ей не дали и давать не собирались. Ея благожелатели сейчасъ отмалчивались. Стало извѣстно, что Штурмъ и Константинъ Андреевичъ были не одни, что на слѣдъ напали по неоконченному дѣлу инженера Салакина, въ которомъ погибли всѣ участники, успѣвъ, однако, что нужно, передать нѣсколькимъ лицамъ. Были Ловчинъ и Штурмъ въ этой группѣ? Настасья Прокофьевна клялась, что этого быть не могло, но намъ съ Маріей Федоровной казалось, что свиданья въ московскомъ захолустьи, частыя отлучки, постоянная раздражительность Константина Андреевича, нервность, нелюдимость — признаки нехорошіе.

Скажу безъ преувеличенія, къ горю Настасьи Прокофьевны я отнесся съ несвойственной и непонятной мнѣ теплотой. Особенно, когда она уходила въ тюрьму, и я смотрѣлъ на ея растерянно-суетливую возню съ мѣшками, я изумлялся той душевной боли, которую испытывалъ. Я горячо, страстно желалъ, чтобы горя у Настасьи Прокофьевны не было. Я ужасался мысли, что, можетъ быть, они съ Константиномъ Андреевичемъ больше не увидятся, и о прощаньи ихъ не могъ думать безъ волненія. И все-таки, не утаю, мнѣ хотѣлось скорѣй уѣхать въ Петербургъ. Я усталъ отъ чужого горя и непрерывно тревожился, что неосмотрительно поступилъ, устроивъ Марію Федоровну у Ловчиныхъ; что близость къ Настасьѣ Прокофьевнѣ (Марія Федоровна очень отзывчиво относилась ко всему происходившему) можетъ и для нея стать роковой.

Какъ это ни странно, бѣда насъ съ Маріей Федоровной сближала. Мы жили общей жизнью, полной безпокойства, непріятностей, тяжелыхъ и огорчающихъ впечатлѣній, но изъ этихъ переживаній ткались, непримѣтно для насъ самихъ, нити нашего сближенія. Не будь московскихъ дней, быть можетъ, мы бы еще долго жили, ничѣмъ другъ съ другомъ несвязанные.

Моему тайному желанію уѣхать до Пасхи помогли обстоятельства.

Покинуть Москву мы, конечно, могли и раньше, но Настасья Прокофьевна робко настораживалась всякій разъ, когда мы заговаривали о Петербургѣ, и мы жили день за днемъ въ полной неопредѣленности.

Иванъ Фомичъ являлся почти ежедневно и пугалъ Настасью Прокофьевну, что не сегодня-завтра нагрянуть жильцы по наряду и, всего вѣроятнѣй, солдаты кремлевской охраны, которыхъ хотятъ расселить къ Пасхѣ по всему нашему кварталу, но Настасья Прокофьевна ссылалась на обѣщаніе кого то сильнаго — отсрочить вселеніе до лѣта. Когда же пришелъ запросъ изъ охраны, Иванъ Фомичъ прибѣжалъ самъ не свой, и, всегда почтительный къ Настасѣ Прокофьевнѣ, теперь на нее накричалъ. Она растерялась и уступила.

Солдаты сами по себѣ ее, кажется, не пугали (да она въ нихъ сначала и не вѣрила), но она стала бояться, что не угодить этимъ Константину Андреевичу, когда онъ вернется. Въ этомъ сказывалась вся ея неоскудѣвающая къ нему нѣжность: сдѣлать такъ, какъ бы онъ самъ распорядился, а онъ солдатчину не пустилъ бы. Иванъ Фомичъ обѣщалъ вселить врачей и акушеровъ сосѣдняго родильнаго пріюта, и это было лучше солдатъ. Настасья Прокофьевна не только перестала насъ удерживать, но сама пожелала, чтобы мы поскорѣй уѣхали.

— Ужъ вы поймите меня... ужъ не обезсудьте, но ес-

ли Константинъ-то Андреевичъ, Богъ дастъ... — она запнулась, — ему съ простымъ-то народомъ трудно.

И мы уѣхали такъ поспѣшно, что я едва припоминаю наши сборы.

Дни были предпасхальные, страстные. Москва гудѣла угрюмымъ звономъ, а во всемъ городѣ чувствовалось нетерпѣливое ожиданіе праздника.

Въ день отъѣзда, несмотря на Страстную субботу, Иванъ Фомичъ спозаранку привелъ ораву женщинъ и мужчинъ. Они ходили по комнатамъ, громко обсуждая, какъ размѣститься. Узнавъ, что мы съ Маріей Федоровной вечеромъ уѣзжаемъ, кто-то, попроворнѣе, собрался сейчасъ же перевозить вещи. Весь день раздавались говоръ, стукъ, звонки. Люди приходили и уходили, а Иванъ Фомичъ всѣмъ распоряжался по новому, со властью, по хозяйски. Въ обѣдъ привезли на подводѣ чьи-то кровати, тюфяки, узлы, корзину, манекенъ, корыто... Дверь на лѣстницу ужъ и запирать перестали.

Квартира стала похожа на постоянный дворъ.

Настасья Прокофьевна, подавленная горемъ, развязностью Ивана Фомича, безпорядкомъ, шумомъ въ домѣ, простилась съ нами наспѣхъ, въ большой растерянности, видимо даже съ облегченіемъ, что мы своимъ отъѣздомъ развязываемъ узелъ. Такъ въ тѣ дни могли разставаться люди, даже близкіе, даже родные, когда внезапно на челоука обрушивалось новое бѣдствіе, а разлука обѣщала облегченіе.

ГЛАВА XIX.

Марію Федоровну отвезла на вокзалъ Обручева (какъ и тогда — за ней пріѣхалъ извозчикъ Яковъ), а я добрался по трамваямъ.

Въ тотъ вечеръ съ Николаевского вокзала отправлялось много воинскихъ поѣздовъ, и толпы солдатъ съ мѣшками и котелками забили всѣ залы, коридоры и платформы. Повсюду слышался гулъ голосовъ. Солдаты роптали, что ждуть посадки съ пяти часовъ, что не выдали дополнительнаго пайка, а главное, что отправляютъ подѣ праздникъ, но было ясно, что несмотря на недовольство, они простоятъ долго, хоть ночь, потому что въ нихъ всепокоряющая, какъ гипнозъ, увѣренность, что власть имѣетъ въ виду лишь ихъ интересы, и всякая проруха — ея бѣда, не вина. Власть ни въ чемъ неповинна, лишь неопытна и, если могла бы устроить лучше, устроила бы, услужила бы, постаралась...

Я съ трудомъ отыскалъ Марію Федоровну и Надежду. Онѣ сидѣли на подоконникѣ, въ темномъ углу коридора, у опрокинутыхъ бочекъ для питьевой воды, у которыхъ давно чьи то воровскія руки отвинтили краны, кружки, цѣпи и крышки.

Марія Федоровна была очень утомлена. Я бросился узнавать, гдѣ поѣздъ и когда отойдетъ, но повстрѣчавшійся кондукторъ злорадно крикнулъ, что поѣзда, можетъ быть, не будетъ вовсе, а если будетъ, то посадка — не съ платформы, а на подъѣздномъ пути. Не знаю, долго ли

мы ждали-маялись въ этомъ вонючемъ гомонѣ. Можетъ быть, и совсѣмъ въ тотъ вечеръ не уѣхали бы, если-бъ не появились энергичные попутчики, которые побѣждали пугать желѣзнодорожное начальство своими барабанными мандатами. И вдругъ все пошло съ кинематографической мгновенностью.

Насъ погнали въ конецъ вокзала и оттуда — мимо полуосвѣщенного пустого багажного отдѣленія по деревяннымъ мосткамъ, а потомъ просто по грязи — на глухой запасный путь, къ поѣзду.

Во тьмѣ истерично свисталъ - заливался паровозъ, метались съ фонарями, вдоль вагоновъ люди, кто-то изъ начальства ругался-протестовалъ, что насъ сажаютъ въ служебные вагоны. Казалось, секунда — и поѣздъ тронется...

Ни Марія Федоровна, ни я потомъ не могли припомнить, гдѣ мы потеряли Надю, и какъ очутились въ темномъ вагонѣ, въ купѣ, набитомъ желѣзнодорожными служащими, ѣдущими разговляться съ семьями куда-то на линію.

До Клины было тѣсно, темно и очень безпокойно. Ёхали мы въ гулъ голосовъ, въ дѣтскомъ плачѣ, въ табачномъ дыму, въ вони мокрыми младенцами и чѣмъ то съѣстнымъ. Не разъ проходилъ контроль, грозно и придирчиво провѣрявшій документы.

Въ Клину нашъ вагонъ опустѣлъ и опустѣлъ такъ, что я заволновался — не отцѣпять ли? Но на платформѣ кондукторъ проворчалъ, что не отцѣпять, потому что «въ трехъ купѣ агитаторы заперлись — спятъ, въ Новгородскую губернію Пасху громить ѣдутъ».

Когда тронулись, и за стеклами проплыли станціонные огни, мы съ удивленіемъ увидали: въ купѣ мы одни. Я зажегъ захваченную въ дорогу свѣчу, заперся на задвижку, разложилъ вещи.

Въ полумракѣ я едва различалъ Марію Федоровну, забившуюся въ уголъ. Подъ стукъ колесъ, въ темнотѣ,

пахнувшей пылью и дымомъ, я постепенно сталъ успокаиваться. Москва съ воровскими моими хлопотами по комиссаріатамъ, съ Ловчинской бѣдой, съ тяготой первыхъ дней жизни съ Маріей Федоровной была позади. Мнѣ сейчасъ хотѣлось все забыть, я даже старался все забыть, чтобы ничѣмъ не омрачать подареннаго намъ судьбою времени. Не должна ли душа умѣть освобождаться отъ всего, даже отъ добра и зла, въ иныя мгновенія радости? Но беззаботность такъ и не пришла.

— У Ловчиныхъ тоже нѣтъ сегодня праздника, — вдругъ, словно мнѣ наперекоръ, озабоченно проговорила Марія Федоровна. — Мнѣ кажется, Настасья Прокофьевна одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя могутъ себя замучить раскаяніемъ.

— Но она не виновата?

— Оба ни въ чемъ не виноваты и, можетъ быть, во всемъ, — горячо проговорила Марія Федоровна. — Это бываетъ, когда лишь заботы и невзгоды вмѣстѣ, а радости общей не стало. Нельзя безъ радости живому жить. Настасья Прокофьевна, навѣрно, долго безъ радости жила, прежде чѣмъ къ народу бросилась. Это и есть ея невинная вина...

— Когда разставались, вѣдь, все простили...

— Конечно, все, но прощеніе не трудно, а тягостно, что оно понадобилось. Это и мучаетъ Настасью Прокофьевну, хоть она невинна.

Марія Федоровна говорила всегда о Ловчиныхъ волнуясь, и такъ, точно ихъ бѣда что-то ей доказывала и въ чемъ то ее убѣждала. «Не своей ли виной передъ Федоромъ Федоровичемъ мучается?» подумалъ я.

Мы замолчали. Слышался лишь стукъ колесъ, поскрипывали стѣны, изрѣдка устало трубилъ паровозъ, однообразно вверхъ-внизъ колыхались черныя тѣни на полосатой обивкѣ дивановъ...

Мнѣ какъ-то и не думалось, что мы ѣдемъ въ пас-

хальную ночь. Ничего не было пасхальнаго въ тотъ вечеръ. Кромѣ глухого ропота солдатъ, недовольныхъ отправкой подъ праздникъ, да еще внезапное освобожденіе въ Клину отъ желѣзнодорожниковъ — ничто о праздникѣ не напоминало. Марія Федоровна, взглянувъ на часы, сказала, что скоро полночь, но ея замѣчаніе ничего не измѣнило, и мы попрежнему — то молчали, то шептались (тогда всегда говорили шопотомъ) о московскихъ событіяхъ.

Облокотившись на столикъ и устало склонивъ голову на руку, Марія Федоровна слушала меня съ той удивленной внимательностью, которую я иногда теперь въ ней замѣчалъ. Это вниманіе (иначе назвать не знаю, какъ) появилось со дня ареста Константина Андреевича, точно съ того лишь дня я сталъ для нея существовать. Переѣхавъ я тотчасъ смутно почувствовалъ, но въ нее не повѣрилъ и томился обычной грустью, что это отъ одной признательности.

Какъ миновала полночь, мы не замѣтили, и лишь подъѣхавъ къ какой то глухой станціи, по далекому благовѣсту, мягкимъ гуломъ доплывшему къ намъ въ купѣ, поняли, что Пасха.

— Заутреня... — вострепнулась Марія Федоровна.

Она вскочила, откинула занавѣску и приникла къ окну. Я посмотрѣлъ на черное стекло черезъ ея плечо, но въ зеркальной слѣпотѣ отсвѣчивало лишь пламя свѣчки. Я старался представить величіе минуты, но мнѣ казалось, для этого я долженъ остаться совсѣмъ одинъ, и я ушелъ на платформу.

Нашъ вагонъ, оказавшійся въ хвостѣ поѣзда, пришелъ уже не у платформы, а на насыпи. Въ отсвѣтахъ мутно-желтыхъ фонарей чернѣла вдали станція. Прямо передо мной подступалъ къ полотну довольно густой и рослый кустарникъ, о близости селенія можно было догадаться по рѣдкимъ и мелкимъ, свѣтлѣвшимъ между вет-

лами, огнямъ. Ночь была облачная, но тихая. По весеннему свѣжо и сладко пахло землей, водой, гніющей древесиной, и въ этой темнотѣ и сырости гудѣли мѣрно, мягко и легко далекіе колокола...

Я старался вообразить, что Пасха, — ночь свѣтлая и необычайная, и, вопреки всему, радостная, однако, въ воображеніи ничего радостнаго мнѣ не представилось; холодно и вяло припомнился ночной нашъ пасхальный русскій бытъ, но и это не помогло, и я, безъ всякаго воодушевленія, съ чувствомъ неловкости и непріятнаго принужденія, подумалъ, что надо пойти поздравить Марію Федоровну.

У окна ея уже не было. Она лежала на диванѣ, закутавшись въ шубу, и подложивъ подъ голову синій валикъ пледа. Молча, взглянула она на меня.

— Я заставлю свѣчу книгой, вамъ свѣтъ въ глаза, — сказалъ я.

— Нѣтъ-нѣтъ, не надо, Алексѣй Павловичъ, я спать не буду... я не могу спать.

Никто бы не повѣрилъ, что мы въ ту минуту больше ничего другъ другу не сказали...

Проплыли фонари станціи, зеленый отсвѣтъ семафора — и все погрузилось во тьму и гулъ.

Я забился въ самую темноту, огорченный странной душевной пустотой. Марія Федоровна сосредоточенно думала о чемъ то.

— Я о Федѣ вспоминаю... — вдругъ тихо, словно извиняясь за молчаливость, проговорила она. — Онъ въ Пасху, ночью, уходилъ на кладбище и говорилъ всегда, что безсмертіе у насъ, у всѣхъ, звукъ пустой, иначе мы никогда бы мертвыхъ не забывали. Когда мы пріѣзжали съ нимъ въ какой нибудь городъ, онъ прямо съ вокзала ѣхалъ на кладбище. Онъ жилъ мертвыми, какъ живыми. Это у Феди своеобразная черта.

— Вашъ братъ необыкновенный человѣкъ. Я мно-

гимъ въ немъ восхищался, — сказалъ я. — Но чего то ему все-таки не прощалъ, не могъ, да, пожалуй, не очень и хотѣлъ прощать.

— Вы отрѣшенности его не прощали, — слегка озадаченная моей откровенностью, оживленно заговорила Марія Федоровна. — Я знаю, она людей оскорбляетъ. Я сама долго отъ нея страдала, — потомъ поняла, что это не отъ силы, а отъ душевной хрупкости, отъ младенческой слабости.

— Слабости? — въ недоумѣніи переспросилъ я.

— Да, слабости. Мнѣ кажется, самое трудное — не стойкость въ отрѣшенности, а чтобы вынести весь ужасъ жизни. Какъ дѣйствительность страшна, Алексѣй Павловичъ! Я до этой зимы не знала, что она можетъ... что въ ней можетъ быть такая тьма. А можно ли отъ нея спрятаться? Кто не приметъ жизни, того и она не приметъ: обратитъ въ свое подобіе, въ бездыханную идею, въ призракъ, но не приметъ. Я всегда этого боялась! Но какъ преодолѣть самого себя? — въ горестномъ безсиліи тихо воскликнула она. — Федя все хотѣлъ «создать» меня, — продолжала она помолчавъ, — но я не «создавалась», и мы долго мучили другъ друга. Какое на меня находило иногда уныніе отъ нашей чудесной жизни въ Италіи! Два раза я уѣзжала — начинала самостоятельную жизнь... и возвращалась. Красота фантастики такое тонкое прельщеніе! Я бы никогда его не преодолѣла, если бы не война. Я даже и понять сейчасъ не могу, почему я на нее отозвалась. Народъ мой я не любила, никогда о немъ не думала, — вѣдь я съ дѣтства за границей, — а тутъ уѣхала съ первыми попавшимися попутчиками. Федя вернулся въ Россію позже, черезъ Швецію. Я много доставила ему огорченій. Онъ предрекалъ, что война меня погубитъ, а меня онъ потеряетъ...

— Но онъ же васъ не потерялъ?

Лицо Маріи Федоровны было сосредоточенно и строго.

— Ту, которую придумалъ, — потерялъ.

— Федоръ Федоровичъ сказалъ — передъ Гатчиной еще это было, — что васъ прощаетъ. Такъ и сказалъ: «я все ей прощаю...»

Марія Федоровна встrepенулась, откинула шубку и сѣла на диванъ.

— Въ его запискахъ объ этомъ не было, — взволнованно прошептала она.

— У меня духу не хватило сказать вамъ про это. Мнѣ даже кажется, что онъ не простилъ, а только себя тогда успокоить хотѣлъ. Если бы онъ васъ потерялъ, по моему, никогда бы онъ не простилъ... Ну, а если и была у васъ вина, что нибудь не такъ, не по злему же вы умыслу, и потомъ... личная жизнь, — кто ей судья?

— Нѣтъ-нѣтъ... — горячо, но тихо воскликнула Марія Федоровна, — человѣческой судьбы есть! Я не хочу великодушной безсудности, она, можетъ быть, хуже Фединаго полупрошенія... Я еще ни съ кѣмъ про свою вину не говорила, и съ вами — никогда. Я бы и сейчасъ, навѣрно, не сказала, но вотъ, ночь такая... (она подыскивала слово, но такъ ничего и не добавила) и вы все знаете, и ваша простота... я дивлюсь вашей простотѣ, Алексѣй Павловичъ! Вы, какъ будто, совсѣмъ не боитесь дурнымъ прослыть и сказать ничего не боитесь, оттого и вамъ довѣриться не страшно... Я не каюсь вамъ въ моей любви собираюсь, и какъ въ этомъ каяться? Сверкнула молнія, и мой домъ загорѣлся. Но я все-таки виновата, я очень виновата, мнѣ казалось, чѣмъ пожаръ сильнѣе, тѣмъ я, значить, какъ человѣкъ, больше... и предѣловъ не стало никакихъ. Думала: вотъ это и будетъ моей женской славой... но пришла не слава, нѣтъ-нѣтъ, не слава...

Голосъ ея оборвался.

— Знаю, это я — погубила Добрынина... — въ волненіи и съ мучительнымъ усиліемъ призналась Марія Федоровна.

— Вы?

— Да. Я ему свою безмѣрность за святыню выдала и своей волѣ подчинила. Тогда я ничего не соображала, а теперь поняла: я ли, тѣ ли въ Кремль — не все ли равно... его душа... одна и та же душа — на свое порабощеніе соглашалась... Теперь вы все знаете. Я къ вамъ, какъ къ совѣсти людской, всеобщей и непорочной, съ моей виною обращаюсь...

Въ темныхъ блестящихъ глазахъ, въ горячемъ шопотѣ, въ трепетномъ волненіи — было то крайнее напряженіе душевныхъ силъ, которое мы часто принимаемъ за экзальтацію. Бѣдная моя «чужая невѣста»! Даже теперь и не «чужая»... Я смотрѣлъ на ея лицо, на руки въ знакомыхъ сѣрыхъ перчаткахъ и понималъ, что она — «ничья», навсегда и безповоротно (ужь, конечно, не моя!), и въ этомъ вся ея единственность и вся притягательная для меня сила. Если бы я могъ хоть на мигъ допустить, что она можетъ стать «чьею то», какъ тѣ добрыя женскія существа, которыя всегда томятся о томъ, какъ бы прильнуть-приникнуть къ кому то и съ восхищеніемъ отъ себя отказываются, я, навѣрно, отъ нея тутъ же бы отступился. Самъ того не сознавая, я Марія Федоровну лишь въ предѣльной чистотѣ принять хотѣлъ, торжество возстановленнаго личнаго единства предвосхищалъ, отъ нея безмолвно его требовалъ. Такъ вотъ откуда безсознательное мое: «романа не надо...» и жестокое: «не для корыстной лирики я въ Москву пріѣхалъ!» Вотъ почему ея отчужденность меня не отчуждала, а влекла! Я въ Марію Федоровну восторженно повѣрилъ, всему разочарованію въ себѣ, всѣмъ перетлѣвшимъ отношеніямъ къ людямъ, даже постылому русскому народу ее одну противопоставилъ. Въ этомъ былъ весь смыслъ моихъ къ ней отноше-

ній. Но что мнѣ было отвѣтить? Сказать: «Богъ проститъ?» или: «Вамъ, Марія Федоровна, я не судья?...» Развѣ этихъ, до пустоты добродушныхъ, словъ она заслуживала? И развѣ это было въ моей душѣ?

На меня нашла чудесная ясность разумѣнія, проникавшая куда то въ самую глубину происшедшаго. Я понималъ, что грѣхъ Маріи Федоровны (я сознавалъ отчетливо: «грѣхъ») отъ слѣпоты неопытнаго человѣческаго существа, принявшагося жить съ энтузіазмомъ и не со-владовавшаго съ самымъ малымъ, — со своимъ жизнерадостнымъ и пылкимъ себялюбіемъ. Въ этомъ и былъ весь грѣхъ. Совѣсть моя не судила, но гдѣ-то, въ глубинѣ сознанія, за предѣлами совѣсти, невѣдомая мнѣ душевная сила, не ужасаясь, не отвращаясь, и даже не прощая, утверждала, что грѣхъ исчезъ, потому что случившееся преобразилось въ благо. Если бы кто нибудь мнѣ сказалъ, что въ ту минуту я прикоснулся къ тайнѣ милосердія, что эта сверхъестественная увѣренность въ преображеніи неблагого въ благое, согрѣшившаго въ несогрѣшившаго — и есть отпущеніе грѣха, я бы, вѣроятно, просто этому чрезвычайно удивился.

— Изъ вашего прошлаго, изъ вины вашей, только новое, очень хорошее возникнетъ — вы уже и сейчасъ не прежняя. Я помню васъ, когда на Надежинскую ходилъ. Я очень не любилъ къ вамъ ходить, но вы сейчасъ другая. А если другая, и все хорошо будетъ, вѣдь это значитъ, что все прощено. Я знаю, я увѣренъ, что это правда...

Марія Федоровна слушала, опустивъ голову.

— И невозможно, чтобы это съ вами одной. Навѣрно, не съ одной, но только объ этомъ вы, можетъ быть, никогда, никогда не узнаете, — и это ничего, что не узнаете, лишь бы вы въ это повѣрили. Вы же вѣрили, когда съ мальчикомъ говорили?

— Да, вѣрила, — едва внятно проговорила она.

И тутъ, въ подтвержденіе моей правды, я заговорилъ о Немъ, о томъ, что всѣ дѣла и слова Его порукой: невѣроятное можетъ осуществляться. Я впервые назвалъ Его по имени, торопясь и путая немного, припомнилъ чудеса, слова Его и обѣщанія..., а потомъ само собой вышло, что я заговорилъ о ночи Воскресенія.

— Вы помните? Никто не вѣрилъ, никто не могъ повѣрить, всѣ растерялись: стража, ученики, женщины... Небывалая, невозможная очевидность! Пустая могила, брошенный саванъ...

— И ангелъ — помните? — тихо прервала Марія Федоровна.

— Да, помню — и ученики..., а подъ утро встрѣча съ Маріей Магдалиной.

— Какъ странны, почти жестоки, сказанныя ей слова!

— Нѣтъ-нѣтъ, они не жестоки... — взволнованно заговорилъ я. — Они лишь знакъ того, что все между ними отнынѣ по новому, по небывалому. Ей, ей первой, въ ту ночь вся тайна откровенія: что воскресъ, что ученики отнынѣ Его братья, и она сама не прежняя, не та, что женски-безпомощно Его оплакивала, а другая, новая, которую она сама въ себѣ еще не знаетъ...

— Равная апостоламъ? — сразу поняла Марія Федоровна.

— Да, потому тутъ же и порученіе: «иди и скажи...» и она пошла и возвѣстила.

— А на другой день, помните, встрѣчу на дорогѣ?

— Ахъ да, когда день склонялся къ вечеру....

Такъ дополняя и осторожно перебивая другъ друга, мы припомнили и далѣе всѣ явленія Его послѣ Воскресенія.

Мы говорили шопотомъ, съ тѣмъ увлеченіемъ, когда забыто время. Уже ни Марія Федоровна, ни я не думали, много ли, мало ли мы въ пути. Мы жгли наши огарки, а

когда сожгли всѣ, продолжали говорить въ синемъ сумракѣ разсвѣта.

Что было у насъ въ душахъ?

Простой человѣческой радости, беззаботной, легкой и самоуверенной, не было. Ощущеніе окружающей злобной, слѣпо-ожесточенной стихіи ни на мгновение насъ не покидало. Но было свѣтлое удивленіе другъ другу, тому, что души созвучны, согласны, точно стройно, на два голоса, всю ночь мы поемъ объ одномъ и томъ же. И когда утро высвѣтило наше грязное купѣ, а за окномъ мы уже различали телеграфные столбы, тонкоствольныя березы, туманъ надъ болотами — мы словно созвучія этого испугались и смущенно замолчали.

Смутилъ насъ и неистовый стукъ въ концѣ коридора. Это кондукторъ будилъ агитаторовъ, предупреждая, что имъ сейчасъ выльзаться.

Дѣйствительно, скоро поѣздъ замедлилъ ходъ. Замелькали крыши строеній, большія березы въ вороньихъ гнѣздахъ, унылыя, весеннія дороги поселка... Агитаторы высыпали въ коридоръ и, топая, перекликаясь и кряхтя, потащили къ выходу какую то тяжеляю кладь.

«Пропаганду привезли», рѣшилъ я.

Мы увидѣли ихъ гурьбой на платформѣ подъ самымъ нашимъ окномъ, какъ только подѣхали къ станціи.

Въ растегнутыхъ курткахъ, въ солдатскихъ шинеляхъ, кто въ сбитой на затылокъ кепкѣ, всклокоченные, неумытые, съ бѣлыми, отекавшими отъ сна лицами — они озабоченно топтались вокругъ сваленныхъ въ кучу тюковъ и о чемъ то совѣщались.

Станція была небольшая, съ дряннымъ вокзаломъ. Недавнимъ пожаромъ ему обуглило бокъ, а незастекленные окна были крестъ-на-крестъ забиты досками.

Въ виду ранняго часа все спало мертвымъ сномъ, и станціонное начальство на платформу даже не показалось.

По жестамъ, выразившимъ крайнее неудовольствіе,

и долетѣвшимъ до насъ возгласамъ, можно было заключить, что обѣщанныхъ подводъ за ними не выслали, и имъ придется теперь самимъ разыскивать въ поселкѣ лошадей. Они угрюмо оглядѣлись по сторонамъ, закурили и, оставивъ тюки мокнуть подъ дождемъ, повалили въ вокзалъ. Паровозъ затрубилъ тревожно-протяжно, точно оповѣщалъ всю округу, что привезъ на праздникъ гостей недобрыхъ, и мы отѣхали.

За тусклымъ стекломъ окна, надъ пустыми черными полями плыло сѣрое небо — никому ненужный сейчасъ просторъ, волновавшій насъ, русскихъ, когда то отъ избытка силъ, отъ богатства желаній... Теперь я глядѣлъ на мутный горизонтъ, на разбѣгающуюся во всѣ стороны землю и не находилъ въ нихъ прелести. Не то сама земля закрыла отъ насъ, революціонныхъ поколѣній, свой чистый ликъ, не то я утерять способность созерцанья, но только между мной и землей была отчужденность. Она была точь въ точь такая же, какую я испытывалъ теперь ко всему родному: къ своимъ согражданамъ, которые теперь казались инородцами, къ Петербургу, изъ котораго мнѣ хотѣлось бѣжать, къ родному языку, отъ котораго часто отвращался слухъ, такъ обезобразили его мягкую пѣвучесть грубыя и невѣрныя словосочетанья. Какъ преодолѣть этотъ разрывъ? И надо ли? Что думаетъ Марія Федоровна? Я вспомнилъ о ней и отъ думъ очнулся.

Марія Федоровна спала. Лежала, положивъ голову на свернутый пледъ, какъ тогда, въ заутреню, лицомъ къ стѣнѣ. Руки устало вытянулись вдоль тѣла, конецъ распутившейся черной косы соскользнулъ на плечо.

Я поднялъ упавшія шпильки и осторожно задернулъ занавѣску.

Вся бѣдная пасхальная радость моя была сейчасъ въ томъ, что она проснется, опять заговоритъ со мной, и что мы въ Петербургѣ не разстанемся... А если разстанемся? Какой нерасторжимостью мы связаны? Никакой. Не по-

тому ли она ни словомъ о петербургскихъ своихъ планахъ не обмолвилась и лишь просила отвезти ее къ родственникамъ? Но чѣмъ больше я тревожился, тѣмъ больше волновало меня само присутствіе Маріи Федоровны. Оно и мучило меня, и утѣшало: то пугало разставаньемъ, то оживляло радостью, что еще не разстались.

Нѣтъ, разставанья быть не можетъ! Эта ночь насъ связала. Марія Федоровна мнѣ ближе, чѣмъ когда либо, гораздо ближе, чѣмъ еще вчера, въ Москвѣ, и она тоже про мое тайное теперь что то знаетъ...

Я постоялъ надъ спящей, съ глубокой вѣрой думая о ней. Потомъ забился въ уголъ и пытался задремать.

Въ тишинѣ, мирѣ, въ чуткой дремѣ мы ѣхали до Любани. И тутъ празднику пришелъ конецъ.

На платформѣ поѣздъ ожидала большая толпа экскурсантовъ-школьниковъ. Они ввалились со значками, съ красными флажками, съ пайками въ кузовкахъ — шумные, непосѣдливые, возбужденные. Съ крикомъ-гикомъ заполнили всѣ мѣста, проходы, выходы и, лишь только тронулись, затянули голосисто, заглушая шумъ поѣзда, ужъ запѣтый бунтарскій гимнъ.

Такъ, въ давкѣ, въ гвалтѣ, съ революціонными пѣснями, мы и прибыли въ нашу Галилею.

ГЛАВА XX.

Дома меня ждала бѣда. Въ мое отсутствіе погорѣлъ Рыжиковъ. Заливая Рыжикова, пожарные проникли и въ мою квартиру, все перепортили, а главное, — погорѣлецъ домовый комитетъ вселилъ ко мнѣ явочнымъ порядкомъ.

Квартира была неузнаваема. Изъ кухни валилъ чадъ, по всему коридору развѣсили дѣтское мокрое бѣлье, а въ столовой, несмотря на пасхальный столъ, рыжиковская жена со свояченицей купали въ корытѣ ребенка. Въ кабинетъ (его мнѣ оставили) сундуки и шкапы оказались почти пусты, за то на письменномъ столѣ лежали копіи протокола о вселеніи и опись имущества принятаго вселяемыми.

Я поднялъ шумъ, грозилъ уголовнымъ розыскомъ, но Рыжиковы клялись-божились, что, въѣхавъ, сами диву дались, кто могъ такъ все уворовать. Я бросился съ заявленіемъ въ комитетъ, но Петръ Ивановичъ, во хмелю по случаю Пасхи, съ яичнымъ желткомъ на усахъ, сначала полѣзъ христосоваться, а потомъ разсказалъ, съ непонятнымъ удовольствіемъ (совсѣмъ какъ солдатъ во время обыска у Ловчиныхъ объ открытомъ въ печкѣ заговорѣ), что народу, добровольцевъ всякихъ, вслѣдъ за пожарными набилось въ мою квартиру сила, и всѣ въ голосъ кричали, что «квартиронаниматель какъ есть, сейчасъ весь погорить, и надо спасать его имущество безъ промедленія».

— Да тутъ всѣ — къ шкапамъ! къ сундукамъ! — рассказывалъ Петръ Ивановичъ. — Тяжелое время. Алексѣй Палычъ: покуда сидишь на имуществѣ — твое, какъ всталъ — чужое.

Къ ограбленію прибавилось увольненіе со службы (оно послѣдовало въ первый же служебный день), и тутъ нужда впервые зловѣще приблизилась ко мнѣ.

Увольненія, конечно, ожидать мнѣ слѣдовало. Моя нерасторопность продержала правленіе въ состояніи такого нервнаго напряженія, что у Кузовлева вновь открылась зажившая культя, да и всѣ сочли задержку признакомъ столь грознымъ, что нѣкоторые наши главари поспѣшно вернули мандаты и разсѣялись по деревнямъ. Встрѣтили меня со злобой нескрываемой, отняли бумаги и уволили, не угрожая худшимъ лишь потому, что я слишкомъ много могъ узнать за московскіе переговоры.

Наконецъ, отъ Сережи я узналъ новость самую неблагоприятную: Софья покинула Петербургъ. Взяла первое попавшееся назначеніе по инспекціи дѣтскихъ домовъ Приуралья и уѣхала съ поспѣшностью необычайной. Передъ отъѣздомъ, поздно вечеромъ, почти ночью, позвонила Сережѣ по телефону и очень взволнованнымъ голосомъ просила мнѣ передать, что уѣзжаетъ и въ Петербургъ больше не вернется. Сережа хотѣлъ, было, расспросить о назначеніи, но она повѣсила трубку. Мы съ нимъ догадались сразу: не могло быть, чтобы для Іосифа Эдуардовича, въ такое раздолье, свѣтъ клиномъ на Сонѣ сошелся. Вѣроятно, не сошелся...

Такъ послѣ Москвы мнѣ и открылась жизнь невѣрная, жуткая, бѣдная, вся сцѣпленная изъ случайностей. Это состояніе меня и мучило, и пугало, усугубляясь тревогой о Маріи Федоровнѣ.

Съ ней мы не разстались, но судьба разметала насъ въ самые дальніе концы города. Я отвезъ ее на Васильевскій Островъ (на Надеждинской давно уже все разграби-

ли) къ ея дальнимъ родственникамъ, но семья была большая, сбита съ ногъ болѣзнями, смертями, арестами, полнымъ, до тла, разореніемъ и ждала лишь случая прорваться черезъ границу. Марія Федоровна была тамъ явно въ тягость. Наши свиданья были рѣдки, всегда на людяхъ, и терзали меня очевидностью, что она въ такой же бѣдности, какъ и я. По ея порученію, я бросился къ Пасхалову, но онъ выбылъ въ провинцію на художественную экспертизу какой то разгромленной усадьбы. Оставалась помощь старыхъ связей. Утѣшительнаго и тутъ ничего не было. Шкарева и слѣдъ простылъ. Передавали слухъ, что онъ недавно переѣхалъ въ Нижній Новгородъ, гдѣ Д. отличается въ кинематографическихъ съемкахъ. Исчезли и братья Ермолаевы; семьи погибшихъ — Линева, Рукавишникова, Паульсенъ — всѣ попрятались кто куда, чтобы пропасть безслѣдно изъ виду и памяти властей. Вообще насъ встрѣтила въ Петербургѣ пустота, не неустройство, не развалъ организациі, а именно пустота; даже безтолковая «Помощь», выдававшая невѣрныя справки, стала неуловимой: вѣроятно, свернулась за отсутствіемъ средствъ. Все это рассказала намъ Анна Ивановна, предупреждая объ опасности настойчивыхъ поисковъ старыхъ слѣдовъ. Словомъ, мы съ Маріей Федоровной очутились въ несчастьи, въ бѣдности, въ непріятной людской зависимости.

Я никогда не думалъ, что бѣдность можетъ обуславливать жизнь очень напряженную, дѣятельную, въ которую человѣкъ вкладываетъ всѣ свои силы безраздѣльно; что въ ней самое тягостное не нехватки, а страхъ передъ ними, чувство беззащитности, сиротства и повышенное ощущеніе въ себѣ физической жизни — одно изъ самыхъ мучительныхъ состояній, если оно возникаетъ не отъ жизнерадостности, а отъ тревоги за свое существованіе.

Мы съ Маріей Федоровной часто теперь озабоченно говорили о мелочахъ, о которыхъ въ Москвѣ никогда не говорили. Случалось мнѣ ее не заставить, — родственни-

ки усылали по комиссіоннымъ порученіямъ; случалось видѣть, какъ она, измученная, возвращалась послѣ бесполезныхъ поисковъ. Да, мы были въ ту весну не общественные дѣятели и не предприимчивые враги власти, а просто обнищавшіе русскіе люди. Но, можетъ быть, именно въ простотѣ, съ которой мы это несчастье приняли, безъ пышныхъ словъ о тлѣнности всего земного, и заключалась вся его умудряющая сила.

Я днями метался, отыскивая работу, совалъ рекомендательныя письма (мнѣ Сережа тутъ помогъ), упрашивалъ, на всѣ неудобства соглашался, но, хотя видимо-невидимо новыхъ учреждений открылось, всюду нужна была протекція вліятельныхъ людей. А пока приходилось послѣднія, даже необходимыя, вещи къ Швайцеру носить. Бѣгалъ я и къ надежнымъ спекулянтамъ. Случалось и оказію ловить.

Какъ то разъ я услыхалъ, что Рыжиковы хотятъ купить дѣтскую коляску. Я тотчасъ вымѣнялъ ее у Сережиной жены на свою бѣличью венгерку и къ вечеру уже имъ коляску прикатилъ — нехорошо, конечно, сдѣлалъ, потому что обнаружилъ, что очень нуждаюсь и далъ поводъ долго и противно со мною торговаться. Но тогда было такъ: только бы случай не упустить.

Никогда человѣкъ не ощущаетъ свою выгоду, свою добычу съ такою страстью, какъ въ бѣдности. Онъ приобрѣтаетъ навыкъ ее отыскивать, дѣлается нервно-чуткимъ, какъ гончая. Вообще человѣкъ въ бѣдности всегда въ тревогѣ, въ безсонницѣ, въ томленіи, въ безтолковой дѣловитости: такъ всякая букашка — пойманная — трепещетъ отъ страха и страсти освобожденія.

Измѣнилось наше настроеніе внезапно, въ концѣ мая. Помогла фонаревская Дарья.

Она служила у Персиковъ, новыхъ жильцовъ, что вѣхали въ фонаревскую квартиру.

Семья была пріѣзжая, съ польской границы, боль-

шая, сытая, довольная положеніемъ вещей, съ покровителемъ-дядюшкой въ самомъ правительствѣ. Весь нашъ домъ забыть не могъ, что вещи съ вокзала привезли на казенныхъ подводахъ, а сами прибыли на придворной линейкѣ, на одной изъ тѣхъ, что возили при царѣ дворцовую челядь.

Даша на дворѣ не разъ увлекала меня куда нибудь въ сторону и сплетничала о чужомъ добрѣ, и восхищаясь имъ, и возмущаясь.

— Продовольствія у нихъ, продовольствія — страсть! Только заикнусь: «Кофій весь». «На, кофій!» — «Маслице у насъ къ концу». «На, масло!» — Сильные люди, ой, сильные, Алексѣй Палычъ...

— Вамъ, Даша трудно? — спросилъ я ее однажды. Даша только рукой махнула.

— Трудно? Трудно? Да я послѣ Александры-то Петровны прямо голодомъ сидѣла. Куда мнѣ дѣваться? Конечно, трудно. Люди тяжелые, чужіе... Наша то молодая изъ русскихъ взята, такъ и ее нѣтъ-нѣтъ прорветъ. Вчерась какъ вскинется, какъ раскричится... Зачѣмъ смѣли ребеночка ейнаго въ районѣ Исаакомъ, въ дядю ихняго, записать! Ужъ и мнѣ жалко ее стало. Говорю ей: «Наталя Николаевна, голубушка, не плачьте! Ну, для нихъ пусть Исаакъ, а вы его тайкомъ хоть въ папочку вашего — Николаемъ — покрестите».

Вотъ этой то благополучной семьѣ и отвели по ордеру дачу въ Павловскѣ, большую, удобную, изъ тѣхъ, что строили для себя домовитые петербургскіе купцы. Несмотря на то, что туда разсчитывали набиться всей кучей, съ деверями, со свекровью, оставалось свободное помѣщеніе во флигелѣ, и это новыхъ хозяевъ тревожило.

— Прямо задаромъ жить пустятъ. Только говорятъ, чтобы неподглядчики какіе... — объясняла Дарья, — я имъ про васъ и сказала.

— Спасибо, Даша, да вѣдь мнѣ работу искать надо,

и я не одинъ... одна моя знакомая... она очень больна была зимой, я ее не оставляю.

Дарья задумалась.

— Что же, можно и дамочку, — простодушно сказала она. — Никишу внизъ, а васъ обоихъ надъ прачешной.

На утро явился ко мнѣ глава семьи — старшій Персикъ, Моисей, разбитной молодой человѣкъ, гладко выстриженный, съ черными усиками, хорошо одѣтый, въ добротномъ драпѣ, въ свѣжей кепочкѣ, въ галстухѣ — пестро-красной бабочкѣ — и безъ всякаго замѣшательства повторилъ предложенія Даши, но добавилъ, — комнаты наши, разумѣется, безъ пользованія садомъ; намекнулъ на связи, на дядю, сказалъ, что завѣдуетъ націонализацией какой-то фабрики и торопливо удалился.

Марія Федоровна приняла мой планъ, какъ освобожденіе. Жить у родственниковъ, послѣ сокращенія пайка, становилось невыносимо, бѣдствовать можно было всюду — и мы, распродавъ, что осталось, переѣхали въ первыхъ числахъ іюня, въ дни стремительно нахлынувшего лѣта, въ самую-то зелень, въ цвѣты, нѣгу, въ птичій щебетъ...

Поселились мы надъ прачешной, во флигелѣ, прижатомъ въ уголъ просторнаго двора, у самыхъ воротъ: двѣ бѣдныя комнаты, бывшія кучерскія, со скошенными потолками, со скрипучими половицами и затекшими сажей желѣзными печками (этой зимой, видимо, кто то пришлый здѣсь уже ютился), съ невывѣтрившимся, вѣдчивымъ запахомъ кожи и прѣлаго сукна. Но зато окна выходили не на дворъ, а въ сосѣдній, большой и необычайно тѣнисный садъ. Деревья были такъ густы, что у насъ всегда стоялъ зеленый сумракъ, и лишь въ ясный полдень появлялись на стѣнахъ солнечные блики. Въ дожди-ливни къ намъ быстро поднимался туманъ, и даже въ зной пахло мокрой зеленью.

Въ этой зеленой темнотѣ мы и жили.

Я полюбилъ эти комнаты съ перваго вечера, когда, послѣ всѣхъ хлопотъ переѣзда, неустройства, переговоровъ съ ворчливой, скупой старой Персикъ, разставшись съ Маріей Федоровной, я, наконецъ, остался одинъ.

Я вошелъ къ себѣ, въ прохладную полутьму, такую тихую, что слышно было, какъ жужжать комары. Въ окно глядѣла ночь, — въ зеленоватыхъ сумеркахъ оцѣпѣвшій вечеръ, — надъ тонкими листьями кленовъ стояла мутная луна, внизу стволы деревьевъ оплывалъ туманъ. Я подумалъ: «Марія Федоровна со мной...» и мысль свою почувствовалъ: «мы связаны неразлучно». Это сознаніе, что мы «связаны», не давало мнѣ покоя съ той минуты, когда мы вышли изъ вагона на жаркую, грязную Павловскую платформу. Для чего «связаны»? Для взаимной помощи? Для добрыхъ отношеній? Не можетъ этого быть, чтобы для этого! Марія Федоровна сказала матери Розенкирхъ, что хочетъ жить по новому, но новаго, какъ будто, ничего въ жизни нашей не было. «Да и откуда быть ему, живя со мной!» виновато подумалъ я. Героическое прошлое отлетѣло отъ меня, настоящее, какъ у всѣхъ, было жалко и ничтожно. Правда, и у Маріи Федоровны оно было то же, какъ у всѣхъ, безрадостно и обыденно. Однако, (это я помню твердо) — никогда, за все сближеніе съ ней — никогда, она не казалась мнѣ столь необыкновенной, какъ именно въ эти негероическіе дни. Необыкновенна была ея всегда ровная безропотность, тихая терпѣливость и затаенное воодушевленіе, о которомъ я догадывался лишь потому, что оно мнѣ передавалось, влекло, тревожило, будило, оживляя самую способность крѣпко и безусловно желать. Общеніе съ Маріей Федоровной было въ ту весну для меня не усладой и совѣмъ не успокоеніемъ, а волненіемъ, тревогой и плѣнительной трудностью ея, непонятную, вынести.

Большой для меня тайной было ея отношеніе ко мнѣ. Если моя любовь безотвѣтна (навѣрно, безотвѣтна!), по-

чему мы вмѣстѣ? Добрымъ, удобнымъ другомъ я быть не хочу, я съ этой судьбишкой не примирюсь, не сживусь никогда (никогда!), даже въ такое безвременье, когда люди другъ съ другомъ отъ отчаянія, какъ давленныя ягоды, слипаются. Неложная вѣра въ Марію Федоровну мнѣ подсказывала, что она никогда бы меня для житейскихъ неудачъ не использовала, какъ съ вещью бы не поступила, если бы мою любовь и разгадала. А если разгадала и все же поѣхать со мною согласилась?

Въ тотъ вечеръ я впервые послѣ Москвы о себѣ и о своемъ подумалъ, о томъ, что я отъ безотвѣтности, какъ отъ недуга, убожества, смерти отвращаюсь. И все же тайна осталась тайной и тѣмъ глубже, что я отвѣта ждалъ небывалаго: не благодарно-благородныхъ чувствъ и ужъ, конечно, не женскаго отвѣтнаго птичьяго щебета (въ Маріи Федоровнѣ и немыслимаго), а чего то совсѣмъ иного — плѣнительно-прекраснаго соотношенія нашихъ двухъ судебъ.

Эту требовательность возростила расцвѣтающая во мнѣ религіозность. Она незамѣтно преобразовывала самую природу моего сознанія, а тяжелое матеріальное положеніе, которому особую остроту придавало постоянное безпокойство о Маріи Федоровнѣ, этому преображенію благопріятствовало. Изъ дня въ день, отъ бѣды къ бѣдѣ оно приучало меня переживать все по неизвѣданному. Я убѣждался, что существованіе мое хрупко, а способы самозащиты ничтожны, и лишь скрыто-сцѣпленные случайности его спасаютъ и хранятъ. Роль случая я узналъ на войнѣ, но теперь я прикасался къ самой тайнѣ его возникновенія.

Не утаю: я началъ иногда осторожно молиться, то есть, молитвъ я по прежнему не читалъ и въ церковь не ходилъ, а вечеромъ или ночью, проснувшись, я говорилъ Богу о томъ, что меня устрашаетъ: о матеріальной без-

выходности, о безработицѣ, объ отвращеніи къ русскому народу и еще — о Маріи Федоровнѣ, о безотвѣтности...

Навѣрно, пребываніе въ Павловскѣ было бы просто чредой житейски-трудныхъ дней, если бы не переворотъ, который со мной въ то лѣто произошелъ. Обстоятельства складывались такъ, чтобы вывести меня изъ круга личныхъ переживаній, всегда бѣдныхъ, какъ бы возвышенны они ни были, и научить осмысленному общенію съ людьми. Но общеніе это было иное, чѣмъ въ университетѣ, въ отрядѣ, въ подпольѣ. Тамъ я попадалъ въ волну людскую и бессмысленно, безропотно средѣ подчинялся; теперь я отдавалъ себѣ отчетъ, — кто и почему меня отвращаетъ и влечетъ. Перейти отъ упрощенности личного удѣла къ сложности общенародной судьбы было мнѣ трудно, повѣдать сейчасъ объ этомъ еще труднѣе.

Черезъ недѣлю послѣ нашего переѣзда въ Павловскъ, Сережа нашелъ мнѣ работу.

Въ особнякѣ, на Галерную, свозили реквизированные библіотеки, нагнали туда разборщиковъ, и насъ, интеллигентовъ, скопилось возлѣ этого книжнаго добра человекъ десять.

Затѣй завѣдывали рабочіе типографіи Главнаго Штаба, но на дѣлѣ въ домѣ цариль-княжилъ Евграфъ Егоровичъ Шпилюка, немолодой партійный человекъ изъ земскихъ статистиковъ.

На лицѣ его, некрасивомъ, бородатомъ и рябомъ, маской застыло выраженіе торжества, и, казалось, какое злодѣйство, свое ли, власти ли, не измѣнить этого застывшего въ побѣдный часъ удовольствованія. Работать онъ съ фанатическимъ насадомъ, по отношенію къ намъ былъ взыскателенъ, подозрителенъ и грубъ, но добивался, чего хотѣлъ: мы исполняли его приказанія безропотно.

Выйдутъ ли у Шпильки «Книжные Закрома» (это наименование придумалъ Шпилька и имъ восхищался) — не выйдутъ, намъ было все равно. Мы топтались вокругъ ящиковъ, совсѣмъ какъ кладбищенскіе воры, которые, разрывая могилы, ошариваютъ трупы. Смушали насъ, правда, двѣнадцать ящиковъ бѣдняги Н. Его книги, зачитанныя, живыя, испещренныя его помѣтками, казалось, пахнуть его кровью... Но противъ службы мы все-таки не бунтовали, мы были добросовѣстны. Не потому ли — къ мѣсту и не къ мѣсту — мы увѣряли другъ друга, что участковыя бібліотеки новшество полезное и — «совсѣмъ по-американски»?

Зато, когда послѣ службы и переѣзда въ раскаленные, какъ печка, вагонахъ, я попадалъ въ обвечерѣвшій паркъ и, присѣвъ гдѣ-нибудь на перепутьи въ зеленой тиши, глядѣлъ на лужайки, на липы, на пруды, — я начиналъ тосковать о самомъ скромномъ, самомъ маломъ удѣлѣ: жить въ трудѣ, бѣдности, безвѣстности, но по совѣсти, по самымъ безхитростнымъ законамъ нравственности, ну, хоть такъ, какъ можетъ жить внѣ Россіи любой сапожникъ.

Свидѣтельствую, — и это для всѣхъ грядущихъ поколѣній! — беспощадное принужденіе государственной власти ко грѣху — растлѣніе самой природы человѣческаго общества. Въ любой уголовщинѣ есть щель въ міръ добра: покаяніе, искупленіе, прощеніе... У насъ всѣ щели оказывались законопаченными, и совѣсть, обмирая отъ ужаса, безысходно принуждаемая къ беззаконію, тлѣла во злѣ, пока не испепелялась, или не находила въ себѣ мужества безпредѣльнаго терпѣнія. И мы жили въ противоестественномъ состояніи: покорялись злу, раздирая душу сознаніемъ того, что творимъ.

Это страданіе еще крѣпче связало меня съ Маріей Федоровной. Она тоже узнала въ то лѣто, что значитъ плѣненіе совѣсти. Ея случайными мучителями стали Персики.

Они жили возлѣ насъ жизнью необыкновенной. Среди неустройства устроились, въ обнищаніи богатѣли, въ безсиліи входили въ силу. Въ чужой дачѣ расположились безцеремонно, но предусмотрительно. Перерыли чердаки и кладовыя, вытащили гамаки, дорогую садовую мебель; зато качели, стеклянные шары и карликовъ отослали въ мѣстную коллегію по просвѣщенію; въ погребѣ отрыли вина и тутъ же, съ услужливостью друзей власти, заявили о находкѣ въ совѣтъ, но при сдачѣ погреба едва осталась и половина вина: наканунѣ вечеромъ Персики вывезли его въ Петербургъ для подпольной продажи.

Семья жила сплоченно и дѣловито. Ежедневно всѣ ѣздили въ городъ по разнымъ дѣламъ и службамъ, а вечеромъ возвращались, какъ муравьи въ кучу, и всегда они что-то привозили, отвозили, взвѣшивали и развѣшивали. Служили всѣ: Моисей былъ подъ рукою у дяди, Лазарь и Наумъ — по интендантству, младшихъ — Абрама и Яшу — братья гоняли съ порученіями въ городъ, а то подъ вечеръ на велосипедахъ съ таинственными узлами въ Царское. Даже старая Персикъ, тяжелая усатая женщина, ежедневно, еле живая отъ усталости, пріѣзжала со службы и весь вечеръ лежала на балконѣ, безъ кофты, выставивъ въ вечернюю прохладу свои огромныя босыя ноги и, обмахиваясь сложенной вѣеромъ «Правдой». Исключеніе составляла Наталья, жена Моисея, у которой младенца записали Исаакомъ.

Это была тонкая, красивая и, повидимому, нервно-больная молодая женщина, почти дѣвочка. Она нигдѣ не служила и никуда не ѣздила. Въ мѣстномъ отдѣлѣ по регистраціи она значилась «грудью кормящей», хотя къ этому занятію отношенія не имѣла. Вставала она къ полудню, любила бродить по саду полураздѣтая, съ распущенными волосами, замотанная въ яркія цыганскія шали, либо лежала часами въ гамакѣ, закинувъ руки за голову, жалобно что-то напѣвая. Иногда спускалась къ пруду купаться и

пропадала такъ долго, что Даша бѣгала глядѣть «не топиться ли вздумала?» Наталья возвращалась съ мокрыми волосами и съ огромными охапками полевыхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ плела никому не нужныя гирлянды и тутъ же швыряла ихъ за заборъ сосѣдней заколоченной дачи. Даша увѣряла, что «она какъ бы сама не въ себѣ», опредѣляя этимъ то впечатлѣніе, которое производилъ на всѣхъ быстрый взглядъ ея злыхъ зеленыхъ глазъ, развинченная, слегка подпрыгивающая походка, странная привычка ходить всегда раздѣтой и бездѣльно-одинокій образъ жизни, который нормальному человѣку не вынести. Ребенка она не любила, мужа тоже. Семейю явно гнушалась, въ дѣла ея не вникала. Отъ времени до времени, ошалѣвъ отъ однообразія жизни, она устраивала столь отвратительныя сцены, съ истерикой, съ обмороками, что Моисей, всегда сдержанный, дѣловито-разсчетливый, терялъ самообладаніе и съ растеряннымъ видомъ мчался въ Петербургъ. Оттуда онъ привозилъ женѣ обновки, подарки, угощеніе, все, что могъ раздобыть, соря деньгами, у подпольныхъ перекупщиковъ, а въ ближайшее воскресенье созывалъ гостей.

Собирались они къ полудню: пѣвички, матросы, актеры, красные командиры, музыканты оркестра, сослуживцы-работчіе (покровители и подчиненные) — крикливая ватага, жадная до развлеченій и столь хозяевамъ малознакомая, что, проводивъ гостей, старая Персикъ съ Дарьей кидались къ буфету, къ шкапамъ — смотрѣть, все ли цѣло.

На этихъ собраніяхъ царила Наталья. Она становилась буйно-веселой, крикливой, кокетничала, пѣла пѣсни подъ гитару, плясала полуодѣтая что-то босоного-безпомощное, — и наконецъ, набѣсившись вволю, ослабѣвъ отъ надрыва, засыпала гдѣ-либо приткнувшись, а на утро начинала вновь свою жизнь краденаго ребенка въ цыганскомъ таборѣ.

Источникомъ благоденствія Персиковъ были не однѣ связи. Моисей отправлялъ шерсть съ фабрики въ вязальную государственную мастерскую, которой завѣдывала старая Персикъ. Наумъ и Лазарь принимали (или браковали) въ интендантскихъ складахъ связанныя въ материнской мастерской вещи, а Яша и Абрамъ размѣщали по комиссіонерамъ все, что удавалось недовѣсить, списать въ бракъ и попросту припрятать матери и старшимъ братьямъ. Попадало кое-что и на дачу, тюками, прямо съ фабрики. Старуха и сама вязала и давала работу «на красныхъ бойцовъ» (такъ она выражалась) — Дарьѣ, въ надежныя знакомыя семьи, даже бабамъ, что караулили въ то лѣто великокняжескій дворецъ.

Все это узналось лишь позднѣе, а поначалу мы видѣли лишь суетливую жизнь и усиліе наладить на мѣстѣ производство солдатскихъ фуфаякъ.

Провѣдавъ о нашемъ положеніи, Персикъ подослала Дарью:

— Если мадамъ нужно, работа найдется.

Помню то утро, когда я увидалъ Марію Федоровну съ узломъ въ рукахъ. Она шла по двору въ поношенномъ черномъ платьѣ, въ кружевной косынкѣ, въ старыхъ желтыхъ туфелькахъ.. тонкая, легкая, слабая, бѣдная, показавшаяся мнѣ особенно трогательно-бѣдной, быть можетъ, отъ неуклюжей своей ноши.

Я побѣждалъ ей навстрѣчу, хотѣлъ взять узелъ.

— Шерсть, по-моему, краденая, — твердо сказала она, но узла не дала. — Не надо, Алексѣй Павловичъ, я сама... — волнуясь и краснѣя, проговорила она.

Дома она ушла къ себѣ, и мы не видались до вечера.

Ни она, ни я не говорили впослѣдствіи, что мы испытывали, но оба тогда чувствовали: каждый помнить о томъ, что дѣлаетъ.

И все-таки, надо сказать правду: бібліотека и фуфай-

ки насъ выручали, насъ спасали отъ голода, тревогъ, безсонницъ, отъ ужасанья, что настигаетъ безысходность.

Въ эти-то дни и возникло у меня новое общеніе съ людьми. Зимой я къ людямъ липъ, ихъ домогался, много бы далъ, чтобы Сережина семья меня въ сочельникъ одного не оставила, а теперь я искалъ единомыслія, стремился кому-нибудь, душѣ созвучному, уподобиться и себѣ кого-то уподобить. Можетъ быть, это была простая потребность найти отраженіе во внѣшнемъ мірѣ моихъ отношеній къ Маріи Федоровнѣ. Словно въ отвѣтъ на нее, возникла моя дружба съ Юріемъ Розенкирхомъ.

Онъ жилъ, вѣрнѣе, скрывался съ матерью у чухонъ-колонистовъ подъ Царскимъ, ютился у мѣстнаго пастора, которому его дѣдъ, обрусѣвшій шведъ, когда-то въ юности помогъ. Сейчасъ онъ пристроилъ Юрія къ колонистамъ, по подложному документу, въ батраки, а мать зачислилъ служанкой пастората. Объ этомъ насъ уже давно освѣдомила Анна Ивановна.

Какъ-то утромъ въ воскресенье подѣхала къ нашей дачѣ старая запыленная бричка, и съ козелъ соскочилъ молодой рыжебородый мужикъ, въ слинявшей рубахѣ, въ огромныхъ разбитыхъ сапогахъ, — Юрій Розенкирхъ... Кто бы узналъ его!

Онъ передалъ просьбу матери пріѣхать въ колонію и предложилъ отвезти насъ на пасторской бричкѣ.

Помню нашъ путь царскосельскимъ паркомъ, тѣнистымъ и пустыннымъ, поутру еще совсѣмъ мокрымъ отъ росы; потомъ жаркое, яркое шоссе, поля въ обѣ стороны и васильки въ жидкой, слабосильной ржи... Помню пыльный, жаркій поселокъ, въ то воскресенье безлюдный, словно вымершій (всѣхъ мужчинъ и женщинъ угнали въ Царское на какіе-то перевыборы); маленькій огородъ; заросшій орѣшникомъ тѣнистый его уголъ, съ валкими самодѣльными скамейками, съ досчатымъ кривымъ столомъ — и два высокихъ подсолнечника посреди грядокъ,

наивно-удивленно глядѣвщіе въ нашу сторону; пасторскій домикъ въ глубинѣ двора и самого пастора, бѣлаго, какъ лунь, высокаго, слегка согбеннаго, бритаго, въ чесучовомъ пиджакѣ, въ громадной соломенной шляпѣ, съ осыпавшимися отъ ветхости краями.

Обѣдалъ онъ вмѣстѣ съ нами, на вадкихъ скамеечкахъ подъ орѣшникомъ, и сначала былъ угрюмо-молчаливъ и лишь къ концу обѣда разговорился на своемъ ломаномъ русскомъ языкѣ. Конечно, мы говорили все объ одномъ, о чемъ шептались тогда по всѣмъ угламъ: о власти, голодѣ и проливаемой крови...

— Вы видѣли поля? Жидко, низко, мало, плохо... Земля родить не хочетъ. Люди заболѣли злобой и земля больна. Она, какъ люди... — съ поучительной, по привычкѣ, интонаціей говорилъ пасторъ, кивая на свои убогія, плѣшивыя грядки. — А прихожу я въ дома, — вездѣ, какъ покойникъ. Всѣ жить не любятъ. Когда люди другъ друга обижаютъ, значить, жить не любятъ. И всѣ безпокоятся, даже кому жить хорошо. У насъ въ колоніи войной разбогатѣли — большія деньги за реквизицію имъ платили, и никто не жаловался. А сейчасъ — споры, ссоры, шумъ... Придутъ ко мнѣ старики — говорятъ: «мы, господинъ пасторъ, жить устали». Злое время, охъ, злое время!

— Теперь всѣ бѣгутъ за границу. Можетъ быть, и хорошо уѣхать, чтобы не мучиться больше, — сказалъ я.

— Что вы, Алексѣй Павловичъ, говорите! — горячо даже запальчиво, прервалъ Юрій. — Если соль будетъ испаряться, — все сгніетъ!

— Кто же «соль»? — встрепелась Марія Федоровна.

— Всякій русскій, если сознаетъ, что отъ того, какъ онъ эти годы проживетъ, все зависитъ. У нѣкоторыхъ есть это сознаніе, — съ глубокимъ убѣжденіемъ проговорилъ онъ,

— Такъ думаютъ сейчасъ многіе, я въ Москвѣ слышала... Юрій правду говоритъ, — вмѣшалась Марія Францевна. — Такъ и учать: «явите себя родной землѣ...»

— Молодой человѣкъ имѣетъ фантазію быть благороднымъ викингомъ, — добродушно усмѣхнулся пасторъ.

— Да, у Юрія высокія мечты... — ласково глядя на сына, сказала Марія Францевна.

— Мечты?.. О чемъ?.. — удивился я.

Юрій нахмурился, не отозвался, явно досадовалъ на мать, на пастора, что они намекнули на что-то для него завѣтное.

Но слова Розенкирха запали мнѣ въ душу, да и самъ онъ: его мужицкій обликъ, самоувѣренная манера говорить, даже досада, которой онъ прикрывалъ какую-то тайну, — все меня заинтересовало. Послѣ обѣда онъ собрался идти купать хозяйскихъ лошадей. Я увязался съ нимъ.

Въ малой рѣчкѣ, тихо журчащей среди красныхъ глинистыхъ береговъ, стоя на камняхъ, мы долго купали двухъ густогривыхъ, низкорослыхъ полукровокъ, а потомъ, снявъ недоуздки и отпустивъ въ траву на шоссейныя канавы, сѣли ихъ стеречь въ тѣнь придорожныхъ кустовъ. И вдругъ разговорились съ той простотой и незапной заинтересованностью другъ другомъ, которыми иногда начинается дружба.

— Вамъ должно быть Юрій Николаевичъ, не легко въ работникахъ? — спросилъ я.

Розенкирхъ удивился.

— Мнѣ? Что же изъ того, что нелегко? Сейчасъ все нелегко и всѣмъ нелегко. А знаете, что я думаю? Мы всѣ, всѣ, кто только можетъ физически работать, должны идти въ батраки, черноработіе, носильщики, грузчики... Посмотрите на мои руки (онъ протянулъ мнѣ мозолистыя ладони), — видите? Но лучше скотъ, навозъ, вокзалы,

барки, — что хотите, только не быть помощниками власти.

— А я, вотъ, служу въ одной районной библіотекѣ... — краснѣя за свою судьбу, перебилъ я, — туда свозятъ книги изъ разграбленныхъ квартиръ, и есть даже библіотеки разстрѣлянныхъ... но всѣ оболяются, что «для народа».

— А... я это «для народа» — этого новаго бога — еще зимой разглядѣлъ. Я все это отлично знаю, — участливо глядя на меня, воскликнулъ Юрій. — Скажите, вы вѣрите въ южное дѣло? Вообще, вѣрите вы въ успѣхъ національнаго движенія?

Я отрицательно покачалъ головой.

— А вы?

Онъ на мгновеніе задумался.

— Нѣтъ, больше не вѣрю, — твердо сказалъ онъ. — Надо что-то другое, совсѣмъ другое.

— Вы сказали за обѣдомъ, что многіе тоже хотятъ другого. Я васъ не понялъ, — оживился я, — но очень бы хотѣлъ понять.

Розенкирхъ испытующе посмотрѣлъ на меня, совсѣмъ какъ Настасья Прокофьевна, прежде чѣмъ повѣдать мнѣ свой разладъ съ мужемъ, и, такъ же, какъ она, вдругъ мнѣ повѣривъ, заговорилъ искренно и просто.

— Я еще въ Москвѣ сталъ думать про это, а теперь убѣжденъ. Знаете что? Если всѣ наши «жалованныя грамоты» и «бархатныя книги» не чепуха, и дѣло не въ титулахъ, гербахъ, «Боже, царя храни» и «дворянскихъ гнѣздахъ», а въ томъ, чтобы внести въ народную жизнь безукоризненную честность, мужество, трудолюбіе, вѣрность слову, другу, женщинѣ... всему, чему учили насъ матери, — вѣдь это онѣ обычно рассказываютъ намъ о подвигахъ, о предкахъ, — вотъ, если аристократія — аристократія, а не блистательная пустота, то она бессмертна. Она можетъ мѣнять свой обликъ, можетъ физически

погибнуть, какъ сословіе, какъ классъ, но духъ ея возродится въ народной стихіи, въ новыхъ людяхъ, въ новыхъ формахъ, изъ тѣхъ же самыхъ низовъ, которые сейчасъ насъ истребляютъ... Нѣтъ, вы подождите! Вы выслушайте! — съ воодушевленіемъ воскликнулъ онъ, уловивъ недоумѣнный мой взглядъ. — Надо самую идею аристократизма открыть народу, сдѣлать ее общедоступной, плѣнительной, вожделѣнной. Имъ она сейчасъ запретна. Атаманъ, вожакъ, комиссаръ — это они еще понимаютъ, но избранничество нравственнаго авторитета, сочетаніе власти съ нравственнымъ достоинствомъ — нѣтъ, этимъ они должны еще очароваться.

— Но, вѣдь это одни слова... — скептически протянулъ я.

— Нѣтъ, не слова! — горячо прервалъ меня Розенкиръхъ — Для этого ничего особеннаго и не надо, просто — жить, а это сейчасъ самое трудное: просто — жить, работать, но на всякомъ шагѣ, въ словѣ и дѣлѣ бороться за то, во что мы вѣримъ!

— Ваша мать сказала, что въ Москвѣ она про это слышала?

— Да отъ одной игуменьи. Ее потомъ разстрѣляли. Она и говорила: «явить себя родной землѣ...» совѣтовала людямъ объединяться, сплестись обѣщаніями честности, дружбы, взаимопомощи, нравственныхъ правилъ... называла это «Путемъ Синайскимъ». Она написала завѣщаніе — оно въ Москвѣ ходило по рукамъ. Мы идемъ по ея слѣду...

— Вы говорите «мы» — значить, вы не одинъ? Я не смѣю спрашивать: можетъ быть, это тайна?

— Поименно, конечно, тайна, — сказалъ Юрій — но мы не скрываемъ идеи, когда находимъ это нужнымъ. Здѣсь, въ округѣ, насъ человекъ пятнадцать. Есть женщины. Онѣ служатъ поломойками, прислужой, уборщицами въ пріютахъ. Наше званіе отъ всѣхъ сокрыто. Мы «яв-

ляемъ» наше дѣло, а паспорта подложны. Вотъ и вся «мечта»... улыбаясь слабой и грустной улыбкой, закончилъ онъ.

— Мнѣ пора... — вдругъ встревожился онъ, глянувъ на солнце, — хозяинъ сейчасъ вернется.

Вскочилъ, подобралъ недоуздки и, грузно и некрасиво подбрасывая ноги, въ явно-чужихъ сапогахъ, побѣжалъ ловить коней.

Чужіе кони... чужіе сапоги... чужой паспортъ... и та неуклюжесть, которую приобретаетъ тѣло отъ неослабнаго и непомѣрнаго для него труда... «Что же это? Новое фантазерство или новая гражданственность?» недоумѣвалъ я.

Мы возвращались по шоссе. Шли рядомъ по размытому щебню, по пылию полнымъ рывтинамъ. За нами, фыркая и дуя намъ въ спины, пылили кони.

— Хотите, Алексѣй Павловичъ, будемъ встрѣчаться? — спросилъ Юрій.

— Хочу, — просто отвѣтилъ я.

Розенкирхъ сказалъ, что хозяинъ зачастую посылаетъ его въ городъ, къ чухнамъ, вымѣнивать кое-какія овощи на вещи, и тогда онъ зайдетъ ко мнѣ на службу.

— Мы съ мамой васъ не разъ вспоминали. Помните нашу встрѣчу на Дворянской, зимой, на кухнѣ? Вы собирались ѣхать въ Москву...

— Да, помню, — въ смущеніи проговорилъ я.

Розенкирхъ опять сочувственно поглядѣлъ на меня.

— Идите все прямо-прямо по этой тропинкѣ, — ободряюще сказалъ онъ, — вы выйдете къ пасторскому дому. А мнѣ — дальше. Мой хозяинъ вонъ тамъ, видите, крыша возлѣ той березы?

Въ тотъ день мы вернулись домой подъ вечеръ, на

закатѣ. (Насъ опять отвезъ Юрій). Пасторъ и Марія Францевна простились съ Маріей Федоровной такъ ласково, какъ будто въ мое отсутствіе между ними тремя было что то сказано, что людей сближаетъ и роднитъ. И по отношенію ко мнѣ я уловилъ, когда прощались, ту благожелательность, съ которой старики глядятъ на молодежь, ее въ душѣ за что то одобряя.

Дорогой я впечатлѣніямъ своимъ удивлялся: весь день казался мнѣ необычайнымъ. Отъ любви ли моей, которую я впервые на людяхъ по новому ощутилъ, отъ людей ли, которые о любви моей догадывались, оттого ли, что въ пасторскомъ садикѣ во мнѣ ожило давно забытое чувство людского нравственнаго единенія — не знаю, но когда мы, сокращая путь, объѣзжали Павловскій вокзалъ, и за его лягушечьимъ прудомъ загремѣлъ оркестръ, и со всѣхъ сторонъ спѣшилъ по дорожкамъ на музыку народъ — невиданно разношерстная толпа; а тутъ же у вокзала звонилъ-заливался во всѣ звонки кинематографъ, зазывая зрителей на демонстрацію трактора, и по лужку отъ дворца, по извилистой парковой аллеѣ гнали стадо мычащихъ коровъ... — я подумалъ, что и во мнѣ и во внѣ все измѣнилось до неузнаваемости, и что сегодняшній день, быть можетъ, новый поворотъ на моемъ пути.

Этотъ день заключился грубой неожиданностью.

У крыльца нашей дачи стояла, словно загнанная верховая, вся бѣлая отъ пыли мотоциклетка. Дарья разсказала, что кто-то въ обѣдъ прискакалъ изъ Петербурга предупредить, чтобы ночью ждали обыска. Персики метались, какъ въ огнѣ. Моисей съ Абрамомъ шмыгали по саду и, хоронясь за елками, рыли землю возлѣ курятника. Яша, блѣдный, съ круглыми отъ испуга глазами, таскалъ изъ дому тюки и залѣзалъ съ ними въ ледникъ, — очевидно, ихъ тамъ пряталъ. Наума и Лазаря угнали на первомъ попавшемся поѣздѣ въ городъ. Дарья со страху собрала всѣ связанныя фуфайки — свои и Маріи Фе-

доровны — крючки и клубки, и наказала Никишѣ выкинуть все добро въ овражекѣ сосѣдней дачи, въ самую крапиву; потомъ она затеплила лампадку и унесла къ себѣ въ людскую укачивать младенца Исаака, который, всѣми забытый въ дѣтской, истерически визжалъ и плакалъ. Старая Персикъ засѣла на вышкѣ съ полевымъ биноклемъ...

Одна Наталья недвижно, какъ мертвецъ, лежала въ гамакѣ, закутавшись съ головой въ пледъ, а когда стемнѣло, пришла къ намъ во флигель проситься къ Дарѣ на ночевку.

Я столкнулся съ ней въ сѣняхъ. Увидавъ меня, она бросилась мнѣ навстрѣчу.

— Даша сказала, что вы недавно изъ Москвы... и дама тоже..., чтобы вамъ все сказать, что вамъ можно..., чтобы я все сказала... — пугливо оглядываясь по сторонамъ и отъ волненія едва находя слова, проговорила она. — Вы, можетъ быть, знаете что нибудь про папу. Николай Валеріановичъ Холоновъ... генералъ Холоновъ, его захватили въ Казатинѣ, когда наступали гайдамаки... повезли въ Москву, весь штабъ, всѣхъ взяли... Можетъ быть, вы слышали? вы знаете?

— Надо поговорить... вы расскажите все подробно завтра, сейчасъ трудно. Хотите, я какъ нибудь къ вамъ въ садъ зайду? — стараясь говорить спокойно, но взволнованный мыслью о предстоящей ночи, сказалъ я.

— Хочу, хочу! — тихо воскликнула Наталья. — Но зачѣмъ — вамъ? Я сама приду... когда буду одна, когда можно... — и глянувъ по сторонамъ, она привстала на цыпочки, и шепнула мнѣ зловѣще на ухо: — ихъ сегодня арестуютъ...

ГЛАВА XXI.

Никто Персиковъ не тронулъ, никто въ ту ночь не явился. На утро сыновья привезли изъ города дядю. Запершись съ семьей въ столовой, онъ, говорятъ, угрожающе кричалъ и топалъ, но потомъ почему то сразу стихъ и даже остался обѣдать. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Послѣ памятнаго воскресенья мы видались съ Юріемъ довольно часто. Иногда онъ забѣгалъ ко мнѣ на службу, мы отправлялись на Царскосельскій вокзалъ, и намъ случалось подолгу ждать поѣзда, то въ прохладѣ сквозняковъ, въ уныломъ, пустомъ багажномъ отдѣленіи (никому и въ голову не приходило сдавать что либо въ багажъ), то на платформѣ, проскользнувъ до времени въ самый ея конецъ, къ сбитымъ въ кучу багажнымъ тачкамъ.

Съ Юріемъ мнѣ было легко и интересно. Онъ таилъ въ душѣ «свое» (напоминая мнѣ этимъ Марію Федоровну), ревниво его въ себѣ оберегалъ, и отъ этого оживала всякая съ нимъ встрѣча, всякая, даже краткая, съ нимъ бесѣда. Нравилось мнѣ его нерусское лицо, правдивые голубые глаза, рѣзкая убѣжденность въ словѣ, даже его неказистый батрачій обликъ. Юрій не былъ наряженъ мужикомъ, не притворялся (до притворства ли было), а имъ постепенно становился, противопоставляя, однако, выпавшей на его долю соціальной худости свою нравственно крѣпкую волю; она-то и составляла всю его силу, а для меня — всю его привлекательность. По сравненію съ на-

ми въ «Закромахъ», безобидно-послушными Шпилькиной затѣй, Юрій точно ужъ и не былъ больше нашимъ соотечественникомъ.

Въ краткія наши встрѣчи мы читали расклеенныя на улицахъ газеты, а погомъ шопотомъ обмѣнивались мнѣніями; иногда, чтобы уйти отъ дѣйствительности, рассказывали другъ другу про войну, про студенческіе годы, припоминали то, что еще не забыли изъ бѣдныхъ, полужившихъ уже, университетскихъ нашихъ знаній. Это общеніе непримѣтно связывало насъ, точно чья то рука скрѣпляла отъ души къ душѣ протянутыя нити. Но — странно (именно «странно», и это я подчеркиваю), хотя меня фантастическая вѣрность самому себѣ и восхитала, подражать Юрію мнѣ не хотѣлось. Меня преслѣдовала невязчивая мысль, о которой я даже съ Маріей Федоровной заговорить не рѣшался...

Была она у меня давно, зародилась еще въ подпольѣ; началось съ того, что всякій разъ, когда окружающіе спорили о томъ, какъ все измѣнится, обновится, вернется, стоитъ власти пасть, когда они обсуждали самыя самоотверженные патріотическіе планы — я къ нимъ прислушивался, старался понять и принять, воодушевлялся, но душа молчала. Я точно про что то важное зналъ и не могъ его никому высказать, но ощущалъ, что слабость моя былая привязанность къ народу, землѣ и быту, и я ловилъ себя на мысли — послѣ Москвы постоянно — что хочу переимѣны отъ ужаса, состраданія отъ жалости къ моему странѣ, но что въ спасеніе ея больше не вѣрю.

Поваленный дубъ распиливаютъ на бревна, доски, стружки, дѣлаютъ изъ нихъ множество полезнѣйшихъ вещей, но свою лѣсную жизнь онъ уже окончилъ. Вещи — вещи: ихъ продаютъ, ими обладаютъ, или пользуются. Мгновеніями я съ жуткой ясностью понималъ, что моя страна ниспала въ порядокъ матеріальный, порядокъ вещей... Вызволить ли какая-нибудь сила ее изъ кровавой

ямы — не вызволить, завладѣютъ ли ею жадные иностранцы, или какой нибудь Навузарданъ засядетъ въ Кремль — свобода національнаго, государственнаго бытія нами уже утеряна. Царство погибло — Израиль остался... И для того, чтобы сохранить живую русскую душу — не нужно ли было уйти изъ страны совсѣмъ или отъ нея спрятаться въ потайной уголь внѣгосударственнаго существованія? И не рабья ли доля, давняя, древняя — удѣлъ несчастнаго моего народа?

Вотъ, объ этомъ я и не рѣшался сказать Маріи Федоровнѣ. Мнѣ казалось, я огорчу безнадежностью чистое въ ней и сильное чувство родины. Когда я разсказалъ ей про Юрія, я не встрѣтилъ ни восхищенія, ни отвѣди, и эта молчаливость меня озадачила. Я вообще очень боялся, что я ее чѣмъ либо могу отъ себя оттолкнуть.

Павловскіе дни сближали насъ тѣмъ незамѣтнымъ сближеніемъ, когда судьбы начинаютъ другъ отъ друга зависѣть, переплетаться. Среди тревогъ и бѣдствій того лѣта открылось мнѣ въ любви моей новое. Можетъ быть, оно естественно возникло изъ опасенія за жизнь Маріи Федоровны, потому что физическое недомоганіе послѣ Москвы ее не покидало; но мнѣ казалось, — я ощущаю теперь всю ее неизвѣданнымъ еще тонкимъ воспріятіемъ, чувствую самый трепеть, самое дыханіе въ ней жизни. Я не зналъ, что въ любви это бываетъ.

Я ее всегда, при встрѣчахъ, необычайно ярко, — какъ озареніе, — ощущалъ. Еще въ Москвѣ замѣтилъ, что обликъ ея мнѣ всегда новъ, и что я не просто ее вижу, но радостно всякій разъ узнаю. Эта постоянная радость узнаванія придавала ея внѣшности особое значеніе; все въ ней было, какъ будто, внѣ моей эстетической оцѣнки, а между тѣмъ одною красотою и было преисполнено. Марія Федоровна волновала мнѣ душу своею внѣшностью уже потому, что это было ея лицо, ея глаза, волосы, руки... И не только внѣшность, но и все вокругъ

нея: платья, книги, мелочи, даже изношенные калошки, что стояли часто за дверью у лѣстницы, — все было выше всякаго изящества лишь потому, что они ей принадлежали. Я любилъ въ ней все съ удивительной полнотой чувства, съ мучительной нѣжностью. Не знаю, какъ это произошло (совсѣмъ произошло незамѣтно): когда я думалъ теперь о Богѣ, я вспоминалъ о ней; когда былъ съ ней, — вспоминалъ о Богѣ, точно тутъ и тамъ вѣра замыкала насъ въ единый, свѣтлый кругъ.

Съ Софьей было иначе. Софья ничего во мнѣ не измѣнила. Она лишь что то къ моей жизни прибавила. Послѣ женитьбы я какъ будто разбогатѣлъ, но по существу остался тѣмъ же. Марія Федоровна меня собою измѣняла. Я себя не узнавалъ, не хотѣлъ оставаться прежнимъ, куда то рвался, былъ въ постоянномъ душевномъ движеніи, волненіи, перемѣнахъ, какъ море въ зыбь. Бывали дни, когда я изнемогалъ отъ духовнаго напряженія, путался въ недоумѣніяхъ.

Мы съ Маріей Федоровной бывали вмѣстѣ недолго. Я возвращался поздно, а расходились мы рано. Но это ничего. Я зналъ, помнилъ, — и среди работы, и на стоянкахъ трамваевъ, и томясь въ поѣздѣ, — мы увидимся. И все-же, думаю, обаяніе ея облика было для меня въ томъ, что черезъ него, сквозь него дано мнѣ было познавать ея душевный міръ.

Марія Федоровна жила, по тому времени, совсѣмъ обыкновенно и ужъ, конечно, тяжелѣе и бѣднѣе, чѣмъ любая баба-караулка изъ приходившихъ къ намъ на дворъ за работой къ старухѣ Персикъ. Но ни ожесточенія на судьбу въ ней не было, ни обиженности, ни той неестественно-восхищенной настроенности, которую я видѣлъ у Юрія. Не было въ ней и отчаянности людей, которые стремились въ храмы, пріуготовляясь къ смерти и предѣльнымъ бѣдствіямъ. Именно безропотность меня и поражала. Я чуялъ, что это не мужественная несокрушимость

характера, а что то совсѣмъ иное. Неспроста, всякій разъ, бывая въ Павловскѣ, пасторъ заходитъ къ ней и подожду о чемъ то бесѣдуетъ; и неспроста, до поздней ночи, виднѣется полоска свѣта подъ дверью ея комнаты, слышится шелестъ то страницъ, то платья въ томъ углу, гдѣ на столѣ, я знаю, лежатъ книга съ крестомъ на переплетѣ и темный образокъ Богоматери...

Послѣ пасхальной ночи мы съ ней долго о самомъ завѣтномъ не говорили. Она не то, что не любила говорить о Немъ, но, вѣроятно, избѣгала, потому что очень любила. Мы берегли Его въ себѣ, боялись пустыхъ словъ и отъ любви къ Нему молчали...

Въ день какого то правительственнаго юбилея Шпилька отпустилъ служащихъ въ полдень. Я примчался въ Павловскъ и уговорилъ Марію Федоровну пойти гулять.

День былъ жаркій, іюльскій. Паркъ млѣлъ въ солнцѣ, въ легкомъ шелестѣ листы...

Никогда еще печаль великокняжескаго гнѣзда не была столь печальной, какъ въ годы его опустощенія. Не забыть мнѣ запущенныхъ аллей, взбаломученныхъ купаньемъ и стиркой, дремлющихъ прудовъ, тонкой фраціи дамшѣлыхъ статуй, съ мудрымъ терпѣніемъ взиравшихъ, казалось, на грязныя газетныя бумажки, окурки и всякую нечистоту у своихъ подножій. На просторѣ придворцоваго лужка залегли мѣстныя «жертвы», и сырая яма, заваленная кучей красныхъ тряпокъ и гнѣющихъ вѣнковъ, свидѣтельствовала объ ушедшихъ. По парку шныряли охальныя пріютскія дѣти, за ними плелась испуганная, оборванная учительница. Дворцовые цвѣтники пусты, возлѣ Розоваго Павильона пасутся коровы...

Мы обогнули дворецъ и прошли лугами прямо въ лѣсъ. Бывая вмѣстѣ, мы свободно говорили обо всемъ, но всегда возвращались (помимо нашей воли) къ страшному «сегодня». Забвенію оное не подчинялось и не могъ

ло подчиниться: нерасторжимое съ нимъ душевное томленіе насъ не покидало. А нынче особенно; послѣдніе дни мы все вспоминали Ловчина. Въ газетѣ промелькнула его фамилія въ предстоящемъ процессѣ — такіе процессы всегда заключались гекатомбой... Можно ли надѣяться на связи Настасьи Прокофьевны? Ея мольбамъ, вѣдь, и тогда не внимали...

Марія Федоровна устала, и мы пристѣли на старые пни, среди глухой полянки, поросшей густымъ высокимъ папоротникомъ. Легкіе кружевные листья колыхались и чуть слышно шуршали вокругъ насъ. Тихимъ шелестомъ шелестѣлъ лѣсъ. Отъ густой листвы въ лѣсу стоялъ зеленоватый свѣтъ и пахло теплой влажностью.

«Вотъ бы сейчасъ все и сказать...» подумалъ я и оглянулся по сторонамъ.

— Я давно хотѣлъ сказать вамъ... — почти шопотомъ заговорилъ я. — У меня одна мысль... и не теперь она возникла, а давно — и сперва туманно. Я и самъ въ нее иногда не вѣрю и сказать никому не рѣшаюсь... Юрій ошибается: онъ думаетъ, что страна возродится, а я чувствую, — не знаю, откуда это чувство, даже почти увѣренность, — что она погибла... Не строй погибъ, а страна, русская нація.. Въ исторіи случалось, что погибали большія, сильныя царства, а народъ переходилъ въ чужія руки. Какая мука обреченность! Я никогда не думалъ, что гибель начинается вотъ этой смертной тоской...

«Господи, почему такъ трудно объ этомъ!»

Марія Федоровна удивленно глядѣла на меня. Лицо ея было спокойно, и лишь блескъ темныхъ глазъ выдавалъ волненіе.

— Вы не одинъ объ этомъ... Я не понимаю, почему мы оба такъ долго молчали, — торопливо заговорила Марія Федоровна, — Я тоже не могла съ патріотическихъ путей сойти. И какъ сойти? Это такъ естественно — бороться за родину. Я позже васъ увидала, что энтузіазмъ

ничего не спасетъ — никакой, — ни моральный, какъ у Юрія, ни тотъ... религіозный, который теперь разгорается. Юрій не видитъ, что онъ вовсе уже не патріотъ, а миссіонеръ... и путь «синайскій» не то, совсѣмъ не то, что Юрій думаетъ. Это же не нравственное оздоровленіе націи, потрясенной революціей, а блужданіе народа, которому ничего, кромѣ вѣры и идей не осталось... Непостижимо, почему такъ, но это судъ Божій, чтобы русская душа жила отнынѣ только вѣрой...

— Да, у насъ ничего больше не осталось, — сказалъ я, чувствуя, какъ волнующая жалость къ себѣ, къ Маріи Федоровнѣ, ко всей моей странѣ залиываетъ мнѣ душу. — Они дѣлать мертвую страну, точно добычу. Быть можетъ, мы, русскіе, одни, во всемъ мірѣ одни, знаемъ теперь, чѣмъ нація расплачивается за всенародное беззаконіе... Для этого, можетъ быть, и весь ужасъ, — чтобы свидѣтельствовать объ этомъ. И еще, еще для чего то.... да, еще... — и это самое главное! Я не разъ ужъ думалъ и давно хотѣлъ сказать вамъ, — чтобы какое то небывалое людское объединеніе государству противопоставить, чтобы его выстрадать... Нашихъ мученій ни одно государственное устройство уже не строить. А родина стоитъ ли? Когда то отъ обольщенія родиной погибъ цѣлый народъ. И передъ нами то же, какъ во дни Тиверіа: опять страшный выборъ между родиной и Богомъ сдѣлать надо...

Послѣ долгаго молчанія я говорилъ горячо и съ увлеченіемъ.

— Вы — вѣрно про выборъ, — съ живостью перебила Марія Федоровна, — но это сдѣлалъ всякій, кто внѣшне покорился, а въ душѣ надъ властью судъ свой произнесъ. Можетъ быть, на большее и нѣтъ силъ, а чтобы только — судъ... Посмотрите, какая благодать сейчасъ въ лѣсу! — продолжала она, глядя на обступившіе

насъ папортники, на низко склонившіяся надъ ея головою вѣтки. — А вѣдь это все уже чужое, не мое... не наше и точно, дѣйствительно, не наше, не существуетъ, какъ прежде. И такая безпріютность на своей землѣ! А люди... Вѣдь только единодушіе дѣлаетъ человѣка человеку роднымъ, а не кровь, не языкъ. Богъ съ ней, съ единокровностью! Мы устали отъ этой мнимой близости...

— Къ этому выводу мы еще на войнѣ пришли, мы его предвосхищали! — вспомнилъ я. — Въ шестнадцатомъ году я лежалъ въ лазаретѣ, въ палатѣ насъ двѣнадцать человѣкъ было, были, среди насъ, и ампутированные. Мы, раненые, говорили иногда цѣлыми ночами, что родина къ намъ погибелю обернулась и не къ намъ однимъ — ко всѣмъ народамъ, и что сила національнаго единства служить уже теперь безнравственнымъ, безчеловѣчнымъ цѣлямъ. Но если выборъ сдѣланъ, и родиной, какъ вы говорите, не соблазняться, что же остается?

— Такъ трудно говорить объ этомъ. Надо говорить о себѣ, только черезъ себя и понятно... то есть, понять другому можно, — чуть путаясь отъ смущенія, проговорила Марія Федоровна. — Мнѣ не хочется скрытности съ вами, и я скажу, я хочу сказать... — тихо прибавила она. — Я такъ хочу, чтобы что то новое, благое, умное началось... чтобы Богъ новую душу людямъ послалъ. Безъ этого все напрасно! Вы вѣрно сказали, — жить по старому невозможно. Наше старое было лицемерно, и все потому, что мы съ Нимъ, какъ съ мертвымъ, жили... Изучали, спорили, книги о Немъ печатали — ахъ, сколько книгъ! — и почитали, очень почитали, какъ съ самымъ почетнымъ мертвецомъ обходились, почетнѣе не было... а съ Живымъ не жили. Не забыли мы Его (нѣтъ, мы памятливы!), но охладѣли... разлюбили. А безъ любви все живое непременно со временемъ логическимъ понятіемъ обернется и въ разумѣ могилу себѣ найдетъ. Помните, въ Москвѣ вы сказали, что къ Нему страшно приблизить-

ся? Да, къ живому, не какъ къ мертвому... Все мелкое, ложное, какъ солома, въ насъ сгорѣтъ сперва должно, и только тогда мы ощути́мъ то, чего по настоящему не ощущали... что Богъ — святъ. Въ насъ заглохло самое чувство Бога, мы перестали ощущать Его присутствіе... Вѣдь все опять должно пробудиться, какъ встарь, какъ на зарѣ религій. Но объ этомъ — не будемъ, не надо больше говорить, вы сами все, вѣдь, это знаете...

Она говорила не восторженно, не пылко — съ тихой простотой, съ довѣрчивостью, какъ о чемъ то завѣтномъ, необычайно ясномъ. Въ ея словахъ былъ отзвукъ того, чѣмъ я теперь жилъ, мои воздыханія возвращались мнѣ осмысленными и пережитыми. Такъ вотъ оно — общеніе вѣры, ея единство и наша странная нерасторжимость! — Слова прозвучали, можетъ быть, для самой Маріи Федоровны невѣдомо, какъ призывъ быть вмѣстѣ. Вѣра моя въ Марію Федоровну всегда меня влекла къ этому «вмѣстѣ». Вѣрой я стремился къ Богу, вѣрой отворачался отъ народа, вѣрой любилъ Марію Федоровну, понималъ всѣ событія, воспринималъ всѣ впечатлѣнія. И сейчасъ я глядѣлъ на Марію Федоровну, на ея темные глаза, на черное платье, на ярко-синіе цвѣты въ ея рукахъ, сорванные когда мы шли сюда лугами, и я ею любовался. Ея пламенная вѣра мнѣ передавалась. Казалось, что общаго между моей любовью, Богомъ и синими цвѣтами? А между тѣмъ связь была — неуловимая, но неоспоримая, такая, какъ въ вѣщихъ сновидѣніяхъ.

Кругомъ шумѣла листва. Шевелились папортники. Было зелено, тепло и солнечно. Но не лѣсную красоту я чувствовалъ, а сокровенную лѣсную жизнь: перепутанныя вѣтки, перевитые корни, то тутъ, то тамъ безпомощные малые кусты подъ сѣнью высокихъ братьевъ, мягкій мохъ, бережно укрывшій сѣтъ корней, — и надъ всѣмъ беззаботно-свободный, теплый вѣтеръ... Какъ хороша и проста была эта сложность всеединства!

Опять мнѣ вспомнились Ловчины (вѣроятно потому, что мы о нихъ дорогой говорили) — отчаяніе ихъ разставанья, трясущіяся руки и подергивающееся лицо Настасьи Прокофьевны надъ мѣшками съ тюремной передачей...

— Пойдемте отсюда, идуть... — шопотомъ проговорила Марія Федоровна.

Въ отдаленіи слышалось потрескиванье сучьевъ, голоса. Насъ спугнули, точно птицъ. Тогда такъ было: одно приближеніе людей вызывало тревогу, душа мгновенно настораживалась, чуя безошибочно, что люди самое опасное, злое и безчеловѣчное, что только есть сейчасъ на свѣтѣ.

ГЛАВА XXII.

О Натальиномъ отцѣ мы ничего не узнали. И кто бы могъ узнать, что случилось съ затерявшимся въ самый разгаръ демобилизаціи штабомъ Х... дивизіи, когда уже не существовало ни генераловъ, ни штабовъ! Наталья было утѣшеніемъ искать отца, рассказывать о немъ, и она стала приходить къ намъ.

Въ прошломъ у нея было много бѣдствій, но въ тѣ дни страданіямъ мѣры не было, и никого — и насъ — совсѣмъ не ужасало, что шестнадцатилѣтнюю дѣвочку арестовали гдѣ то у тетки въ усадьбѣ подъ Могилевымъ, куда то повезли, привезли, держали полгода въ тюрьмѣ, случайно выпустили, къ кому то вселили, потомъ выселили; что она скиталась нищей по незнакомому городу, пока случайно не подобрала ее на вокзалѣ летучая балетная труппа. Дальше бѣда уже прикидывалась удачей: кое какъ разученный вальсъ «Капризъ» — босоногое круженіе въ легкой туникѣ, сметанной изъ тюлевой оконной занавѣски. Танцы... танцы... танцы... отъ станціи къ станціи среди стрѣльбы, холеры, обысковъ и массовыхъ казней. Потомъ опять бѣда: развалъ труппы, ужасъ покинутости и опять удача — молніеносный бракъ съ Персикомъ въ самую канонаду наступающихъ бандъ, въ дыму начавшихся во всѣхъ концахъ города пожаровъ, и въ погромъ — бѣгство въ Польшу, въ лоно бѣдственно-бѣдной, до ужаса ей чуждой семьи.

Наталья очень скоро въ насъ повѣрила, а повѣривъ,

довѣрилась и безудержно-неистощимо говорила о прошломъ; не могла наговориться. Отъ насъ не скрyla, что какъ только Моисей станетъ богачемъ («большимъ-большимъ богачемъ!») она заставитъ его бѣжать за границу.

— Онъ меня боится... Онъ говоритъ: «я для тебя шахеръ-махеръ дѣлаю...» и пусть, пусть дѣлаетъ! — съ хищнымъ удовольствіемъ шептала она. — У насъ золото въ паркѣ зарыто, я знаю гдѣ. Я сама съ Моисеемъ закапывать ходила, фонарикомъ свѣтила... Они дѣлаютъ со мною, что хотятъ, но я, я ихъ вотъ какъ держу! — И Наталья сжала руку въ маленькій, твердый кулакъ. — Если сказать, гдѣ зарыто, тогда всѣхъ, всѣхъ, и мамашу — моментально! — Въ ея глазахъ было то лживо-невинное, почти ласковое выраженіе, которое бываетъ у сумасшедшихъ и преступниковъ. — Вотъ и мальчикъ тоже... — успокоившись, продолжала она. — Я его не люблю. Я только Петиныхъ дѣтей и любила бы... Петю-юнкера. Петю убили въ первомъ же бою на войнѣ, какъ только въ офицеры его произвели. Мы съ нимъ были влюблены «во вѣки вѣковъ»... это и папа зналъ: «во вѣки вѣковъ...» Наталья жалобно заломила дѣтскія маленькія руки. — Петя святой... онъ за родину умеръ, онъ не можетъ сердиться, онъ же понимаетъ... тогда иначе какъ за Моисея нельзя было, совсѣмъ невозможно... такое безвыходное положеніе!

Наталья особенно привязалась къ Маріи Федоровнѣ, съ безогляднымъ довѣріемъ, съ восхищеніемъ дѣвочки старшей сестрой. Наталью я не то, что жалѣлъ, а внимательно, съ живой заинтересованностью вникалъ въ ея судьбу. Я понималъ, что ея ненависть къ Персикамъ лишь отъ безсилія имъ сопротивляться, и выслушивалъ ея мучительно-правдивые рассказы, узнавая въ ней знакомое, свое — общую намъ всѣмъ судьбу: въ безсиліи — ненавидѣть.

Она приходила поздно вечеромъ, когда Персики уже спали. Закутавшись въ шаль поверхъ огненно-краснаго халата, въ серебряныхъ бальныхъ башмачкахъ, Богъ знаетъ съ чьей чужой ноги ей Моисеемъ перекупленныхъ, бѣжала по двору, прячась отъ луны въ черныхъ тѣняхъ сарая.

Наталья не разъединяла, а связывала насъ съ Маріей Федоровной. Она была первымъ общимъ усиліемъ о комъ то вмѣстѣ заботиться, вмѣстѣ кому-то сочувствовать.

Наталья и Юрій были тогда единственные — внѣ Маріи Федоровны — милыя мнѣ людскія связи. Наталья привлекала дѣтской слабостью, Юрій — мужествомъ. Самъ того не замѣчая, я втягивался въ кружокъ его единомышленниковъ. Внѣшнимъ поводомъ послужила моя квартира.

Какъ тогда и подобало выходящимъ къ власти людямъ, Рыжиковъ прослѣдовалъ, со всѣмъ семействомъ, по бесплатной ставкѣ на Кавказъ. Моя квартира опустѣла. Я зналъ, что Юрій съ «синаяцами» (такъ они себя именovali) уплываютъ по воскресеньямъ на яликахъ на Среднюю Невку въ пустынный затонъ возлѣ сгорѣвшей фабрики. Здѣсь, прикрываясь видимостью рыбной ловли, они проводили свои засѣданья, но скоро въ затонъ нагрянули мальчишки - купальщики изъ районнаго клуба. Имъ хотѣлось собираться по квартирамъ. Я ихъ и вырубилъ.

Не понимаю, какъ я на это рѣшился въ тѣ ужасные дни, но пустилъ безъ всякой тревоги, думаю потому пустилъ, что зналъ, — заговорщиками они не были, политической борьбой не интересовались; Розенкиръ не разъ повторялъ, что «югъ», по ихъ убѣжденію, сейчасъ только «вредъ» и «безполезность», а что патріотизмъ долженъ замкнуться въ формы еще не виданныя — въ безгражданственный семейно-сосѣдскій или артельный бытъ. Они считали просто пагубой убѣжденіе, что внѣ политической борьбы нѣтъ спасенья, хотѣли новому строю про-

тивопоставить «Синай» — торжествующую силу нравственно упорядоченной воли. Собиралось у меня всего человѣкъ шесть-семь — не больше. Они проскальзывали по одиночкѣ, и очень ловко, мимо зоркаго нашего Яши. Юрій познакомилъ ихъ со мной, какъ съ хозяиномъ квартиры, но я сразу понялъ: я для нихъ пріемлемый, можетъ быть, желанный кандидатъ. Видѣлся я съ ними не разъ, правда, не подолгу, до или послѣ засѣданій.

Это были все молчаливые, сурово-строгіе молодые люди, до того замкнуто-угрюмые, что съ ними было необычайно трудно разговаривать. Скупость на слово и важная сосредоточенность были у всѣхъ. Общительный Юрій составлялъ исключеніе, да онъ, кажется, и не числился въ главныхъ.

Самый «главный» былъ высокій, широкоплечій, могучій человѣкъ, не русской — сѣверной «варяжской» складки. На сильной красной шеѣ сидѣла щетинистая бѣлокурая голова, сумрачное лицо въ рыжеватой волосатости давно небритыхъ щекъ и торчкомъ разросшихся усовъ, съ кустиками густыхъ бровей надъ зоркими блестящими голубыми глазами, напоминало морду сильной, сердитой и очень умной собаки. Онъ былъ одѣтъ необыкновенно дурно, въ грязной солдатской гимнастеркѣ, въ чудовищныхъ сапогахъ. Видъ у него былъ рѣшительный, самоувѣренный и властный. Да онъ и самъ сознавалъ, что признанъ главаремъ; и не могъ онъ имъ не стать за умѣнье вызывать въ душахъ чувство дѣльной и пріятной подвластности. Когда онъ входилъ, всѣ вскакивали, когда говорилъ, — мгновенно затихали. Юрій отзывался о немъ съ восхищеніемъ.

— Замѣчательный человѣкъ! Все имъ однимъ и задумано и осуществлено! Товарищъ одного изъ насъ по корпусу... Я сначала не вѣрилъ, но мнѣ весной, послѣ Москвы, сказали: подите и посмотрите». Я пошелъ и сей-

часть же рѣшился. У него воли на всѣхъ хватить. Онъ сейчасъ кузнецъ подъ Колпинымъ, но помимо этого еще и сапожникъ, и печникъ, и слесарь — всему обучился. Онъ говоритъ, что ремесла нашему дѣлу основа, потому что черезъ нихъ текучесть во всѣ стороны, въ самую народную гущу. Ремесленникъ, вѣдь, всюду нуженъ, подвиженъ и самостоятеленъ, даже и теперь онъ въ относительной свободѣ. Еще онъ учитъ, что лучше всего такъ: чѣмъ одарять, то и брать. Только если злая воля, то угориваться о платѣ. Онъ учитъ, что надо людей непременно «удивлять». «Удивленіе, говоритъ онъ, «печать на душу» и огромная сила, располагающая къ воздѣйствію. А удивлять надо безъ проповѣди. Довольно проповѣдей и евангельскихъ цитатъ! Сейчасъ ничѣмъ такъ человѣка не удивить, какъ явной для него пользой, но непременно онъ долженъ почувствовать, что проявлено безкорыстіе. Онъ учитъ еще, чтобы ходить съ мѣста на мѣсто, мѣнять губерніи, деревни, города, кварталы, квартиры... какъ бы трудно ни было. «Надо ходить по землѣ» только этимъ силу ученія въ себѣ и сохранимъ. И чтобы, несмотря ни на что, свою линію гнуть — подчиняться злу, но никогда внутренне не покоряться. Потому мы и не заговорщики, и не монахи, а что то совсѣмъ другое, новое...

Я къ нимъ съ большимъ интересомъ приглядывался. Мнѣ нравились огнеупорная ихъ воля и требовательная къ себѣ жестокость. Въ нихъ, угрюмыхъ и нѣмотствующихъ, отражалась привычка натруждать всѣ свои силы, физическія и душевныя, до крайности, себя безпощадно приневоливать, и старанье свою деклассированность превращать въ подвигъ. Чѣмъ то они мнѣ напоминали солдатъ въ боевые дни, когда въ подсознаніи смерть, а во всемъ существѣ пылаетъ жизнь.

Такъ вотъ какіе люди у меня собирались.

Теперь я вообще людей видѣлъ яснѣе, чѣмъ когда либо и быстро всеопредѣляющую черту улавливалъ. Я

сразу усмотрѣлъ, что всѣ они подражали какому то выдуманному ими типу новаго русскаго гражданина, и каждый себя и другихъ расцѣпывалъ по мѣрѣ приближенія копіи къ оригиналу. Что за сила, когда душа себя вообразить и къ себѣ воображенной устремится! Въ нихъ эта сила и чувствовалась.

Встрѣчи съ ними были поначалу не часты, потомъ стали чаще: кто то не попалъ на поѣздъ и заночевалъ, потомъ Юрій съ моимъ ключемъ сталъ захаживать на перепутьи съ Выборгской. Для меня самого непримѣтно случилось — не ставъ единомышленникомъ, я превратился въ соучастника. Я имъ помогаль охотно, добросердечно, очень желалъ, чтобы они преуспѣли, и вѣру въ себя не потеряли. Мнѣ казалось, что въ спасительной вѣрѣ все и заключалось и безъ нея имъ не устоять. «Явить себя родной землѣ»... Но русской «земли» уже не было, «являть себя» было нечему. «Земля» стала территоріей. Ее можно было устраивать теперь, какъ угодно: хорошо, даже превосходно, по новѣйшей хозяйственной системѣ, дурно, то есть разорить до тла, — національную трагедію это ничуть не мѣняло. Я никакъ не могъ побѣдить въ себѣ увѣренности, что «синаяскіе» патріоты, подобно «шкаревецамъ», трудятся безкорыстно, но и вполне бесполезно. Единственный смыслъ ихъ усилій, мнѣ казалось, заключался только въ томъ, что они, цѣпляясь другъ за друга, преодолевали, каждый въ своей личной судьбѣ, національную русскую гибель.

Это судорожное цѣплянье другъ за друга, то идейное, какъ у «синайцевъ», то просто семейное (а иногда сосѣдское) понемногу возникало теперь повсюду.

Къ сослуживцамъ въ «Закромахъ» я приглядывался и удивлялся, какъ они своими домашними дѣлами были заняты. Раньше многіе изъ нихъ — я слышалъ, да и сами они хвастались — бушевали въ земствахъ, демонстративно въ оставку подавали, мятежныя статьи печатали —

много потрудились, чтобы революція пришла, а теперь точно все это съ ними никогда и не случилось — отъ народа къ семьямъ ушли безвозвратно.

На службѣ только и разговору было у насъ, въ столовкѣ, у ящиковъ и на стоянкѣ трамвайной, что о семействахъ. Мой сосѣдъ по библиотечнымъ шкапамъ, — присяжный повѣренный Овшинъ — въ пятомъ году въ собраніяхъ (всѣ это хорошо помнили), въ Петербургѣ, рѣчи держалъ, а теперь намъ надоѣлъ хлопотами о женѣ и тещѣ: приходилъ съ портфелемъ, съ мѣшками и наволочками набитыми продуктами на вымѣнъ, тайкомъ отъ Шпильки развѣшивалъ, размѣривалъ все добро подъ лѣстницей, считалъ-высчитывалъ, у всѣхъ что то кланчилъ, хлопоталъ безъ усталости.

Инструкторъ нашъ — гласный городской Думы Чепетовъ, тотъ самый Чепетовъ, что за правду пострадалъ, — за систему автоматическихъ вентиляторовъ въ городскихъ больницахъ — оскорбилъ когда-то дѣйствіемъ начальство и подъ судъ попалъ, теперь безропотно подписывалъ постановленія центральнаго гигиеническаго школьнаго комитета, узаконявшія самое антисанитарное безобразіе.

— Кушать надо, — объяснялъ онъ, — самъ шесть за столъ садимся.

— Еще бы! Это понятно, Андрей Андреевичъ! Это же такъ понятно... — разногласо поддерживали мы его.

Никто никого не упрекалъ, не стыдилъ, не высмѣивалъ. Всѣмъ въ жизни русской дѣлать по своему, по любимому, уже было нечего.

Случалось, что кто нибудь изъ семьи въ перерывъ на службу заходилъ, и робко шептались люди по угламъ: иногда мужъ съ женой, или съ матерью, или съ кѣмъ изъ близкихъ... Забѣгали за отцомъ дѣти изъ школы и шли вмѣстѣ домой, точно боялись, что одному ему не дойти. Вызывали иногда къ телефону кого-нибудь изъ родныхъ

безъ особаго дѣла, а такъ, чтобы пустякомъ житейскимъ обрадовать или сказать, что все благополучно, или спросить, все ли у нихъ хорошо...

Да, сцѣплялись люди, и не то что въ возвышенной, единомысленной любви пребывали, а въ сцѣпленіи, въ теплотѣ, другъ друга грѣющей. Помогали, другъ друга питали, прятали, кускомъ дѣлились... Доброта была большая въ этихъ семейныхъ становищахъ. Такая доброта у людей пробуждается въ бѣдствіяхъ великихъ — въ плѣну, тюрьмѣ, въ болѣзняхъ, во всякой гибели. Одинъ другому помощникъ и питатель, польза, удобство и пріятность. Ничего человѣку такъ не по силамъ, какъ сознаніе, что никто тобою не обезпокоенъ. О любви онъ и не мечтаетъ, а чтобы кто то «обезпокоенъ мною былъ»...

Жили гнѣздами, защищались стайками, какъ живутъ и дѣйствуютъ птицы, рыбы, малые, несильные звѣрьки; и держались крѣпко и купно этой наипростѣйшей силой сцѣпленія.

Я спросилъ Чепетова:

— Любовь большая, единомысленная васъ съ семьей вашей связываетъ?

Онъ даже не понялъ, пожалъ плечами.

— Эхъ, не до анализа теперь намъ всѣмъ, Алексѣй Павловичъ!

Я не разъ задавалъ себѣ вопросъ: любовь это? не любовь? Прошлой осенью я по такой именно теплотѣ и томился, безъ нея просто погибалъ, но томился и погибалъ потому, что кромѣ физической жизни, во мнѣ ничего уже тогда не оставалось. Эта попечительная теплота, охраняющая доброта, нужны человѣку, когда онъ безпомощенъ, малъ, хилъ и голъ или въ невыносимомъ одиночествѣ, то есть, жизнью побѣжденъ, ей безусловно сдался. Когда все упраздняется, вотъ это остается. Сцѣпленіе. Чувствительность атома къ атому. Чтобы человѣкъ человѣка не выдалъ смерти... Предѣлъ наималѣйшій.

Грустная любовь, бѣдой и немощью рождаемая, но силы большой, конечно.

Я принуждалъ себя ею восхищаться и почему то не восхищался, — хвалилъ, поощрялъ, готовъ былъ самъ помогать (досталь-таки Овшину черезъ Персиковъ необходимыя ему фуфайки!), уступалъ и услуживалъ сослуживцамъ, какъ могъ, замѣнялъ ихъ въ работѣ, я былъ добрый... Все это казалось мнѣ малымъ и легкимъ дѣломъ, но душа тосковала объ иномъ, скучала въ этомъ тепломъ, грѣющемъ добрѣ и съ нимъ не примирялась... Это было не то. «То» было съ Маріей Федоровной. Оно хотѣло найти себя въ моихъ отношеніяхъ съ Юріемъ, съ Наташей, даже съ тѣми, кто стоялъ за Юріемъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы «Синай» устоялъ, и люди жили такъ отважно, какъ намѣревались. Въ ихъ дѣло я не вѣрилъ, но ими любовался. И наконецъ — и тутъ уже безоговорочно! — «то» была моя таинственная жизнь съ Нимъ... Не забыть мнѣ павловскихъ ночей, когда я впервые позналъ молитвенное надъ жизнью торжество!

Все это было иное, чѣмъ доброта семейныхъ гнѣздъ, возрастало изъ другого корня. Даже «любовью» называть эту благодать я почему-то уклонялся. Но мнѣ хотѣлось, чтобы людскія отношенія ее напоминали; чтобы была та же живая тонкость воспріятія и волнующая значительность одной жизни для другой, пронизательное вниманіе ко всей судьбѣ, постоянное ощущеніе новизны и радость взаимности... Я вспоминалъ мать, отца, Володю, Соню первыхъ лѣтъ... Тамъ когда-то мерцалъ вотъ этотъ же самый чудесный свѣтъ. Теперь я видѣлъ его опять и понималъ, что именно его вижу.

Да, съ Маріей Федоровной было «безусловно», точно я ее въ концѣ коричневой книжки вычиталъ, точно мы съ ней для какого то невѣдомаго дѣла остались на землѣ, какъ тѣ, что тогда въ печали-радости на Елеонѣ... Для ка-

кого дѣла? Могли ли мы объ этомъ думать среди всѣхъ мелочей, суеты и поступковъ, подсказанныхъ одной необходимостью!

Марія Федоровна мучилась по своему, — работой, безработицей, очередями, притѣснительными учетами дачниковъ. Она брала первый попавшійся заработокъ, соглашалась на любыя условія: штопала и чинила Персикамъ бѣлье (послѣ обыска вязанье прекратили), обучала французскому языку жену мѣстнаго аптекаря, замѣняла рожавшую бабу-караулку, зачислилась, послѣ большихъ хлопотъ, въ дворцовую комиссію по разбору великокняжескаго архива... И дѣлала все это съ рѣшимостью, съ той тихой силой самообладанья, которая мучила меня уже тѣмъ, что, я зналъ, она въ полномъ несоотвѣтствіи съ ея физической слабостью.

Отдохновеніемъ для нея были поѣздки къ Маріи Францевнѣ. Съ колоніей вообще установилась у нея живая связь. Пасторъ Шоттенъ неизмѣнно заѣзжалъ къ намъ на дачу, когда ему случалось бывать по дѣламъ общины, и просиживалъ у Маріи Федоровны подолгу, ожидая знакомыхъ колонистовъ-попутчиковъ. Марія Федоровна любила эти встрѣчи (онѣ бывали обычно днемъ, въ мое отсутствіе) и отзывалась о своемъ гостѣ съ радостнымъ недоумѣніемъ:

— Станный, странный старикъ --- и сумрачный, и свѣтлый...

Она рассказывала о его сѣтованіяхъ по поводу колоніи, которая начала разлагаться, о не дающихъ покоя горькихъ думахъ, о письмахъ изъ родной Швеціи, полученныхъ съ какой то необыкновенно-счастливой оказіей, о духовной растерянности, въ которой тамъ многіе его друзья пребывали.

«Мы съ нашей вѣрой всѣмъ надоѣли», — повторяла Марія Федоровна слова письма: — «мы людей только утомляемъ... скука приходитъ, когда душа чего то про-

силь и не получаетъ. Святые слова въ нашихъ устахъ для современниковъ сонъ и нетерпѣніе. И о чемъ говорить съ нами послѣ войны! Вотъ, до чего мы нашу вѣру довели...»

Эти мысли и Марію Федоровну очень волновали. Мы ничего не знали, почти забыли думать о томъ, что было не «здѣсь» и не «мы» — и, тѣснимые, почти вытѣсняемые изъ жизни, замыкались въ своемъ углу. А между тѣмъ въ насъ уже была та глубокая серьезность вѣры, которая ищетъ во всемъ смысла и дѣла.

Но какъ трудно было принимать любое, судьбою предугазанное, дѣло! Какъ былъ я растерянъ, какъ горячился, умоляя Марію Федоровну одуматься, когда она мнѣ сказала, что пасторъ Шоттенъ наладилъ нѣсколько пунктовъ черезъ Павловскъ-Псковъ до Эстонской границы для переправы бѣглецовъ, и что она хочетъ помогать павловскому пункту!

— Это самое малое и для меня самое простое. Я въ Павловскѣ неотлучно. Надо, чтобы кто нибудь былъ неотлучно и могъ выдавать справки и оповѣщать, — уговаривала она меня. — Это все, что я могу, а могу я сейчасъ очень мало...

Я началъ восклицать и ужасаться, но Марія Федоровна убѣждала меня съ той осторожной ласковостью, съ которой теперь иногда со мною говорила.

— Я, вѣдь, тоже боюсь за васъ, когда у васъ собранія... Это опаснѣе, чѣмъ кажется, но, я знаю, иначе вы не можете.

Съ этого дня моя жертва и началась.

Марія Федоровна уходила иногда рано утромъ, почти на зарѣ или въ сумерки, куда-то въ конецъ Садовой. Если она исчезала поутру, я путалъ на службѣ книги и карточки и, едва дождавшись конца, мчался въ Павловскъ. Если она уходила вечеромъ, я сидѣлъ въ оцѣпенѣніи въ углу на сундукѣ, пока она не возвращалась. И когда внизу вздыхала на блокѣ дверь, и слышались вверхъ по лѣст-

ницѣ легкіе шаги, я встрѣчалъ ее со сладкой болью превратившагося въ радость мученья. Всякій разъ она для меня какъ бы умирала и воскресала. Вѣроятно, мука эта была нужна намъ обоимъ.

Такъ дожили мы до половины августа.

Въ тотъ годъ осень запоздала. Въ Преображеніе еще купались, на травѣ у прудовъ валялись на припекѣ голыя тѣла. Ночи были, какъ въ іюлѣ, — теплыя, даже душныя, съ легкимъ струеніемъ тумана, приносившимъ въ комнаты пріятную свѣжесть и сладко-горькій запахъ дыма далекихъ торфяныхъ пожаровъ. Оркестръ все еще игралъ въ привокзальномъ цвѣтникѣ, оглушая измученную холерой и голодомъ округу гремучимъ рокотаньемъ патетическихъ увертюрныхъ финаловъ. Ясный мѣсяцъ подымался надъ Персиковой дачей и оплывалъ крышу до самага флагштока...

Въ такой вечеръ все и случилось.

Это было въ субботу. Я возвращался позднѣе обыкновеннаго. Въ Павловскѣ вокзалъ сіялъ уже огнями и играла музыка. Я торопился-летѣлъ домой по пыльному шоссе въ обходъ дворца — тутъ было ближе. Мнѣ предстояло въ тотъ же вечеръ вернуться въ городъ. Юрій просилъ пустить его нынче ночевать съ Николаемъ Робертовичемъ, чтобы завтра имъ поспѣть на утренній Ладожскій пароходъ.

Въ аллеѣ, возлѣ нашей дачи, было темно. У воротъ стояла бричка. Фыркала лошадь. Слышались тихіе голоса. Я узналъ голосъ Маріи Федоровны. Она провожала пастора.

Они мнѣ очень обрадовались.

— Мы такъ нетерпѣливы были. Я сидѣлъ, не ѣхалъ, мы все ждали и на часы смотрѣли... — громкимъ шопотомъ, по привычкѣ, усвоенной тогда всѣми, глянувъ по сторонамъ, проговорилъ Шоттень.

— Я очень волновалась! — не скрывая ни что обра-

довалась, ни что тревожилась, тихо воскликнула Марія Федоровна. — Марія Францевна приглашает насъ съ вами завтра въ колонію, — поспѣшно прибавила она.

— Я не могу, у меня дѣло завтра въ городѣ... у меня и сейчасъ...

— Ну, тогда рано утромъ я пріѣду, а вечеромъ я вамъ вашу невѣсту назадъ привезу, И никакого безпокойства, пожалуйста, имѣть вамъ не надо, — вмѣшался Шоттень.

Было темно, и никто не могъ бы замѣтить моего смущенья. Лица Маріи Федоровны я не видѣлъ, но мнѣ кажется, она смутилась тоже.

— Я не невѣста Алексѣя Павловича, — тихо и просто послѣ паузы проговорила она.

— Ахъ, надо, чтобы люди берегли другъ друга, никто не береgetь, никто не береgetь... — невпопадъ бормоталъ старикъ, влѣзая въ бричку.

Онъ отыскалъ кнутъ и задергалъ вожжами.

— Доброй ночи... Доброй ночи...

Старая, подслѣповатая лошадь не то пугалась темноты, не то горбатаго мостика и стояла на мѣстѣ. Я взялъ ее подъ уздцы, провелъ до самой улицы. Здѣсь близъ пруда было чуть свѣтлѣе. Въ дачахъ кое-гдѣ блесѣли огни, а надъ чѣмъ-то садомъ изъ темныхъ листьевъ уже выскользнулъ сверкающій край луны.

Когда я вернулся, Маріи Федоровны у воротъ не было.

Я побѣждалъ къ себѣ, собралъ все нужное для ночевки, захватилъ ключи, табаку, хлѣба, кожаную куртку и постучался къ Маріи Федоровнѣ — проститься.

Когда вошелъ, она затворяла окно. Въ комнатѣ стоялъ голубовато-лунный сумракъ, гдѣ то сіяющей, но въ комнату еще не просіявшей луны, и горѣла на столѣ восковая церковная свѣча. Я сказалъ Маріи Федоровнѣ, почему спѣшу.

— Это необходимо? — спросила она.

— Да, необходимо.

— Но вы говорили: «бесполезно?»

— По моему, «бесполезно», но для нихъ новый смыслъ жизни, прямо спасенье. Я вернусь утромъ, васъ я уже не застаю.

— Нѣтъ, застанете. Вы когда вернетесь?

— Они ѣдутъ въ девять, я успѣю лишь на десятичасовой.

— Я не уѣду, пока вы не вернетесь...

Она стояла возлѣ окна, опершись рукой о край стола, темноволосая, темноглазая, въ черномъ платьѣ, съ синимъ пледомъ, накинутымъ на плечи.

— Я не уѣду... — тихо повторила она, — я сказала сейчасъ Шоттену, что я не ваша невѣста. Да, я не невѣста ваша, Алексѣй Павловичъ... Я и сама не знаю, кто я вамъ, и вы — мнѣ. Все это по другому и о другомъ... Я даже и опредѣлить не могу, что между мной и вами... Можетъ быть, то, что вы знаете о самомъ важномъ, какъ и я знаю, и еще... да, еще... вы, вы хотите, чтобы я жила только этимъ самымъ важнымъ, какъ и я хочу, чтобы вы только имъ и жили. Оттого и близость, оттого о васъ и моя тревога...

Она говорила взволнованно, съ задушевной простотой, какъ тогда въ лѣсу. Ея слова во мнѣ что то безвозвратно мѣняли. Въ этомъ, вѣроятно, и сила задушевныхъ, непрекращаемо-правдивыхъ словъ, что они что то мѣняютъ. Но только послѣ я понялъ, что во мнѣ въ ту минуту измѣнилось.

Если бы можно было объяснить, почему человѣкъ иногда дѣйствуетъ съ бездумной внезапностью, которая оказывается единственно вѣрной и мгновенно созвучной! Такъ было въ ту минуту. Я подошелъ и осторожно взялъ ее за руки. Она подняла на меня глаза. Въ нихъ не было ни ласки, ни удивленья — глубокая благоговѣйная серьезность.

— Я васъ люблю давно, Марія Федоровна... — доверчиво открывая ей свою тайну, проговорилъ я. — Не моя вы

невѣста, — ничья... Когда я угадалъ это, можетъ быть, именно оттого что угадалъ, все и возникло... — и я съ нѣжностью, съ тонкой чувственной ощутимостью ея близости, ея чудесной чистоты, впервые за все наше сближеніе, поцѣловалъ ей руки.

Вдали вагонно-монотонно прогремѣлъ-просвисталъ курьерскій поѣздъ. Я опомнился. Мы простились. Мы разстались. Я сбѣжалъ по лѣстницѣ, по скрипучимъ ступенямъ. Марія Федоровна стояла на площадкѣ и держала въ рукѣ горящую свѣчу. Годъ тому назадъ она вотъ точно такъ же, въ зловѣщей темени, свѣтила мнѣ свѣчей...

ГЛАВА XXIII.

Давно, такъ давно, что и не запомню, не было такъ ясно у меня на душѣ, какъ въ тотъ вечеръ. Бываютъ минуты, когда личныя переживанія торжествуютъ надъ любовью дѣйствительностью. Такъ было и со мной.

Слова Маріи Федоровны измѣнили во мнѣ самое чувство жизни. Еще такъ недавно замкнутая въ безотвѣтности любовь моя ощутила вдругъ свободу, легкость, удвоенное, распространенное бытіе. Я существовалъ теперь не только въ себѣ и для себя, но и въ Маріи Федоровнѣ и для нея.

Я не досадовалъ на «синайцевъ», что изъ-за нихъ пришлось уѣхать. Моя услуга была той же любовью къ Маріи Федоровнѣ, лишь обернувшейся къ людямъ доброжелательствомъ; когда въ Петербургѣ на вокзалѣ я встрѣтилъ Юрія и Николая Робертовича и повелъ ихъ къ себѣ, меня не покидало чувство естественно-легкой и любвеобильной доброты.

Весь вечеръ я о нихъ заботился, хлопоталъ, устроилъ имъ ночлегъ въ своей комнатѣ, а самъ перебрался съ тюфякомъ въ коридоръ. Я готовъ былъ на самое безразсудное гостепріимство и мало того, въ тотъ вечеръ интересы, планы, разговоры моихъ гостей казались мнѣ столь же значительными, какъ вѣроятно имъ самимъ.

Мы сытно и долго ужинали. Николай Робертовичъ привезъ изъ деревни цѣлый мѣшокъ всякаго добра. Мы затащили наглухо драпировки, чтобы сосѣди не увидали,

что я не одинъ, и на столъ всего много. (Все тогда бывало втихомолку).

За ужиномъ гости съ увлеченіемъ говорили о «своихъ», о «своемъ». Николай Робертовичъ не многословно, но убѣдительно защищалъ свой планъ — разсѣять организацію по Маріинской системѣ и съѣхаться весной подъ Рыбинскомъ. Онъ доказывалъ, что Юрій и онъ должны поскорѣй перебраться глубже въ провинцію, потому что широкое распространіе «синайской» идеи главная цѣль организаціи. Николай Робертовичъ обладалъ сенктантскимъ напоромъ, силой медленнаго натиска на единомышленниковъ, и склонный къ преувеличеніямъ Юрій къ концу вечера, разумѣется, согласился.

Споровъ между ними было мало, потому что о самомъ важномъ собесѣдники судили одинаково. Оба считали свою дѣятельность мудрой и полезной для народа, а власть — непрочной, преступно-неопытной, вредоносной (спорили лишь о степени), не сомнѣваясь, что, рожденная стихіей, она столь же правомочна, какъ всякое, формально законное революціонное Учредительное Собраніе. Народу власть «своя», она проникнута его страстями, чаяніями и представленіями о социальномъ благѣ и, если вожди не сумѣли найти новыхъ неслыханныхъ еще государственныхъ и социальныхъ формулъ, а взяли социалистическія, западныя, то содержаніе ихъ все равно неповторимо-русское. Народу надо помочь устроить свое отечество по-своему, по желанному. Тутъ «синайцы» утверждали одну и ту же реальность вмѣстѣ со всѣмъ многомилліоннымъ русскимъ скопищемъ и готовы были великодушно приняться за моральное воспитаніе побѣдителей: роль воспитателей они считали только себѣ по силамъ.

Съ народомъ ихъ роднило грубо, глубоко, душою и тѣломъ незабвенно пережитый опытъ — долгая война. Война не только фронтъ, тылъ, эвакуаціи... но и суровое принужденіе, равенство въ бѣдѣ, государственный паекъ,

терпѣніе, рискъ, починъ и отвѣтственность начальниковъ и еще — и это главное! — сознаніе мощи человѣческаго единого волеустремленія, хоть бы и по приказу, хоть бы и автоматически воспринятое понужденіе.

Въ мирное время этотъ духъ войны уловимъ въ понятіяхъ полковой чести, въ военныхъ традиціяхъ, въ воинскомъ уставѣ, въ казарменномъ быту, въ принципіальной безучастности къ политической борьбѣ въ странѣ, въ вооруженной защитѣ существующей власти. Во время войны онъ разгорается пожаромъ, и національная жизнь страны сосредоточивается въ обществѣ людей особо организованныхъ, особо управляемыхъ, отъ которыхъ тогда и зависитъ вся судьба родины.

Николай Робертовичъ и Юрій что-то усвоили, чего я не успѣлъ воспринять за короткое пребываніе на фронтѣ. Длительное участіе въ войнѣ даромъ не проходитъ; практическая дѣятельность будетъ потомъ слѣдствіемъ пережитаго опыта: если люди должны сообща и силой достигнуть какой нибудь цѣли, они ее достигнутъ всего успѣшнѣе, организуясь на началахъ іерархіи, принужденія и покорности.

Признавъ власть, «синайцы» перешли на мирный путь служенія новому отечеству, но продолжали хранить военный духъ. Я замѣчалъ, что они любили сознавать себя военными и вѣрили, что такъ или иначе должны спасти родину. Какой суровой романтикой вѣяло отъ «Синая»! Какъ мечтали о возрожденной Россіи! Даже нынче, усталые, сонные (было уже поздно) они съ удовольствіемъ стали вспоминать свое боевое прошлое.

Я сидѣлъ въ углу на сундукѣ, чистилъ сапоги и молча слушалъ; промолчалъ бы весь вечеръ, имъ близкій и имъ далекій, если бы Николай Робертовичъ не удивилъ меня вопросомъ:

— Почему вы не съ нами? Мнѣ давно хотѣлось васъ

спросить. Мы обсуждали вашу кандидатуру, васъ бы мы единогласно провели.

— Да, почему? Почему? — подхватилъ Юрій. — Вы нашъ другъ и отзывчивость ваша... интересъ къ нашему дѣлу, а между тѣмъ въ васъ какая то уклончивость.

Я опустилъ щетку и надѣтый на руку сапогъ, недоумѣвая, какъ точнѣе и мягче выразить мое къ нимъ отношеніе.

— Я не вѣрю... — просто сказалъ я.

— Въ успѣхъ не вѣрите?

— Нѣтъ, успѣхъ, можетъ быть, и будетъ — тутъ о другомъ. Если русская судьба и не то, что вы думаете, и дѣло ваше не такъ сложится, какъ ожидаете, все же вы лучшее сейчасъ даете, какъ лучшее и войнѣ отдали — и это хорошо: чтобы лучшее отдавать. Спасибо за довѣріе ваше, но только не удивляйтесь, что я не съ вами. Дорюги своей я еще не вижу, живу, какъ всѣ, изо дня въ день, но къ вамъ пойти не могу...

— Почему, почему же? — настаивалъ Юрій.

— Укажите хоть причину, не безъ причины же вашъ отказъ? — наставительно прибавилъ Николай Робертовичъ.

— Съ Россіей что то ужасное произошло, ужаснѣе, чѣмъ кажется, — вотъ почему... — тихо сказалъ я.

Николай Робертовичъ и Юрій переглянулись.

— Революціи націи не уничтожаютъ — гибнетъ только режимъ, — самоувѣренно проговорилъ Николай Робертовичъ.

— Да, такъ было, такъ бывало, но съ нами очень страшное случилось. Я не хочу быть голословнымъ, а сейчасъ мое все голословно... — взволнованно заговорилъ я. — За васъ — исторія. Что я могу противопоставить вашей убѣжденности! Да и не надо вамъ моей недоказуемой правды.

— Нѣтъ, Алексѣй Павловичъ, мы обо всемъ сегодня

откровенно, по дружески, говоримъ! — горячо воскликнулъ Юрій.

— Я не вѣрю, что ваше дѣло національному возрожденію послужитъ, — продолжалъ я. — Вдохнуть душу въ бездыханное тѣло — это не въ нашихъ силахъ. Вы можете праведно и полезно «Синаемъ» вашимъ просуществовать, но судьбу страны это не измѣнитъ. Никакого не будетъ ни новаго строя, ни новой жизни.. Съ выморочнымъ наслѣдствомъ дѣлай въ странѣ, что хочешь!

Я остановился, подыскивая слова для почти неуловимой правды. «Не поймутъ... навѣрно не поймутъ», подумалъ я. И тутъ же вспомнилъ, что отвѣтствененъ не только за то, что сказалъ, но и за то, что думалъ, но сказать не захотѣлъ.

— Вотъ именно потому, что такъ съ Россіей случилось, — горячо продолжалъ я, — намъ, «остатку» націи, и предстоитъ, быть можетъ, выстрадать какое-то новое, небывалое объединеніе людей. Мы за эти годы такія тайны человѣческой души узнали, что наши страданія не даромъ! Придетъ... повѣрьте, гдѣ-то въ мірѣ можетъ открыться совсѣмъ иной смыслъ людскихъ взаимоотношеній. Сейчасъ и представить трудно, какой народъ этого достоинъ. Но это ничего. Только бы сознать! Только бы стремиться...

Они меня не поняли.

Лица не выражали ни возмущенія, ни удивленія, — были серьезны, даже сумрачны.

— Рѣчь идетъ, насколько я уловилъ, о проектѣ «общества» съ религіозной подкладкой, — разсудительно началъ Николай Робертовичъ, — но неясность у васъ абсолютная и руководящій принципъ вы не опредѣляете. Туманъ какой-то...

— Надо быть реалистомъ, Алексѣй Павловичъ, — перебилъ Юрій. — Вы о чемъ-то несущественномъ и, про-

стите, очень воспаленно... а мы о томъ, что есть. Съ отвлеченностями пора покончить.

— У насъ спора быть не можетъ, и не надо между нами спора, я же говорилъ: у меня недоказанное... — тихо сказалъ я и вновь принялся за сапоги.

Мы легли спать поздно, гости мои сейчасъ же крѣпко заснули. А я не спалъ, сидѣлъ на полу, на тюфякѣ, курилъ и думалъ-передумывалъ о сказанномъ и о томъ, почему меня не поняли. Можетъ быть, все мое невѣрно? А если эта непонятость только свидѣтельство о правдѣ? Если судъ и мѣра правды — она сама?

Утро выдалось тихое и пасмурное.

Николай Робертовичъ и Юрій спали, какъ убитые. Чтобы ихъ не будить, я осторожно пробрался въ кухню, поставилъ самоваръ, наварилъ въ дорогу картофелю — все очень заботливо устроилъ.

Съ самаго пробужденія во мнѣ была ровная, тихая душевная крѣпость, можетъ быть, потому, что вспоминалась павловская радость. Можетъ быть, не только потому. Впервые я не чувствовалъ сегодня невыносимаго угнетенія души, въ тѣ дни томившаго насъ всѣхъ.

Знаете ли вы, что такое злоба? Не злоба разсвирѣпѣвшаго сердца, а та, что пропитываетъ всю жизнь: слова, жесты, помыслы и встрѣчи... Это какъ запахъ гари въ лѣсной пожаръ: дымомъ пахнетъ воздухъ, вещи, кожа, волосы... Кто не знаетъ тѣхъ русскихъ дней, тотъ никогда этого не пойметъ. Злоба извращаетъ самый инстинктъ общенія, дѣлаетъ его бессмысленнымъ и бесполезнымъ. Такое существованіе не жизнь, а какое-то оцѣпенѣніе. Оно хуже народнаго бѣдствія: войны, голода, землетрясенія... Бѣда бѣдой и обернется — великимъ общимъ горемъ, отъ нея націи не гибнутъ. Здѣсь же мука противоестественнаго существованія, — безысходная агонія. Человѣкъ теряетъ не жизнь и не радость жизни, а

самую волю жить. Я говорю о злой дѣйствительности, которую пережилъ самъ и постепенно сталъ преодолевать, но преодолѣть никогда не могъ.

Въ то утро ко мнѣ вернулось невѣроятное, казалось, навсегда заглохшее, чувство жизни. Я почувствовалъ, что мнѣ хочется жить, и только страшно утратить вотъ эту силу, преодолевающую гнетъ. Не могъ я тогда понять, что уже прикоснулся къ подлинной свободѣ духа — къ неуязвимой и неодолимой силѣ...

Я проводилъ моихъ друзей съ облегченіемъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи остаться поскорѣе одному. Они уѣхали бодрые, очень довольные ночлегомъ, только тревожились, что проспали и могутъ опоздать на пристань.

Мнѣ хотѣлось скорѣй вернуться въ Павловскъ, въ мое малое, бѣдное гнѣздо.

Вмѣсто возвращенія, пришло совѣмъ иное...

Налетѣла бѣда внезапно, съ яростью мщенія, какъ молнія, которая можетъ обуглить или убить на мѣстѣ... Въ ту минуту, когда я уже собрался уходить, кто-то вдругъ заколотилъ въ дверь, и я увидѣлъ на порогѣ блѣдную, какъ смерть, задыхающуюся Наталью...

— Нашу дачу оцѣпили... васъ ищутъ, за вами поѣхали... Бѣгите, сейчасъ же бѣгите! — изступленно лепетала она, съ ужасомъ оглядываясь на дверь.

Я оцѣпенѣлъ.

— Марія Федоровна?!

— Вы, вы, одинъ вы... Она жилица, Моисей сказалъ: «жилица»... Одного васъ!.. Что же вы стоите?! Уходите, сейчасъ же уходите!.. — истерически-негодующе закричала она.

Въ ея зеленыхъ глазахъ, въ искаженномъ лицѣ было выраженіе отчаянной властной рѣшительности. Этой боль-

ной, слабой дѣвочкѣ я повиновался, убѣждалъ, ничего не взявъ съ собой, не закрывъ квартиры... Послѣднее, что помню: Наталья на площадкѣ лѣстницы маленькими, безсильными руками силится повернуть въ замкѣ неподатливый мой ключъ... и ея захлебывающійся, злобный, рыдающій шопотъ:

— Уходите, уходите... говорятъ вамъ — уходите....

Я выскользнулъ изъ дома — и за уголъ. Пробѣжалъ проходнымъ дворомъ, — переулкомъ — улицей — опять переулкомъ, прямо къ Невѣ, — и устремился черезъ мостъ на Выборгскую.... Бѣжалъ, куда глаза глядятъ. Шель-шель-шель... то пугаясь, что явно спѣшу, то, что замедляю шагъ. Выскакивалъ на бойкіе трамвайные проспекты и тутъ же спохватывался и сворачивалъ въ пустынные улицы. Куда шель? Въ такія минуты уже ничего не знаешь, сознаніе суживается до инстинкта, и человѣкъ дѣйствуетъ какъ будто повинаясь невѣдомой волѣ, ни цѣли, ни послѣдовательности дѣйствій которой онъ не знаетъ. Дома — дома — дома... и безконечные выщербленные тротуары. Имъ нѣтъ и не можетъ быть конца. Вотъ уже и не дома, а деревянныя домишки... пустыри,.. дачи, кое-гдѣ уже кусты-деревья... Вотъ мягкая пыль подъ ногами и канавы въ обѣ стороны, опять кусты, опять дачи... а еще дальше, за поворотомъ — вода!

«Господи... гдѣ я?.. Крестовскій Островъ... вонъ Стрѣлка...», съ трудомъ сообразилъ я.

Итти впередъ было некуда, можно только повернуть назадъ и пробраться обходомъ на Васильевскій. Тѣло ныло отъ усталости, отяжелѣли ноги, въ ушахъ и въ груди стучало. Я глянулъ по сторонамъ: направо пустой складъ, за нимъ рядъ дачъ; налѣво — скелетъ разобраннаго на дрова, до печныхъ кладокъ, строенія.

Я перепрыгнулъ канаву, перевалился черезъ невысокую каменную стѣну и соскочилъ въ траву.

Пустырь... Груды кирпичнаго щебня, соръ, высокая

жухлая трава. Я объжалъ развалину и кинулся въ заросль кустовъ...

Въ изнеможеніи лежалъ я среди битаго кирпича и лопуховъ, въ зловоніи гдѣ-то по близости гніющей помойной ямы, возлѣ покрытаго лишаями орѣшника, больными буро-пятнистыми листьями накрывавшаго мнѣ голову. Прислушивался, не идутъ ли, не ѣдутъ ли, не ищутъ ли меня. Вдали, вѣрно, съ лодокъ, со взморья, доносилось крикливое, многоголосое пѣніе, со стороны Новой Деревни — свистки... Послышались, было, голоса, но мирно стихли, удаляясь.

Я скрывать не хочу: все время, пока бѣжалъ, я имя Его повторялъ..., а здѣсь, въ пустырь, сталъ молиться — просилъ помочь умереть, если меня схватятъ. И о Маріи Федоровнѣ горячо просилъ и говорилъ еще, что не хочу усыновленія меня черной совѣтской отчизной...

Сколько времени я такъ пролежалъ, не знаю, но этихъ часовъ не забуду никогда! Я перечувствовалъ здѣсь всю мою русскую судьбу — и не разумомъ, а такъ, какъ переживаешь болѣзнь, любовь, утрату или смерть...

Я все отечеству отдалъ, что оно отъ меня постепенно отнимало: молодость, здоровье, скромное семейное счастье, радость университета, пылъ патріотической жертвенности, гражданскую доблесть... Не было дарованнаго, котораго я бы не отдалъ, или, отдавая, торговался. Утраты эти связей съ отечествомъ не разрывали. Я былъ очень несчастенъ, но оставался русскимъ человѣкомъ. Но уже прошлой зимой сталъ сознавать — и чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе, — что перестаю чувствовать свое отечество, — непонятную, какъ бракъ, таинственную любовь-единство съ моимъ народомъ. И причиной тому — не нищета, не одиночество, не обѣдѣніе умственное, не мои несчастья, — это были такія жгучія, но такія человѣческія бѣды, — а только темный духъ всенароднаго русскаго беззаконія, тотъ новый духъ, который мнѣ надо было признать сво-

имъ, роднымъ, священнымъ, — несвятое объявить свя-
тыней... Долго и медленно разрушалась-гнила моя кров-
ная связь съ народомъ. Теперь — ждала меня жизнь или
смерть, было уже все равно. Свободной волей я отчуж-
далъ себя отъ отечества, хотѣлъ въ странѣ своей — и въ
жизни, и въ смерти — остаться чужакомъ. Но если Рос-
сія погибла, а темнаго совѣтскаго усыновленія я не при-
нимаю, то какой невѣдомой страны тогда я гражданинъ,
кому теперь собрать и общникъ?

И что дѣлать сейчасъ? Какъ спастись? Пробраться
въ Павловскъ? Я погублю Марію Федоровну. Бѣжать въ
колонию? Но причиной всему, навѣрно, «синайцы», и
туда изъ-за Юрія опаснѣе, чѣмъ куда-либо. Можетъ быть,
они уже схвачены? Можетъ быть, Юрія съ Николаемъ
Робертовичемъ задержали на пристани? Сережа? Мали-
нина? Пельтеевъ? Я перебралъ знакомыхъ — врядъ ли
они меня къ себѣ и пустили бы. Оставалась одна Анна
Ивановна, просто и безъ упрековъ спасающая всѣхъ, но
она была связана съ братомъ. А вдругъ Подъяческая все-
му виной? Но я тотчасъ же сказалъ себѣ — не можетъ
быть: Шкаревъ въ провинціи съ весны, отъ его подполья
ничего уже не осталось. Это соображеніе и спасло меня.

Въ глубокія сумерки, когда Крестовскій Островъ по-
тонулъ въ темнотѣ и кое-гдѣ зажелтѣли огни, я пробрал-
ся на Малую Дворянскую и, убѣдившись, что штора въ
окнѣ опущена (этотъ знакъ придумала недавно Анна Ива-
новна для безопасности), измученный и голодный, съ тру-
домъ передвигая ноги отъ головокруженья, я въ тотъ
страшный вечеръ постучался къ Шкаревымъ...

Какъ звѣрь, спасающійся отъ собакъ и пули, я жилъ
теперь дико, тяжело, въ отчаянной и одинокой тревогѣ.
Власти были въ поискахъ предпримчивы. Моя квартира,
неповинные сосѣди (бѣдняга Арабскій!), Павловскъ, «За-

крома», даже Кузовлевскій притонъ — все было обшарено, всѣ передопрошены, взяты на прицѣлъ, даже Пельтеевъ былъ вызванъ для показаній, и лишь его убійственный обо мнѣ отзывъ, засвидѣтельствованный всей коллегіей «Летучаго Университета», помогъ ему выпутаться изъ служебной непріятности. Я сталъ добычей и зналъ съ достовѣрностью, что, если меня не укроетъ случай, то всюду, — въ любомъ домѣ и на любой улицѣ — найдутся русскіе люди, которые меня выдадутъ, и другіе русскіе люди, которые поведутъ, приведутъ, убьютъ; и сдѣлаютъ это безжалостно, дико, съ большимъ удовольствіемъ, съ меньшей необходимостью, чѣмъ любая баба рѣжетъ курицу.

Я не ошибся, Анна Ивановна меня спасла: укрыла у себя, потомъ стала переправлять изъ дома въ домъ, кормила, бѣгала по городу, справляясь у освѣдомленныхъ людей о дѣйствіяхъ власти; узнала, что «синайцевъ» не тронули, а преслѣдуютъ меня одного, по какому-то очень опасному дѣлу.

Обнаружилась ли хитрость моя съ Софьей Александровной, оговорилъ ли кто-нибудь меня на допросахъ, промелькнула ли фамилія въ захваченныхъ подпольныхъ спискахъ — такъ навсегда это и осталось неизвѣстнымъ, но только изъ мелкаго просвѣтительнаго работника я превратился въ одного изъ главарей сѣверной областной организации, — врага опаснаго и ловкаго, неувимостью явившаго свое коварство. Благодаря Аннѣ Ивановнѣ, меня скрывали люди иногда совсѣмъ незнакомые, иногда полужнакомые. Я скитался изъ дома въ домъ, изъ конца въ конецъ города, жилъ впроголодь, спалъ не раздѣваясь, обычно былъ для всѣхъ тяготой, навязанной жертвой, долгомъ непосильнаго человѣколюбія, и чувствовалъ, что каждый благодѣтель спѣшитъ спихнуть меня другому, какъ мужикъ сплавляетъ прибитаго къ берегу утопленника. Недѣли двѣ я не зналъ, что творилось въ Павловскѣ. Поло-

женіе стало до того опасно, что свиданіе съ Маріей Федоровной было бы преступнымъ легкомысліемъ. «Синайцы», черезъ колонію освѣдомленные объ обыскѣ, благо-разумно не искали встрѣчъ со мной. Опытная Анна Ивановна умоляла ни съ кѣмъ не сноситься и никого не оповѣщать.

— Вы умерли, понимаете, вы больше не существуете, — наставительно повторяла она.

Незабываемые, страшные дни... Холодъ, голодъ и одиночество, меня повсюду ищутъ. Внѣшнія обстоятельства указывали на безвыходность положенія. Я тосковалъ, унывалъ, бывалъ очень малодушенъ. Но странно, иногда находила на меня опять увѣренность въ неприкосновенности, въ безусловной неуязвимости, и чувство непонятнаго могущества надъ моими преслѣдователями.

И вотъ, какъ-то разъ къ вечеру, въ даль Измайловскихъ ротъ, гдѣ меня пріютилъ великодушный учитель музыки (дальній родственникъ Шкаревыхъ), прибѣжала взволнованная Анна Ивановна. Къ ней только что приходилъ Юрій съ «чухонскимъ пасторомъ» (такъ называла она Шоттена), — узнать, не слыхала ли она обо мнѣ. Вѣстямъ они очень обрадовались, но спасенья въ удачѣ моей не видѣли и убѣждали, даже умоляли отъ имени Маріи Федоровны, чтобы я согласился немедленно перейти границу. Въ Павловскѣ обыскъ имѣлъ тяжелыя послѣдствія. Перепуганные Персики попросили Марію Федоровну выѣхать, а такъ какъ выѣхать было некуда, то ей пришлось просить пріюта у дворцовой сторожихи, которую она недавно замѣняла на работѣ. Сейчасъ Марія Федоровна живетъ въ сторожкѣ, у Розоваго Павильона. Въ сторожкѣ холодно и сыро. Наталья Николаевна ежедневно ее навѣщаетъ и тайкомъ носитъ пищу. Если я останусь, или попытаюсь скрываться въ провинціи, я бесполезно погублю себя, можетъ быть, и не одного себя. Рѣшать надо немедленно, завтра въ ночь меня переправятъ

съ очередной группой бѣглецовъ черезъ Павловскій пунктъ въ Эстонію. Къ полудню пасторъ доставитъ Аннѣ Ивановнѣ подложныя удостовѣренія, а также справки и кое-какія деньги.

Я мучился до самаго утра, не могъ себя увѣрить, что надо покинуть Марію Федоровну въ нищетѣ, въ одиночествѣ. Правда, меня убѣждали бѣжать по ея просьбѣ, но что же будетъ съ ней, когда она останется одна?

«Увезутъ въ колонію... И Наташа тоже не оставитъ... На это, вѣрно, и намекали, когда на побѣгъ настаивали? Господи! И все изъ-за меня...», терзался я. Вспоминались грязь, вонь, крикъ ребятъ въ сторожихиномъ жильѣ, куда однажды я зашелъ по порученію Маріи Федоровны. «Остаться? Уѣхать въ провинцію и узнавать о ней, — можетъ быть, изрѣдка даже встрѣчаться? Или вмѣстѣ уѣхать? Почему не «вмѣстѣ»? Надо увидать ее и уговорить, чтобы «вмѣстѣ»...», растерянно рассуждалъ я. Но смутное чутье подсказывало, что уговаривать не придется, что попеченія мои о Маріи Федоровнѣ жалки, и лишь мой побѣгъ вѣрное для нея благо. Очевидная бѣда требовала, какъ будто, не побѣга, и мнѣ казалось, что побѣгъ выдуманъ, навязанъ «синаяцами», Шоттеномъ, а сами они заняты лишь своею безопасностью. Я вдругъ преисполнился непріязнью, подозрѣніями и досадой къ моимъ благожелателямъ.

Такъ томилась-двоилась всю ночь моя несчастная душа.

На разсвѣтѣ я вскочилъ и поглядѣлъ въ окно. Осень ненастная, злая, вѣтреная. Туманное холодное утро и дождь — тонкая сѣрая сѣтка. Вѣтеръ воетъ въ трубѣ и шевелитъ въ печи вьюшки. Комната пуста, сыра, темна. Въ ней только и вещей, что рваный, мочалой набитый диванъ, стулъ да сальный пыльный коврикъ, который мнѣ принесъ мой добрый хозяинъ — за неимѣніемъ одѣяла покрыть ноги. Въ углахъ паутина, на полу окурки...

Что же дальше? Изъ дома въ домъ, изъ города въ городъ, одинокое подпольно-подложное существованіе, поиски работы, каторга принудительнаго сгущиванія людей безъ чувства русской общности?

Незамѣтно неизъяснимое ощущеніе своей судьбы, любовь къ Маріи Федоровнѣ и отчужденность отъ русской жизни — слились въ рѣшеніе твердое и свободно-покорное, какъ моя вѣра — бѣжать!...

Я нашелъ у Анны Ивановны все обѣщанное (изъ предосторожности она потребовала, чтобы Шоттенъ ушелъ, меня не дожидаясь), — главное, указанія, какъ выѣхать изъ Петербурга, съ какимъ поѣздомъ, — и желѣзнодорожный билетъ, и планъ, какъ пройти съ вокзала, минуя дворецъ, глубокимъ обходомъ къ Розовому павильону. Было сказано: «васъ встрѣтятъ на дорогѣ».

«Послѣдняя встрѣча...», понялъ я — опять, какъ ночью, чувство «судьбы», неотвратимаго свершенія, которое и хотѣлось, и надо пережить, именно потому, что оно сознавалось неотвратимымъ, вновь охватило меня.

Отъ Анны Ивановны я вышелъ, когда едва смеркалось. Послѣднее, что помню: въ окнѣ, сквозь сѣрую дождевую муть, ея лицо — бѣлое пятно, прильнувшее къ стеклу. Сколько разъ безмолвно, грустно и безотвѣтно глядѣла она вотъ такъ вслѣдъ спасеннымъ ею людямъ!

За эти дни впервые я шелъ по городу не поздно, а въ сумерки, достаточно еще свѣтлая, чтобы даже издали меня могли узнать. Только бѣглецы и преступники знаютъ по-настоящему благо темноты, безлюдья, потаеннаго угла. Я выбиралъ окольный путь (черезъ Николаевскую и Звенигородскую) и дорогой волновался, что приду не во-время.

Вокзалъ былъ еще не освѣщенъ. У кассъ на сквознякъ винтами вились огромные хвосты. Стоялъ гвалтъ, была невообразимая толчея, обычная передъ отправкой поѣзда дальняго слѣдованія. Толпа валила вверхъ по лѣст-

ницѣ съ мѣшками, узлами, котомками, ребятами... Наверху, въ галлерей, гудѣла, напирая тяжестью тѣлѣ и багажа на контрольную заставу.

На дачную платформу я прошелъ безпрепятственно, вмѣшался въ давку осаждающихъ вагоны пассажировъ, и черезъ четверть часа мы тронулись.

Не много помню я такъ забываемо. Хотя мои дѣйствія были почти безсознательны, хотя въ душѣ былъ полный хаосъ, во мнѣ осталось до сихъ поръ ощущение такой чуждости всему, точно кругомъ не живая дѣйствительность, а кинематографическое ея подобіе; помню сдавленную волненіемъ и страхомъ мою трепетную вѣру, и еще — ожиданіе павловской встрѣчи. При мысли о ней въ душѣ была одна лишь боль. Я сознавалъ, что разстанемся мы въ дни свѣтлой близости, накануне какихъ-то новыхъ отношеній, которыя предображались мнѣ въ вечеръ послѣдней встрѣчи...

Когда мы пріѣхали, уже стемнѣло, но очертанія еще не сливались. Шелъ дождь. Толпа пассажировъ за при вокзальнымъ лужкомъ разсѣялась по улицамъ. Я пошелъ со всѣми, потомъ вернулся боковой дорожкой и проскользнулъ въ паркъ.

Кругомъ все плавало въ туманѣ. Подъ ногами была грязь, отсвѣчивали лужи. Со всѣхъ сторонъ падали мокрые листья...

Я бѣжалъ, озираясь по сторонамъ, — никого... Прислушивался — шумъ вѣтра, осенній, злой, листопадный.

«Сейчасъ увидимся... сейчасъ увидимся».

Я забылъ, что передо мною побѣгъ, и что прохожу здѣсь въ послѣдній разъ. Во внѣ и во мнѣ было одно смятеніе.

За «Хижиной дяди Тсма», въ аллеѣ, еще темнѣе. Черные намокшіе стволы шпалерами уходятъ въ даль, впереди мрачная глубь парка, волнуются въ сумракѣ черные кусты, мечутся-шумятъ на вѣтру деревья — лѣсная рать, ко-

торой суждено сегодня ночью укрыть меня. Вездѣ пустота и глушь. И кому надобность въ этотъ часъ, въ эту муть!

Вотъ въ заросли кустовъ — башня... Отсюда, сказано, вправо и вверхъ по холму обратно въ направленіи «Розоваго павильона», уже безъ дороги, напрямикъ. Я бѣжалъ, останавливался, опять ускорялъ шагъ, задыхался отъ сердцебіенія, отъ физической слабости. Малый верхній прудъ... Надъ нимъ склонились плакучія березы, темная гладь усыпана листьями. Здѣсь, на просторѣ, чуть свѣтлѣе, но туманъ надъ землею гуще, и воздухъ пронизанъ пахучей, осенней сыростью. Я спѣшу по глухой дорожкѣ вдоль пруда... Листьевъ здѣсь навалило, какъ нигдѣ: подъ ногами шелестящій коверъ. Ахъ, если бы они не такъ шуршали!

Въ этой глуши мы и встрѣтились...

Она ждала меня на скамейкѣ у самаго пруда. Увидала и выбѣжала на дорожку. Я узналъ ее мгновенно; ни туманъ, ни темнѣющій сумракъ не могли бы сдѣлать ее для меня неузнаваемой. Я бросился къ ней. Ея руки легли на мои плечи...

Я ее обнялъ и глядѣлъ, не могъ наглядѣться — на нее, на заблестѣвшіе отъ слезъ глаза.

— Марія Федоровна!..

— Не надо отчества...

Мы стояли на дорожкѣ, во мглѣ дождя, въ круженіи листьевъ.

— Уйдемъ отсюда, — встревоженно проговорила Марія Федоровна, — сторожа изъ питомника уже прошли и не вернутся, но лучше уйдемъ... «Тамъ» васъ ждутъ, когда совсѣмъ стемнѣетъ... такъ условились... такъ сказали...

Она увела меня отъ пруда въ гущу деревьевъ, въ сырую мглу. Мы шли безъ дороги, стараясь ступать осторожно, чтобы не трещали сучья, иногда останавливались, прислушивались... Мы рассказали другъ другу, что случилось съ нами за эти дни, на что рѣшаемся, говорили

съ тихой довѣрчивостью, чувствуя, что новой выстраданной близости предѣла нѣтъ, и не можетъ быть. Я узналъ, что Марія Федоровна будетъ жить у пастора; что Розенкирки переѣзжаютъ въ Ладогу вслѣдъ за Николаемъ Робертовичемъ; что со мной она бѣжать не можетъ: мнѣ предстоитъ очень трудный переходъ болотами подъ Ямбургомъ и бѣгство этой дорогой мыслимо лишь въ санный путь.

— Но мы не разстанемся? Вы пріѣдете? Вы не оставите меня? — все повторялъ я.

— Не оставляю... но многое не въ нашей волѣ.

— Если не въ нашей волѣ, значить, можетъ быть, сегодня — «навсегда»?..

— Да, можетъ быть... Но общаемъ другъ другу: что бы ни случилось, какъ бы ни жили — всегда для общей нашей любви, какъ «вмѣстѣ»... Вы общаете? Вы согласны? Вы знаете, о чемъ я говорю?

— Я знаю... — загораясь отвѣтнымъ воодушевленіемъ, перебилъ я, — и чтобы для Него принять все, и разлуку нашу «навсегда». Вы объ этомъ думали? Вы къ этому меня подготовить хотѣли?

Марія Федоровна на мигъ задумалась, точно не рѣшалась, или не могла вымолвить отвѣтъ, и наклонила голову.

— Да, и разлуку навсегда...

Я почувялъ, тонкимъ вѣдѣніемъ угадалъ, что всѣ дни она думала объ этомъ вѣчномъ общаніи. И тутъ, щадя меня и себя, нашу человѣческую слабость, которая хотѣла быть силой, она заговорила о другомъ, о самомъ нужномъ, простомъ, житейскомъ: какъ мнѣ жить, какъ разыскать Федора Федоровича, написать ему, какъ достать на первое время денегъ; дала мнѣ списокъ адресовъ своихъ друзей, торопилась, очень тревожилась, все ли припомнила, все ли посоветовала...

Отъ усталости, волненія, отъ изнеможенія душевна-

го, я все слышалъ, какъ сквозь сонъ. Явь сейчасъ была для меня лишь она одна — эта повязанная темнымъ платкомъ женщина, въ забрызганныхъ грязью калошахъ, прячущая въ рукава озябшія руки. И еще явь — съ минуты на минуту густѣющая, со всѣхъ сторонъ наплывающая тьма, шорохъ дождя и колыханье мокрыхъ вѣтокъ... Темнота означала, что близятся послѣднія минуты.

Мы шли лѣсомъ, потомъ опушкой обогнули лугъ и очутились въ темнотѣ узкой запущенной дорожки. Блеснули въ туманѣ мутные огни: мы приблизились къ жилью, къ дачамъ. Я узналъ глухой конецъ Садовой, ту длинную, всегда грязную улицу, что огибаетъ паркъ отъ самой станціи. По одну сторону тянутся дачи, по другую — стѣной деревьевъ и кустовъ подступаетъ паркъ. Тутъ, въ темнотѣ, легко проскользнуть въ любую дачу.

Марія Федоровна остановилась.

— Пришли.. — шопотомъ сказала она.

Противъ насъ, по ту сторону улицы, въ глубинѣ палисадника, виднѣлась дача. Въ одномъ окнѣ былъ свѣтъ.

— Васъ ждутъ... зажгли лампу, такъ условились, не надо стучать, калитка и дверь открыты... я не войду, мнѣ сказали, чтобы вы одинъ... Васъ ждетъ Шоттенъ... Я ночую у Даши... — тревожно озираясь, быстро проговорила Марія Федоровна.

— Мнѣ пора? — бессмысленно спросилъ я, завѣдомо зная, что надо идти.

Я машинально снялъ фуражку и растерянно посмотрѣлъ на Марію Федоровну.

— Пора, Алеша...

Я очнулся, съ необычайной ясностью вдругъ понялъ, что сейчасъ должно произойти. Фуражка выпала у меня изъ рукъ... Я наклонился къ Маріи Федоровнѣ и взялъ ее за голову. Чуть отсвѣчивая въ темнотѣ, глядѣли на меня ея глаза. Впервые я назвалъ ее такъ, какъ она хотѣла, съ

нѣжностью, едва слышно повторилъ ея имя. Я чувствовалъ ея дыханье, теплоту тѣла, пламя жизни въ ней, грѣющій пухъ косынки подъ моими руками... Несмотря на горе, отъ котораго разрывалось сердце, я ощутилъ, съ силой еще неизвѣданной, благодать нашей близости, торжественную радость, нерасторжимость нашего единства... Въ смутно-свѣтломъ сознаніи Божьяго вѣнчанья, въ порывѣ великой любви моей, я перекрестилъ Марію Федоровну и поцѣловалъ ея живыя и отвѣтныя уста...

ГЛАВА XXIV.

Снѣгъ и тишина... снѣгъ и тишина.. и сегодня, и вчера, и завтра...

Я живу въ лѣсу, въ снѣгу, словно лежу въ чистой, бѣлой постели. Иногда мнѣ кажется, что я заснулъ, и густой лѣсъ, жарко-натопленная дачка, чухонскій лепетъ Айны и Эрика — моихъ хозяевъ — бубенцы, пѣтухъ подъ окномъ, собачій лай... что все отнимется, исчезнетъ... Но когда я сознаю, что не исчезнетъ, что Эрикъ и завтра утромъ опять поѣдетъ на станцію, Айна будетъ стучать утюгами и хлопать дверь, а рыжій пушистый Вурти, похожій издали на скачущую по снѣгу дамскую муфту, — усердно лаять вслѣдъ дровнямъ, которыя тянутся черезъ озеро со спичечной фабрики — меня охватываетъ чувство воли, яви, новизны и изумленія. Я очень слабъ, и мои израненныя за переходъ ноги еще не зажили. Докторъ Лассила проѣздомъ на амбулаторный пріемъ навѣщаетъ меня и сумрачно качаетъ головой, дѣлая перевязки. Я постарѣлъ. У меня стали сѣдѣть волосы, и очень ослабѣло зрѣніе. Лассила говоритъ — отъ истощенія, отъ долгой голодовки, отъ нервнаго переутомленія. Даже въ валенкахъ я съ трудомъ передвигаюсь и долженъ опираться на палку. Но я пытаюсь работать — расчищаю снѣгъ вокругъ дачи, перечинилъ хозяевамъ разсѣвшуюся мебелишку, выкрасилъ перила внутренней лѣстницы... Правда, все я дѣлаю очень медленно — и съ такимъ тру-

домъ! — но работа даетъ мнѣ удовлетвореніе: я отношусь къ ней съ большимъ усердіемъ.

Дачка наша очень маленькая. Внизу, въ двухъ тѣсныхъ, жаркихъ комнаткахъ живутъ хозяева, тамъ же собака, кошка съ котятами; куры въ чуланѣ, въ сѣняхъ — ежъ въ корзинкѣ. Много блохъ, но въ нихъ повиненъ одинъ мѣховой Вурти.

Я живу наверху, надъ кухней, въ одной изъ двухъ комнатъ, самой маленькой. Въ углу желѣзная, круглая печка. Я топлю ее самъ. Когда топлю, — тепло, а прогорятъ дрова, — опять холодно. Тогда я надѣваю Эрикину медвѣжью куртку (ее принесла Айна, меня жалѣя) и натягиваю новую мѣховую шапку.

Комната обставлена бѣдно: желѣзная кровать, комодъ, два стула, круглый, валкій столъ, умывальникъ съ испорченнымъ краномъ — но это пустяки: изъ двухъ маленькихъ окошекъ, на треть забытыхъ жесткимъ сѣрымъ мохомъ, льется зимній свѣтъ и видно озеро — бѣлая поляна... Иногда морозово-розово свѣтитъ солнце на кровать, на подушку, прямо мнѣ въ лицо. Вечеромъ, когда печка гудитъ отъ пламени, на столѣ горитъ лампа, а въ окнахъ ночная синева — мнѣ кажется, что это сонъ: меня привезли изъ гимназическаго интерната домой на Рождество, въ Ипполитово, вотъ-вотъ позовутъ внизъ ужинать, заиграютъ на рояли, или ворвется съ коньками осыпанный снѣгомъ Володя...

Я много сплю, могу спать теперь часами и въ любое время, ѣмъ много и жадно, ловлю себя на этой жадности. Дивлюсь всякому лишнему куску, вещи, всякой преизбыточности. Вижу, что у хозяевъ есть все необходимое, и это мнѣ кажется уже полнымъ довольствомъ.

Хозяева относятся ко мнѣ хорошо. Можетъ быть, доброе ихъ отношеніе въ память того фантастически щедрого петербургскаго виноторговца, у котораго Эрикъ служилъ дворникомъ, оберегая въ этомъ лѣсу его три безобразныя

дачи-ящики. Такъ какъ владѣлецъ пропалъ безъ вѣсти, дачами никто еще не завладѣлъ, а въ дворницкой завалилась крыша, — Эрикъ переселился въ одну изъ нихъ, въ самую маленькую. Впрочемъ, можетъ быть, въ основѣ заботливаго отношенія просто финскія марки. Я плачу исправно, потому что деньги у меня пока есть: мнѣ ихъ прислалъ Федоръ Федоровичъ.

Я денегъ у него не просилъ (просилъ только прислать газеты), а изъ Ревеля телеграфировалъ о переходѣ границы, потомъ изъ Гельсингфорса написалъ, какъ это со мной случилось; про все, что могло его интересовать, конечно, тоже написалъ... Онъ откликнулся. Письмо его было пріятно-благородно, онъ писалъ пространно и очень красиво, больше все о томъ, что испытывалъ, читая меня; но черезъ гельсингфорскій банкъ прилетѣлъ ко мнѣ чекъ — невиданное для меня, нищаго, богатство. Кажется, Федоръ Федоровичъ не удивлялся, что я одинъ, даже, какъ будто, привѣтствовалъ: повидимому, я подтверждалъ правильность его собственнаго поведенія. «Теперь вы поймете, почему мы уѣхали, а ожиданіе было безцѣльно», писалъ онъ.

Деньгамъ я очень обрадовался: это выводило изъ безвыходнаго положенія (съ больными ногами куда дѣваться!), но переписки у насъ съ Федоромъ Федоровичемъ не вышло. Послѣ пространнаго письма онъ отвѣтилъ кратко, ссылаясь на отъѣздъ: всѣмъ домомъ лэди Макъ Ли ѣдетъ на зиму въ Италію, прежде всего въ Верону. (Понятно, почему въ Верону!). О Россіи поучалъ вскользь: надо, чтобы человѣкъ жилъ въ созвучіи со средой, единственное благо родины — безпрепятственное развитіе своей личности, надо себя чувствовать гдѣ-то «своимъ», тѣмъ хуже для страны, если общаго съ ней не стало. Тутъ же умно о Ломбардіи, о сѣверной итальянской архитектурѣ, о Палладіо... и просьба выслать дорогое художественное изданіе Калевалы.

Человѣчнѣе была приписка Янсенъ, въ водянистыхъ

подтекахъ. Она писала, что «очень плачетъ» (извѣстно, о комъ...), что стала хворать, что Федору Федоровичу всѣ такъ рады, такъ рады, какъ будто самъ король Георгъ въ гости пріѣхалъ... самые умные, знаменитые люди Эдинбурга его друзьями стали, пріѣзжаютъ съ нимъ разговаривать, а лэди Макъ Ли, и братья, и кузины — всѣ его обожаютъ, «къ нему молятся» (такъ перевела она нѣмецкое anbeten). Замокъ большой и очень красивый, а если въ домѣ всѣмъ грустно, то потому, что въ достойной семьѣ трауръ по убитомъ на войнѣ родственникѣ...

Я отвѣтилъ съ добрымъ чувствомъ, благодарно, можетъ быть, слишкомъ просто, не скрывая, что къ нимъ влекусь... О причинѣ влеченія не говорилъ, конечно. Развѣ она не подразумевалась?

Странно! Первое время я былъ не въ силахъ думать о пережитомъ. Есть въ человѣческомъ существѣ предѣлъ самой способности памятованія. О прошломъ вспоминать было невозможно, и во снѣ мнѣ ничего не снилось. Только ночью иногда я вскакивалъ, прислушивался... а потомъ, сообразивъ, гдѣ я, вновь валился на подушки. Многое могло ожить въ моей памяти со строками Федора Федоровича — цѣлая полоса! — но, повторяю, вспоминать я не могъ. Прочитавъ письма, поспѣшно на нихъ отвѣтивъ, погружался въ забытье.

Это состояніе нашло на меня не сразу. Въ карантинѣ, подѣ Нарвой, его еще не было. Тамъ, въ баракахъ, въ кучѣ ошалѣлыхъ, одичавшихъ людей, была еще нервная возбужденность, болтливость сумасшедшихъ, метанье, болѣзненный подъемъ — былъ и я, какъ всѣ. Къ тому же болѣли израненныя ноги, сдѣлался жаръ, и я попалъ въ лазаретъ. Понемногу обошлось, меня привезли въ Ревель, случайные сердобольные спутники посадили на пароходъ. Я перебрался въ Финляндію — на этомъ настаивалъ Шоттенъ. Онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ своему старому пріятелю, гельсингфорскому

нотаріусу Гармоніусу, тотъ препроводилъ меня, по моей просьбѣ, въ глушь, въ тишину, — къ Эрику. Здѣсь постепенно я и впалъ въ это странное безпамятство.

Душевное состояніе мое было поначалу дѣтски-просто, малѣйшая отвлеченность утомляла. Докторъ мнѣ привезъ Зудермана, но я чтенія избѣгалъ, да и чужая, литературно выдуманная жизнь меня тяготила. Пожалуй, хотѣлось музыки, — не концертной, не оркестровой (она бы напоминала то, къ чему прикасаться памятью было невозможно), а пѣнія: чтобы чей-нибудь голосъ просто и сердечно пѣлъ пѣсню, какъ поютъ на покосахъ, на рѣчкахъ... Казалось, мое «я» отдыхаетъ отъ самого себя послѣ года отчаянной самозащиты.

Когда раны немного зажили, я началъ ходить въ лѣсъ. Иду медленно, прихрамывая, лѣсной дорожкой, что ведетъ въ самую-то гущу елокъ, въ сугробы, въ дышащую льдомъ чашу. Брожу въ разное время: яснымъ утромъ, когда снѣгъ въ тѣни голубой, а на солнцѣ серебрится; въ полдень, когда на озерѣ заливаются бубенцы, и по его простору, пыля снѣгомъ, мчатся со станціи порожніе возы. Но больше всего я любилъ сгустившіяся до темноты сумерки... Никогда ихъ не пропускалъ; выходилъ на дорогу: пустота, тишина, наплывающая темнота, въ темноту бѣгущая дорога въ обѣ стороны, у калитки заросль кустовъ, освѣщенное окно...

Я хожу, смотрю, слушаю. Все вижу, все слышу и какъ-то по-новому «знаю». Ощущеніе жизни мнѣ сейчасъ дороже всѣхъ представленій, всѣхъ идей о жизни, точно въ душѣ пробуждается какое-то невѣдомое и неизвѣданное познание, совсѣмъ непохожее на логическое мышление. Я что-то знаю и узнаю о дѣйствительности тонко, безразсудно, какъ бы безъ понятій, но знаю, что все именно такъ и есть.

Отъединеннымъ отъ другихъ людей я чувствую себя не потому, что во мнѣ какая-то сложность или возвышен-

ность, а потому что мнѣ никому не объяснить вотъ этого страннаго познанія.

Я знаю, что все живое можетъ измѣняться ко благу, преображаться, стремиться къ своему исполненію. Это не мысль, не чувство, не воображеніе, а точно всѣ эти силы вмѣстѣ — особая душевная способность озарять надеждой явленія. И эта правда очевидна точь въ точь такъ же, какъ холодъ подъ утро въ комнатѣ или боль перевязокъ. Если я самъ измѣнился до глубины, если для меня все измѣнило свой смыслъ, значить, такая перемѣна возможна со всякимъ человѣкомъ, со всѣмъ въ мірѣ живымъ, и мое снѣжное уединеніе и окружающіе люди не случайность, но таятъ въ себѣ тоже какую-то надежду...

Я пришлый, убѣжавшій отъ своего народа, человѣкъ. Но чужой и пришлый, я свидѣтельствую о неизбѣжномъ и очень важномъ. Если «свое» — стыдъ и стонъ, душа устремится къ чужому, тоже если нравственно-разумнаго общенія надо искать уже во-внѣ, — націи конецъ. Да, я здѣсь чужой, но чуждость эта не угнетаетъ. Въ ней нѣтъ той словесной, безсовѣстной близости, которая меня такъ измучила. Именно потому чуждость и влечетъ, что она обнадеживаетъ, увѣряетъ, общается, что я останусь человѣкомъ, и если и здѣсь никто ничѣмъ со мною не подѣлится, никому все же гибели души моей не надо. Я люблю слушать непонятный финскій говоръ, люблю своеобразный финскій обликъ: вислоухія шапки, трубки-носогрѣйки, полосатые шарфы, деревянную скульптуру неподвижныхъ лицъ... Не избѣгаю встрѣчъ съ людьми ни дома, когда къ хозяевамъ заходятъ сосѣди-мужики, ни на дорогѣ, ни въ лѣсу, радуюсь, когда узнаю, что встрѣчный — чужой; мнѣ хочется съ нимъ поздороваться, посидѣть, поговорить — я такъ цѣню теперь даже милые пустяки людского, мирнаго общенія. Самое стремленіе это — залогъ, что чужое съ моимъ соединимо, и надежда моя о вѣрномъ... Кто знаетъ! Быть можетъ, наступаютъ

времена Лоэнгринова очарованья... Влеченье всегда загадочно. Объ этомъ твердить отъ вѣка тайна брака. Не «свой» — чужой творить новое, крѣпчайшее единство и чувство чуждости, дали, новизны и тайны, стремленіе ихъ преодолѣть, побѣдить, надъ ними восторжествовать — условіе всякой животворной эротики. Но когда и въ какихъ людяхъ загорится это влеченіе къ чужому и неизвѣстному съ силой, которая способна творить новую общую жизнь?

Въ періодъ выздоровленія я жилъ изо дня въ день... изо дня въ день... Дниплыли бѣлые, тихіе: такъ падаютъ снѣжныя хлопья. Безтревожность о своемъ, о личномъ была бы непонятна, даже ненормальна, если бы не упованье, которое владѣло мною всецѣло. Оно у меня было воистину безпредѣльно. Лишь теперь я понимаю, что пламенная надежда — скрытое въ человѣкѣ могущество. Вѣроятно, потому я безсознательно эту силу въ себѣ, какъ святыню, и оберегалъ, все опасался, чтобы не мечта, а именно надежда во мнѣ жила, чтобы не обмануться, не обольститься иллюзіей, даже въ повседневности, чтобы не было ничего безсодержательнаго, пустого: ни слова, ни дѣла... Никогда еще я не былъ такимъ реалистомъ, какъ во дни надежды. Хотѣлъ, чтобы все было настоящимъ, полноцѣннымъ, и во мнѣ и для меня. Очень требовательнымъ къ себѣ сталъ, до суровости, до отвращенія ко всякому подобію настоящаго. Это на работѣ прежде всего сказалось.

Когда я окрѣпъ настолько, что могъ ходить безъ палки и гулять безъ утомленія, я сталъ искать заработка. Положеніе было трудное. Чужому кто поможетъ! Хозяева только переглянулись, когда я имъ про это сказалъ. Недоумѣніемъ ихъ все бы и кончилось, да тутъ Эрику случилось уѣхать по дѣламъ въ Выборгъ. Въ его отсутствіе я работу отлично справилъ и по извозу, и по дому. Хозяева очень благодарили, черезъ нѣсколько дней о

чемъ-то за моей спиной пошептались, а потомъ Эрикъ нагналъ меня въ сѣняхъ. Изъ его лопотанья я понялъ, что у лавочника Адама Кохо, того, что у станціи торгуетъ бакалеей, приказчика ночью въ больницу свезли, и Кохо сегодня всѣхъ возчиковъ обѣгалъ — замѣнить приказчика просилъ. Никто не пошелъ: мѣсто временное, невыгодное. Я понялъ, что мѣсто предлагаютъ мнѣ; согласился, и на утро меня повезли на станцію. Съ этого и началось...

Работа была всегда случайная, и жить приходилось по-прежнему, у Эрика. Недѣли двѣ я торговалъ въ лавкѣ, потомъ записался въ снѣговую артель (ее спѣшно набрало желѣзнодорожное начальство для очистки заносовъ), потомъ Лассила меня къ ленсману пристроилъ, уроки французскаго языка дѣтямъ давать, и я ѣздилъ за двѣ станціи отъ насъ ранымъ рано, еще въ темноту, въ освѣщенныхъ по-ночному и жарко натопленныхъ поѣздахъ.

Все я дѣлалъ охотно, усердно, добросовѣстно, съ сильной неутомимостью. Каждое дѣло казалось мнѣ важнымъ, живымъ, личнымъ. Зарабатывалъ я мало: не безъ того, конечно, было, чтобы люди моимъ тяжелымъ положеніемъ не пользовались.

Хозяева рѣшили сразу, что я не прежній постоялецъ: никакой работой не гнушаюсь, и моя плата имъ не прежняя, а суточная, съ вычетами — невыгодная. Не то, что дурно они ко мнѣ относиться стали, а незамѣтно появилась у нихъ безцеремонная непринужденность, даже чуть панибратство: ужъ не такъ они о покоѣ моемъ заботились, и за ѣдой теперь я самъ на кухню ходилъ. Такъ незамѣтно на другія рельсы отношенія наши и съѣхали. Наша одинаковая трудовая жизнь все мѣняла. Очень важно, когда люди ощущаютъ, что у нихъ одна доля. Съ этого многое начинается...

Они любили спрашивать о прошломъ. Развѣ могли они понять, что меня нельзя ни о чемъ разпра-

шивать! Не только они, но въ лавкѣ, поѣздѣ, аптекѣ, на почтѣ — всѣ съ первыхъ словъ, изъ любопытства, вѣжливости, жалости — и кто знаетъ! — можетъ быть, и злорадства. Особенно любили слушать про «ужасы», и я старался припомнить все, что могъ, про голодъ, тюрьмы и жестокіе декреты...

Когда мнѣ доводилось разговариваться съ кѣмъ-нибудь о политикѣ или о мелкихъ мѣстныхъ нуждахъ (въ этой теперь заглохшей дачной мѣстности многіе говорили по-русски), я охотно обо всемъ рассуждалъ, но о своемъ, душевномъ, о русскомъ, ни съ кѣмъ никогда не говорилъ... Тутъ я молчалъ, какъ убитый. Никому я тоже не говорилъ, не могъ сказать, что жду Марію, жду неутомимо...

О ней нѣтъ вѣстей. Правда, Шоттенъ сказалъ (это были его послѣднія слова): «можетъ быть, извѣстій не будетъ долго». И я ждалъ всю зиму до Рождества, и всѣ праздники ждалъ, каждый день, со свѣтлымъ терпѣніемъ, съ великой надеждой. А все-таки...

Послѣ праздниковъ я сталъ писать нотаріусу въ Гельсингфорсъ, приставалъ, запрашивалъ, нѣтъ ли писемъ отъ Шоттена. Потомъ телефонировалъ въ Х-скій карантинный пунктъ, завѣдомо зная, что Х-скій карантинъ обслуживаетъ не эстонскую, а финскую границу. И въ Ревель написалъ, стараясь отыскать то лицо, которое, я зналъ, имѣло сношенія съ нарвской переправой.

Чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще приходили сомнѣнья, растерянность, душевная смутность. Правда, потомъ надежда возвращалась — чудесная свѣжесть духовнаго простора, свобода, легкость и дѣтская вѣра, не требующая доказательствъ.

Ревель, между тѣмъ, не отзывался. Вѣжливый нотаріусъ пересталъ отвѣчать на письма. Въ карантинѣ я тоже, видимо, надоѣлъ, и мнѣ больше не выдавали справокъ о новоприбывшихъ. Наступилъ конецъ января.

И вотъ, я сталъ упрекать себя за то, что уѣхалъ. Есть

положенія, когда чужая воля, даже добрая, не доводъ, и когда любви дается верховное право рѣшенія. Я слишкомъ легко согласился. Надо было испытать подпольный путь, хоть попробовать устроиться въ провинціи на нелегальномъ положеніи. Я начиналъ безпощадно обличать себя. Встревоженная сомнѣніемъ совѣсть извращала истину событій. «Всѣ сроки миновали... А если терпѣніе мое бессмысленно и малодушно, если надо вернуться въ Ревель и оттуда дѣйствовать?..» Эти мысли не давали покоя.

Послѣ праздниковъ я потерялъ урокъ у ленсmana. Деньги были на исходѣ. Хозяева безжалостно-расчетливо давали понять, что даромъ держать они меня не могутъ. Ласила, къ которому я бросился за совѣтомъ, гдѣ бы занять немного денегъ на поѣздку въ Ревель, только побагровѣлъ, задышалъ глубоко и рѣдко и что-то невразумительно пробормоталъ. Съ тѣхъ поръ, пролетая на санкахъ мимо меня, пѣшаго на краю дороги, онъ притворялся, что задумался и никого не видитъ.

Что дѣлать? Къ кому обратиться?

Съ той минуты, когда я, цѣпляясь въ темнотѣ за мокрые кусты, побѣждалъ къ полуосвѣщенной дачѣ, Марія всегда была со мною. Но теперь наступили дни, когда нашу нераздѣльность я сознавалъ такъ живо и мучительно, что, казалось — жить дольше въ разлукѣ нельзя, надо дѣйствовать, во имя моей надежды надо что-то предпринять. Въ растерянности и смятеніи, не зная, какъ совладать съ собою, я не то что Богу ее отдавалъ, — ахъ, нѣтъ, дарованнаго я бы ни за что и Богу не отдалъ! — но я умолялъ спасти Марію, я убѣждалъ, я настаивалъ, я требовалъ... Я говорилъ, что она мое спасенье, и справедливость, самая простая человѣческая справедливость, — чтобы ей спастись. Я не представлялъ себѣ, что душа въ безпомощности, въ тѣснотѣ, безвыходности житейскихъ затрудненій съ такой силой можетъ устремляться къ непосильно-желанному! Случалось мнѣ обра-

щаться съ мольбою не только къ небу въ неутомимой моей вѣрѣ, но съ наивнымъ дерзновеніемъ, какъ дитя, склонное къ выдумкѣ, я умолялъ солнце, снѣгъ, деревья, голубей у булочной, взѣрошенныхъ лошадей на станціонной площади, обитателей нашихъ сѣней — всѣхъ умолялъ помочь, если что-либо въ тайнѣ нашихъ человѣческихъ свершеній они могутъ... Я не раздумывалъ, могутъ они или не могутъ, я хотѣлъ, чтобы они могли, чтобы въ своей отдаленности отъ насъ, чуждости нашему естеству, по-своему, по собственнымъ возможностямъ, они бы помогли. Тутъ всякій хлопочекъ снѣга что-то значилъ, или я хотѣлъ, чтобы въ немъ, неодушевленномъ, открылась благая одушевленность. Я Марію Богу и міру поручалъ, къ заступленію призывалъ, круговой порукой спасенія связаться хотѣлъ...

Была ли это просто экстатическая напряженность души, коренилось ли это въ сокровенной религіозной истинѣ о вѣчномъ мірѣ — развѣ я зналъ, развѣ я объ этомъ думалъ?

Тревога моя разгоралась все сильнѣе, какъ на вѣтру — костеръ.

Теперь я уже раза по два на дню на почту бѣгалъ, все справлялся: нѣтъ ли письма? нѣтъ ли письма? Наконецъ, послалъ тревожную телеграмму въ Ревель. Дней черезъ пять пришелъ отвѣтъ, краткій, невразумительный. Мнѣ давали понять, что запрашивать бесполезно: эстонская переправа закрыта еще мѣсяцъ тому назадъ «вслѣдствіе весьма неблагоприятныхъ обстоятельствъ». Какихъ обстоятельствъ? Это была уже не неудача, а несчастье. «Неблагопріятныя обстоятельства» могли свидѣтельствовать лишь о томъ, что съ шоттеновской организаціей неблагополучно...

Рѣдко бѣда приходитъ одна. Когда я, усталый и полубольной, дотащился въ тотъ день до почты (мнѣ нездоровилось съ утра) и, замирая отъ волненія, дочитывалъ

письмо, тутъ же въ почтовомъ отдѣленіи, въ углу на лавкѣ, меня поманилъ чиновникъ къ окошечку, велѣлъ расписаться въ толстой какой-то книгѣ и вручилъ повѣстку.

Заголовокъ и штампеля В...скаго полицейскаго управленія — нѣсколько словъ: мнѣ нужно явиться къ начальнику В...ской полиціи и представить свои бумаги.

Что случилось? Почему бумаги понадобились? Я поставилъ отказъ ленсману въ урокахъ съ вызовомъ въ полицію — и ужаснулся... Сомнѣнья не было — предстояла непріятность, не то изъ-за бумагъ, не то по соображеніямъ полицейскаго самоуправства.

Бываютъ въ жизни такія безспорныя несчастія, что никакое религіозное осмысливанье снять съ плечъ тяжести ихъ не можетъ. Я брелъ домой по лѣсу, засунувъ руки въ карманы, нахлобучивъ шапку. Густо падалъ снѣгъ, мелкій, мягкій, заматавая по маковки придорожныя низенькія елки. Въ душѣ была пустота — не смятенье, не отчаянье, не умное сопротивленіе бѣдѣ, а именно та пустота, когда человѣкъ теряетъ душевныя силы, не можетъ, не знаетъ, какъ дѣйствовать. Вѣроятно, соответствовало это физическому состоянію. Мое недомоганіе усилилось. Знобило, голова пылала, болѣло горло. Если бы люди знали, какъ благодатна иногда болѣзнь!

Въ домѣ нашемъ — тишина. Эрикъ уѣхалъ въ кухню, на ту сторону озера, — вернется лишь къ ужину. Айна кроитъ на кухнѣ. Озябшій, вволю набѣгавшійся Вурти уснулъ подъ лѣстницей и, въ знакъ привѣтствія, чуть пошевелилъ хвостомъ.

Я легъ не раздѣваясь, накрылся пледомъ и мѣховой курткой. Айна растопила печку и принесла горячаго молока.

Лежу въ полуснѣ. Въ ушахъ шумъ, въ головѣ путаница... Заставляю себя думать, силюсь разсуждать, просто понять мое ужасное положеніе, но мысли гаснутъ и, прежде чѣмъ я успѣваю ихъ связать, онѣ уже исчезли.

Опять вьюгой вьются нелѣпые клочки воспоминаній... Мерещатся Барановичи — нашъ госпиталь. Хочу найти выходъ, мечусь, ишу, спѣшу... Но палатамъ нѣтъ конца. Не только впереди, но и позади меня, въ обѣ стороны, нѣтъ! во всѣ стороны мучительно длинные ряды постелей... Это ужъ не госпиталь, а какая-то невиданная гигантская больница, — цѣлый городъ, набитый койками. Ихъ тысячи... тысячи... И всюду больные — больные — больные... Стоить удушающая, удручающая жара людского скопища, стелется жаркій, желтый туманъ. Горячій паръ влагой осѣдаетъ на лбу, на волосахъ, пропитываетъ одежду. Сердце молоткомъ стучить въ груди и замираетъ. За шумомъ въ ухахъ едва уловимое «пиччикато» далекаго оркестра...

Я въ забытїи, въ полубреду — и очень усталъ, мнѣ трудно поднять вѣки.

Скрипнула дверь, кто-то вошелъ... Старуха! Господи, она и есть — Карповна! И какъ тепло закутана... въ чемъ-то лисьемъ, тепломъ. Вошла — и прямо къ кровати, на табуретку. Скрестила руки, молча смотритъ на меня.

«Что ей надо? Да что же ей надо?.. У ней на кухнѣ темно, а у меня лампа...», съ трудомъ соображаю я. «Не было лампы... керосина у ней не было, потому и лампы не было...»

— Возьмите лампу! — кричу я.

Она отрицательно качаетъ головой.

— Пожалуйста, возьмите... — умоляюще повторяю я.

Она не двигается.

— Я вамъ отнесу, я вамъ отдамъ ее!

Я вскакиваю, сажусь на постели, оглядываю комнату — никого...

«Старухи не было... это бредъ», соображаю я.

Мягко и ровно разливается ламповый свѣтъ, въ печи дрова давно уже прогорѣли, изъ четырехугольной красной пасти струится тепло. Дверь плотно затворена. Подъ окномъ неистовый собачій лай и бубенцы...

«Эрикъ отъ кузнеца вернулся... Сейчасъ ужинъ, сейчасъ часовъ восемь... Но почему внизу голоса... много голосовъ? Вурти лаеъ уже въ сѣняхъ... Шарканье ногъ, хлопанье дверями... Что случилось? Мое имя... Меня? Господи, что это? Кто это?!. И вдругъ — восклицанье, такое явственное, такое звонкое!.. И легкіе шаги быстро вверхъ по лѣстницѣ...

Я вскакиваю, хочу кинуться навстрѣчу — все шатается и плыветъ передъ глазами, сердце замерло и дыханье остановилось. Ощущеніе горячаго блистательнаго свѣта! Изъ глубины сердца, поднимаясь все выше и выше, разливается во мнѣ свѣтомъ блещущая, легкая волна... Она наплываетъ, накрываетъ меня съ головой — и безъ сопротивленія, безъ ужаса передъ неизвѣданнымъ, въ невообразимо-блаженной радости, я тону, я погибаю въ этомъ странномъ, чудномъ свѣтѣ и на мгновенье теряю сознанье...

Марія Федоровна стоитъ на порогѣ вся въ снѣгу, въ сіяющихъ снѣжныхъ искрахъ.....

ГЛАВА XXV.

Моя болѣзнь, бурная, но краткая (черезъ три дня я уже былъ совсѣмъ здоровъ), мгновенно низвела восторгъ нашей встрѣчи до самаго обыкновеннаго, житейскаго дѣла — до хлопотливыхъ заботъ Маріи Федоровны обо мнѣ. Суета, переговоры, бѣготня по лѣстницѣ, пріѣздъ Лас-силы (за нимъ Марія Федоровна послала Эрика), лихорадочная путаница моихъ разспросовъ, душѣ непосильная, почти мучительная, радость, — вотъ все, что я помню объ этой ночи. Но и въ этой сумятицѣ я успѣлъ понять, что Марія Федоровна перешла финляндскую границу не одна, а вмѣстѣ съ Шоттеномъ, что эстонская организація стала распадаться вскорѣ послѣ моего отъѣзда, погибла окончательно на Рождествѣ, когда попались бѣглецы съ подложными пропусками; Шоттена спасло отъ неминуемой гибели бывшее его шведское подданство, заступленіе одного изъ консуловъ, а въ сущности — то, что соучастіе осталось недоказаннымъ. Узналъ я, что грозный вызовъ въ Выборгъ имѣлъ цѣлью лишь облегчить встрѣчу съ Маріей Федоровной. Не получая отвѣта отъ Гармоніуса, Шоттенъ запросилъ полицію, которая, отъ большой добросовѣстности, желая удостовѣриться въ правильности выданной справки, вызывала меня въ Выборгъ. Тамъ я узналъ бы о поводѣ причиненнаго безпокойства и получилъ бы пропускъ въ карантинъ. Однако, Марія Федоровна моего пріѣзда не дождалась и, зная адресъ, выпросила разрѣшеніе у мѣстной власти покинуть карантинъ досрочно. Съ трудомъ

удалось ей найти на станціи возницу къ намъ на озеро: было темно, поздно, очень снѣжно, и вести четыре километра лѣсомъ никто сперва не соглашался. Вотъ почему встрѣча наша была такой чудесной неожиданностью. Но именно неожиданность и моя болѣзнь сразу создали небывалую простоту общенія, которую знаетъ лишь давняя близость, а также нежеланіе ни скрывать отъ людей, ни подчеркивать всю необыкновенность нашихъ отношеній. Хозяева пошептались-пошептались и, что-то смекинувъ, принялись проворно выносить изъ сосѣдней комнаты сложенную тамъ рухлядь и втаскивать все нужное Маріи Федоровнѣ для ночлега.

Я проснулся поздно. Былъ тихій день, одинъ изъ тѣхъ тишайшихъ, что наступаетъ вслѣдъ за метелью. Въ комнатѣ было бѣло отъ наваливашаго на подоконники снѣга, и пахло свѣжестью. Первое, что я увидѣлъ, — приоткрытую дверь и Марію Федоровну, повязанную бѣлымъ платкомъ, въ ярко-красномъ клѣтчатомъ Айниномъ передникѣ. Въ сосѣдней комнатѣ она подметала полъ. За ея спиной топилась печка, бросая розовый отсвѣтъ на метлу и платье.

Еще ночью я замѣтилъ, что Марія Федоровна измѣнилась. Внѣшне была моложавѣе, крѣпче физически, чѣмъ въ павловскіе дни; новымъ были — несвойственная ей мягкость, почти материнская ласковость, съ которой она ночью говорила со мной, и та простота и увѣренность, съ которой разговаривала съ хозяевами, съ Лассила.

Упокойтельная тишина обступала дачу. Вдали мягко и монотонно жужжала кофейная мельница, вблизи равномерно шелестѣла метла...

Такъ вотъ оно дѣтское счастье укрытости, мирнаго отдохновенія!

— Ты не спишь?

Марія Федоровна присѣла на край постели.

— Я ночью испугалъ тебя?

— Я сперва, правда, очень испугалась, но докторъ сказалъ... Тебѣ лучше?

— Мнѣ хорошо сейчасъ... Подъ утро я крѣпко заснулъ. Ты меня о чемъ-то спрашиваешь, а я, помнишь, ужъ и не отвѣчаю, не могу отвѣтить... Но не будемъ о болѣзни, не надо объ этомъ... Я ночью на тебя смотрѣлъ, — приподымаясь на локтѣ, чтобы лучше ее видѣть, продолжалъ я, — въ тебѣ что-то, чего я не знаю.

— Ты не знаешь многого, Алеша, — тихо сказала она. — Эти мѣсяцы были очень трудные, очень... И тебя не было, но это еще не все...

— Тебѣ и матеріально, бѣдной, было трудно?

— И это тоже. Хуже всего было, когда тебя искали, а я въ сторожкѣ жила, и въ колоніи было трудно, а потомъ Наташа съ мужемъ отъ семьи уѣхала — на фабрику поселились и меня взяли, я Исаака нянчила... — и Марія Федоровна, вспомнивъ что-то смѣшное, съ улыбкой покачала головой, — это было, пожалуй, самое трудное.

— А что Наташа?

— Какая чистая, какая свѣтлая дѣвочка! Въ ней такъ много неизжитой еще любви, и жертвовать собой она умѣетъ. Кто могъ это думать! Мы разстались, но мы встрѣтимся, дали другъ другу слово, чтобы постараться встрѣтиться. Она имѣетъ вліяніе на Моисея, думаю, — уговорить его... Но Расскажи сперва о себѣ все, все Расскажи.

— Я ждалъ тебя, — взволнованно заговорилъ я, — такъ странно... зналъ, вѣрилъ непоколебимо, что ты придешь, а нѣтъ-нѣтъ и сомнѣваюсь.

— Наши души слабы, Алеша, и такъ не готовы еще для жизни, которая начинается.

— Это вѣрно, вѣрно ты сказала: «начинается». Мнѣ

кажется, что только сейчас настоящее для меня началось, и я только здѣсь, на чужбинѣ, самъ собою впервые сталъ... становлюсь.

— На чужбинѣ? — переспросила Марія Федоровна.

— Да, на чужбинѣ. Это неправда, что чужого нѣтъ, и гдѣ мнѣ хорошо, тамъ и отечество. (Я вспомнилъ письмо Федора Федоровича). Можетъ быть, за всю жизнь впервые я себя русскимъ только здѣсь ощутилъ, потому и чужое такъ чутко чувствую. Не знаю, какъ тебѣ это объяснить... Я не то, что къ чужому отъ себя уйти хочу, но душа къ нему повернута, всему открыта. Я знаю, что чужихъ я сужу по-русски, и если ихъ полюблю, такъ тоже по-своему...

— Ты это только здѣсь понялъ? — задумчиво проговорила Марія Федоровна.

— Я тамъ понималъ одно: свое — зло и грѣхъ, и потому свое уже не свое, но и не чужое, а ничто!

— Тамъ остались люди съ такою же душою, какъ твоя, — сказала Марія Федоровна. — Мы съ Наташей и съ Шоттенемъ среди такихъ людей бывали. Они знаютъ, что новое для всѣхъ насъ началось...

— Что? Что началось? Ты все про что-то новое говоришь, — взволнованно перебилъ я.

— Объединеніе, текучее, невидимое и неуловимое для власти, для всякой отнынѣ государственной власти, тамъ ли, здѣсь ли... Русскую святыню мы въ полной свободѣ спасти и хранить должны, Алеша, вѣдь это все, что у насъ осталось...

— А «синайцы» вѣрили, что всю страну спасутъ... — вспомнилъ я.

— Имъ съ этой мечтой не разстаться, они погибнуть за нее готовы. Они терпятъ сейчасъ большую нужду, и преслѣдованія начались. Имъ очень трудно. Юрій писалъ, и Марія Францевна пріѣзжала, рассказывала. Юрій всегда вспоминалъ тебя, и знаешь, что онъ говорилъ? «Мнѣ

было съ нимъ почему-то всегда себя стыдно, — онъ такой — онъ все простить». И правда, твоя молчаливость... твоя задумчивая кротость... А вотъ, Настасья Прокофьевна съ мечтой своей разсталась... — печально проговорила Марія Федоровна и опустила глаза.

Я сразу понялъ про Константина Андреевича.

— Ихъ было двадцать восемь, — тихо, не подымая рѣсницъ, говорила Марія Федоровна, — былъ судъ... Какой судъ! Просто приговорили... Въ первыхъ числахъ ноября. Вывезли на полигонъ... кто-то изъ конвойныхъ рассказалъ... Съ Константиномъ Андреевичемъ съ особой жестокостью... не съ перваго залпа...

— А Настасья Прокофьевна?

— Ушла въ лѣса, къ себѣ, за Волгу, въ скитъ, должно быть... Надя писала. Послѣ нашего отъѣзда она къ Ловчинымъ иногда навѣдывалась. Сначала думали, что Настасья Прокофьевна не выживетъ. Нѣтъ, выжила. Думали: ну, ничего, можетъ быть, съ утратой примирилась, но не примирилась... И развѣ такая примирится! Какъ-то рано утромъ исчезла. Сосѣдка-телефонистка возвращалась съ дежурства, у воротъ встрѣтила, сперва ее и не узнала. Старуха деревенская: тулупъ, клюка, мѣшокъ за плечами... Okликнула ее, а Настасья Прокофьевна не велѣла никому сказывать, что встрѣтились. «Ухожу отъ всѣхъ васъ въ лѣса дальніе...» Только и сказала. Такъ мнѣ Надя Обручева написала. Помнишь, какъ мы у нихъ жили? Они были такъ добры ко мнѣ!

— И ко мнѣ тоже... Когда я къ нимъ съ вокзала пришелъ, — какъ родного, приняли, помогли, обласкали...

И мы стали припоминать все доброе, что только могли припомнить: великодушные поступки, сужденія, привычки, мелочи... Мы окружали ихъ память благоговѣніемъ, говорили какъ о праведникахъ. Не потому ли отозвались мы горячо на чужое страданье, что другъ другу въ то утро такъ радовались?

Бѣлое озеро за окномъ, бѣлое надъ нимъ, ровное небо, снѣжные лѣса, убѣгающіе въ свѣтлыя дали, зеленая вѣтка, прильнувшая къ стеклу... Чудесная чистота зимы! Она напоминала о счастья чистоты совѣсти, о жизни безъ принужденія ко грѣху, безъ вымученнаго на грѣхъ согласія, о жизни, свободной отъ власти зла, спасенной отъ «напрасной смерти». Вѣроятно, думали мы объ одномъ, потому что, когда глаза наши встрѣтились, — мы вновь поняли, что «вмѣстѣ» и что спасены для невѣдомой намъ, очень, быть можетъ, трудной, но свѣтлой и новой жизни. Мы молча, крѣпко обнялись и поцѣловали другъ другу руки...

— Въ тебѣ, Марія, какая-то увѣренность, точно ты чѣмъ-то овладѣла, чѣмъ-то сильна...

— Сила въ насъ одна, Алеша, — просто проговорила Марія Федоорвна, — только я вѣрую теперь вѣрой новой... Это ты и почувствовалъ. Я не думала, не знала, что такая вѣра бываетъ. Это не одна увѣренность, что Богъ есть. Теперь я знаю, что вѣра открываетъ тайный смыслъ жизни, и онъ — во всемъ и во мнѣ тоже.

— Итакъ, будто, это откровеніе тебѣ одной! — перебилъ я, вспомнивъ свою отъ всего отъединенность, значенія которой я до сихъ поръ не зналъ. — Иногда книжку такъ читаешь: чужое твоимъ дѣлается, и самъ потомъ не прежній.

— Шоттенъ часто говорить: «Жизнь человѣка — Священное Писаніе». Знаешь, Алеша, мы нашли необыкновеннаго человѣка, — вдругъ съ живостью проговорила Марія Федоровна.

— Пастора?

— Шоттенъ не пасторъ больше.

— Какъ больше не пасторъ? — и я отъ удивленья даже поднялся съ подушекъ.

— Онъ не хочетъ, не можетъ больше учительствовать. Война его религиозный покой смутила, а русскій ужасъ совсѣмъ его отнялъ. Шоттенъ не то что себя въ чемъ-то винить, нѣтъ, онъ себя не винить, но отъ себя иного отнынѣ требуетъ — свидѣтельства не словами, а жизнью. Онъ не можетъ примириться съ судьбой нашей вѣры — и правда! Подумай, двѣ тысячи лѣтъ богослуженій, проповѣдей, обличеній, таинствъ, пѣснопѣній, «добрыя дѣла»... Двѣ тысячи лѣтъ! И все по старому, все по старому... точно «оттуда» никто не приходилъ и «Вѣсти» не было. Шоттенъ всю жизнь былъ пасторомъ, въ одной нашей колоніи, въ Россіи, десять лѣтъ, и какъ добросовѣстно трудился! Какъ усердно! до послѣднихъ дней... И никого не осталось, никого! Нѣсколько стариковъ и старухъ, и то, кажется, по привычкѣ къ воскресной проповѣди.

— Но почему? Почему? — воскликнулъ я смутясь, что этимъ вопросомъ не мучился.

— Потому что въ Него вѣрятъ, но Его не любятъ. Его чтутъ, поклоненіемъ окружаютъ, — тихо, съ убѣжденіемъ заговорила она. — О Немъ спорятъ, Его изучаютъ, каждое Его слово ученые толкуютъ, и все люди о Немъ говорятъ-говорятъ и пишутъ-пишутъ... а жизнь по прежнему, такъ ужасна, такъ темна....

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Если бы любили, тогда не только поклонялись бы Ему въ храмахъ, изучали въ библіотекахъ, спорили о Немъ въ аудиторіяхъ, но и жили съ Нимъ въ единствѣ жизни, какъ Онъ заповѣдалъ...

— Мы не одни съ тобой объ этомъ... — тихо проговорила Марія Федоровна. — Шоттенъ слышалъ, что сейчасъ въ разныхъ концахъ міра возникаетъ среди вѣрующихъ томленіе о живой близости съ Нимъ, о жизни новой, по вѣрѣ, — о Его Царствѣ... Но, чтобы признать и

познать Его Царемъ, нужна вѣра новая, такая вѣра, когда чувство Бога неотъемлемо, уже нераздѣлимо съ самой ощущимостью жизни.

— Ты вѣруешь такою вѣрой?

— Да, Алеша, вѣрую...

Этотъ день былъ самымъ безтревожно-легкимъ, не смотря на долгія, волнующія бесѣды.

Что мнѣ вообще сказать о дальнѣйшихъ финскихъ дняхъ? Я называю ихъ днями «тайнъ» — иначе мнѣ не опредѣлить движеній души, которыя вошли въ мою жизнь съ прїѣздомъ Маріи Федоровны. Какъ тогда, послѣ Москвы, она опять душу встревожила, пробудила волю къ дѣйствию, къ познанію, къ разлитію себя во внѣ, и живая память о прошломъ, и взволнованное чувство жизни. И опять мнѣ было и трудно, и отрадно.

Сначала мы ждали Шоттена, но онъ проѣхалъ изъ карантина прямо въ Гельсингфорсъ, чтобы отыскать вліятельныхъ лицъ, которые помогли бы въ хлопотахъ о нашихъ шведскихъ визахъ. Нашъ отъѣздъ въ Швецію рѣшился самъ собою, съ той неизбѣжностью, когда рѣшеніе единственно-желанное оказывается и единственно-возможнымъ. Шоттенъ рассчитывалъ, благодаря друзьямъ, издать тамъ книжку «Великій Исходъ», — свою исповѣдь, которую тайно писалъ еще въ Россіи; въ Швеціи же надѣялся онъ найти для насъ всѣхъ на первое время работу и пристанище.

Наше матеріальное положеніе было шатко. Мой заработокъ былъ такъ ничтоженъ, такъ случаенъ! Мы понимали, что наше будущее неизвѣстно, какъ неизвѣстно рыбацему паруснику, что его ждетъ въ открытомъ морѣ.

Федоръ Федоровичъ, узнавъ о прїѣздѣ сестры, отозвался поспѣшно, прислалъ денегъ (хотя упомянулъ, что взялъ ихъ для нея въ долгъ), приглашалъ, уговаривалъ,

настаивалъ, чтобъ она тотчасъ же ѣхала въ Италію, въ семью безгранично преданной ему лэди Макъ-Ли. Въ этомъ онъ видѣлъ единственный способъ помочь сестрѣ матеріально и надѣялся, что она благоразумно имъ воспользуется. Сквозь строки письма проступало, однако, искусно спрятанное прежнее разочарованіе и горечь неправимыхъ отношеній; тутъ же въ *post scriptum* нѣскольکو мягкихъ покровительственно-холодныхъ словъ обо мнѣ.

Марія Федоровна отвѣтила ему съ сердечной теплотой: благодарила, умоляла о встрѣчѣ по возвращеніи его въ Англію, но приглашеніе и попеченіе о себѣ отклонила.

«Мою судьбу рѣшили испытанія послѣднихъ лѣтъ, — писала она. — Въ патріотизмѣ своемъ я не раскаиваюсь. Въ русскомъ разгромѣ я обрѣла сознаніе новаго, внѣнаціональнаго гражданства. Я не знаю ближайшаго моего будущаго, знаю одно: какъ бы оно ни сложилось, это будетъ служеніе Грядущему Царю. Всякій, кто Ему вѣренъ, т. е. служить вѣрой и любовью, все равно, среди какого народа и на путяхъ какой церкви, — мнѣ соотечественникъ и братъ. Надо было погибнуть такъ горестно, какъ мы погибли, чтобы ожило опять въ памяти, въ предѣльной глубинѣ нашей древней вѣры, обѣтованіе о подлинномъ святомъ отечествѣ, о священной основѣ всѣхъ людскихъ объединеній».

Изъ Италіи послѣдовалъ отвѣтъ — длинная цѣпь разсужденій о «безсиліи религіознаго энтузіазма, безыдейно-эмоціонально настроенной воли, о раскольничьей психологій»... Письмо походило на тончайшую паутину, сѣрой нѣжностью опутывающую строки Маріи Федоровны.

Прочитавъ его и перечитавъ, она грустно задумалась, сложила письмо и бросила въ огонь.

— Разсужденіями правды не скрыть. Препней любовью Федя меня разлюбилъ, а новой никогда не полюбитъ... — съ болью сказала она.

— Онъ тобой гордился, ты была его «славой и че-

стью», ему этого не позабыть, — вспомнив безоблачную нашу дружбу съ Володей, пояснилъ я.

— Что же, онъ правъ... — задумчиво сказала она. — Всякая любовь безъ любованья, безъ славы — какое для сердца томленіе! вмѣсто восхищенія — прощеніе, терпѣніе, милость... Христу, навѣрно, хотѣлось тоже любить «своихъ» съ ликующей радостью, и это настало, когда пришли дѣянья. Конечно, любовь все простить, но повѣрь мнѣ, Алеша, она любитъ любить въ ликованіи... Федя хочетъ, чтобы я стала прежней, той, которую онъ по образу и по подобію своему создать желалъ, и онъ въ отчаяніи, что никогда меня такую не увидитъ.

Я слушалъ Марію Федоровну и недоумѣвалъ: то, что она говорила о любви прославленной, о тайнѣ «похвалы», я, будто, давнымъ давно уже слыхалъ, когда то зналъ, чувялъ, что она бываетъ, и чаялъ, что такой ее познаю. Теперь нерѣдко случалось: Марія Федоровна что то важное, лишь мною забытое, мнѣ напоминала. Не знаю, отчего это происходило, отъ любви ли, или отъ крѣпкой, адамантовой вѣры нашей, къ одному познанію ведущей.

Прежней любви, которую вновь и вновь чувствовать въ себѣ хочется, потому что чувство это — улада, теперь, какъ будто, и не было. Она перестала быть новой, внѣшней, слилась съ душой такъ, какъ слита жизнь съ дыханіемъ, которое мы потому и не замѣчаемъ, что безъ него нѣтъ жизни.

Къ Шоттену я тоже относился теперь по иному: не такъ, какъ въ Павловскѣ — безлико, безпамятно, со скользкимъ невниманіемъ. Теперь онъ меня интересовалъ, волновалъ, я любилъ говорить о немъ. «У меня нѣтъ сомнѣнья», писалъ мнѣ Шоттенъ, «въ васъ и въ ней (въ Маріи Федоровнѣ) одно пламя и, вѣрьте, я вамъ слуга и братъ». Я понималъ, что хочу нашего сближенья не только потому, что онъ въ меня вѣритъ, но и потому, что онъ насъ своей вѣрой воодушевляетъ. Писалъ онъ часто. Ино-

гда короткія дѣловыя письма, иногда длинныя, задушевные, преисполненныя вдумчивой заботой, живой заинтересованностью, точно каждый изъ насъ единственный неоцѣнимо-нужный ему человѣкъ. Онъ убѣждалъ, упрасивалъ меня использовать досугъ и написать воспоминанія (они и послужили черновикомъ этихъ записей), присылалъ намъ книги, журналы, газеты; писалъ о себѣ откровенно, не скрывая, что отнынѣ покинуть многими друзьями, предчувствуя новыя испытанія и все же не сомнѣваясь въ общей нашей правдѣ. Впослѣдствіи я понялъ, что внимательная, сердечная сосредоточенность человѣка на душѣ и судьбѣ другого, умная и ласковая вглядчивость, — зерно, изъ котораго вырастаетъ подлинное общеніе любви.

Въ этотъ годъ зима была не лютая, но долгая. Въ началѣ марта лѣса стояли еще зимніе: глухіе, суровые, сугробные... Лишь къ концу мѣсяца подули мягкіе, влажные вѣтры со взморья, по весеннему заиграло солнце и начался разгромъ зимы. Тишины не было больше. Всюду журчало, капало, струилось; снѣгъ потемнѣлъ, осыпали сугробы, на размякшей, черной дорогѣ блестѣли рогатая, зеркально-голубыя лужи. Въ домѣ стало свѣжо и солнечно, но еще грязнѣе въ сѣняхъ и на лѣстницѣ отъ мокрыхъ сапогъ. Айна развѣсила на крылечкѣ свои блошинные половики, колотила ихъ съ хозяйственнымъ остервенѣніемъ; Эрикъ выкатилъ на дворъ телѣгу, долго кряхтѣлъ надъ ней, прилаживая недостающія гайки, потомъ махнулъ рукой и поѣхалъ въ кооперативъ за новой осью. Фабричнымъ возчикамъ путь теперь лежалъ берегомъ, въ объѣздъ, минуя насъ, и на почту приходилось ходить по водѣ и грязи.

Отъѣзда мы ждали съ недѣли на недѣлю: хлопоты съ визами затягивались. Шведы медлили, требовали рекомендацій и гарантій. Шоттену приходилось отыскивать почтенныхъ лицъ, на гарантіи согласныхъ, но ихъ то долго онъ и не могъ найти. И все же мы были увѣрены, что уѣдемъ. Въ нашемъ приготовленіи къ новой жизни была

рѣшимость, которую ничто поколебать не можетъ. Мы знали, что придется трудиться, искать посильнаго, а можетъ быть, и непосильнаго заработка, безъ возможности избрать профессію, и — кто знаетъ! — временами не имѣть его вовсе...

Но странно; матеріальная сторона не то, что насъ не интересовала, — нѣтъ, намъ приходилось обсуждать ее, заботиться даже о житейскихъ мелочахъ, а души она не волновала. Главное было въ насъ и между нами. Особой духовной восхищенности, небесности или болтливой религіозной суеты вокругъ своихъ душъ тоже не было. Какъ Айна заботливо трясла половики, а Эрикъ чинилъ телѣгу, мы просто и серьезно принимали повседневность нашего безпомощно-безгражданственнаго существованія. Только Его при этомъ мы никогда не забывали. Говорили о Немъ рѣдко, но всегда съ трепетомъ любви; о Немъ не спорили, Его не обсуждали, боялись, какъ и прежде, словъ, ихъ тяжести, ихъ несовершенства. Но порою, глубокой ночью или въ разсвѣтно-свѣтлѣющей часъ, когда надъ озеромъ начинала розовѣть даль, мы будили другъ друга, чтобы въ тишинѣ, сознавая великое наше русское одиночество въ огромномъ равнодушномъ мірѣ, вновь пережить — и теперь уже вмѣстѣ — тѣ далекія минуты, когда, бывало, по ночамъ я слышалъ за стѣной шелестъ, то страницъ, то платья въ углу передъ образомъ Богоматери...

Визы пришли въ половинѣ мая. Ихъ привезъ Эрикъ съ почты вмѣстѣ съ пакетомъ великолѣпныхъ огородныхъ сѣмянъ, которыя мы выписали въ подарокъ хозяевамъ. Шоттенъ писалъ, что медлить нельзя: надо воспользоваться льготными билетами на пароходъ, который отходить черезъ два дня. Сборы были не сложны. Развѣ трудно увязать жалкія пожитки!

Разставались мы съ нашимъ лѣснымъ заточеньемъ съ грустью. Съ нимъ было связано то памятное, что не за-

быть вовѣкъ. А не забыть человѣку, когда ему открылось самое важное, опредѣлившее всю его судьбу.

Здѣсь я созналъ ясно, что предстоитъ жить съ душою русской въ нерусскомъ мірѣ, бездомнымъ среди домовитости, бѣднымъ труженикомъ, нигдѣ нежеланнымъ пришельцемъ, и съ душою, изъ которой уже исчезло живое ощущеніе своей земли... Зато, благодаря утратѣ, мнѣ открылся смыслъ отечества, — мудрый опытъ: какое благо жить людямъ вмѣстѣ. Въ человѣкѣ глубокая потребность обоготаться переживаніями окружающихъ. Нашему «я» тѣсно въ предѣлахъ личной жизни. Горе отечеству, если оно не даетъ человѣку свободы роста, или если отъ общенія съ соотечественниками онъ дичаетъ, истощается, не пріобрѣтаетъ доблестей, а теряетъ совѣсть, не возвышается дѣломъ, а вянетъ въ похотяхъ! Тогда могучая сила воздѣйствія превращается въ пагубу.

«Когда увидите мерзость запустѣнія на святомъ мѣстѣ... да бѣгутъ въ горы...»

Мои «горы» — иное объединеніе, иная совмѣстность. Я не мѣняю землю на землю, народъ на народъ. Я не могу перестать быть русскимъ, тутъ нѣтъ ни измѣны, ни замѣны, ни подмѣны. Но отечество для меня не идолъ сердца. Мнѣ открылось новое человѣческое «вмѣстѣ» — всегда живой, всегда личный, вольный и святой союзъ любви — и отечественная гражданская русская общность уже не предѣлъ моихъ желаній...

Мы уѣзжали утромъ въ ясный день. Солнце взошло, но еще стоялъ въ лѣсу легкій туманъ, и по ночному пахло сыростью, когда поутру я отворилъ окно. Марія Федоровна уже проснулась. Мы спѣшили на утренній курьерскій поѣздъ, чтобы попасть въ Гельсингфорсъ прямо на пароходъ.

Въ послѣдній разъ слышалъ я знакомые звуки нашей дачи: пѣтуха, собачій лай, трескъ плиты, скрипъ половицъ, дѣловитое покрикиванье Айны на мужа, запрягаю-

шаго лошадь. Два раза она прибѣгала насъ торопить: ѣхать прямой дорогой нельзя — дорогу чинять, а кружной вотъ-вотъ опоздаемъ.

Когда таратайка стояла уже у воротъ и хмурый нашъ хозяинъ заботливо укладывалъ въ нее вещи, а Марія Федоровна прощалась съ разчувствовавшейся, сморкающейся Айной, — я вернулся, однимъ духомъ вбѣжалъ по лѣстницѣ, хотѣлъ еще разъ взглянуть на бѣдный уголь, гдѣ мы жили.

Жалкія, рваныя занавѣски на окнахъ, щербатый полъ, слинявшіе отъ сырости, сѣрые обои, двери безъ замковъ, бѣдная мебелишка... Сколько такихъ убогихъ клѣтушекъ, ржавыхъ умывальниковъ, грязныхъ занавѣсокъ, чужихъ матрацовъ и одѣялъ у насъ впереди? Можетъ быть, отнынѣ такъ всю жизнь? Можетъ быть, иного и не будетъ? Но если будетъ въ насъ то, что было здѣсь, ничего не страшно, даже если и хуже этого, если и совсѣмъ худо...

Эти мысли — одно мгновенье. Я уже бѣжалъ къ воротамъ. Меня ждали.

Айна опять замигала бѣлыми рѣсницами.

— Прощайте, Айна, — торопливо проговорилъ я. — Я такъ вамъ благодаренъ и Эрику тоже, за все, за все... Намъ было у васъ такъ хорошо!

Она неловко сунула мнѣ руку.

— Частливъ путь... частливъ путь... — повторяла она, и почтительно кланялась, отступая къ калиткѣ.

Эрикъ натянулъ вожжи, и маленькій рыжій конь, фыркая и развѣвая гриву, помчался по узкой лѣсной дорогѣ.

Солнце стояло уже высоко, мягкимъ серебристымъ свѣтомъ освѣщало лѣсъ; играло на стволахъ, на изумрудныхъ мхахъ, на весенней хвоѣ, вспыхивало росой въ придорожныхъ травинкахъ. Цвѣли подснежники, всюду разсыпаны были ихъ бѣлыя, нѣжныя звѣзды. Переливаясь, волнами, шумѣлъ въ вѣтвяхъ вѣтеръ.

Я взглянулъ на Марію Федоровну. Она молча глядѣла вдаль, чуть щурясь отъ солнца.

— Ты помнишь, прошлымъ лѣтомъ мы сидѣли въ паркѣ? Былъ такой чудесный жаркій день. Ты помнишь? — спросилъ я.

— Помню.

— Ты говорила, что все кругомъ — чужое, и намъ было и пусто, и страшно... А теперь? Тебѣ не страшно, Марія? Впереди, вѣдь, одна неизвѣстность...

Она взглянула на меня съ ясной улыбкой:

— Ты же знаешь, Алеша... мы оба знаемъ, что «въ тѣни крылъ» ничто не страшно.

